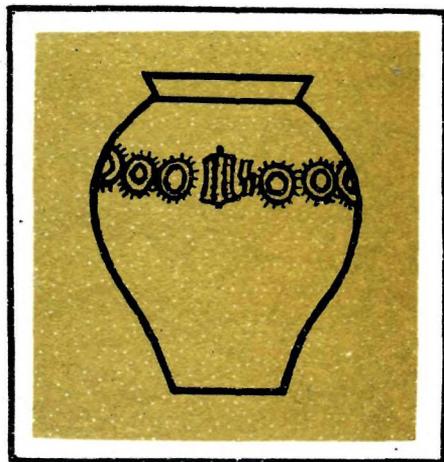

М. Г. Гаджиев

**РАННЕ-
ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ
КУЛЬТУРА
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО
КАВКАЗА**

« НАУКА »

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ

Ордена «Знак Почета» институт истории, языка
и литературы им. Г. Цадасы

М. Г. Гаджиев

РАННЕ- ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

ЭПОХА ЭНЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Р. М. МУНЧАЕВ

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

Москва «Наука» 1991

instituteofhistory.ru

Рецензенты:

кандидат исторических наук В. ДЗАГУРОВА,
кандидат исторических наук О. М. ДАВУДОВ

Гаджиев М. Г.

Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа (эпоха энеолита и ранней бронзы). — М.: Наука, 1991.—264 с., илл.

ISBN 5-02-009646-6

Книга посвящена истории раннеземледельческих племен Северо-Восточного Кавказа в эпоху раннего металла (V—III тыс. до н. э.). На базе новых обширных археологических материалов в ней исследуется проблема становления и дальнейшего развития культуры, определяется ее историческое место в ряду древних культур Кавказа и сопредельных областей. Рассматриваются вопросы развития строительного дела и архитектуры древних поселений, земледельческо-скотоводческого хозяйства, различных домашних производств и общинных ремесел, в особенности гончарного и металлообрабатывающего, описываются обряды, культы и верования, их этническая принадлежность. Для археологов, историков, этнографов.

Магомед Гаджиевич Гаджиев

РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

эпоха энеолита и ранней бронзы

*Утверждено к печати Институтом истории, языка и литературы им. Г. Цадасы
Дагестанского филиала АН СССР*

Редактор издательства Г. А. Николаев. Художник Н. И. Казаков. Художественный редактор М. Л. Храмцов. Технический редактор Л. И. Куприянова. Корректор Е. А. Ващенко

ИБ № 46477

Сдано в набор 20.10.90. Подписано к печати 10.05.91. Формат 70×90^{1/16}. Бумага книжно-журнальная № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 19,14. Усл. кр. отт. 19,43. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 2000 экз. Тип. зак. 198. Цена 8 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485 Профсоюзная ул., 90.

Калужское производственное объединение «Полиграфист», 509281, г. Калуга, пл. Ленина, 5.

Г 0504000000—322 117—91—11
042(02)

ББК 63.4(2)

ISBN 5-02-009646-6

© Издательство «Наука», 1991.

instituteofhistory.ru

Переход от присваивающего хозяйства к производящему, основанному на земледелии и скотоводстве, ознаменовал начало новой эры в истории человеческого общества. Это был гигантский скачок в развитии производительных сил, на что указывал Ф. Энгельс, особо отмечая значение появления новых видов хозяйства, «овладения методами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности» (Маркс, Энгельс, т. 21, с. 33). Рассматривая это событие на широком археологическом материале Ближнего Востока, Г. Чайлд назвал его **неолитической революцией** и определил как первую революцию, открывшую людям надежный источник пищи, который находился теперь под контролем человека (Чайлд, 1956, с. 55).

Изменения в сфере хозяйственной деятельности первобытных племен привели впоследствии к кардинальным переменам в их бытовом укладе, образе жизни, идеологии и в конечном итоге общественном строе. Радикальный характер перемен, происходивших в развитии общества в связи с переходом к производящему хозяйству, их масштабность и глубина прочно закрепили за этим процессом название **неолитическая революция**. Изменения ярко характеризуют ранние земледельческо-скотоводческие культуры в первую очередь Ближнего Востока, а также выделенных В. М. Массоном на юге СССР трех очагов производящего хозяйства. Средней Азии, Кавказа и Северного Причерноморья.

Изучение обширного материала, накопленного со времени выхода трудов Г. Чайлда, позволило В. М. Массону создать широкую картину развития неолитической революции в южном поясе Евразии и в Мезоамерике, выявить ряд общих закономерностей и региональных особенностей становления производящего хозяйства и развития раннеземледельческих культур (Массон, 1964, 1966 а, с. 150—166; 1971, 1981). Им подтвержден вывод Н. И. Вавилова о полицентрическом характере становления раннеземледельческих культур (Массон, 1964, с. 110). Как известно, Н. И. Вавилов выделил в горных и субтропических областях ряд самостоятельных центров происхождения культурных растений и вероятных очагов самостоятельного возникновения земледельческой культуры (Вавилов, 1932, с. 7, 1965; 1967).

В пользу этого свидетельствуют и материалы по Ближнему Востоку, в изучении раннеземледельческих поселений которого большая заслуга принадлежит советским археологам, проводившим многолетние исследования в Северной Месопотамии (Мунчаев, Мерперт, 1981).

Здесь весьма четко представлены все этапы развития раннеземледельческих культур от зарождения в X—VIII тыс. до н. э. производящего хозяйства в горах Загроса до сложения раннегородской шумерской цивилизации в Южном Двуречье.

Значительные успехи достигнуты и в изучении древнейших очагов развития земледелия и скотоводства на территории нашей страны. Достаточно широкое представление мы имеем о развитии преимущественно по земледельческому пути новой экономики на юге Средней Азии. Соответствующие материалы по региону обобщены в ряде работ советских археологов (Массон, 1964, 1971, 1981, Хлопин, 1964; Коробкова, 1969; Лисицына, 1978).

Изучение многочисленных памятников Украины и Молдавии, чему посвящен ряд обобщающих исследований (Бибииков, 1953; Пассек, 1961; Пассек, Черныш, 1970; Телегин, 1968; Даниленко, 1969; 1974, Збеневич, 1974; Коробкова, 1981, с. 22—38), позволило воссоздать сложную картину культурно-исторического процесса в другом очаге производящего хозяйства на юге Европейской части СССР — в Северном Причерноморье.

Советскими археологами изучены пути становления новой экономики на обширной территории каспийско-черноморских степей, соприкасавшейся с тремя очагами производящего хозяйства на юге СССР, выявлены закономерности формирования здесь степных культур подвижных скотоводческих племен, сыгравших важную роль в истории юга Восточной Европы (Мерперт, 1968; 1974, 1980; Телегин, 1973; Шилов, 1975; Васильев, 1981). Выделение скотоводческих племен Ф. Энгельс рассматривал как один из важнейших рубежей в истории общественно-го разделения труда (Маркс, Энгельс, т. 21, с. 160). Взаимодействия этих племен с оседло-земледельческими приобрели особое значение. Они в значительной степени определили характер и особенности культурно-исторических процессов, протекавших на северной окраине зоны раннеземледельческих культур.

В отличие от Северного Причерноморья и Средней Азии, раннеземледельческие памятники которых изучаются уже многие десятки лет, Кавказ как древнеземледельческий очаг стал привлекать внимание исследователей сравнительно недавно. Раннеземледельческие комплексы выявлены и исследованы здесь по существу в последние 25 лет, а до этого древнейшей земледельческой считалась куро-аракская культура III тыс. до н. э. Изучение этих комплексов имеет важное значение не только для воссоздания процесса неолитической революции на Кавказе, но и для выявления общих закономерностей и особенностей становления производящего хозяйства и развития раннеземледельческих культур на юге СССР, что является одной из актуальных задач советской исторической науки.

Особо следует отметить открытие на Южном Кавказе памятников раннеземледельческой энеолитической культуры (Шому-тепе, Шулавери и др.), предшествующей куро-аракской и характеризующей период сложившейся экономики нового типа (Абибуллаев, 1959; 1963; 1982; Иессен, 1963; Нариманов, 1966; Джапаридзе, Джавахишвили А. И., 1967; Кушнарера, Чубинишвили, 1970; Чубинишвили, 1971; Джавахишви-

ли А. И., 1973; 1975; **Торосян**, 1976). В изучении памятников этой культуры, их культурно-исторической интерпретации достигнуты известные успехи. Большое внимание уделялось вопросам периодизации и хронологии памятников (**Кигурадзе**, 1976; **Кавтарадзе**, 1983); специально изучались проблема становления и развития строительного дела и архитектуры (**Джавахишвили А. И.**, 1973), вопросы этнической принадлежности ее носителей (**Джапаридзе**, 1976), с применением методов трасологии исследовался производственный инвентарь (**Коробкова**, **Кигурадзе**, 1972; **Коробкова**, **Эсакиа**, 1979; **Аразова**, 1974); проводились первые опыты воссоздания общей картины культурно-исторического развития в эпоху энеолита Южного Кавказа (**Кушнарера**, **Чубинишвили**, 1970) и Кавказа в целом (**Мунчаев**, 1975).

И все же многие общие и частные вопросы, связанные с всесторонней научной интерпретацией раннеземледельческих поселений и представленной ими культуры, определением подлинного места и роли кавказского очага производящего хозяйства в древнейшей истории Евразии, еще недостаточно разработаны. Одни исследователи считают кавказский очаг относительно поздним, сложившимся под воздействием Передней Азии, и в носителях энеолитической культуры Закавказья видят выходцев из южных областей (**Формозов**, 1977, с. 52). По мнению других, Кавказ, в особенности Закавказье, — один из древнейших очагов развития производящего хозяйства, возникшего на базе богатой местной фауны и флоры в условиях существования тесных контактов с Передней Азией (**Кушнарера**, **Чубинишвили**, 1970, с. 102—103; **Мунчаев**, 1975, с. 7—10). Не решены еще в достаточной степени вопросы культурно-хронологического соотношения выделенных групп памятников самой энеолитической и раннебронзовой, куро-аракской, культур, в связи с чем особую остроту приобрела сложная проблема происхождения куро-аракской культуры и дальнейшей исторической судьбы раннеземледельческой культуры Кавказа.

Памятники раннеземледельческой культуры на Кавказе исследованы неравномерно. Лучше изучена территория Закавказья, где наблюдается большая концентрация ранних оседло-земледельческих поселений. Поэтому под Кавказом, как древним очагом развития производящего хозяйства, в первую очередь обычно подразумевается Закавказье. Северный Кавказ в этом плане не рассматривался, так как считалось, что развитые земледельческо-скотоводческие культуры появились здесь сравнительно поздно — не ранее середины III тыс. до н. э. в связи с распространением куро-аракской и майкопской культур раннего бронзового века. Такое представление имело довольно широкое распространение и сохранилось в литературе до настоящего времени (**Семенов**, 1974, с. 48—50; **Шнирельман**, 1980, с. 71, **Калоев**, 1981, с. 6; **Старостин**, 1985, с. 89).

Первые достоверные сведения о существовании на Северном Кавказе развитой земледельческой культуры, предшествовавшей куро-аракской, получены к середине 60-х годов в результате исследования Гинчи — одного из древнейших оседло-земледельческих поселений эпохи энеолита в горном Дагестане (**Гаджиев М. Г.**, 1966). Открытие Гинчи значительно расширило зону раннеземледельческих культур Кавказа

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

1. Северо-Восточный Кавказ
как географическая и этнокультурная область

Географическая среда как комплекс природных условий (орографических, геологических, климатических и др.), включенных в сферу человеческой деятельности и составляющих необходимое условие существования общества, оказывает значительное влияние на его развитие, особенно на ранних этапах человеческой истории. Поэтому «всякая историография должна исходить из этих природных основ и тех их видоизменений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории» (Маркс, Энгельс, т. 3, с. 19). Руководствуясь этим положением марксистско-ленинского учения о развитии человеческого общества, мы в данной главе даем краткую физико-географическую характеристику Северо-Восточного Кавказа. Определить строгие географические границы Северо-Восточного Кавказа не так просто. При физико-географическом районировании Кавказа название **Северо-Восточный Кавказ** почти не употребляется, а в историко-археологических исследованиях под ним понимается современная территория Дагестана и Чечено-Ингушетии, включающая разнообразные по своим природно-географическим условиям и особенностям культурно-исторического развития зоны от обширных полупустынных равнин Терско-Кумской и Терско-Сулакской низменностей до высокогорий Восточного Кавказа, покрытых вечными снегами и льдами. В данном исследовании под Северо-Восточным Кавказом подразумевается северо-восточный склон горной системы Большого Кавказа, ограниченный с северо-запада горным массивом Аргуно-Ассинского междуречья, с северо-востока — Каспийским морем, с севера — Терско-Сулакской низменностью, а с юга и юго-запада — Главным Кавказским хребтом. Как видно, географические границы выделенной территории не совпадают с современными административными границами восточно-кавказских республик. Она включает лишь часть современной территории Чечено-Ингушской и Дагестанской АССР (горную Юго-Восточную Чечню, горный и предгорный Дагестан с приморской низменностью), Азербайджанской ССР (Хачмасо-Кубинский район к северо-востоку от восточной оконечности Главного Кавказского хребта), Грузинской ССР (ущелья верховьев Андийского Койсу между Главным Кавказским и Боковым хребтами к юго-востоку от горной вершины Тебулос-Мта). Выделение такого историко-географического региона вполне оправдано как с точки зрения физико-географического районирования Кавказа, так и его культурно-исторического развития в древности.

Территорию Кавказа делят на Северный Кавказ и Закавказье, гра-

ницу проводят по водораздельному хребту. Но с точки зрения физико-географического районирования правильнее членить его на три части: Предкавказье, Большой Кавказ и Закавказье (Гвоздецкий, Федина, 1956). Самой крупной и наиболее характерной для Кавказа геоморфологической областью считается Большой Кавказ, который представляет собой сложную горную систему множества осевых, передовых и поперечных хребтов и отрогов, поднимающихся на общем возвышенном остове. По длине Большой Кавказ нередко делят на Западный, Центральный и Восточный, границы обычно проводят по Эльбрусу и Казбеку (Гвоздецкий, 1963, с. 107)¹. Изучаемая территория является северо-восточным склоном Восточного Кавказа.

Эта часть Большого Кавказа не едина в физико-географическом отношении и подразделяется на несколько зон. Хотя по вопросу об их количестве у специалистов нет общего мнения, все они так или иначе выделяют четыре основных геоморфологические зоны: низменность, предгорья, горы и высокогорья (Добрынин, 1926, с. 6—23; Дробышев, 1935, с. 14, 15; Викторов и др., 1958, с. 9—32; Гюль, Власова, Кисин, Тертепов, 1959, с. 28; Эльдаров, 1977, с. 5). Каждая зона, в свою очередь, расчленяется на районы и микрорайоны, различающиеся своеобразием ландшафта и климата (Зонн, 1946, с. 54).

Попытаемся охарактеризовать природную среду Северо-Восточного Кавказа применительно к эпохам неолита, энеолита и ранней бронзы (VI—III тыс. до н. э.) по имеющимся у нас данным археологии и палеогеографии.

Современный, сильно расчлененный рельеф горной части Восточного Кавказа, как и в целом Кавказа, формировался на протяжении четвертичного периода, в начале которого эта часть была поднята горнообразовательными процессами на значительную высоту. В дальнейшем поверхность ее подверглась нескольким оледенениям, размыву флювиогляциальными потоками, активному воздействию речной и ветровой эрозии, трансгрессий Каспия (Варданянц, 1948, с. 47, 152, 153). В голоцене в результате интенсивной эрозии, вызванной аридизацией климата в современную эпоху, сокращались площади речных террас, что четко фиксируется археологически. Так, в Гидатлинской долине смыта большая площадь речной террасы, на которой располагались Гинчинское поселение (V—IV тыс. до н. э.) и могильник (II тыс. до н. э.) (Гаджиев М. Г., 1966, с. 55; 1969, с. 12—14), в Ирганайской долине снесена значительная часть могильника и поселения II тыс. до н. э., располагавшихся на широкой речной террасе (Атаев, Погребова, 1973, с. 28); в окрестностях сел. Ругуджа разрушена терраса, которая во II тыс. до н. э. использовалась под могильник (Котович В. Г., 1961, с. 36).

Со времени становления производящего хозяйства в горном Дагестане происходило интенсивное земледельческое освоение горных склонов, превращавшихся в процессе длительной и целенаправленной обра-

¹ Существуют и иные схемы геоморфологического районирования Кавказа, но в любом случае Восточный Кавказ выделяется как отдельная область с той или иной разницей в количестве составляющих его частей. См.: Антонов, Мусеитов, Сафронов и др., 1979, с. 5—74.

ботки в искусственные террасы (Гаджиев М. Г., 1980, с. 10—11). Последние в виде гигантских лестниц, поднимающихся по склонам, в значительной степени изменили первоначальный геоморфологический облик гор; даже на специалистов-географов они нередко производят впечатление естественных (Гюль, Власова, Кисин, Тертеров, 1959, с. 44). С учетом подобных изменений, происходивших с начала голоцена, современное геоморфологическое членение, очевидно, можно использовать для характеристики Северо-Восточного Кавказа в период, отдаленный от нас на 4—8 тыс. лет назад.

Вдоль берегов Каспия от Махачкалы до дельты Самура узкой полосой тянется Приморская низменность, продолжает ее до Апшерона Самуро-Дивичинская низменность, постепенно переходящая в Кусарскую наклонную равнину. От Терско-Сулакской низменности равнина ограничена на севере предгорными хребтами и их отрогами, подходящими близко к морю у Махачкалы, мыса Буйнак и Дербента. Наибольшей ширины (25—30 км) зона Приморской и Самуро-Дивичинской низменностей достигает у Каспийска, сел. Мамедкала, в устье Самура и южнее. Это так называемый Дербентский проход — наиболее удобный путь, связывающий Европу и Азию через Кавказ.

Низменность представляет собой ровное степное пространство, постепенно поднимающееся от побережья к предгорьям. Высотные отметки ее колеблются от — 20 до 200 м над уровнем моря, для рельефа характерно наличие древнекаспийских террас, уступы которых прерываются речными долинами.

Оседло-земледельческие поселения (Каякент, Великент, Мамайкутан и др.), известные в настоящее время в Приморской низменности, приурочены в основном ко второй древнекаспийской террасе. Низменность интенсивно обживалась именно в эпоху ранней и средней бронзы, а более ранние оседло-земледельческие поселения типа Чоха и Гинчи здесь до сих пор неизвестны. На всех исследованных прикаспийских поселениях (Геметюбе I и II, Великент, Мамайкутан) совершенно отсутствуют наслоения, относящиеся к более раннему, чем эпоха ранней бронзы, периоду (Гаджиев М. Г., Маммаев, 1978, с. 112, 113; Гаджиев М. Г., 1980, с. 101). К этому же времени относятся наиболее ранние оседло-земледельческие поселения и в Самуро-Дивичинской низменности (Халилов, Кесаманлы, 1973, с. 55—59; Мунчаев, 1975, с. 173). По-видимому, это не случайно. Надо полагать, именно в этот период сложились наиболее оптимальные природные и исторические условия для интенсивного земледельческого освоения и заселения приморской зоны Северо-Восточного Кавказа.

Предгорье Северо-Восточного Кавказа не является сплошной возвышенностью, а состоит из множества отдельных хребтов, простирающихся с северо-запада на юго-восток. Полоса предгорий шириной от 25 до 50 км постепенно повышается от 150—200 до 1200 м в Прикаспии, на Терско-Сулакской низменности и Грозненской наклонной равнине и приныкает к внешним склонам хребтов, окружающих горную Чечню, внутренний Дагестан и горную зону юго-восточной оконечности Главного Кавказского хребта на территории Северного Азербайджана. Предгорья расчленены широкими долинами рек, оврагами и балками, между ко-

торыми простираются обширные ровные горные плато. Полоса предгорий имеет складчатый характер, сложена осадочными породами третичного периода — известняками, песчаниками и глинами.

В зоне предгорий известен ряд памятников, относящихся к сравнительно поздним этапам развития раннеземледельческой культуры, к эпохе ранней бронзы: поселения Сержень-Юртовское в предгорьях Чечено-Ингушетии, Сигитминское и Чиркейское в районе Сулака, Мекегинское у самых подступов к горному Дагестану, Шаракунское в Южном и Карабудахентский могильник в Центральном Дагестане.

Область внутреннего Дагестана отделена от предгорной зоны высокой (до 2500 м) стеной хребтов (Андийского, Салатау, Гимринского, Чонкатау, Лес, Карасырт), сложенных меловыми известняками и песчаниками. На юго-западе внутренний горный Дагестан постепенно переходит в высокогорный. Внутренний горный Дагестан имеет более сложную орографию, чем предгорный. Горы здесь гораздо выше и расчленены более глубокими долинами и котловинами тектонического и эрозионного характера. Таковы долины четырех дагестанских Койсу (Андийского, Аварского, Кара-Койсу и Казикумухского) — притоков Сулака, который вырывается на низменность, прорезая хребет Салатау и образуя грандиозный каньон глубиной до 1800 м и длиной 43 км. Наибольшие из котловин (Ботлихская, Гимринская, Гергебильская, Ирганайская, Хиндахская и др.) достигают 4—8 км в поперечнике. Над долинами возвышаются высокие (до 2000—2500 м) плато (Хунзахское, Гунибское, Кегерское и др.), имеющие почти отвесные склоны.

Естественные речные террасы и ровные горные плато с древнейших времен были наиболее удобными угольями для возделывания зерновых и садовых культур. Однако из-за ограниченности площадей таких уголдий в земледелии весьма рано стали использоваться сначала пологие, а потом и крутые склоны гор; в процессе длительной обработки они превратились в искусственные террасы, поднимавшиеся почти до 2 тыс. м над уровнем моря. Не случайно, что в северо-западной части внутреннего горного Дагестана выявлены древнейшие памятники раннеземледельческой культуры (Чох, Гинчи, Ругуджа, Чинна, Галгалатли и др.).

По строению поверхности эта известняковая часть внутреннего горного Дагестана отличается от юго-восточной, сложенной из глинистых сланцев, которые легко выветриваются и смываются. Поэтому очертания поверхности здесь более мягкие. Вследствие неустойчивости сланцев на горных склонах образуются многочисленные овраги, а также оползни, осыпи, способствующие зарождению селевых потоков. Это приводит к разрушению древних памятников: они смываются или покрываются мощными отложениями. Даже сравнительно поздние из них (например, Мугерганский могильник эпохи раннего железа) (Пикуль, 1973, с. 35—41) оказываются под многометровыми толщами аллювиальных и делювиальных отложений. Этим отчасти объясняется, что поиски древнейших оседло-земледельческих поселений в этой части Дагестана до сих пор не увенчались успехом. Мы пока не знаем здесь ни одного памятника даже эпохи бронзы, не говоря уже о более ранних. Между тем геоморфологические условия были весьма благоприятными для первобытного земледелия. В долинах рек Самура и Кураха имеются хоро-

шо выраженные древние террасы и конусы выноса (Гюль, Власова, Кисин, Тертеров, 1959, с. 44), удобные для земледелия. Здесь, как и в известняковом Дагестане, широко практикуется террасное земледелие, поднимающееся на значительную высоту.

По сравнению с Дагестаном, горная Чечня не так резко отделена высокими хребтами от предгорной части. Но и здесь рельеф горной части, в отличие от предгорной, более пересеченный. Верховья Аргуна и других рек представляют собой довольно узкие ущелья с обрывистыми склонами, которые сложены в основном из мергелей, прерываемых широкими котловинами (Рыжиков, 1965; Марковин, 1965, с. 3—8). В археологическом отношении горная Чечня еще слабо изучена, здесь пока неизвестны памятники раннеземледельческой культуры, относящиеся к более раннему, чем эпоха средней бронзы, времени (Гатынкале, Дай). Однако находки кремневых орудий неолитической эпохи в районе горного озера Кезеной-Ам (Марковин, 1965, с. 12—16) дают основания надеяться на открытие памятников эпохи энеолита и ранней бронзы, которые могут подтвердить заселенность межгорных котловин горной Чечни раннеземледельческим населением.

Высокогорная область Северо-Восточного Кавказа включает северный склон Главного Кавказского (Водораздельного) хребта и Боковой хребет от верховьев Аргуна и Суижи на западе до района горы Бабадаг на востоке. Многие вершины высокогорной области покрыты вечными снегами и значительными горными ледниками. Снеговая линия проходит на высоте 3500—3700 м. Звенья Бокового хребта — Пирикательская цепь с вершинами Тебулос-Мта, Диклос-Мта, хребты Богосский, Нукатль, Дюльгидаг — в высших точках поднимаются за 4000 м. Некоторые из них отделены от Водораздельного хребта обширными межгорными котловинами, долинами (самые широкие — Бежтинская и Самурская). По сравнению с горной, высокогорная область, особенно в западной части, характеризуется труднодоступной горно-ледниковой формой рельефа с заостренными пиками, гребнями и осыпями склонов. В юго-восточной части такая форма рельефа сохранилась слабо, так как глинистые сланцы, слагающие склоны гор и хребтов, легче выветриваются и подвергаются размыву (Гюль, Власова, Кисин, Тертеров, 1959, с. 49).

В высокогорной зоне Северо-Восточного Кавказа оседлые поселения изучаемой эпохи неизвестны, и это не случайно. Ее суровые природно-географические условия, по-видимому, не благоприятствовали сколь угодно стабильной оседло-земледельческой жизни. И позднее, в средневековье, земледелие не получило заметного развития. Здесь отсутствуют широко разработанные искусственные земледельческие террасы, за исключением долины Самура. Этот факт является важным и весьма показательным. Дело в том, что в горном Дагестане удается проследить закономерную взаимосвязь между степенью развития террасного земледелия и древностью земледельческого освоения тех или иных районов (Гаджиев М. Г., 1980, с. 11). Известные сейчас памятники раннеземледельческой культуры сосредоточены в основном в тех районах, где было особо развито террасное земледелие (Левашинское, Хунзахское, Кегерское плато, Гидатлинская долина и др.); в высокогорьях подобные памятники, как и террасы, отсутствуют.

Именно в этой высокогорной области расположены наиболее богатые летние пастбища (альпийские и субальпийские луга), которые, по-видимому, и в древности использовались скотоводами, перегонявшими сюда в летние сезоны стада как со стороны Закавказья (**Дедабришвили**, 1969, с. 72; **Мухелишвили**, 1969, с. 147—148), так и Северного Кавказа. Традиционные хозяйственные, культурно-исторические связи между Северо-Восточным Кавказом, Восточным и Центральным Закавказьем осуществлялись не только по наиболее удобному прикаспийскому пути, но и через горные перевалы на Водораздельном хребте, связывающие внутренние области горного Дагестана и горной Чечни с Грузией и Азербайджаном: Кодорский (2357 м), Мачхалроссо (2865 м), Гумилевский (2892 м), Салаватский (2852 м), Мушакросский (2155 м), Диндидагский (2318 м) и др. Археологические подтверждения раннего проникновения в высокогорные области пока единичны: это находка в Цунтинском районе Дагестана архаического бронзового топора (**Кореневский**, 1978 а, с. 42, рис. 2, 7) и в Цумадинском — сосуда алазано-беденской культуры¹ III тыс. до н. э.

Такова в общих чертах картина строения поверхности Северо-Восточного Кавказа. В деталях же она еще более сложна и разнообразна. Чрезвычайно сложный и суровый по внешнему виду рельеф, природные ресурсы, почвенно-климатические условия, характер растительного и животного мира — словом, весь комплекс, определявший экологический фон Северо-Восточного Кавказа, благоприятствовал раннему возникновению и развитию производящего хозяйства, способствовал быстрой адаптации человека к различным физико-географическим условиям и в целом сравнительно раннему хозяйственному освоению гор и становлению здесь оседлого быта. Почти вся территория богата практически неисчерпаемыми ресурсами строительных и иных материалов, необходимых для изготовления орудий труда и бытовых предметов. Это камень-известняк, песчаники, мергели, различные глины, галечники, битум. Выявлены выходы мрамора. Известны и полезные ископаемые, в том числе медные руды (в бассейнах рек Андийского, Аварского Койсу, а наиболее крупные залежи — в бассейне Ахтычай), сурьма, мышьяк (**Гюль, Власова, Кисин, Тертеров**, 1959, с. 59; **Эльдаров**, 1977, с. 12)

Важное значение имело также наличие в Дагестане местонахождений кремня, служившего как известно, основным сырьем для изготовления орудий труда ранних земледельцев. Наибольшей популярностью пользовались месторождения качественного мелового кремня в окрестностях современных селений Акуша, Цудахар и др. в Акушинском и Леванинском районах, где с неолита существовали его специальные разработки (кремневые мастерские) для обмена (**Котович В. Г.**, 1964, с. 203)

Северо-Восточный Кавказ расположен у южной границы умеренного климатического пояса. Промежуточное положение этой территории между областями, резко отличающимися друг от друга по климату, исключительная расчлененность рельефа, наличие большого водного бассейна Каспийского моря и пр. определили чрезвычайное разнообразие ее

¹ Хранится в фондах Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.

почвенно-климатических условий, характер растительного и животного мира. Здесь встречается большинство типов климатических поясов, представленных на территории нашей страны, начиная от засушливого климата полупустынь Приморской низменности и близких к сухим субтропикам низовий Самура и кончая холодным, влажным климатом снежных вершин Бокового и Водораздельного хребтов Большого Кавказа. Изменение климата с высотой влечет за собой изменение почвенно-растительного покрова, фауны, гидролого-геоморфологических процессов (Гвоздецкий, 1963, с. 67). Только на Большом Кавказе даже по грубой схеме выделены минимум четыре основных типа высотной зональности ландшафтов, которые, переходя один в другой, образуют единую систему высотных зон и поясов (Гвоздецкий, 1963, с. 69). На Северо-Восточном Кавказе — это низменный, предгорный, внутриворонный и высокогорный типы (Гюль, Власова, Кисин, Тертеров, 1959, с. 109, 210; Эльдаров, 1977, с. 18—35).

Горная зона Дагестана состоит из ряда обособленных геоморфологических областей, каждая из которых характеризуется своеобразием рельефа, включающего глубокие долины и высокогорья. Резкие различия высот на коротких расстояниях — одна из характернейших особенностей северо-западной части внутреннего горного Дагестана. При средней высоте известняковых плато около 1900 м, днища долин лежат в среднем на высоте всего 650—700 м над уровнем моря (Гвоздецкий, 1963, с. 128). Существование в горном Дагестане таких микрорайонов с автономными вертикальными ландшафтными зонами требовало развития в каждом различных отраслей сельского хозяйства (Зонн, 1946, с. 49—51, 60—62), чем, очевидно, и объясняется комплексный многоотраслевой характер экономики горных общин, фиксируемый археологически с ранних этапов становления производящего хозяйства (Гаджиев М. Г., 1980, с. 13).

Приморская полоса характеризуется резко засушливым континентальным климатом. Дефицит влаги, создаваемый при годовом количестве осадков в среднем 350—400 мм, большой радиации и испаряемости, приводит к развитию ландшафтов сухостепного и полупустынного типов. Южная часть отличается большей увлажненностью. В дельте Самура климатические условия являются как бы переходными к сухим субтропикам.

Засушлива также предгорная часть. Климат здесь умеренно теплый, с заметным проявлением высотной зональности. Средняя годовая сумма осадков 500—800 мм. Ближе к приморской низменности ландшафт степной, с сухими злаковыми, ковыльно-типчаковыми ксерофитами, а в верхней полосе, где осадков выпадает больше, есть условия для произрастания широколистных лесов (Гюль, Власова, Кисин, Тертеров, 1959, с. 215—216).

Как уже отмечалось, природные условия горной части весьма своеобразны и чрезвычайно разнообразны. Вследствие замкнутости высокими горными хребтами климат внутреннего Дагестана, особенно его глубоких долин, отличается резко выраженной сухостью. Годовое количество осадков (в среднем 400—600 мм) для гор очень мало. В силу вертикальной зональности распространены и сухие степи с нагорными ксе-

рофитами, и луго-степи, и горно-лесные зоны, и даже полупустыни (Эльдаров, 1977, с. 32).

В высокогорной области климат прохладный и влажный. Осадков выпадает до 1000 мм в год. Это в основном зона альпийских лугов, но в верховьях Андийского, Аварского Койсу, Кара-Койсу и Самура сохранились сосново-березовые леса. Выше 3500 м находится область вечных снегов и льдов.

Таково в самых общих чертах современное размещение ландшафтных зон на Северо-Восточном Кавказе. Однако на протяжении голоценовой эпохи они не оставались постоянными, а претерпевали смены и подвижки, связанные с колебаниями увлажненности Каспийского региона. Эти колебания, обусловленные общеинтерконтинентальными климатическими изменениями четвертичного периода, оказывали непосредственное влияние на гидрологический режим Каспийского моря, вызывая неоднократно то понижения (регрессии), то повышения (трансгрессии) его уровня. По ним можно судить о характере климатических условий в регионе и подвижках ландшафтных зон. При этом регрессии соответствовали аридным эпохам, а трансгрессии — влажным и прохладным (Федоров, 1980, с. 20).

Палинологические исследования четвертичных отложений Прикаспия и дна бассейна выявили многократные ритмические смены и подвижки растительного покрова региона. Сопоставление ритмов развития растительности с ритмами колебаний уровня Каспийского моря показало, что его трансгрессии развивались в условиях увлажнения и похолодания климата и характеризовались усилением позиций лесных сообществ в полупустынных ныне районах побережий, а регрессии соответствовали аридизации и континентализации климата и широкому распространению полупустынно-степных формаций (Абрамова, 1980, с. 71).

Ритмические смены аридных и увлажненных фаз сопровождалась перемещением по вертикали поясов растительности Восточного Кавказа. Во время похолоданий и увлажнений пояса перемещались на более низкие гипсометрические уровни, в результате чего на прибрежной равнине концентрировались экологически разнородные элементы различных вертикальных зон (Абрамова, 1981, с. 103). На протяжении голоцена климатические условия неоднократно менялись, перемещение ландшафтных зон оказывало влияние на ареалы диких животных, в частности копытных (Котович В. М., Марковин, Хехнева, 1973, с. 20—27).

В конце хвалынского времени (XIII—VII тыс. до н. э.) в аридных условиях протекала мангышлакская регрессия, при которой уровень Каспия понизился до отметки —50 (Федоров, 1980, с. 19), в Прикаспии полностью была вытеснена древесная растительность, ландшафт стал полупустынным и пустынным (Абрамова, 1981, с. 102; 1980, с. 7; Вронский, 1980, с. 75—77). Аридные климатические условия сложились в период мангышлакской регрессии и в горном Дагестане, о чем свидетельствует спорово-пыльцевой спектр мезолитического слоя Чохского поселения (Амирханов, 1985, с. 27).

В историческом плане эпоха мангышлакской регрессии—время широкого расселения на Северо-Восточном Кавказе мезолитических пле-

мен охотников и собирателей, у которых появляются зачатки производящих форм хозяйства (Котович В. Г., 1982, с. 127—138; Амирханов, 1983, с. 52—57).

В конце VII тыс. до н. э. мангышлакская регрессия сменилась новокаспийской трансгрессией. Новокаспийское время характеризуется многократными трансгрессивными и регрессивными фазами (Федоров, 1980, с. 19). В начале его (VI—IV тыс. до н. э.) выделяются две крупные трансгрессивные фазы. Первая (дагестанская) фаза, по данным радиоуглеродного анализа, протекала в первой половине VI тыс. до н. э., когда уровень Каспия поднимался, вероятно, до отметки —16 м, а вторая (гоусанская) — относится к рубежу V—IV тыс. до н. э., наивысшая отметка уровня Каспия — —18 м (Варущенко А. Н., Варущенко С. И., Клиге, 1980, с. 86). Обе фазы были отделены друг от друга жиландинской регрессией конца VI — начала V тыс. до н. э. продолжительностью около 600 лет (Там же, с. 88). После гоусанской трансгрессии последовала избербашская регрессия, продолжавшаяся приблизительно с 3300 до 1800 г. до н. э. при среднем уровне моря —39 — 42,5 м (Там же, с. 88).

Новокаспийское время в фазах трансгрессий характеризуется возрастанием увлажненности и смягчением континентальности климата. В Прикаспии была распространена растительность полупустынно-степного типа с участием лесных сообществ (Абрамова, 1980, с. 71, 72; 1981, с. 101; Бронский, 1980, с. 77—78). А в горном Дагестане, судя по спорово-пыльцевому спектру неолитического слоя Чохского поселения, отличающегося от нижележащего мезолитического высоким процентом пыльцы древесных пород, растительный покров имел лесостепной характер (Амирханов, 1985, с. 27). В целом ландшафтные пояса Северо-Восточного Кавказа в новокаспийское время находились на более низких гипсометрических уровнях, чем в современную эпоху, климат отличался большей увлажненностью и мягкостью, что благоприятствовало становлению и развитию в горной зоне ранней оседло-земледельческой культуры.

В начале новокаспийского времени в условиях дагестанской трансгрессии (первая половина VI тыс. до н. э.) в горном Дагестане возникают первые поселения оседлых земледельцев (Чох), при гоусанской трансгрессии (V—IV тыс. до н. э.) происходит их дальнейшее расселение в пределах горной зоны (Ругуджа, Гинчи, Чинна). В это время Прикаспийская низменность, по имеющимся данным, длительно земледельчески не осваивалась и не обживалась. По-видимому, климатические условия, сложившиеся здесь в период ранних новокаспийских трансгрессий, были не очень благоприятными для оседло-земледельческого уклада хозяйства и быта. Как уже отмечалось, приморская зона Северо-Восточного Кавказа наиболее интенсивно и без перерыва обживалась с рубежа IV—III тыс. до н. э. до первых веков II тыс. до н. э., это соответствует времени наиболее продолжительной (около 1500 лет) в голоценовой истории Каспия избербашской регрессии.

В заключение нашего физико-географического обзора отметим, что по своим природным условиям Северо-Восточный Кавказ вместе с Закавказьем ближе к Азии, чем к Европе. По мнению многих географов

(Г. И. Танфильев, Б. Ф. Добрынин и др.), Кавказ, за исключением Западного и Среднего Предкавказья, в естественно-географическом отношении является частью Передней Азии (Гвоздецкий, 1963, с. 5). Северо-Восточный Кавказ и Закавказье близки к Передней Азии и в другом плане. Н. И. Вавилов рассматривал Закавказье и Дагестан с Передней Азией как один из очагов происхождения культурных растений выделенного им юго-западноазиатского центра происхождения культурных растений (Вавилов, 1957, с. 87, 1965, с. 166—168). Правоту этих взглядов подтвердили археологические исследования, открывшие в Закавказье и Дагестане ряд раннеземледельческих культур и позволившие считать Кавказ одним из древнейших на юге нашей страны очагов возникновения производящего хозяйства и развития раннеземледельческих культур переднеазиатского типа. Поэтому культурно-историческое развитие Северо-Восточного Кавказа в древности определялось в основном теми же закономерностями, что и развитие Закавказья и Передней Азии.

Выделение Северо-Восточного Кавказа в относительно самостоятельную область этого обширного кавказско-ближневосточного региона оправдано не только с точки зрения физико-географического районирования, но и культурно-исторического, этнического развития. В этой связи большое значение имеет широко применяемое в этнографии при историко-этнографическом или историко-культурном районировании традиционно-бытовых культур мира понятие **историко-этнографическая область**. В отличие от понятия **хозяйственно-культурный тип**, которое истолковывается как исторически сложившийся комплекс особенностей хозяйств и культуры, характерной для различных народов, обитавших в сходных естественно-географических условиях и находившихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития (Левин, Чебоксаров, 1955, с. 4; Андрианов, Чебоксаров, 1972, с. 3—16; Андрианов, 1978, с. 16), понятие **историко-этнографическая область** связано с этнической историей народов (Андрианов, Чебоксаров, 1975, с. 17). Если в образовании хозяйственно-культурных типов ведущую роль играют природные различия, то особенности историко-этнографических областей обусловлены в значительной степени историческими условиями и этническими традициями (Андрианов, 1978, с. 19). Историко-этнографические области — это части ойкумены, у населения которых в процессе длительного взаимодействия и взаимовлияния сформировались многие общие особенности культуры (Андрианов, Чебоксаров, 1975, с. 17). Другими словами, это территории, на которых, в результате длительных связей, взаимного влияния и общности исторических судеб народов, населяющих эти территории, сложилась определенная культурная общность (Левин, Чебоксаров, 1955, с. 10). Одна из таких областей — Северо-Восточный Кавказ, входящий в более крупное объединение — кавказскую историко-этнографическую провинцию или надобласть (Андрианов, Чебоксаров, 1975, с. 24). Несмотря на исключительное разнообразие естественно-географических условий, народы Северо-Восточного Кавказа в процессе длительного культурно-исторического развития на смежной территории, взаимодействий и взаимовлияний выработали мно-

гне общие черты культуры (производственной, материальной и духовной).

Пути культурно-исторического развития различных областей Кавказа начали расходиться еще в глубокой древности. Истоки их культурно-исторических различий восходят к раннему неолиту, когда на Кавказе исследователи отмечают уже отдельные мустьерские культуры и археологические комплексы (Любин, 1977, с. 190—204). Более четко подобные области выделяются в верхнем палеолите и мезолите, это три варианта культуры или самостоятельные культуры Кавказа, губская — на Северо-Западном Кавказе, чохская — на Северо-Восточном и имеретинская — в Закавказье (Формозов, 1963, с. 183—187; Бадер, 1965, с. 14—15; Амирханов, 1977, с. 21—27). Наметившиеся столь рано этнокультурные, или культурно-исторические, области Кавказа становятся в дальнейшем более или менее стабильными, особенно на западе и востоке региона. Так, неолит Западного Кавказа очень отличается от раннеземледельческого неолита Северо-Восточного Кавказа (верхний неолитический слой Чохского поселения) (Формозов, 1962, с. 146—148; Небидридзе, 1972, с. 116; Мунчаев, 1975, с. 55—79; Джапаридзе, 1976, с. 318; Амирханов, 1983, с. 52—57), а энеолит Северо-Восточного Кавказа, ставшего очагом своеобразной раннеземледельческой культуры, отличается от синхронных кавказских культур шомутепе-шулаверской и западно-закавказской (памятники типа Самелекльде, Самерцхлекльде) (Гаджиев М. Г., 1978, с. 37—38; 1981, с. 34—35; Коробкова, Гаджиев М. Г., 1983, с. 135, 141—142). Майкопская и дольменная культуры эпохи ранней бронзы Западного Закавказья и Северо-Западного Кавказа не получили распространения на Восточном Кавказе, так же, как и куро-аракская культура Восточного Кавказа неизвестна на Черноморском побережье Кавказа (Мунчаев, 1961, с. 149; 1975, с. 364—365). Причем Северо-Восточный Кавказ был очагом сложения и длительного развития весьма своеобразного, достаточно четко выделяющегося на фоне местного варианта самой куро-аракской культуры (Мунчаев, 1975, с. 172—190). Культурное своеобразие этой части Кавказа устойчиво сохраняется в эпоху бронзы и начала железа (гинчинская, великентская, каякентско-хорочовская, зендакская и другие культуры) (Крупнов, 1940; Круглов, 1958, с. 51—92; Котович В. М., 1965, с. 255; Гаджиев М. Г., 1969, с. 173; 1974, с. 28; Давудов, 1974, с. 135) и даже в раннем средневековье¹, когда уже появляются более или менее достоверные сведения письменных источников о предках северо-восточнокавказских народов.

Таким образом, на протяжении почти всего исторически обозримого периода на Северо-Восточном Кавказе одни археологические культуры сменялись другими, генетически слабо с ними связанными, но определенное единство материальной культуры, своеобразие этого региона сохраняются на всех этапах исторического развития примерно в тех естественно-географических границах, в которых мы видим историче-

¹ М. Багаев отмечает, что в средневековую эпоху в культурном отношении горная Восточная Чечня тяготела не столько к западу, сколько к горному Дагестану. См.: Багаев, 1970, с. 15.

ский Северо-Восточный Кавказ. Речь идет не об абсолютном совпадении границ, существовании непроходимых географических барьеров и абсолютном единстве и чистоте этнического «лица» этногенетического процесса этого региона, а об очень раннем возникновении и длительном существовании на Кавказе этнокультурных областей, большой стабильности их границ, не столько географическом, сколько историческом их характере, определенном совпадении границ географических и этнокультурных областей. Именно эти моменты подчеркивает А. А. Формозов, впервые выделивший архаические этнокультурные области юга европейской части СССР и назвавший стабильные территории длительного сохранения этнокультурного единства провинциями (Формозов, 1959, с. 116).

Северо-Восточный Кавказ дает немало примеров, подчеркивающих историко-культурную, а не географическую обусловленность существования таких провинций. Так, в частности, памятники северо-восточнокавказского варианта куро-аракской культуры известны в самых различных по своим природным условиям областях: степях, приморской равнине, предгорьях, высокогорьях. Но повсюду они отличаются исключительным единством материальной культуры во всех ее проявлениях. Об определенной стабильности границ провинций, культурно-исторических областей свидетельствуют археологические культуры бронзового века. На всем его протяжении и в начале эпохи раннего железа граница между культурными областями Северного и Северо-Восточного Кавказа проходила примерно по Аргуно-Сунженскому междуречью. В эпоху ранней бронзы здесь была зона стыка майкопской и куро-аракской культур (Мунчаев, 1975, с. 336—365), в эпоху средней бронзы — северокавказской, с одной стороны, и гинчинской и каякентско-хороцоевской — с другой (Гаджиев М. Г., 1974, с. 28), в эпоху поздней бронзы и раннего железа — кобанской и заидакской (Давудов, 1974, с. 40).

Население Северо-Восточного Кавказа эпохи энеолита, бронзы и раннего железа в антропологическом отношении принадлежит к числу южного индо-средиземноморского расового типа и в целом сходно с населением Закавказья и Передней Азии (Гаджиев А. Г., 1965, с. 86). На основе изучения краниологических материалов восточных районов Чечни (бассейн верховьев Аргуна) А. Г. Гаджиев приходит к заключению о промежуточном характере представленного ими типа между южным индо-средиземноморским и северным протоевропеоидным антропологическими типами древней Евразии (Гаджиев А. Г., 1973, с. 113—116). Рассматриваемая территория играла роль барьера между группами современного кавкасионского антропологического типа, хотя последний генетически прямо не был связан с антропологическим типом ее древнего населения. Кавкасионский тип представлен центральнокавказскими (балкарцы, осетины, ингуши, хевсуры и др.) и некоторыми горными северо-восточнокавказскими (чеченцы, аварцы, лакцы, даргинцы) народами. Специально изучавший вопрос о происхождении и гетерогенности кавказского типа В. П. Алексеев подчеркивает, что центральнокавказские народы, в том числе и ингуши, составляют одну гомогенную группу, а чеченцы и аварцы отличаются от них весьма значительно, не менее

чем от представителей других кавказских расовых типов и образуют самостоятельные популяции (Алексеев, 1973, с. 100), последние были отделены от центральнокавказской группы «мощными генетическими барьерами начиная с самых ранних этапов расообразования, может быть даже с неолитического времени» (Там же, с. 101)

Выделение Северо-Восточного Кавказа в качестве особого историко-этнографического региона оправдано также с точки зрения языковедения. Согласно классификации, основанной на чисто лингвистических принципах, здесь локализируются носители одной из трех групп палеокавказских языков — нахско-дагестанской, или восточно-кавказской. За исключением ингушского (подгруппа нахского языка), распространенного на территории центральной части Северного Кавказа, нахско-дагестанская группа компактно укладывается в естественно-географических границах Северо-Восточного Кавказа (Климов, 1965, с. 14—18). О древности ее языков свидетельствуют связи с древними языками Передней Азии. Весьма популярна среди лингвистов гипотеза о генетическом родстве восточно-кавказских языков с хуррито-урартскими III—I тыс. до н. э. (Дьяконов, 1967, с. 23—24). Более того, исходя из ареального и хронологического соответствия одной из древних палеометаллических культур Кавказа — куро-аракской и хуррито-урартских и нахско-дагестанских языков, считается, что носители их были одновременно и создателями куро-аракской культуры (Дьяконов, 1966, с. 7). Северо-Восточный Кавказ входил в первичный ареал формирования и длительного развития куро-аракской культуры (Гаджиев М. Г., 1978 а, с. 26—28; 1979, с. 6—7; 1980 а, с. 26—27), это дает основание полагать, что предки — носители современных нахско-дагестанских и хуррито-урартских языков обитали на этой территории по крайней мере с эпохи раннего металла. В свете данных глоттохронологии нахско-дагестанские языки весьма рано, не позднее IV тыс. до н. э., отчленились от общего нахско-дагестанского и хуррито-урартского (Дьяконов, 1966, с. 7). Следовательно, общенахско-дагестанское праязыковое состояние приходится на время расцвета раннеземледельческой культуры Северо-Восточного Кавказа.

Таким образом, хотя историко-этнографические области не обязательно соотносятся со сменяющимися друг друга археологическими культурами, с языковыми общностями и ареалами расовых типов и зачастую состоят из носителей разных языков и антропологических типов, объединенных общностью культурно-исторических судеб (Левин, Чебоксаров, 1955, с. 16—17, Андрианов, Чебоксаров, 1975, с. 21—22), северо-восточнокавказская историко-этнографическая область предстает как историко-этнокультурное, лингвистическое и антропологическое единство, развивающееся на протяжении тысячелетий. Ранние этапы его формирования до сравнительно недавнего времени в археологическом отношении не изучались. Представления о Северо-Восточном Кавказе как древнем оседло-земледельческом и своеобразном культурном очаге сложились за последние десятилетия в результате целенаправленных археологических исследований, проводившихся здесь, преимущественно в горной части, с 50-х годов.

2. История изучения раннеземледельческой культуры Северо-Восточного Кавказа

До начала 60-х годов древнейшей земледельческой культурой Восточного Кавказа считалась культура так называемого куро-аракского энеолита, выделенная в предвоенные годы Б. А. Куфтиным в междуречье двух закавказских рек — Куры и Аракса (**Куфтин**, 1944 а, с. 119—127). Куро-аракская культура охватывала обширную территорию, включающую не только Центральное и Восточное Закавказье, но и Северо-Западный Иран, Восточную Анатолию и Восточное Средиземноморье (Сирия и Палестина). После раскопок А. П. Круглова в 1939 г. на оседло-земледельческом поселении у сел. Каякент с явными признаками куро-аракской культуры приморские районы Дагестана также были включены в область ее распространения (**Круглов**, 1958, с. 29). Этим самым было положено начало научному изучению культуры раннеземледельческих племен Северо-Восточного Кавказа. Некоторые сведения о самих памятниках данной культуры накопились еще до революции и впервые стали известны в период подготовки V археологического съезда в Тифлисе. А. А. Русов, производивший в 1880 г. по поручению подготовительного комитета съезда специальное археологическое обследование Дагестана, составил первые описания поселений эпохи раннего металла у сел. Великент и хутора Мамайкутан. Тогда же в районе Дербента им раскопаны поселение у сел. Джемикент и разновременные курганы, часть которых, в том числе и курган Катаргагач-Тапа (откуда происходит известная женская статуэтка), относится к эпохе ранней бронзы (**Русов**, 1882, с. 515, 569, 592—605, табл. XVI).

Интерес к Северо-Восточному Кавказу оказался непродолжительным, несмотря на то, что на V археологическом съезде особо подчеркивалось значение древностей Дагестана для изучения проблем ранней истории и культуры племен Евразии как связующего звена между Европой и Передней Азией. Единственной попыткой обобщить материалы археологического изучения Дагестана было сообщение А. С. Уварова о курганах с расчленениями близ Дербента (**Уваров**, 1887, с. 61—75). Такое падение интереса к археологическим памятникам Дагестана после съезда, по мнению Р. М. Мунчаева, «объясняется тем, что произведенные здесь раскопки не привели к открытию художественных изделий или материально ценных вещей. Многие курганы оказались ограбленными, а другие содержали "мало привлекательный" погребальный инвентарь» (**Мунчаев**, 1954, с. 12). До Советской власти в Дагестане и Чечено-Ингушетии памятники интересующей нас эпохи больше не исследовались.

Отсутствие сколько-нибудь разработанной типологии и хронологии древностей Северо-Восточного Кавказа определило значительное отставание их изучения и историко-культурной интерпретации по сравнению с соседними областями Северного Кавказа и Закавказья. В результате Дагестан и горная Чечня оказались наименее изученными в археологическом отношении областями Кавказа.

На первом этапе советского периода археологического изучения Дагестана и Чечено-Ингушетии (начало 20-х — середина 30-х годов) обследовались главным образом средневековые памятники. Исключение составили работы А. А. Иессена, который в связи с наметившимися перспективами строительства Сулакского каскада гидроэлектростанций изучил все имеющиеся материалы об археологических памятниках края, а в 1933 году детально обследовал район Среднего Сулака и составил первую сводку о разновременных археологических памятниках бассейна Сулака (Иессен, 1935, с. 29—38). Особо следует отметить обнаруженное Иессеном поселение у сел. Старый Чиркей, ставшее после наших раскопок 60-х годов одним из узловых памятников эпохи ранней бронзы Дагестана.

Второй этап связан с деятельностью Северокавказской экспедиции (СКАЭ) ГАИМК—ИИМК АН СССР, работавшей в Дагестане и Чечено-Ингушетии в предвоенные (1936—1939) и первые послевоенные (1947—1951) годы под руководством видных советских археологов А. П. Круглова, М. И. Артамонова, Е. И. Крупнова, К. Ф. Смирнова. Работы СКАЭ положили начало планомерному и систематическому археологическому изучению Северо-Восточного Кавказа. В предвоенные годы произведены раскопки древних поселений у селений Каякент и Джемикент в приморском Дагестане, материалы обобщены А. П. Кругловым в диссертации «Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э.» — первой сводной работе по древнейшей истории и археологии Дагестана и Восточной Чечни. Охарактеризовав Каякентское поселение как памятник оседлых земледельческо-скотоводческих племен, А. П. Круглов включил его в круг памятников эпохи раннего металла Закавказья типа Шенгавита и Шрешблур и рассматривал как наиболее северный пункт распространения представленной ими культуры (Круглов, 1958, с. 29).

Раскопки Каякентского поселения совпали по времени с важнейшим событием в первобытной археологии Кавказа — выделением куро-аракской культуры эпохи раннего металла. К началу 40-х годов, после раскопок Б. А. Куфтина в Цалкинском р-не (Триалети) Грузии, позволивших наметить относительную хронологию памятников этого региона, получил точное культурно-историческое осмысление весь разрозненный материал эпохи раннего металла Закавказья с необычной чернолощеной керамикой на «розовой подкладке», предшествовавшей триалетской курганной культуре. Заслуга в культурно-исторической интерпретации этого материала принадлежит Б. А. Куфтину, который объединил его в одну археологическую культуру, названную им куро-аракским энеолитом (Куфтин, 1940, с. 8—15; 1941, с. 106—118; 1947, с. 47—88; 1948; 1949; 1950, с. 113—148) Он же считал, что элементы этой культуры в виде керамики с характерным рельефным орнаментом, обнаруженной на Каякентском поселении, проникают на Северный Кавказ и в приморские районы Дагестана (Куфтин, 1940, с. 24; 1944 а, с. 126).

Проведенные СКАЭ под руководством Е. И. Крупнова и К. Ф. Смирнова в первые послевоенные годы раскопки Карабудахкентского, Манасского могильников в Дагестане существенно дополнили представления о ранних периодах бронзового века. Это позволило Р. М. Мунчае-

ву: оперировавшему теперь более широким, чем в предвоенные годы, кругом памятников Северо-Восточного Кавказа, пересмотреть некоторые положения А. П. Круглова и главным образом уточнить периодизацию и хронологию памятников бронзового века в сторону их удревнения (Мунчаев, 1953, с. 7; 1955, с. 15—18; Мунчаев, Смирнов, 1958, с. 170). Исследование Манасского катакомбного могильника позволило поставить вопрос об исключительно ранних, восходящих к эпохе раннего металла, сложных культурно-исторических взаимоотношениях населения Кавказа и степей Юго-Восточной Европы (Мунчаев, Смирнов, 1956, с. 192—193).

В послевоенный период В. И. Марковиным в Дагестане открыты первые неолитические стоянки Тарнаирская и Буйнакская (Марковин, 1957, с. 117—125; 1959, с. 21—30; Марковин, Мунчаев, 1957, с. 78—82), а также древние наскальные изображения (Марковин, 1953, с. 209—212; 1954, с. 324—342; 1958, с. 147—162).

Научное осмысление древностей Северо-Восточного Кавказа в эти годы неразрывно связано с успехами в изучении эпохи раннего металла к югу от Кавказского хребта. В Центральном и Восточном Закавказье, Восточной Анатолии, Северо-Западном Иране обнаружены новые памятники, значительно изменившие представления о куро-аракской культуре, ее ареале в особенности. Вышел ряд важнейших работ Б. А. Куфтина, посвященных культурно-исторической характеристике данной культуры. Исключительно большое значение имели работы Б. Б. Пиотровского, в которых обобщены накопленные к тому времени данные о палеометаллической эпохе в истории как Закавказья в целом, так и отдельных его регионов, сделаны важные выводы, касающиеся таких узловых проблем первобытной археологии, как характер местных культур эпохи бронзы, периодизация памятников, связи Кавказа с цивилизациями Древнего Востока, закономерности развития различных отраслей производящего хозяйства, освоение горных областей Кавказа и др. (Пиотровский, 1949, с. 174—178; 1949 а, с. 171—184; 1955; 1955 а, с. 6—15; 1956, с. 3).

Полевые археологические исследования СКАЭ в предвоенные и первые послевоенные годы имели большое научное значение. Благодаря им удалось создать первые сводные работы по древнейшей истории и культуре Дагестана и Чечни, основанные целиком на данных археологии. Но исследованиями СКАЭ были охвачены в основном равнинные и предгорные районы Дагестана и Чечено-Ингушетии. Горные районы остались почти неизученными, за исключением разведочного обследования Андийского поселения, культурно-историческое место которого удалось определить сравнительно недавно (Гаджиев М. Г., 1983 а, с. 31—37), и могильника каякентско-хорочоевской культуры у с. Гагатль Ботлихского р-на Дагестана (Круглов, 1958, с. 94). Слабая археологическая изученность горных районов Северо-Восточного Кавказа создавала впечатление об их позднем заселении и хозяйственном освоении по сравнению с равнинной частью. Исследование древнейших памятников, особенно бытовых, носило преимущественно разведочный характер (на Каякентском поселении было раскопано всего 4 м², а в Джемикенте — 24 м²),

что не могло не отразиться на полноте освещения ранних периодов истории края.

С 1951 года начался третий этап археологического изучения Дагестана, связанный с исследованиями Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. С самого начала работы археологических экспедиций института большое внимание уделялось изучению древнейших памятников, особенно бытовых, в том числе в почти не исследованных прежде горных районах края. В 50-е годы в приморском Дагестане обследовался ряд древних поселений: Мамайкутан, Великент и др. (Мунчаев, 1958, с. 51—52; Котович, 1959, с. 121—136). Тогда же обнаружены и исследованы склепы бронзового века в горном Дагестане у сел. Чох и, что особенно важно, там же открыта стоянка каменного века, впервые засвидетельствовавшая факт заселения горного Дагестана не позже верхнего палеолита — мезолита (Мунчаев, 1958, с. 41—51)

Крупные по масштабам археологические работы проводились в 1955—1958 гг в бассейне Среднего Сулака в зоне строительства Чирюртовской ГЭС, где исследовались памятники различных эпох, в том числе Сигитминское поселение конца эпохи ранней бронзы и Миатлинское курганное поле эпохи средней бронзы (Канивец, 1957, с. 157—164; 1959, с. 31—59; Канивец, Березанская, 1959, с. 60—85; Костюченко, 1959, с. 86—120). Особое значение для нашей темы имеют раскопки тех же лет Чохской и ругуджинских стоянок в горном Гунибском р-не, позволившие поставить вопрос о глубокой древности заселения и начала производящего хозяйства в горном Дагестане (Котович В. Г., 1961, с. 5—23). Открытие Мекегинского поселения в глубине предгорий, у самых подступов к внутреннему Дагестану, значительно расширило ареал куро-аракской культуры на Северо-Восточном Кавказе (Котович В. Г., Шейхов, 1960, с. 337—338). В центральной части внутреннего горного Дагестана выявлены и частично исследованы памятники конца эпохи ранней и средней бронзы: Гонобский (Котович В. Г., 1961, с. 25—36), Гинчинский (Пикуль, 1957; Гаджиев М. Г., 1962, с. 166—188; 1964, с. 233—259) и Ирганайский (Погребова, 1961, с. 108—123) могильники; Верхнегунибское (Котович В. М., 1961, с. 88—108) и Ирганайское (Погребова, 1961, с. 123) поселения.

В 50-х годах СКАЭ продолжила полевые исследования в Чечено-Ингушетии. Чрезвычайно важное значение имели раскопки вскрытого почти полностью (около 6 тыс. м²) Лугового поселения, в материалах которого органически сочетаются черты куро-аракской и майкопской культур (Крупнов, 1954, с. 95—105; 1957 а, с. 155—158). В Восточной Чечне были начаты раскопки поселений куро-аракской культуры Сержень-Юртовских I и II (Мунчаев, 1962, с. 177—182; Мерперт, 1962, с. 33—44, Иерусалимская, Козенкова, Крупнов, 1963, с. 42—52; Козенкова, Крупнов, 1966, с. 81) и могильника Гатынкале эпохи средней бронзы, близкого по культуре одновременным памятникам горного Дагестана (Марковин, 1963, с. 49—135).

Материалы древнейших из известных в Дагестане и Чечено-Ингушетии к началу 60-х годов памятников эпохи раннего металла были обобщены в монографии Р. М. Мунчаева (Мунчаев, 1961). Обстоятель-

ный анализ поселений, остатков жилищ и других бытовых сооружений, а также производственного и другого инвентаря, в особенности керамики, показал, что культура эпохи раннего металла Северо-Восточного Кавказа органически связана с синхронными культурами Закавказья и Северного Кавказа. Высказано мнение, что культура, представленная памятниками Дагестана, тяготеет к куро-аракской и составляет ее локальный вариант (Там же, с. 100), а материалы памятников Чечено-Ингушетии, в особенности Лугового поселения, имеют черты как куро-аракской, так и майкопской культур, территория же Ингушетии была зоной стыка и активного взаимодействия этих двух палеометаллических культур Кавказа (Там же, с. 130). Культура, представленная памятниками Северо-Восточного Кавказа, в особенности Дагестана, — не просто ветвь закавказского «энеолита», а более сложное явление, характеризующееся наличием несомненно местных черт, имеющих здесь глубокие корни (Там же, с. 154).

Исследования В. Г. Котовича по каменному веку Дагестана окончательно развеяли очень долго существовавшее в науке мнение о якобы сравнительно позднем заселении человеком горной части Восточного Кавказа (Котович В. Г., 1964). В. Г. Котович также исследовал и ввел в научный оборот материалы ряда памятников эпохи бронзы Дагестана (Великент, Мамайкутан, Мекеги, Гоно), определив их культурно-историческое место в ряду древностей Кавказа; специально изучал проблемы развития хозяйства населения древнего Дагестана; поставил вопрос о возможности возникновения здесь производящего хозяйства в неолите (Котович В. Г., Шейхов, 1960, с. 335—346; Котович В. Г., 1961 а, с. 279—297; 1965, с. 5—13). В течение ряда лет изучались крупные бытовые и погребальные памятники бронзового века горного Дагестана: Верхнегунибское поселение, могильник Гинчи, которым посвящены монографические исследования В. М. Котович (Котович В. М., 1965) и М. Г. Гаджиева (Гаджиев М. Г., 1969).

Одним из важнейших итогов исследований 50-х годов можно считать выявление в приморском и предгорном районах Северо-Восточного Кавказа оседло-земледельческих поселений, входящих в круг памятников так называемого куро-аракского энеолита. Они были объединены в локальный вариант куро-аракской культуры, сложившийся, по мнению всех исследователей, касавшихся этого вопроса, в результате проникновения данной культуры из Закавказья или продвижения на север самих ее носителей. Но ограниченность сведений о предшествовавшем этапе развития культуры не позволила установить, была ли вообще на Северо-Восточном Кавказе сколько-нибудь развитая земледельческая культура до распространения куро-аракской. Поэтому вопрос об их возможной связи остался открытым. Датировка куро-аракской культуры эпохой энеолита тогда еще не вызвала сомнений, а предшествующая неолитическая эпоха на Восточном Кавказе была мало исследованной. Предположение о возможности возникновения на Северо-Восточном Кавказе производящего хозяйства в позднем неолите основывалось на весьма скудных косвенных данных. Поэтому основной земледельческо-скотоводческий комплекс Северо-Восточного Кавказа эпохи раннего металла казался привнесенным сравнительно поздно из Закавказья но-

сителями куро-аракской культуры. Горные, в особенности высокогорные районы Северо-Восточного Кавказа оставались мало исследованными, здесь не были известны памятники сколько-нибудь развитой земледельческой культуры более раннего времени, чем конец III тыс. до н. э. Поэтому в археологии все еще господствовала традиционная точка зрения о якобы сравнительно позднем хозяйственном освоении горных районов Северо-Восточного Кавказа в связи с развитием отгонного скотоводства.

Коренной перелом в изучении культуры раннеземледельческих племен Кавказа наступил в 60-е годы. Нижний слой Нахичеванского Кюльтепе оказался в Закавказье не единственным памятником подобного рода. В процессе совместной работы экспедиции Института археологии АН СССР (Ленинградское отделение) и Института истории АН АзССР на рубеже 60-х годов Мильско-Карабахской степи обнаружен еще ряд поселений, относящихся к той же культуре, что и нижний (докуро-аракский) слой Кюльтепе (Иессен, 1963, с. 3—14; 1965, с. 11—15). Суммировав все известные тогда материалы, А. А. Иессен установил, что древняя культура, представленная в нижних слоях Нахичеванского Кюльтепе, была распространена и в Мильско-Карабахской степи, в районе, удаленном на 160—200 км по прямой от Нахичевани, и определил ее как часть обширной переднеазиатской оседло-земледельческой культуры (Иессен, 1963, с. 10). В ряде работ специально рассматривался вопрос об уровне технического развития племен куро-аракской культуры и обосновывалась правомерность отнесения культуры, представленной Кюльтепе I, к энеолиту, а куро-аракской — к эпохе ранней бронзы (Селимханов, 1960, с. 130—137; 1960 а, с. 89—102, Иессен, 1963, с. 5; 1965, с. 17, Кушнарева, Чубинишвили, 1963, с. 10—24). Тем самым была приведена в соответствие периодизация памятников эпохи палеометалла Кавказа и Передней Азии. Все это послужило сигналом к целенаправленным поискам и исследованиям памятников новой энеолитической культуры. Принципиально важные открытия сделаны в Центральном Закавказье на смежной территории Западного Азербайджана и Восточной Грузии, памятники новой культуры выявлены в Армении, а открытие в горном Дагестане поселения Гинчи, исследованного нами в 1962—1964 гг., ввело в ареал раннеземледельческой энеолитической культуры переднеазиатского типа целую область — горную зону Северо-Восточного Кавказа (Гаджиев М. Г., 1966, с. 55—61). Изучение материалов Гинчи позволило охарактеризовать основные черты раннеземледельческой энеолитической культуры Северо-Восточного Кавказа, пересмотреть существовавшую прежде периодизацию эпохи раннего металла этого региона, четко выделить в ней неизвестный ранее культурно-исторический пласт подлинного энеолита, а северо-восточнокавказский локальный вариант куро-аракской культуры, датированный энеолитом, отнести к периоду ранней бронзы (Гаджиев М. Г., 1978, с. 7—38; 1980 а, с. 5—27; 1981, с. 4—35; История Дагестана, 1967, с. 34—53).

Со времени открытия Гинчи поиски, а также исследование памятников эпохи раннего металла в Дагестане приняли целенаправленный характер, а изучение раннеземледельческой культуры, как мы уже отметили, стало одним из важнейших направлений научных исследований

Института истории, языка и литературы в области первобытной археологии.

В истекший период в Дагестане нами исследовался ряд разновременных памятников раннеземледельческой культуры. В 1963—1964 гг. в горном Дагестане производились раскопки сезонного поселения **Чинна** эпохи энеолита и бронзы (**Гаджиев М. Г.**, 1965, с. 61, 62; 1980 а, с. 21—26; **Атаев, Кушнарера**, 1966, с. 68—72) Важное значение имели раскопки **Чиркейского** поселения, проведенные в 1965—1966 гг в зоне строительства **Чиркейской ГЭС**. Прекрасная сохранность строительных остатков, жилых хозяйственных и других бытовых сооружений, обилие найденного вещественного инвентаря делают это поселение одним из узловых памятников эпохи ранней бронзы на Северо-Восточном Кавказе (**Гаджиев М. Г.**, 1971 а, с. 46—48; 1983 а, с. 15—23). В 1968 и 1970 гг. в Андийской котловине (**Ботлихский район**) Дагестана выявлено несколько памятников эпохи ранней бронзы: три поселения (**Галгалатли I**, **Ашалинское I** и **II**) и могильник **Щебоха** (**Гаджиев М. Г.**, 1969 а, с. 102; 1971, с. 104—105), из которых **Галгалатли I** было подвергнуто стационарным раскопкам, давшим ценные материалы о строительном деле и архитектуре горных поселений, гончарном деле и металлообработке (**Гаджиев М. Г.**, 1983 а, с. 31—37) В целом в горном Дагестане нами получены многочисленные материалы, которые характеризуют совершенно неизвестные ранее периоды в истории населения горной зоны Северо-Восточного Кавказа, считающейся, как известно, сравнительно освоенной областью Кавказа.

В 1977 году мы возобновили и продолжили в дальнейшем раскопки прикаспийских поселений **Каякент**, **Великент**, **Мамайкутан**, где по данным прежних разведочных работ были известны только сравнительно поздние комплексы эпохи ранней бронзы. Результаты оказались плодотворными: на поселениях **Каякент** и **Великент** выявлены ранние слои, характеризующие неизвестные прежде этапы развития культуры эпохи раннего металла и в этой зоне Северо-Восточного Кавказа (**Гаджиев М. Г.**, **Маммаев**, 1978, с. 112—113; **Гаджиев М. Г.**, 1980 б, с. 101). Стратиграфия многослойных прикаспийских поселений стала основой для периодизации культуры эпохи раннего металла всего региона (**Гаджиев М. Г.**, 1978 а, с. 26—28; 1978 б, с. 1—3; 1979, с. 6—7; 1980 в, с. 1—2; 1980 г., с. 1—2) Теперь стало возможным охарактеризовать культурно-историческое развитие ранних земледельцев Северо-Восточного Кавказа в энеолите и в эпоху ранней бронзы, т. е. на протяжении около 3 тыс. лет (V—III тыс. до н. э.).

Предметом специального изучения в дагестанской археологии стала тема искусства и идеологических представлений раннеземледельческого населения по данным наскальных изображений, чему посвящены исследования **В. М. Котович** (**Котович В. М.**, 1971 с. 129—130; 1974, с. 65—68; 1974 а, с. 29—49; 1975, с. 22—24, 1976; 1976 а, с. 63—65; 1980, с. 28—36; 1983, с. 4—12) Исследования в области первобытного земледелия и скотоводства были продолжены **В. Г. Котовичем**, поставившим в своей последней работе вопрос о возможности отнесения горного Дагестана к числу областей, где протекала «неолитическая революция» (**Котович В. Г.**, 1982, с. 120—164).

Материалы исследований по энеолиту и раннебронзовому веку Северо-Восточного Кавказа, накопленные к началу 70-х годов, обобщены в монографическом труде Р. М. Мунчаева о культурно-историческом развитии всего Кавказа на протяжении длительного периода от неолита до эпохи ранней бронзы включительно (Мунчаев, 1975)

Особо следует отметить новейшие исследования Х. А. Амирханова в горном Дагестане, где в ходе раскопок 1980—1982 гг известного памятника каменного века — Чохского поселения получены необходимые археологические, палеоботанические и палеозоологические материалы для установления времени и пути становления производящего хозяйства в горной зоне Северо-Восточного Кавказа (Амирханов, 1982, с. 145, 146; 1982 а, с. 20; 1983, с. 52—57; 1987).

Накопленный материал дает возможность охарактеризовать основные этапы культурно-исторического развития населения одной из крупных историко-географических областей Кавказа в период кардинальных перемен в жизни первобытного общества, связанных со сложением производящего хозяйства, становлением ранних земледельческо-скотоводческих культур. Если раньше эта область рассматривалась только как периферийная часть зоны распространения закавказских культур эпохи раннего металла, то теперь новые открытия и исследования позволяют выявить некоторые общие закономерности и особенности культурно-исторического развития населения окраин раннеземледельческой ойкумены.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ЭНЕОЛИТ ГОРНОГО ДАГЕСТАНА

1. Об энеолите Кавказа и его критериях

Вопросы периодизации и хронологии памятников эпохи раннего металла давно находятся в центре внимания исследователей древностей Кавказа. За последние два десятилетия накоплен и введен в научный оборот обширный и, что особенно важно, хорошо стратифицированный материал, позволяющий решить проблему периодизации и хронологии памятников и культур эпохи раннего металла Северного Кавказа на надежной источниковой базе. В деле ее разработки большое значение имели работы А. А. Формозова, посвященные майкопской культуре (Формозов, 1965, с. 64—158), исследование дольменной культуры В. И. Марковиным (Марковин, 1978), изучение памятников эпохи раннего металла Центрального Кавказа И. М. Чеченовым (Чеченов, 1973), Р. Ж. Бетрозовым (Бетрозов, 1982) и Северо-Западного Кавказа А. Л. Нечитайло (Нечитайло, 1978). Особо следует отметить монографию Р. М. Мунчаева «Кавказ на заре бронзового века», в которой систематизированы и обобщены почти все данные по этой проблеме, накопленные к середине 70-х годов (Мунчаев, 1975). Ликвидированы многие проблемы в знаниях о периодизации и хронологии древних культур Северного Кавказа. Однако не все вопросы периодизации и хронологии как отдельных памятников, так и культур эпохи энеолита и ранней бронзы этого региона решены окончательно. Не все исследователи согласны с отнесением майкопской культуры к бронзовому веку (Формозов, 1965, с. 64). Агубекорское поселение одни относят к неолиту, другие — к энеолиту (Небиеридзе, 1972, с. 115; Бетрозов, 1982, с. 21—23). Дискуссионным стал вопрос о хронологии (неолит или энеолит) и культурной принадлежности Нальчикского могильника (Мунчаев, 1975, с. 140—147; Бетрозов, 1982, с. 24—25). Не менее показательна история определения принадлежности соответствующих памятников Северо-Восточного Кавказа.

Как уже говорилось, на Восточном Кавказе до середины 60-х годов к эпохе энеолита относились памятники куро-аракской культуры, считавшейся древнейшей на этой территории культурой раннеземледельческого типа (Куфтин, 1940, с. 5; 1944 а, с. 73). При этом Б. А. Куфтин исходил из того, что в известных тогда комплексах данной культуры металл был представлен в ограниченном количестве и довольно архаических формах (Куфтин, 1941, с. 10). Тогда же исследователь выделил и археологические комплексы эпохи ранней бронзы. Если к энеолиту относились поселения, в которых металл встречался чрезвычайно редко, то в круг памятников эпохи ранней бронзы были включены могиль-

ники с отдельными металлическими вещами (Куфтин, 1941, с. 101, 106). По мере накопления новых материалов представления об эпохе энеолита и ранней бронзы уточнялись, а аналитические исследования металлических предметов показали, что принятое прежде деление памятников на энеолитические и раннебронзовые было основано на необъективном подходе к материалу. У племен куро-аракской культуры неожиданно высоким оказался уровень развития металлопроизводства, они освоили и внедрили в качестве сырья для изготовления орудий искусственный сплав — мышьяковую бронзу (Селимханов, 1960, с. 165). В результате этого была подвергнута сомнению принадлежность куро-аракской культуры к энеолиту. И когда в начале 60-х годов на поселении Кюль-тепе у Нахичевани под наслоениями куро-аракской культуры был обнаружен более ранний пласт действительно энеолитической культуры, сомнений в принадлежности первой уже не оставалось. В ряде статей она была переосмыслена как культура эпохи ранней бронзы (Иессен, 1963, с. 4, 5; Кушнарева, Чубинишвили, 1963, с. 22, 23; Абибуллаев, 1963, с. 166, 167). Последующими исследованиями установлено существование в Закавказье обширного ареала подлинно энеолитической культуры, называемой по-разному: шомутепинской (Нариманов, 1966, с. 121), шулавери-шомутепинской (Кигурадзе, 1976, с. 150), раннеземледельческой культурой Закавказья (Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 58; Джавахишвили А. И., 1973, с. X, XI; Мунчаев, 1975, с. 116; Джапаридзе, 1976, с. 320). С открытием поселения Гинчи энеолитический пласт был выделен и в культуре эпохи раннего металла Северо-Восточного Кавказа (Гаджиев М. Г., 1966, с. 55—61). Однако после отнесения куро-аракской культуры к эпохе ранней бронзы и выявления предшествующей ей энеолитической культуры наметились определенные сомнения в принадлежности некоторых археологических комплексов Закавказья, прежде относимых к «энеолитической» куро-аракской культуре (ранние комплексы Амиранисгора, Тетрицкаро, Кикети и др.) (Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 32—34; Джавахишвили А. И., 1973, с. 99—100). Основанием для переосмысления принадлежности этих памятников послужило наличие на них некоторого количества грубой светлой керамики. Смещение на одних и тех же уровнях указанных памятников этой архаической керамики энеолитического облика с обычной куро-аракской, было расценено как показатель существования между энеолитической (шомутепе-шулаверской) и куро-аракской культурами промежуточного периода, когда были в употреблении энеолитическая посуда и ранняя куро-аракская керамика (Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 34, 148). Но в таком случае, по мнению других исследователей (А. И. Джавахишвили), понятие археологическая культура теряет четкость (Джавахишвили А. И., 1973, с. 100). Добавим, качество керамики не всегда может быть хронологическим показателем. Хорошо известны случаи, когда качественная керамика сменяется более грубой (Формозов, 1965, с. 75—76) или в слоях заведомо поздних памятников нередко встречается грубая посуда весьма архаического облика¹. В данном случае следовало

¹ Подобная керамика иногда встречается в Дагестане даже на памятниках железного века.

бы исключить керамику (технический уровень ее производства) из диагностических признаков, определяющих принадлежность археологических памятников. Ведь смена археологических эпох не всегда сопровождается сменой традиций керамического производства. Последнее может произойти и независимо от эпохальных изменений в результате смены культуры, этнических перемещений и пр.

Ряд исследователей считает, что куро-аракская культура относится не только к бронзовому веку, она зародилась и формировалась в энеолите и только ее развитая стадия приходится на эпоху ранней бронзы (Джапаридзе, 1976, с. 322; Пицхелаури, Дедабришвили, 1976, с. 13; Гаджиев М. Г., 1982 а, с. 12—14). Известно, что археологические культуры прямо не соотносятся с теми или иными археологическими эпохами. Одни и те же культуры существовали на протяжении двух эпох. Таковы, например, трипольская и древнеямная культуры, сложившиеся в энеолите, но продолжавшие развитие в бронзовом веке. К числу таковых, возможно, принадлежит и куро-аракская культура.

С открытием на Восточном Кавказе энеолитической культуры, предшествовавшей куро-аракской, значительно усложнилась работа по периодизации памятников, определению грани между неолитом, энеолитом, бронзовым веком. Остро встал вопрос о критериях их выделения. Эти понятия не являются равнозначными в единой системе классификации. Неолит и бронзовый век выражают качественно различные уровни развития производительных сил, поэтому определение принадлежности памятника к этим эпохам не представляет особых затруднений. Энеолит же означает переходное состояние в развитии производительных сил, когда, несмотря на распространение металла, камень находил самое широкое применение в качестве сырья для изготовления производственного и бытового инвентаря. А такие изделия, как, например, кремневые серпы, наконечники стрел, были окончательно заменены металлическими только в железном веке. Поэтому, естественно, в процессе членения археологических комплексов трудно определить четкие грани между неолитом и энеолитом или энеолитом и бронзовым веком. У исследователей существует различное отношение, в частности, к термину **энеолит**. Одни применяют его для выделения переходного периода от неолита к бронзовому веку, где появляется металл. Другие вообще не пользуются им, употребляя только термины **неолит** и **бронзовый век**. Это объясняется в первую очередь неразработанностью признаков и критериев выделения такого периода.

Наиболее распространено членение раннеметаллических периодов по металлургическим признакам, но последние до конца не разработаны и не обоснованы. Например, широко известно представление о медном веке, или энеолите, как о периоде появления первых орудий из самородной меди при еще полном господстве каменных орудий, а о бронзовом веке — как об эпохе выплавки меди из руды, появления искусственного сплава — бронзы (сплав меди и олова) и полного технического преимущества металла перед камнем (История СССР..., 1966, с. 78, 106). Е. Н. Черных, исходя из состава металла, связывает медный век с использованием орудий и украшений из чистой меди независимо от того, самородная она или металлургическая, а эпоху бронзы — с появлением

устойчивой и значительной серии изделий из искусственных сплавов на медной основе (Черных, 1965, с. 108—109).

Вопрос о классификационном членении культур медно-бронзовой эпохи обстоятельно рассмотрен Н. В. Рындиной. Она подчеркивает, что чистая медь получила твердость, достаточную для успешного соперничества с камнем во всех отраслях производства, только с момента открытия упрочняющего характераковки. До этого открытия «медь находит применение только в производстве украшений и в меньшей степени орудий колющего и режущего действия — шильев, рыболовных крючков, ножей. Топоры и другие орудия рубящего и ударного действия (тесла, долота, мотыги, молоты) получают распространение только с открытием эффекта упрочения меди ковкой» (Рындина, 1978, с. 80). Исходя из этих наблюдений, Н. В. Рындина относит к энеолиту культуры, которым присущи широкое внедрение металла в производство, появление орудий и оружия ударного действия, расширение области применения металла, сосуществование его с камнем и при выделении бронзового века решающее значение придает составу металла, причисляя к этому времени культуры, характеризующиеся массовым освоением изделий из искусственных сплавов (Там же, с. 80).

Вопрос о термине **энеолит** и его критериях специально рассмотрен Н. Я. Мерпертом. Отметив имеющий место терминологический разницей в определении переходного от каменного века к бронзовому периоду и критически проанализировав существующие точки зрения по вопросу о содержании понятия **энеолит**, исследователь заключает: «в основе выделения энеолитического периода должны лежать классификация по материалу орудия и технологический принцип. При таком подходе под энеолитом следует понимать период регулярного распространения металлических, а конкретно медных изделий, в том числе орудий, связанных с основными видами производства. Для всего периода характерно использование лишь "чистой" — самородной или металлургической — меди без умышленных легирующих примесей. В техникековка сочетается со все более совершенствующимся литьем (вплоть до литья в разъемных и составных формах). Медные орудия сосуществуют с каменными, соотношение их специфично в конкретных областях» (Мерперт, 1981 а, с. 20).

Если исходить из металлургических признаков, принятых для европейских культур, то древнейшие металлоносные поселения Кавказа Кюль-тепе I у Нахичевани и Техут в Армении безоговорочно не могут быть отнесены к медному веку, или энеолиту. Среди мелких металлических предметов, обнаруженных в нижнем слое Кюль-тепе, три предмета изготовлены из медно-мышьякового сплава с содержанием мышьяка более 1%, а один — из медно-мышьяково-никелевого сплава с содержанием 1,6% никеля (Селимханов, Торосян, 1966а, с. 14; Селимханов, Маршалль, 1966, с. 146—147). Три металлических предмета (нож и два шила) из поселения Техут также изготовлены из медно-мышьякового сплава с еще более высоким содержанием мышьяка — 3,6—5,4% (Селимханов, Торосян, 1966 а, с. 15; Селимханов, Маршалль, 1966, с. 147). Следовательно, эти предметы, особенно из Техута, изготовлены не из самородной меди или «окисленной мышьяковой руды» (Селимханов, То-

росян, 1966 а, с. 15), а уже из искусственно созданного нового металла — мышьяковой бронзы. Отмечая одновременное появление медных и медно-мышьяковых предметов на Кавказе, И. Р. Селимханов отрицает существование здесь «медного века» как самостоятельного периода (Селимханов, 1965, с. 19—21). Это говорит об определенной условности и термина энеолит (медно-каменный век) применительно к памятникам типа Техут. Поэтому для обозначения переходного периода от каменного века к бронзовому И. Р. Селимхановым предложены новые термины: «медно-мышьяковый период» (Селимханов, 1960, с. 167), «медно-мышьяковый век» (Селимханов, 1960а, с. 102), которые, однако, не получили признания (Иессен, 1963, с. 5).

Если же считать энеолитическими культуры Кавказа, которые, по Н. В. Рындиной, характеризуются широким внедрением металла в производство, появлением орудий и оружия ударного действия, то к энеолиту следовало бы отнести куро-аракскую культуру, а памятники типа Кюль-тепе, Техут, где металл появляется «в форме украшений и колюще-режущих орудий», нужно было бы считать неолитическими.

Таким образом, металлургический принцип оказывается недостаточным для классификационного членения палеометаллических памятников и культур Восточного Кавказа. Поэтому для определения эпохальной принадлежности памятников Кавказа особое значение приобретает изучение второго важнейшего компонента производственного инвентаря эпохи раннего металла — каменных орудий, сосуществовавших с металлическими, соотношение которых специфично в конкретных областях (Мерперт, 1981 а, с. 20). Каменные индустрии характеризуют уровень развития производительных сил и одновременно отражают степень развития металлургии, а также внедрения самого металла как сырья для изготовления орудий. Изменения в развитии каменных индустрий в связи с распространением металла четко выделены В. М. Массоном и Р. М. Мунчаевым, определившими энеолит как «эпоху внедрения и широкого использования медных изделий, приводящих, как правило, к деградации кремневых индустрий, обеднению наборов каменных орудий» (Массон, Мунчаев, 1977, с. 10).

В период первоначального внедрения металлов до сложения раннебронзового комплекса куро-аракской культуры в Центральном, Восточном, Южном Закавказье была распространена раннеземледельческая культура, характеризующаяся каменной индустрией, где полностью господствовали приемы первичной и вторичной обработки кремня и обсидиана, унаследованные от каменного века. Это была пластинчатая индустрия, в которой ведущее место занимали крупные пластины, отсутствовала микропластинчатая техника расщепления¹, в технике вторичной обработки господствовала краевая ретушь, двусторонняя ретушь совершенно не применялась (Кигурадзе, 1976, с. 165). Набор орудий состоял в основном из серпов, ножей, скобелей, скребков, резцов, ре-

¹ Исчезновение микропластинчатой техники расщепления кремня фиксирует наступление новой палеометаллической эпохи, сменившей неолит с его традициями присваивающего хозяйства, с которым была связана вкладышевая микролитондная индустрия.

тушеров, изготовленных преимущественно из правильных пластин. Такая индустрия широко представлена и на поселениях Кюль-тепе и Техут, несмотря на знакомство их обитателей с металлом и металлопроизводством. Только на заключительной фазе развития раннеземледельческой культуры повсеместно отмечается определенная деградация пластинчатой индустрии, одним из проявлений которой было изменение соотношения отщепов и пластин в сторону преобладания первых. Такая эволюция каменной индустрии достаточно отчетливо фиксируется как на поселениях северной зоны раннеземледельческой культуры Закавказья (Шому-тепе, Шулавери) (Кигурадзе, 1976, с. 165), так и на памятниках южного круга (Аликемек-тепеси) (Аразова, 1974, с. 20—21).

С наступлением бронзового века каменная индустрия постепенно приходит в упадок. Но в начале эпохи она еще продолжает играть весьма существенную роль. Это ярко иллюстрируют материалы второго, раннебронзового слоя Кюль-тепе, непосредственно перекрывающего наслоения эпохи энеолита. Кремневые и обсидиановые орудия в нем представлены меньшим количеством, значительная часть их — орудия из пластин, но они отличаются меньшими по сравнению с аналогичными изделиями нижнего слоя размерами. Однако не это определяет облик каменной индустрии. Этот слой фиксирует появление неизвестной здесь прежде техники вторичной обработки кремня. В верхнем слое Кюль-тепе появляются изделия на пластинах и отщепах, обработанные сплошь двусторонней отжимной ретушью и определяемые типологически как вкладыши серпов и пилки (Абибуллаев, 1982, с. 104—109). Для слоя характерен также более широкий ассортимент предметов из мышьяковой бронзы, включающий не только орудия и оружие колющего и режущего, но и ударного действия (Там же, с. 122—125, 138). Такая же картина эволюции каменной индустрии устанавливается и для поселения Бабадервиш в Азербайджане, где в нижнем энеолитическом слое представлены только орудия из пластин с краевой ретушью, а в верхнем раннебронзовом наряду с другими изделиями — двусторонне обработанные вкладыши серпов и пилки (Нариманов, Исмаилов, 1962, с. 155). Двусторонне обработанные орудия широко распространены и на других, относящихся к бронзовому веку памятниках Центрального, Восточного и Южного Закавказья, а также Северо-Восточного Кавказа. Следовательно, для этих областей Кавказа двусторонняя обработка каменных изделий выступает как важнейший технологический признак, отличающий каменную индустрию эпохи ранней бронзы от энеолитической.

Начальный период бронзового века на территории Центрального, Восточного и Южного Кавказа характеризуется широким распространением изделий из мышьяковой бронзы (в том числе орудий, связанных с основными видами производства), падением роли каменной индустрии, постепенным сокращением набора кремневых и обсидиановых изделий, появлением и широким распространением орудий и предметов вооружения, выполненных в технике двусторонней ретуши (вкладыши серпов, пилки, наконечники стрел). Для энеолита же присущи почти полное господство каменной индустрии, в которой ведущая роль принадлежит крупнопластинчатой технике расщепления кремня и обсидиана, определенный набор изделий на пластинах (в том числе орудий, связанных

с основными видами производства), появление колющих и режущих орудий и мелких украшений из меди и ее искусственного сплава с мышьяком.

Вместе с тем, как подчеркивает В. М. Массон, выделяемое на основании археологических материалов понятие **энеолит** следует рассматривать как археологический комплекс, в котором набор типов объектов отражает культурные стереотипы и инновации, соответствующие образу жизни древних племен, оставивших этот комплекс и, следовательно, «энеолит — не плод отвлеченных кабинетных комбинаций, не какой-то случайный переходный период, а проявление в конкретном археологическом материале реальной исторической эпохи» (Массон, 1982, с. 7). За кажущимися на первый взгляд формальными изменениями в производственном и бытовом инвентаре, прослеживаемыми в археологическом материале, кроются реальные перемены, происходившие в социально-экономическом развитии общества. Согласно В. М. Массону, неолит с его производственным инвентарем, характерным для носителей присваивающего хозяйства, является стадией архаической производящей экономики, а энеолит — временем сложившегося земледельческо-скотоводческого хозяйства (Массон, 1964, с. 84). Памятники, соответствующие данным определениям энеолитического периода, выявлены на Северо-Восточном Кавказе только в горном Дагестане.

2. Памятники культуры энеолита горного Дагестана

В настоящее время на территории горного Дагестана известно пять памятников¹, материалы которых характеризуют раннеземледельческую энеолитическую культуру горной зоны Северо-Восточного Кавказа. Это поселения Малинкарат, Мучубахилбакли, Архинда (известные как ругуджинские стоянки), Гинчи и Чинна. Количество обнаруженных пока памятников отражает современное состояние археологической изученности горной зоны Северо-Восточного Кавказа, но не определяет полной картины степени ее заселенности в эпоху энеолита. Выявление здесь поселений эпохи раннего металла связано с определенными трудностями. В отличие от равнинных, которые более или менее отчетливо выделяются на местности (поселения на естественных холмах, искусственные холмы — тепе), древние поселения в горной зоне совершенно не имеют внешних признаков и обнаруживаются обычно случайно при земляных работах. Судя по имеющимся уже сведениям, в рассматриваемое время горные долины осваивались довольно интенсивно. Поселения находились в различных физико-географических зонах и располагались в речных долинах, на естественных террасах, горных плато, крутых склонах под скальными навесами. Исходя из особенностей топографии, интенсивности обживания, характера строительных, бытовых и других

¹ В горном Дагестане близ селений Урма и Верхнее Лабкомахи Левашинского р-на зарегистрированы еще два пункта, где обнаружены фрагменты архаической керамики и кремневые изделия, отнесенные предварительно к энеолиту. См.: Гаджиев М. Г., 1965 а, с. 25; Давудов, 1973, л. 11—13; 1973 а, с. 123.

культурных остатков, а также насыщенности ими культурных наслоений, поселения подразделяют на два типа: постоянные и сезонные.

К **постоянным** относится поселение Гинчи. Оно находится в центральной части северо-западного горного Дагестана, в Гидатлинской долине, образованной западными отрогами хребта Нукатль и одним из притоков Аварского Койсу — Гидерилор. Длина долины около 20 км. Почти на всем протяжении она имеет характер узкого ущелья, местами переходящего в каньон. Наибольшая ее ширина не превышает 1,5 км. Относительная высота боковых хребтов в среднем составляет 1—1,3 км при абсолютных отметках выше 2 тыс. м. Дно долины, находящееся не выше 1,5 тыс. м над уровнем моря, выслано речными наносами, которые представляют собой окатанные обломки известняковых пород, покрытые иловыми отложениями. На обоих склонах долины — многочисленные естественные речные и искусственные земледельческие террасы, многие из них в настоящее время интенсивно обрабатываются. Выше находятся пастбища, позволяющие круглый год содержать значительное количество крупного и мелкого рогатого скота. В древности склоны гор, окружавшие долину, были покрыты лесами. Постепенное их исчезновение явилось причиной разнообразных, исключительно интенсивных эрозионных процессов. Активная глубинная эрозия, характерная для р. Гидерилор, не имеющей постоянного русла и блуждающей среди наносов по дну долины, сопровождается большой разрушительной работой временных дождевых потоков. В результате целые участки склонов долины разрушаются и смываются, что сказалось на сохранности памятников древности, в том числе поселения Гинчи. Небольшие леса и заросли кустарников, сохранившиеся кое-где на вершинах гор, не оказывают сколько-нибудь значительного регулирующего влияния на водный режим этой исключительно благоприятной для человеческой деятельности долины.

Поселение находится в урочище Гинчи на одной из верхних террас правого берега р. Гидерилор, в 3 км к востоку от с. Тидиб Советского р-на. Расположено у подножия южных склонов двух горных хребтов, между которыми протекает ручей Гинчинка (приток р. Гидерилор). Участок, занятый поселением, имеет вид треугольника, вклинившегося между двумя крутыми скальными откосами этих хребтов (рис. 1 и 2). С третьей, открытой стороны, как выяснилось в ходе раскопок, оно было ограждено каменной стеной, тянувшейся между двумя скалами.

Поселение занимало площадь около 1,5 тыс. м². Значительная часть его культурного слоя была перерыта еще в эпоху бронзы, когда территория использовалась для подземных каменных склепов могильника Гинчи (Гаджиев М. Г., 1969). Около 400 м² площади разрушено р. Гинчинкой (притоком р. Гидерилор), протекающей по центру поселения. Часть территории занята хозяйственными постройками современного хутора Гинчи, а другая — скрыта под многометровой толщей обвалившейся скалы, поэтому от поселения сохранилась сравнительно небольшая территория.

Раскопками в южной части поселения (рис. 2 и 3) вскрыто около 320 м² площади, выявлены культурные напластования толщиной 0,50—1,20 м, различные строительные остатки жилых и других бытовых соору-

Рис. 1.
План
урочища Гинчи

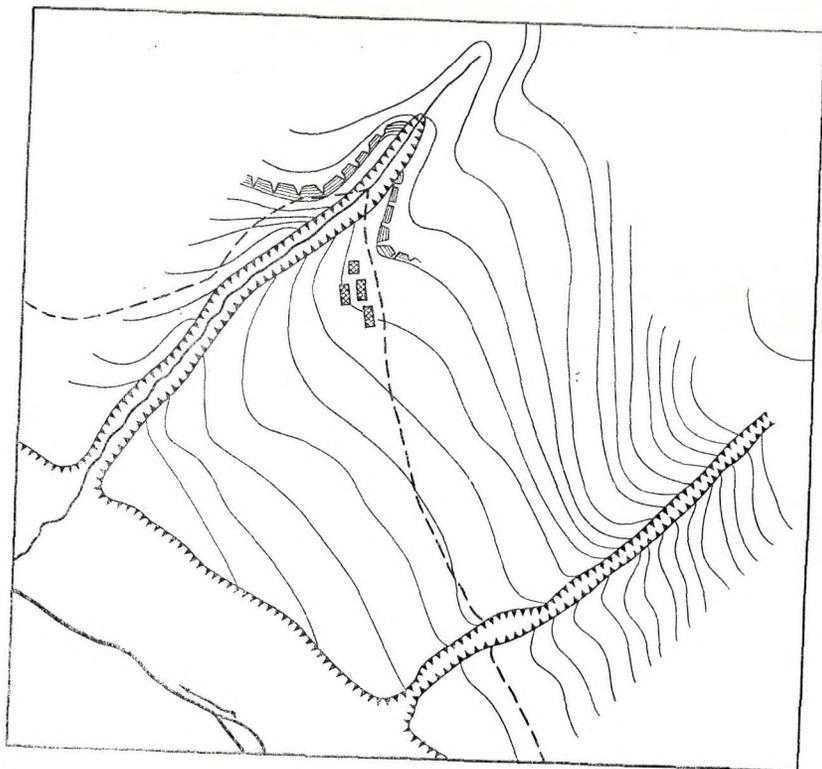
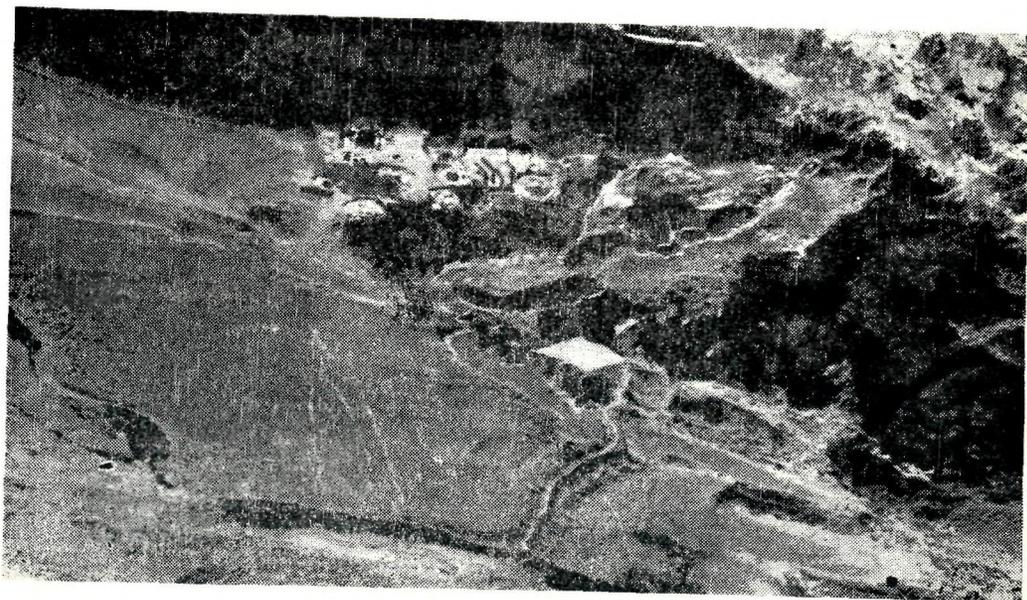

Рис. 2.
Поселение
Гинчи. Вид
с северо-запада

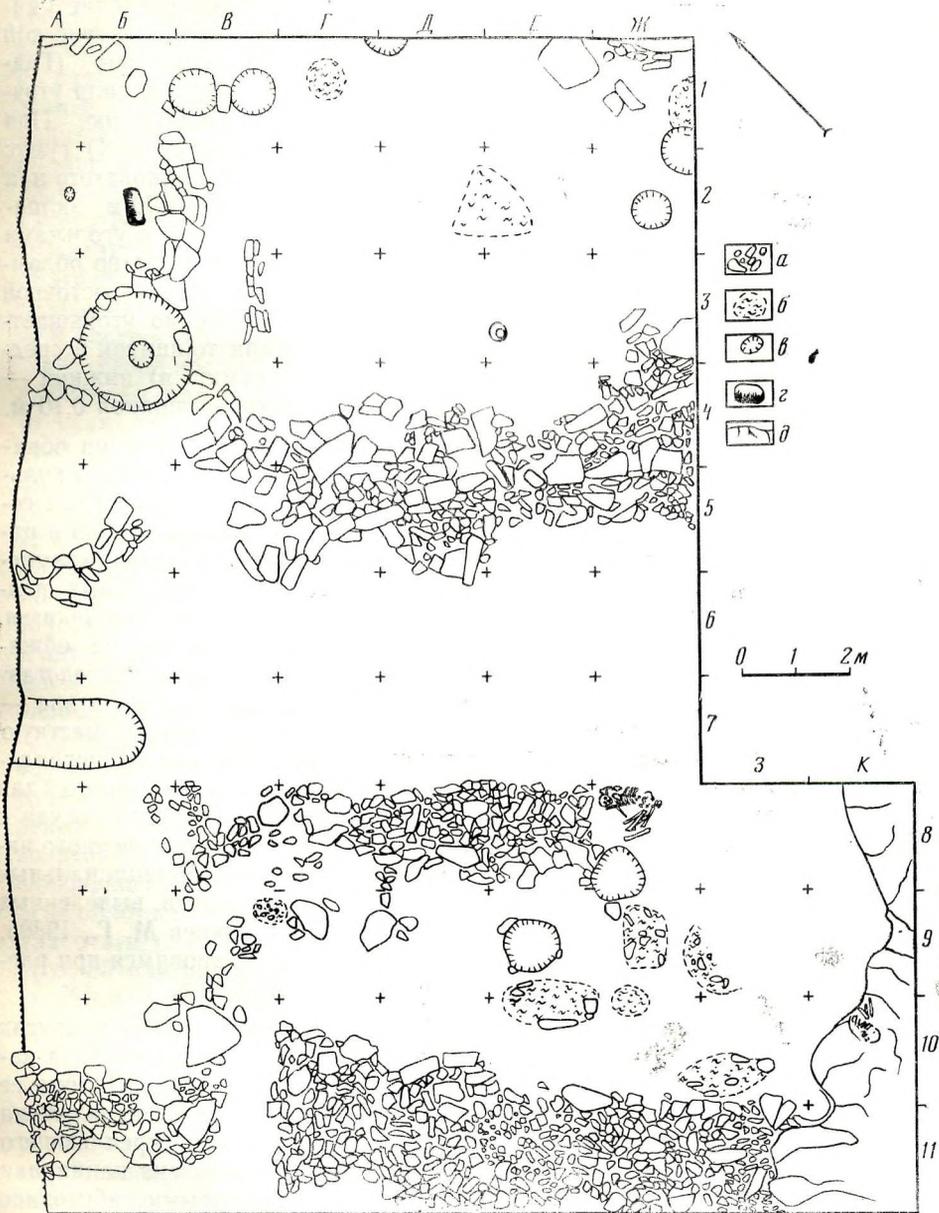

Рис. 3. Поселение Гинчи. План раскопа

а — камни; б — очаг; в — яма; г — зернотерка; д — скалы

жений и добыто значительное количество вещественного археологического материала.

По данным первого года разведочных работ (1962), поселение Гинчи определено как своеобразный однослойный памятник энеолитической (в прежнем понимании термина) куро-аракской культуры (Гаджиев М. Г., 1962 а, л. 45—49). Раскопки 1963—1964 гг. позволили уточнить культурную принадлежность памятника и его хронологию. При этом на поселении установлена следующая стратиграфия: 1) гумус мощностью 0,15—0,20 м; 2) аллювиальный слой в виде темноватого ила с щебенкой — 0,30—0,65 м; 3) культурный слой — 0,50—1,20 м, состоящий из трех горизонтов: а) верхний — илистая прослойка с угольками толщиной около 10 см, содержащий незначительное количество обломков керамики и костей животных (прослежен только в юго-восточной части раскопанной территории, к северо-западу постепенно утоньшается и исчезает), б) средний — темная золистая земля толщиной в среднем 0,60 м, более насыщенная культурными остатками; в) нижний — светлый суглинок с включениями древесных угольков толщиной 0,10 м.

В ходе более широких раскопок 1963—1964 гг. на поселении обнаружены в массовом количестве не характерные для куро-аракской культуры керамические комплексы, включающие фрагменты расписных сосудов, очень грубую кухонную посуду, в том числе изготовленную в циповочных формах, а также весьма архаический пластинчатый кремневый инвентарь, типичный для только открывавшихся тогда новых, подлинно энеолитических раннеземледельческих памятников Закавказья. Создавалось впечатление, что Гинчи — двухслойное поселение, обживавшееся на протяжении длительного промежутка времени и представляющее две различные археологические культуры: на позднем этапе — куро-аракскую эпохи ранней бронзы, а на раннем — новую местную энеолитическую (Гаджиев М. Г., 1966, с. 60—61) Это мнение укрепляли и находки в верхнем горизонте Гинчи 36 обломков обычного для северо-восточного варианта куро-аракской культуры тарного сосуда с ручками. Однако дальнейший послойный анализ всего вещественного инвентаря, в особенности керамики, показал отсутствие принципиальных различий между материалами весьма условных горизонтов, выделенных в культурных напластованиях поселения Гинчи (Гаджиев М. Г., 1980а, с. 18; 1982а, с. 12—14), на чем мы более подробно остановимся при рассмотрении соответствующих археологических материалов.

Перейдем к характеристике строительных остатков жилых и других бытовых сооружений, открытых на поселении Гинчи. Юго-западная каменная стена вскрыта на участке протяженностью 15 м. Ширина ее 1,5—2 м, высота сохранившейся части 1,15 м (рис. 3) Стена сложена из рваного необработанного известняка без применения скрепляющего раствора. На наиболее сохранившихся участках установлена панцирная кладка из крупных блоков, пространство между которыми забутовано мелкими камнями (рис. 3) В стене имеется проем шириной около метра. В данном случае мы имеем дело с одним из древнейших на Кавказе искусственно укрепленных поселений и пока единственным для всего региона каменным фортификационным сооружением эпохи энеолита.

Вокруг некоторых раннеземледельческих поселений Закавказья (Арухло I, Имирисгора) обнаружены рвы и каналы (Чубинишвили, 1971, с. 31—33; Джавахишвили А. И., 1973, с. 40—42), однако окончательно не установлено, выполняли ли они оборонительные функции или были ирригационными сооружениями. В принципе же появление укреплений на раннеземледельческих поселениях вполне закономерно. Оно обусловлено и подготовлено всем ходом социально-экономического развития раннеземледельческих племен, что достаточно хорошо прослеживается на соответствующих материалах Ближнего Востока и Средней Азии (Массон, 1966, с. 39). Гинчи в этом плане предвещает возникновение на Северо-Восточном Кавказе в эпоху бронзы естественно укрепленных поселений, а также сложение более развитой каменной фортификации (Котович В. М., 1965, с. 59—70). Первое — одновременно один из показателей степени заселенности горной зоны Северо-Восточного Кавказа и плотности его населения в эпоху энеолита.

К северо-востоку и на расстоянии 4 и 9 м от оборонительной стены расчищены параллельные каменные завалы, оставшиеся, по-видимому, от каких-то построек (возможно, прямоугольной формы) (Гаджиев М. Г., 1966, с. 55, 56), сильно разрушенных позднее в процессе возведения склепов бронзового века. Длина завалов 8—10, ширина — 2—4 м (рис. 3). Между ними и стеной, ограждавшей поселение, находились остатки открытых очагов в виде прослоек обожженной земли и золы, а также хозяйственные ямы, заполненные культурным слоем. В этой же части поселения, в углу, образованном оборонительной стеной и скалой, обнаружены два погребения эпохи энеолита. Захоронения сильно скорченные, одно — на правом боку, головой на северо-запад, другое — на левом, головой на юго-запад. С погребенными найдено единственное украшение — плоская овальная каменная подвеска.

Территория поселения к северо-востоку от строительных остатков, вероятно, была одной из наиболее интенсивно обживавшихся. Здесь на уровне между средним и нижним горизонтами культурного слоя выявлен пол какого-то хозяйственно-бытового комплекса, где на сравнительно небольшом участке концентрировался разнообразный инвентарь, включавший зернотерки, терочки, кремневые орудия, большое количество обломков керамики, целый кухонный горшок, установленный в яме (на очаге?), поблизости располагались хозяйственные ямы (всего 6) круглой или овальной в плане формы, заполненные культурным слоем.

Жилые сооружения, по-видимому, были сосредоточены в основном в центральной части поселения, которая смыта дождевыми потоками и р. Гинчинкой, образовавшими здесь широкий (более 10 м) овраг. На краю его частично сохранились основания каменных стен двух наземных округлых построек (рис. 3). От первой остались два небольших отрезка: один — дугобразной формы длиной 3 м, шириной 0,80 м и высотой около 0,50 м (2—3 яруса кладки) выложен двухрядной кладкой из небольших не обработанных, но хорошо подобранных друг к другу камней прямоугольной формы, другой — в виде четырех плотно пригнанных друг к другу камней расположен к северо-востоку от первого. Оба принадлежат одной и той же постройке диаметром около 3 м, круглой в плане, наполовину разрушенной оврагом.

От второй постройки, расположенной в 3 м к северо-востоку от первой, сохранилась также лишь часть дугообразной стены шириной 0,70—0,80 м, длиной по овалу 3 м. Судя по кривизне стены, диаметр помещения составляет 4 м. В центре его находилась яма диаметром 0,20 м, глубиной 0,58 м, служившая, возможно, для закрепления опорного столба. Как и в первом случае, осталась только половина помещения (рис. 3). На полу, у стены, находились крупная зернотерка (0,50×0,30 м) и очаг открытого кострового типа. Культурный слой в пространстве, огражденном округлой стеной помещения, насыщен обломками керамики и костными остатками. Здесь же обнаружена серия кремневых орудий.

Между этими двумя постройками открыта круглая в плане полуземлянка диаметром около 2,5 м, углубленная в материковый слой на 0,30—0,50 м. По ее краю лежали отдельные камни, а в центре располагалась круглая яма диаметром 0,40 м и глубиной 0,10 м для опорного столба или очага (рис. 4).

По топографии, особенностям строительного дела и архитектуры, характеру культурного слоя, отличающегося сравнительно малой толщиной, поселение Гинчи относится к числу пока мало известных на Кав-

казе ранних оседло-земледельческих поселений горно-долинного типа. Оно выделяется по этим признакам среди поселений равнинного типа Центрального, Южного и Восточного Закавказья, представляющих собой искусственные холмы-тепе с мощными культурными напластованиями из остатков жилых и хозяйственных сооружений из глинобиты и сырцовых кирпичей (Нариманов, 1966, с. 121—123; 1982, с. 11—17; Джавахишвили А. И., 1973, с. 1—13), и отличается от пещерных стоянок ранних земледельцев Западного Закавказья (Джавахишвили Г. И., 1971, с. 5), а также поселений Черноморского побережья Кавказа, расположенных на приречных и приморских террасах и холмах с тонкими перемешанными культурными слоями и без сколько-нибудь выраженных следов жилищ (Небиеридзе, 1972, с. 111). Лишь в последние годы в горной зоне Закавказья (Арагвское ущелье) открыты раннеземле-

Рис. 4. Часть полуземлянки поселения Гинчи

дельческие энеолитические поселения, по своей топографии, мощности культурных напластований близкие поселению Гинчи (Чиковани, 1984, с. 71—75)

Поселение Гинчи занимало сравнительно небольшую территорию, что является особенностью горных поселений, размеры которых, как правило, лимитировались принадлежащей им территорией сельскохозяйственных угодий. Несмотря на небольшие размеры (судя по остаткам каменных жилых построек стационарного характера, зачаткам фортификации, производственному и бытовому инвентарю), Гинчи представляло собой постоянное поселение, рассчитанное на длительное обитание оседло-земледельческого населения. Характерным для ранних оседло-земледельческих культур является также зафиксированный в Гинчи обычай хоронить умерших в пределах поселения (Массон, 1964, с. 47, 212).

К сезонным поселениям относятся так называемые ругуджинские стоянки (Малинкарат, Мучубахилбакли, Архинда) и поселение Чинна.

Ругуджинские поселения находятся в долине р. Багарор между Гунибским плато и г. Тлимеэр (Котович В. Г., 1964, с. 162—163). Окружающая долину местность — это пологий, сложенный из сланцев и известняков склон, простирающийся к западу от Гунибского плато. Руслу р. Багарор и впадающих в него протоков глубоко врезаны в толщу пород. Склоны, окружающие русло и долину, покрыты лесами из сосны, березы, осины и других деревьев, а также пастбищами с сочной субальпийской растительностью, что не могло не привлечь древних обитателей горного Дагестана.

Поселения находятся на правом берегу р. Багарор. Одно из них (Малинкарат) расположено на небольшом мысе (120×20 м), возвышающемся над дном реки на 30—40 м. С востока верхняя площадка мыса круто обрывается к реке, а с севера и юга плавно переходит в пологие склоны, упирающиеся в неглубокие овраги. Поселение находится на южной оконечности мыса. Следов каких-либо построек не обнаружено. Культурные остатки в виде единичных обломков керамики и кремневых изделий встречаются на глубине 0,25—0,60 м от современной поверхности.

Мучубахилбакли находится на склоне водораздельного хребта на западе долины р. Багарор на расстоянии около 3 км от стоянки Малинкарат и приурочено к оконечности небольшого скалистого отрога. Культурные остатки, состоящие из керамики, кремневых изделий и песчаниковой терки, обнаружены под гумусом, в слое толщиной 0,30—0,50 м, вскрытом на площади 36 м². Следы построек не обнаружены.

Поселение Архинда расположено на том же склоне, что и Мучубахилбакли, примерно в 250—300 м ниже по реке. Занимает небольшую поляну, окруженную с трех сторон лесом и ограниченную с четвертой, восточной стороны глубоким ущельем. На вскрытой площади (48 м²) в слое толщиной 0,03—0,12 м найдены кремневые изделия и керамика. Здесь, как и на остальных поселениях, отсутствовали какие-либо следы построек. Незначительные вещественные археологические материалы

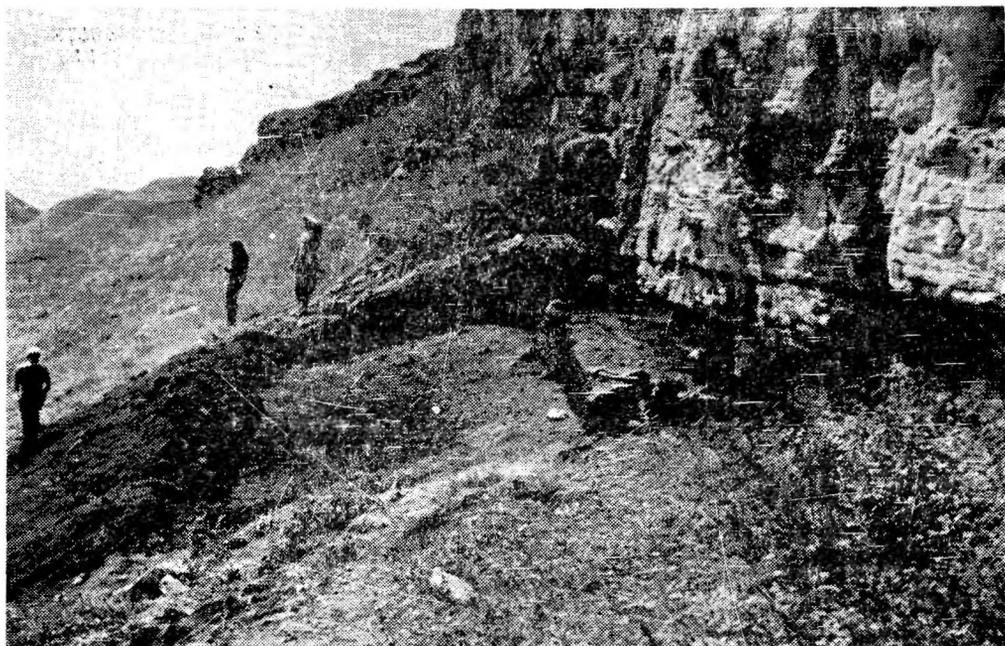

Рис. 5. Поселение Чинна. Общий вид

всех трех поселений полностью идентичны в культурном и хронологическом отношении и могут быть отнесены к энеолиту¹.

Поселение Чинна находится на северо-восточной окраине Хунзахского плато на высоте около 2 тыс. м над уровнем моря. Расположено на крутом, обращенном на северо-восток склоне, под скалистым обрывом высотой около 50 м и занимает узкую площадку вдоль скалы (80×5 м) под неглубоким (2 м) навесом и перед ним (рис. 5).

На поселении вскрыто около 70 м² площади (Атаев, Кушнарера, 1966, с. 68—72; Гаджиев М. Г., 1965, с. 61—62; 1980 а, с. 21—26). В культурном слое толщиной в среднем 0,60 м найдено большое количество обломков архаической керамики эпохи энеолита и бронзового века (в верхнем горизонте имеется и поздняя, средневековая керамика), кремневые и костяные предметы, а также кости домашних и диких животных. Каких-либо остатков жилых или иных бытовых сооружений на поселении не обнаружено. Обитатели его лишь расширили ровную площадку перед навесом с помощью каменной засыпки. Судя по инвентарю, Чинна функционировало в качестве временного поселения на протяжении весьма длительного периода: в энеолите и на всем протяжении бронзового века. Посещалось оно и в средневековую эпоху. По традиции навесом Чинна пастухи пользовались и в недавнем прошлом.

¹ В. Г. Котович относил ругуджинские стоянки к финальному неолиту (см.: Котович В. Г., 1964, с. 203), А. А. Формозов считал, что кремневый инвентарь этих стоянок может относиться и к энеолиту (см.: Формозов, 1977, с. 47, примеч. 25). К этому можно добавить, что и керамика этих стоянок имеет вполне энеолитический облик. См.: Гаджиев М. Г., 1981, с. 22—24.

Несмотря на определенные различия в топографии, характере и насыщенности культурных слоев и пр., все четыре рассмотренные поселения имеют много общего: 1) находятся в местах, не пригодных для занятия земледелием и, наоборот, чрезвычайно благоприятных для скотоводства, в особенности содержания и выпаса скота в летние сезоны; 2) расположены в местах, совершенно не благоприятных для постоянного проживания в зимних условиях; 3) ни на одном не обнаружены стационарные жилые или другие бытовые сооружения; 4) занимают небольшие территории; 5) в материалах поселений не представлен сколько-нибудь выразительный орудийный комплекс, связанный с занятием обитателей земледелием, а единственный обломок небольшой зернотерки из Чинна и терочник из Малинкарата свидетельствуют лишь о том, что продукты земледелия обитатели, очевидно, получали из постоянных (базовых) поселений.

Все это дает основание говорить об особом типе поселений, сложившихся в горной зоне весьма рано и функционировавших, в отличие от постоянных (базовых), только в летние сезоны как временные стоянки пастухов, содержавших и выпасавших стада на горных летних пастбищах.

Таким образом, в эпоху энеолита в горной зоне Северо-Восточного Кавказа окончательно сложились поселения двух типов: постоянные, рассчитанные на длительное обитание, и временные, сезонные, функционировавшие в летние периоды. В других областях Кавказа пока неизвестны столь ранние сезонные поселения. Возникновение таковых, в частности, в Закавказье фиксируется только с эпохи ранней бронзы, что Б. Б. Пиотровским связывается с крупными сдвигами в экономике кавказских племен в связи с усиленным развитием отгонного скотоводства и металлургии, приведшим к интенсивному освоению горных областей (Пиотровский, 1955 а, с. 5).

Во внутреннем горном Дагестане на сравнительно небольшой территории одной этнокультурной общности на заре истории производящего хозяйства уже существовали узкоспециализированные хозяйственные уклады и соответственно различные родоплеменные группы, специализировавшиеся в земледелии или скотоводстве. Одни группы жили в постоянных поселениях, а другие — во временных, ведя чуть ли не полукочевой образ жизни. Хорошо известно, что хозяйство раннеземледельческих племен периода сложившейся экономики нового типа было комплексным, многоотраслевым, с различной степенью развития отраслей. Таким же комплексным, по-видимому, было и хозяйство энеолитических племен горного Дагестана в эпоху энеолита. При этом необходимость существования у местных оседло-земледельческих племен наряду с постоянными поселениями временных стоянок пастухов объясняется особенностями ведения земледельческо-скотоводческого хозяйства в горных условиях, когда в зимнее время скот приходилось содержать на территории или вблизи оседлых поселений, а летом он перегонялся на горные пастбища, где у пастухов существовали временные стоянки. Примеров подобной системы ведения земледельческо-скотоводческого хозяйства в этнографии Дагестана достаточно много (Османов, 1984, с. 77—88; 1985, с. 21—36).

Необходимо иметь в виду, что реальная картина хозяйственной деятельности, которую мы пытаемся воссоздать по известным, пока не всегда полным материалам, могла быть весьма сложной. В этой связи умственно привести пример поселений загросской культурной общности VII—VI тыс. до н. э., показывающий, по заключению В. М. Массона, сложный характер процесса хозяйственной эволюции даже в пределах одной культурной общности (Массон, 1971, с. 114). Исследователь акцентирует внимание на особенностях двух поселений Загроса: Джармо с глинобитной архитектурой, принадлежавшего общине с преимущественно земледельческим хозяйством, и Тепе Сороб без глинобитных построек, представлявшего собой сезонное поселение пастухов, которые получали зерно от общин с экономикой типа Джармо, — демонстрируется существование разных путей развития производящего хозяйства даже в пределах однокультурных регионов. При этом он подчеркивает особую роль мобильных, преимущественно скотоводческих общин в экстенсивном распространении экономики нового типа (Там же, с. 114—115). Скорее всего, именно такие подвижные группы из среды земледельческо-скотоводческих общин играли основную роль в процессе первоначального хозяйственного освоения высокогорий Северо-Восточного Кавказа, распространении производящего хозяйства по вертикали и формировании в горной зоне постоянного населения с земледельческо-скотоводческим хозяйством и оседлым бытом. Особенно интенсивно этот процесс протекал в конце эпохи энеолита и начале бронзового века.

3. Хозяйственно-бытовой инвентарь

Рассмотрим теперь основные категории археологических материалов эпохи энеолита горного Дагестана, добытых в результате раскопок охарактеризованных выше разнотипных поселений.

Каменные индустрии

При изучении каменных индустрий эпохи энеолита горного Дагестана нами использован опыт классификации каменного инвентаря ранних земледельческо-скотоводческих культур юга СССР. Существуют два вида классификации: функциональная и формально-типологическая.

Функциональная классификация основана на изучении под биноклем следов работы на поверхности изделий и определении по ним их функции (трасология). Этот метод, разработанный в советской археологии под руководством С. А. Семенова, широко применяется Г. Ф. Коробковой для изучения раннеземледельческих каменных индустрий юга нашей страны: Средней Азии, Северного Причерноморья и Кавказа, в том числе Дагестана (Коробкова, 1960; 1969; 1975 а, с. 71—72; 1981; Коробкова, Кигурадзе, 1972, с. 53—58; Коробкова, Эсакиа, 1979, с. 45; Коробкова, Гаджиев М. Г., 1983, с. 130—143; Аразова, 1974), что имеет большое значение не только для реконструкции экономики первобытных обществ, но и выявления локальных и хронологических особенностей археологических культур и комплексов.

Однако методика проведения функционального анализа требует

специальной подготовки и пока недоступна широкому кругу специалистов, поэтому большее распространение имеют классификации, основанные на традиционном формально-типологическом методе. Но в археологии пока окончательно не разработаны единые принципы типологического анализа каменных изделий, в том числе и раннеземледельческого каменного инвентаря. Одним из характерных недостатков существующих классификаций является то, что в них не всегда соблюдается принцип единства типологии. В частности, совершенно неоправданным представляется выделение в типологических классификациях класса орудий труда, в том числе вкладышей серпов (Аразова, 1974, с. 13—16), что относится к области функциональной классификации, или объединения в одну группу морфологически различных изделий — орудий на отщепах и на пластинах, соотношение которых весьма важно для определения хронологии и выявления локальной вариабельности различных индустрий. С точки зрения единства принципа типологической классификации и объективности критерия оценки признаков наиболее выдержанной представляется типология, основанная целиком на морфологических признаках. Она разработана В. М. Массоном для анализа раннеземледельческих каменных индустрий Средней Азии. Кремневые изделия подразделяются на три большие группы: нуклеусы, пластины и изделия из них, отщепы и изделия из них. В каждой из групп выделяются типы и варианты (Массон, 1971, с. 28—33). В основном на эту классификацию мы опирались при анализе каменного инвентаря эпохи неолита горного Дагестана. Но при более детальном делении групп на типы и подтипы использовались другие типологические схемы, в которых учтены не только морфологические, но и типологические признаки изделий. В основу классификации каменного инвентаря эпохи неолита горного Дагестана положены материалы поселения Гинчи как наиболее исследованного в регионе памятника неолитического периода. В процессе раскопок Гинчи, помимо каменных зернотерок, терочников, речных галек, ретушеров и других изделий (рис. 6), найдено 156 предметов из кремня и два — из обсидиана. Кремль меловой, светло-серых — бежевых тонов. Выходы его встречаются в Левашинском, Акушинском р-нах, где сравнительно рано возникли мастерские по добыче и первичной обработке кремня в целях обмена (Котович В. Г., 1964, с. 198—203). Поселение Гинчи находится вдали не только от этих районов, но и от зоны естест-

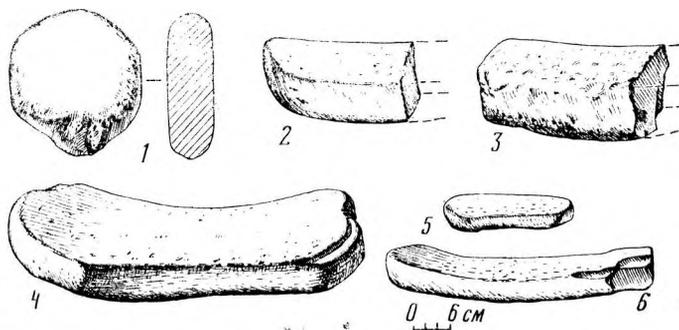

Рис. 6. Зернотерки поселения Гинчи (1—6)

венного месторождения высококачественного кремня. Поэтому кремневого сырья здесь немного и расходовался он исключительно экономно. Об этом свидетельствуют данные трасологического анализа индустрии Гинчи, указывающие на полифункциональные назначения многих орудий — 20,6% от количества всех изделий. Особенно типично использование в новой функции старых, изношенных или поломанных инструментов. Чаще всего это были вкладыши серпов, которые переделывались в скрепки, скобели, сверла, ретушеры и пр. Поэтому многие изделия вы-

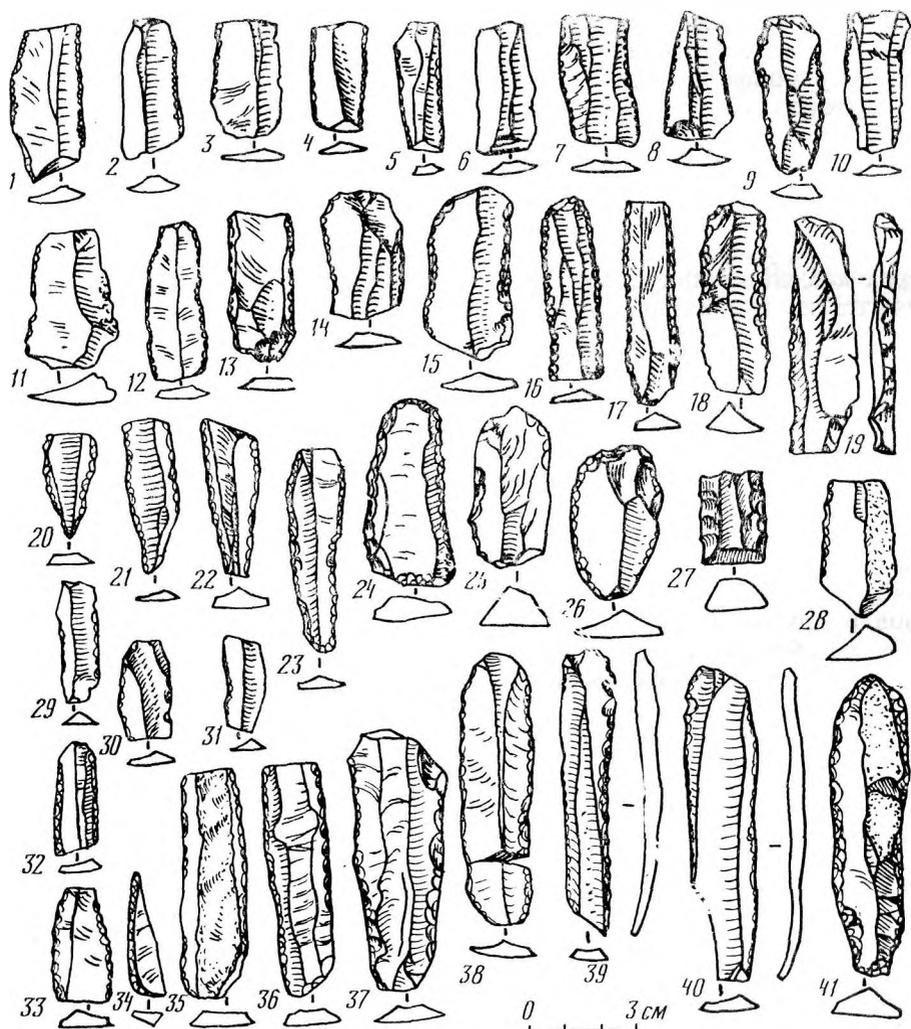

Рис. 7. Кремневые (1—11, 13—41) и обсидановое, (12) изделия поселения Гинчи
 1—5, 7—15, 17—19, 27—30, 32—40 — пластины с ретушью; 6—31 — пластины с выщербинами;
 20—21 — острия; 16, 24—26, 41 — скрепки

полняли по две—три функции. Для изготовления орудий использовались главным образом правильные призматические пластины трапециевидного и треугольного сечения, скалывавшиеся с призматических и пирамидальных нуклеусов (рис. 7). Вместе с тем, отщепы составляют почти половину всей коллекции — 77 экз., или 48,73% (табл. 1). В это число входят образцы, полученные при подготовке нуклеусов. Среди них много отщепов с желвачной коркой. Большинство не имело следов вторичной обработки.

О технике расщепления можно судить лишь по заготовкам орудий и отходам производства (табл. 2), так как нуклеусы практически отсутствуют. Как свидетельствует анализ типов заготовок, для индустрии Гинчи характерна пластинчато-отщеповая техника раскалывания камня. Однако, учитывая, что орудия труда сделаны в основном из пластин и резе из отщепов (13,20%), следует говорить о преобладании пластинчатой техники. На основе анализа данных табл. 2 и производственных статистических подсчетов выясняется, что при изготовлении орудий использовались главным образом крупные пластины, ширина которых

Таблица 1

Изделия			
Группа	Число	Доля типа изделий в пределах группы, %	Доля типа изделий от общего числа, %
Группа I. Нуклеусы	2		1,27
Группа II. Пластины и изделия из них:	58	—	36,71
пластины с ретушью на 2 краях	27	46,55	17,09
пластины с ретушью на 1 крае	11	18,96	6,96
пластины с выщербинами	5	8,62	3,16
пластины без ретуши	5	8,62	3,16
острия	4	6,89	2,53
скребки концевые	5	8,62	3,16
скребок-скобель	1	1,72	0,63
Группа III. Отщепы и изделия из них:	77	—	48,73
нож	1	1,30	0,63
скребок	1	1,30	0,63
резец	1	1,30	0,63
отщепы с участками ретуши	13	16,88	8,23
отщепы с выемками	2	2,60	1,27
отщепы с выщербинами	3	3,90	1,90
отщепы без следов вторичной обработки	56	72,73	35,44
Группа IV. Обломки, осколки и сколы:	21	—	13,29
обломки и осколки с ретушью	3	14,28	1,90
обломки и осколки без ретуши	16	76,19	10,13
краевой скол нуклеуса	1	4,76	0,63
скол переоформления орудий	1	4,76	0,63
<i>Итого</i>	158	100	100

Таблица 2

Группа	Тип	Заготовки		
		название	число	доля типа от общего числа, %
I	1	Пластины	56	46,7
		крупные	42	35
II	2	средние	14	11,7
	3	Отщепы	64	53,3
		крупные	2	1,6
		средние	24	20
	5	мелкие	38	31,7
		<i>Итого</i>	120	100

Таблица 3

Группа	Тип, подтип	Вторичная обработка (ретушь) изделий	Обработанные изделия	
			число	доля типа от общего числа, %
I	1	Заостряющая ретушь	22	50
		Мелкая	16	36,4
	а	со спинки по 1 краю	6	13,6
	б	со спинки по 2 краям	9	20,5
	в	со спинки по 3 краям	1	2,3
	2	Крупная	6	13,6
II	а	со спинки по 2 краям	3	6,8
	б	со спинки по 3 краям	3	6,8
	3	Затупливающая ретушь	21	47,7
		Мелкая	14	31,8
	а	со спинки по 1 краю	4	9,1
	б	со спинки по 2 краям	8	18,2
в	со спинки по 3 краям	2	4,5	
III	4	Крупная	7	15,9
	а	со спинки по 1 краю	2	4,5
	б	со спинки по 2 краям	3	6,8
	в	со спинки по 3 краям	2	4,5
	5	Комбинированная	1	2,3
		Сочетание затупливающей и заостряющей ретуши по 2 краям	1	2,3
		<i>Итого</i>	44	100

1,5—2 см (35%) Это образцы правильной призматической формы, длиной от 5 до 7,5 см. Значительно меньшим процентом представлены средние пластины шириной 1—1,4 см (11,7%), единичны макропластины шириной свыше 2,5 см (рис. 7) Микролитические элементы в индустрии полностью отсутствуют.

Среди отщепов наиболее распространены изделия мелких (1,5×3 см) и средних (3,1—5 см) размеров (соответственно 31,7 и 20%).

Вторичная обработка характеризуется разного рода ретушью. Из 121 орудия, просмотренного под биноклем, 44 имеют намеренное оформление краев (табл. 3), что составляет 36,7% от числа всех изделий.

Данные табл. 3 показывают, что заостряющая и затупливающая ретушь представлены почти равным количеством — 50 и 47,7% соответственно, причем как в I, так и II группе преобладает мелкая ретушь (36,4 и 31,8%), являющаяся основной в технике ретуширования орудий Гинчи. Определяющий способ нанесения ретуши со стороны спинки

Таблица 4

Группа	Тип	Изделия		
		название	число	доля каждого типа от общего числа, %
I		Пластины с регулярной ретушью	31	59,6
	1	по 1 краю	9	17,3
	2	по 2 краям	20	38,5
II	3	по 3 краям	2	3,8
	4	Пластины с нерегулярной ретушью по 2 краям	3	5,8
III		Скрепки	6	11,5
	5	концевые на пластинках с ретушью по боковым краям	5	9,7
	6	концевые на отщепах с ретушью по боковым краям	1	1,9
IV		Острия	3	5,8
	7	асимметричные, с ретушью по боковым краям	3	5,8
V		Резцы	1	1,9
	8	срединные на отщепах	1	1,9
VI		Отщепы с регулярной ретушью	4	7,7
	9	по 3 краям	2	3,8
VII	10	по 1 краю	2	3,8
	11	Отщепы с нерегулярной ретушью по 2 краям	3	5,8
VIII		Нуклеусы	1	1,9
	12	конусовидной формы	1	1,9
<i>Итого</i>			52	100

(преимущественно по двум продольным краям) — 54,6%. Совершенно не встречается зубчатая, противолежащая, двусторонняя ретушь. Неизвестен и способ нанесения ретуши со стороны брюшка. Техника резцового скола применена только трижды: в одном случае для получения лезвия резца, в другом — для оформления обушка ножа, в третьем — при переоформлении орудия. При изготовлении вкладышевых изделий, употреблявшихся в рукоятках или оправах, широко применялась техника выпрямления пластин путем отсечения верхнего, загнутого внутрь конца и уплощения ударного бугорка.

Исходя из морфологических и технических признаков индустрии Гинчи, всю коллекцию каменных изделий можно подразделить на восемь групп (табл. 4).

На основе анализа предложенного типлиста можно говорить о сравнительном однообразии набора типов изделий, в котором ведущее место принадлежит пластинам с регулярной ретушью — 59,6%. Характерными типами можно назвать скребки (11,5%), второстепенными — отщепы с регулярной и нерегулярной ретушью (7,7 и 5,8%) и острия (5,8%). Остальные типы представлены единично и по градации Г. Ф. Коробковой могут быть отнесены к малозначимым видам, насчитывающимся в индустрии не более 5% от числа набора типов изделий (Коробкова, 1975, с. 12).

Итак, по данным технико-морфологического анализа каменных изделий индустрия Гинчи вырисовывается как своеобразный комплекс, отличающийся определенными особенностями. Его можно охарактеризовать как макропластинчатый, без каких-либо признаков микролитонности. Основными заготовками орудий служат крупные призматические пластины, в меньшей степени пластины средних размеров (11,7%) и средние отщепы (13,2%). В технике вторичной обработки ведущее место занимает мелкая заостряющая (36,4%) и мелкая затупляющая (31,8%) ретушь, нанесенная только со стороны спинки и преимущественно по двум продольным краям (20,5 и 18,2% соответственно). В наборе типов изделий преобладают пластины с регулярной ретушью (59,6%) (рис. 7) и скребки преимущественно концевой формы (11,5%) (рис. 7, 16, 21), реже острия (рис. 7, 20—23). В целом инвентарь Гинчи с типологической точки зрения весьма беден.

С индустрией Гинчи неразрывно связаны коллекции каменных изделий, происходящих из некоторых древнейших поселений Северо-Восточного Кавказа. По сырью, технике первичной и вторичной обработки, набору изделий индустрия Гинчи находит полное тождество с инвентарем трех раннеэнеолитических поселений горного Дагестана (Малинкарат, Архинда, Мучубахилбакли), откуда происходит 193 каменных предмета (рис. 8) (Котович В. Г., 1964, с. 203—211).

В Малинкарате на поверхности и при зачистке обнажений культурного слоя собрано 33 кремня: ножевидные пластины, отщепы и осколки, а также найдена небольшая песчаниковая плитка, использовавшаяся в качестве терки.

В Архинда в культурном слое на площади 23 м² найдено 118 кремней; сечения и обломки ножевидных пластин, крупные обломки и мелкие осколки без следов вторичной обработки. Кроме них, здесь имеют-

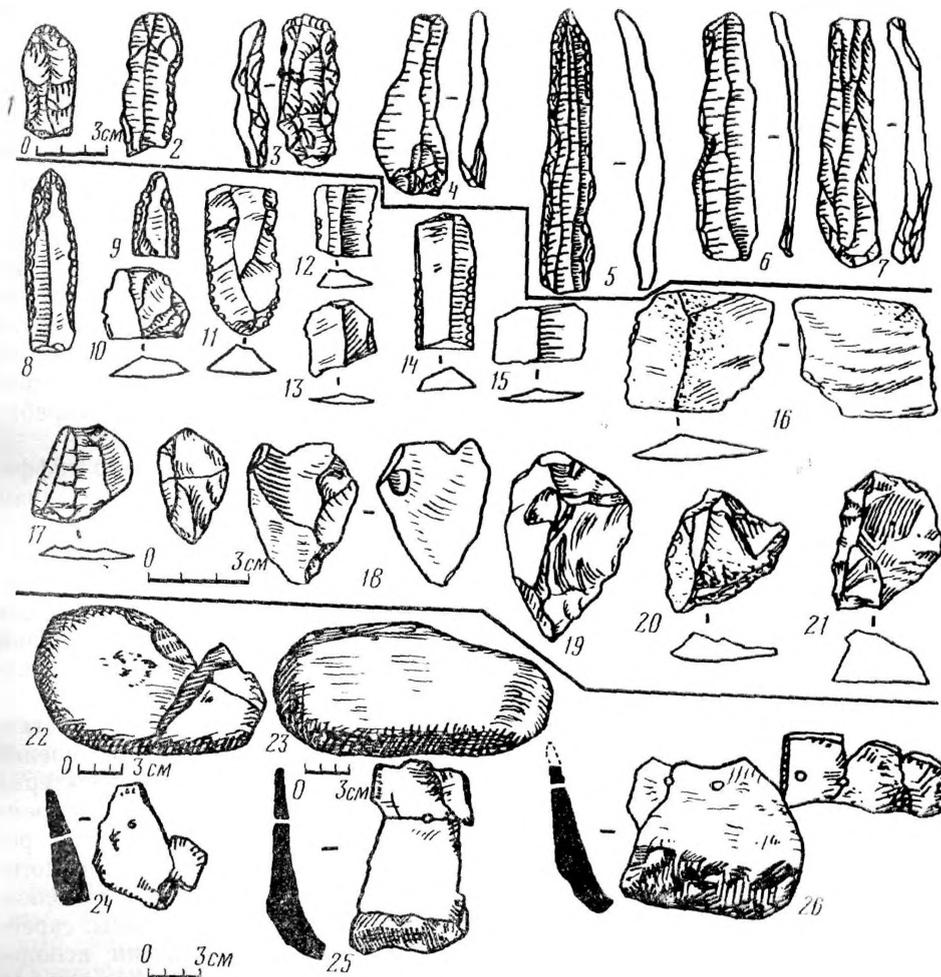

Рис. 8. Инвентарь Ругуджинских поселений

Кремневые изделия (1—21): 1, 3, 11 — концевые скребки; 2, 4, 7, 13, 15 — пластины без ретуши; 6 — пластина с выемкой; 10, 12, 16 — пластины с выщербинами; 14 — пластина с ретушью; 17—21 — отщепы; терки (22, 23); керамика (24—26)

ся правильные ножевидные пластины и отщепы со вторичной обработкой.

В Мучубахилбакли на площади 35 м² обнаружено 42 кремня. Помимо сечений и обломков ножевидных пластин, отщепов и осколков без следов вторичной обработки, в наличии правильные пластины и отщепы с ретушью. Имеется и уплощенная песчаниковая терка, аналогичная найденной в Малинкарате.

На всех трех памятниках для изготовления орудий использован такой же, как и в Гинчи, привозной высококачественный полупрозрачный меловой кремень сероватого цвета. По-видимому, можно говорить об

одном источнике этого сырья, расположенном около сел Цудахар и Куппа Левашинского р-на.

В коллекции рассмотренных ругуджинских памятников представлены в основном те же группы изделий, что и в Гинчи. Это пластины и изделия из них, отщепы и изделия из них, осколки (рис. 8)¹.

Ведущее место среди заготовок занимают крупные (длиной до 13,5 см) ножевидные пластины, отличающиеся от мелких и средних большей изогнутостью профиля. Пластины скалывались с пирамидальных и призматических нуклеусов и нередко использовались без нанесения ретуши. Она в основном мелкая, заостряющая, но имеется также крупная, затупливающая; противоположная и зубчатая отсутствуют вообще. Наносилась ретушь, как правило, со спинки. Так, в группе пластин выделяются пластины без ретуши, с участками ретуши и выщербинами, выемчатые, с краевой ретушью. На пластинах изготовлялись острия, проколки (пластины со сходящимися концами), концевые скребки (рис. 8, 1—16).

Вторая группа изделий — отщепы и изделия из них — мало дифференцированы (рис. 8, 17—21). Насколько можно судить по негативам сколов, они отделялись от нуклеидных кусков, не имевших правильной устойчивой формы (аморфные нуклеусы). Отщепы, имеющие подтреугольную или подпрямоугольную форму, использовались без дополнительной обработки, о чем свидетельствует выщербленность краев. Иногда они подправлялись по краям частичной заостряющей ретушью (Котович В. Г., 1964, рис. 48, 5—7). В коллекциях поселений Малинкарат и Архинда имеются также единичные резцы.

Таким образом, по сырью, технико-морфологическим особенностям, набору типов изделий кремневый инвентарь ругуджинских поселений принципиально не отличается от инвентаря Гинчи. Для них характерна также преимущественно крупнопластинчатая техника расщепления кремня. Изделия, как и в Гинчи, оформлялись краевой односторонней ретушью. Отсутствует зубчатая и противоположная ретушь. В типологическом отношении здесь также выделяются группы пластин и отщепов. Как и для комплекса Гинчи, типичны ретушированные пластины, скребки, острия. Присутствие более крупных, чем в Гинчи, пластин, использование их нередко без дополнительной обработки, наличие выемчатых пластин — различия не культурного, а скорее хронологического порядка, указывающие на большую архаичность инвентаря Ругуджа по сравнению с Гинчи. Известно, например, что на древнейшем поселении ранних земледельцев Средней Азии — неолитическом Джейтуне прием дополнительной обработки ретушью продольных пластин применялся очень редко (Массон, 1971, с. 29). Такие и другие архаические черты ругуджинских коллекций отмечались В. Г. Котовичем, относившим эти памятники к позднему неолиту (Котович В. Г., 1964, с. 203—217).

Дальнейшее развитие кремневой индустрии Ругуджа—Гинчи харак-

¹ На ругуджинских поселениях местными жителями в прошлом добывался кремль для огнив, кресал, молотильных досок. Их «раскопки» не только разрушили культурные напластования, но и обеднили содержание в них культурных остатков. Поэтому следует учесть неполноту коллекций. Процентное соотношение групп и типов в этих условиях может и не отражать объективной картины.

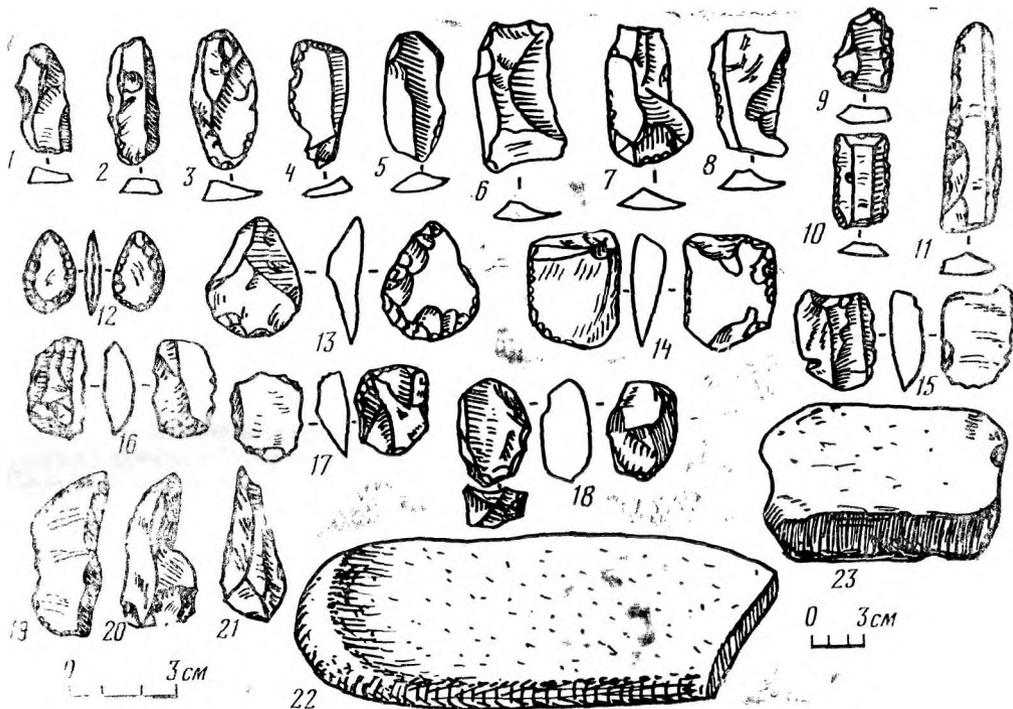

Рис. 9. Каменные изделия поселения Чинна

1—11 — кремневые пластины; 12, 13 — наконечники стрел; 14—17 — долотовидные орудия; 18 — отжимник; 19—21 — резцы, 22, 23 — зернотерки

теризует инвентарь поселения Чинна. Помимо обломков каменной зернотерки и терочника, пестов и отжимников-ретушеров из речных галек (рис. 9, 22, 23), раскопки Чинна дали значительную коллекцию кремневых изделий. Характерный для Гинчи и Ругуджа высококачественный светло-серый полупрозрачный кремнь в Чинна встречается редко. Основным сырьем для изготовления орудий здесь служил низкокачественный серый и черный кремнь, редко использовались кремнистый известняк и кварцит. Это указывает на существование у рассматриваемых индустрий разных источников сырья. Однако для выявления локальных и хронологических особенностей этих индустрий важно сопоставить их технико-морфологические характеристики.

В Чинна было найдено 254 кремневых предмета. Среди них: нуклеидные куски и изделия из них — 20 экз. (7,87%); пластины и изделия из них — 15 экз. (5,9%), отщепы и изделия из них — 126 экз. (49,61%); осколки — 93 экз. (36,61%) (см. рис. 9).

Деградирует техника расщепления пластин. В коллекции представлены только две правильные ножевидные пластины. Остальные имеют неправильные очертания краев и граней, трехгранное сечение и небольшие размеры — длина пластин не более 3,5 см (рис. 9, 1—11). Ретушь (мелкая, приостряющая, реже затупливающая) применялась редко и

обычно наносилась со спинки. Отсутствуют изделия с противоположащей и зубчатой ретушью.

Типологически среди пластин выделяются экземпляры с краевой ретушью: по двум краям — 3, по одному краю — 3; с выщербинами — 8; со сходящимися краями — 1. Таким образом, не только деградирует техника расщепления пластин, но и сокращается набор изделий, изготовленных на пластинах.

В группе отщепов 68 изделий с дополнительной обработкой или со следами использования, что составляет 53,97% в пределах группы, или 26,77% по отношению к общему количеству. Это свидетельствует о бесспорном преобладании в данной индустрии отщепов в качестве заготовок для изготовления орудий над пластинами. В наибольшем количестве представлены отщепы с участками ретуши: с выщербинами — 33 экз., с выемками — 13 экз.

В коллекции имеются также ретушер — 1 экз. и резцы — 5 экз. (рис. 9, 12, 21) Помимо известных в Гинчи, здесь представлены также новые изделия на отщепах: долотовидные орудия — 14 экз., рабочие лезвия которых образованы рядом сколов, лансенных с одной или двух сторон (рис. 9, 14—17), наконечники стрел листовидной формы — 2 экз. (рис. 9, 12, 13) Найдены изделия из нуклевидных обломков. Это 8 изделий с крупнозубчатыми краями (рис. 9, 18) и орудия из нуклевидных кусков, имеющие обычно клиновидную форму и очень сильно выкрошенные широкие рабочие края (один, реже два) Они типологически весьма близки долотовидным, но более массивны и скорее напоминают отжимники. Подобное орудие имеется и в коллекции ругуджинских стоянок.

Несмотря на то, что для индустрии Ругуджа—Гинчи совершенно не характерны изделия из нуклевидных обломков, долотовидные орудия и наконечники стрел, кремневый инвентарь Чинна генетически связан с индустрией Ругуджа—Гинчи и указанные различия между ними скорее хронологического порядка (хотя, судя по оригинальным изделиям Чинна, нельзя исключать и некоторое его локальное своеобразие, в какой-то мере определявшееся спецификой исходного сырья). Связь между индустриями прослеживается в пережиточном сохранении в Чинна (хотя и в деградирующей форме) пластинчатой индустрии, техники дополнительной обработки кремня, некоторых типов изделий. Что же касается абсолютного преобладания отщепов в качестве заготовок для производства орудий над пластинами, то оно отражает общую тенденцию развития кремневого инвентаря в раннеземледельческих культурах Кавказа в целом. Деграция кремневой индустрии, сокращение набора изделий (отсутствие скребков, острий и др.), очевидно, являются следствием широкого вхождения в быт металла.

Кремневый инвентарь рассмотренных памятников характеризует развитие одного из важнейших компонентов матерпальной культуры древнейшего оседло-земледельческого населения горного Дагестана на протяжении весьма длительного периода, от конца неолитической эпохи до начала эпохи ранней бронзы (V—IV тыс. до н. э.), в котором можно выделить три этапа. Первый этап характеризуется завершением процесса сложения крупнопластинчатой кремневой индустрии, которая лишена

всякой микролитоидности. К нему относится кремневый инвентарь ругуджинских поселений. Ко второму этапу, характеризующемуся расцветом пластинчатой индустрии, относится инвентарь поселения Гинчи. Ее упадок и деградация составляют особенность третьего этапа, представленного материалами поселения Чинна. Этот этап завершает длительный период господства в горном Дагестане камня как основного материала для изготовления орудий труда.

На Северном Кавказе наиболее выразительная коллекция каменных изделий, характерных для раннеземледельческих культур, происходит из поселения Агубеково близ Нальчика. Сопоставление типлистов индустрий Ругуджа—Гинчи и Агубеково показало их весьма близкое сходство (Гаджиев М. Г., 1978, с. 27—29). Помимо большого количества отщепов и осколков без следов дополнительной обработки (751 экз.), в индустрии Агубеково представлены пять нуклеусов для скалывания пластин и 45 изделий (орудий), имеющих законченную форму или обработанных дополнительной ретушью (Кричевский, Круглов, 1941, с. 55—59). Ведущее место среди заготовок, как и в Гинчи, занимают крупные пластины, сколотые с призматических и пирамидальных нуклеусов, отсутствуют микропластины и микролиты. Типы вторичной обработки аналогичны Гинчи. Лишь на некоторых пластинах встречается плоская ретушь, несколько глубже заходящая на сторону спинки. Кроме того, в наборе орудий имеются долотовидные изделия, нуклеидные скребки, наконечник стрелы, неизвестные в Гинчи. Аналогичный агубековскому кремневый инвентарь происходит также из насыпей Нальчикского могильника и курганов в Кабардинском парке (Круглов, Пиотровский, Подгаецкий, 1941, с. 109—112; Деген, 1941, с. 234—236; Гаджиев М. Г., 1978, с. 29—31). Несмотря на отмеченные незначительные различия, свидетельствующие о некоторой локальной специфике Агубековского поселения, в целом инвентарь последнего и близких к нему памятников Центрального Предкавказья по технико-морфологическим признакам больше тяготеет к памятникам Северо-Восточного Кавказа, чем к другим областям рассматриваемого региона.

На территории Северо-Западного Кавказа на протяжении длительного отрезка времени, начиная с неолита и кончая эпохой бронзы, господствовала иная традиция в технике обработки камня. Для этого района характерна микролитоидная индустрия, а в наборе типов изделий встречаются пластины с выделенной головкой и притупленным краем, двусторонне обработанные орудия и др. (Каменноостская пещера, Овечка, Мешоко) (Формозов, 1965, с. 55—57, рис. 21, 22; Столяр, 1961, с. 73—98). Прикубанские поселения находят яркие аналогии в неолитических и энеолитических памятниках Западного Закавказья (Формозов, 1962, с. 124—138; Небиеридзе, 1972, с. 113—118; Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 46—48, рис. 18; Джавахишвили Г. И., 1971; Джапаридзе, 1976, с. 320, рис. 30, 31), с которыми их сближает наличие микролитоидных черт в технике расщепления камня и сходство в наборе инвентаря.

В эпоху энеолита на территории Восточного и Южного Закавказья была распространена своеобразная раннеземледельческая культура, состоящая из нескольких вариантов или групп памятников, включающих Шулаверисгора, Имирисгора, Цопи, Арухло, Шому-тепе, Кюль-тепе,

Аликемек-тепеси, Хатунарх, Техут и др. Каменный инвентарь поселений шомутепе-шулаверской, или шулавери-шомутепинской, культуры характеризуется пластинчатой техникой расщепления, в основе которой лежало получение крупных и средних пластин правильной призматической формы, прямого профиля, без ярких признаков микролитности (**Коробкова, Кигурадзе, 1972, с. 53—55; Аразова, 1974, с. 22—27; Кигурадзе, 1976, с. 151—165**) Неожиданно появившиеся в поздних слоях или поселениях (Цопи, Арухло I, Имирисгора, Храмис-Дидигора и др.) единичные геометрические микролиты практически оказались здесь случайными изделиями, составлявшими в индустриях этих памятников меньше 1% (**Коробкова, Эсакия, 1979, с. 53**). Для техники вторичной обработки типична мелкая затупливающая и заостряющая ретушь, нанесенная чаще всего со стороны спинки по одному или двум краям, для набора орудий характерны пластины с ретушью, выемчатые изделия, резцы. По типам заготовок и основным видам ретуши индустрия шомутепе-шулаверской культуры как будто бы близка памятникам типа Гинчи и Ругуджа, но для первой характерны разнообразные приемы вторичной обработки, в том числе использование противоположащей, зубчатой и двусторонней ретуши, подтески, шлифовки и т. д., что совершенно нетипично для вторых. В Гинчи сырьем для орудий служил в основном кремнез, а в памятниках шомутепе-шулаверского типа — преимущественно обсидиан. Население Восточного Закавказья частично использовало в качестве заготовок орудий микропластины, реже — геометрические микролиты, а Северо-Восточного Кавказа — только крупные и средние пластины. Шомутепинцы обладали разнообразным арсеналом инструментов, обитатели Гинчи — весьма ограниченным набором, отличающимся от первого как составом, так и количественными соотношениями типологических групп (**Коробкова, Кигурадзе, 1972, с. 53—55; Аразова, 1974, с. 28—30; Кигурадзе, 1976, с. 151—167; Коробкова, Эсакия, 1979, с. 47—53**). Все сказанное свидетельствует о том, что между памятниками типа Гинчи и Шомутепе существовали значительные расхождения, относящиеся к различиям культурно-хронологического порядка. Однако каменные индустрии некоторых памятников Восточного Закавказья, в частности северной зоны (Кахетии), по технико-морфологическим и типологическим характеристикам весьма близки северо-восточнокавказским, в особенности индустрии Чинна, что, по-видимому, говорит об определенном культурном сходстве этих смежных областей.

Таким образом, данные технико-морфологического анализа индустрии Гинчи, Ругуджа, Чинна и сравнительной характеристики с другими неолитическими и энеолитическими комплексами Западного и Восточного Кавказа позволяют говорить о наличии на Северо-Восточном Кавказе нового раннеземледельческого культурного очага, к которому довольно близки по данным каменных индустрий некоторые памятники Центрального Кавказа, Предкавказья и северной зоны Закавказья (Кахетии)

Трасологическое исследование материалов Гинчи, проведенное Г. Ф. Коробковой, значительно обогатило наше представление об индустрии и экономике этого интересного поселения (**Коробкова, Гаджиев М. Г., 1983, с. 136—142**). Заметно пополнился и стал более разнообраз-

ным состав орудий труда. Последние были выявлены среди отбросов производства, старых изношенных изделий. Функциональная характеристика материала особенно важна для хозяйственной палеорекострукции и выявления локальных особенностей в экономике того или иного общества. В какой-то степени данные трасологического анализа содержат информацию этнокультурного порядка. Так, например, на основе следов износа на вкладышевых орудиях можно реконструировать тип самого наборного инструмента, специфичного только для определенного памятника или культуры. Данные реконструкции серпов из Гинчи показывают, что обитателям этого поселения было известно несколько типов жатвенных орудий (рис. 10, 1—3), среди которых ведущее место занимал серп изогнутой, или полулунной, формы, лезвие которого состояло из одной крупной удлиненных пропорций кремневой пластины с ретушью по краям (Коробкова, 1978, с. 39, 47). Такие образцы, как правило, обладали самой высокой продуктивностью (1,1 м²/мин), на что указывают результаты многочисленных экспериментов. Несколько производительнее лишь аналогичные серпы, оснащенные обсидиановыми вкладышами. Последние единично представлены в индустрии Цопи и Хатунарха.

На территории Западного и Восточного Закавказья в это время бытовали иные серпы: тоже изогнутых очертаний, но со вкладышами, которые вставлялись в рукоятку либо в виде зубчиков, либо параллельно в паз полулунной оправы, образуя сплошное лезвие из нескольких плотно подогнанных пластин. Первый тип характерен для всей шомутепинской культуры, второй — только для Аликемек-тепеси (рис. 10, 1, 2).

Своеобразный тип серпа из Гинчи еще раз подтверждает специфику индустрии этого поселения, отражающую, с одной стороны, местные технические традиции в изготовлении орудий, с другой — высокий уровень развития производительных сил данного общества и этнокультурные особенности инвентаря Гинчи.

Результаты трасологического анализа материалов данного памятника показали, что орудия труда составляют 56,2%, нуклеусы — 0,8% и отходы производства — 43%. Однако для полноты функциональной характеристики полифункциональные, или комбинированные, изделия необходимо учитывать в строгом соответствии с выполняемой ими функцией. Например, орудие, выполнявшее три функции — развертку, боковой скребок на двулезвийном серпе, — следует отнести к трем разря-

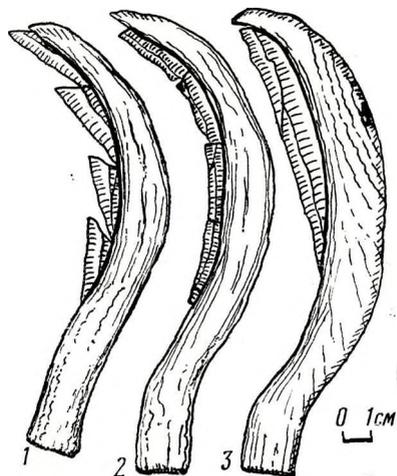

Рис. 10. Реконструкция жатвенных орудий поселения Гинчи

1 — полулунный зубчатый серп; 2 — полулунный серп с плотно подогнанными вкладышами; 3 — полулунный однопластинчатый серп

Таблица 5

Группа	Тип	Орудия				
		название	число	доля типа от общего числа, %	число орудий с учетом комбини- рованных	доля типа орудий, с учетом комбини- рованных, от общего числа, %
I		Вкладыши серпов	7	10,3	15	17,85
	1	с 1 лезвием	3	4,4	5	5,9
	2	с 2 лезвиями	4	5,9	10	11,9
II		Скребки	24	35,3	31	36,9
	3	боковые с 1 лезвием	8	11,8	8	9,5
	4	боковые с 2 лезвиями	9	13,2	14	16,7
	5	концевые-боковые с 2 лезвиями	2	2,9	2	2,4
	6	концевые-боковые с 3 лезвиями	4	5,9	6	7,1
	7	концевые с 2 лезвиями	1	1,5	1	1,2
	III		Ножи для разделки мяса	9	13,2	10
8		с 1 лезвием	6	8,8	7	8,3
9		с 2 лезвиями	3	4,4	3	3,6
IV		Скобели	10	14,7	15	17,85
	10	с 1 лезвием	4	5,9	6	7,1
	11	с 2 лезвиями	4	5,9	7	8,3
	12	с 3 лезвиями	1	1,5	1	1,2
	13	с круговым лезвием	1	1,5	1	1,2
V		Сверла	2	2,9	4	4,8
	14	с асимметричным острием	2	2,9	4	4,8
VI		Резцы	1	1,5	1	1,2
	15	со срединным лезвием	1	1,5	1	1,2
VII		Ретушеры	1	1,5	6	7,1
VIII		Комбинированные орудия	14	20,6	—	—
	16	развертка-боковой скребок на двулезвий- ном серпе	1	—	—	—
	17	боковой скребок с 2 лезвиями на одно- лезвийной пилке	1	—	—	—
	18	боковой скребок с 1 лезвием на двулез- вийном серпе	1	—	—	—
	19	боковой скребок с 1 лезвием на однолезвий- ном серпе	1	—	—	—

Таблица 5 (окончание)

Группа	Тип	Орудия				
		название	{число}	доля типа от общего числа, %	число орудий с учетом комбини- рованных	доля типа орудий, с учетом комбини- рованных, от общего числа, %
VIII	20	концевой-боковой скребок с 3 лезвиями на двулезвийном серпе	2	—	—	—
	21	скобель с 1 лезвием на однолезвийном серпе	1	—	—	—
	22	ретушер-боковой скребок с 3 лезвиями на двулезвийном серпе	1	—	—	—
	23	ретушер на двулезвийном скобеле	2	—	—	—
	24	ретушер на однолезвийном скобеле	1	—	—	—
	25	ретушер на двулезвийном ноже	1	—	—	—
	26	сверло-скобель с 2 лезвиями	1	—	—	—
	27	сверло на двулезвийном серпе	1	—	—	—
IX		Пилки	—	—	1	1
	28	с 1 лезвием	—	—	1	1,2
X		Развертки	—	—	1	1,2
<i>Итого</i>			68	100	84	100

дам: серпов, скребков и разверток, т. е. с учетом комбинированных изделий число собственно орудий заметно увеличится.

Как видно из табл. 5, в индустрии Гинчи содержатся скребки, скобели, вкладыши серпов, ножи для разделки туш убитых животных, сверла, резцы, ретушеры и полифункциональные орудия.

Результаты сравнительного анализа табл. 5 и статистические подсчеты выделенных групп орудий показывают, что ведущими типами следует назвать скребки — 31 экз., или 36,9% (рис. 7, 7, 16, 24—26, 34, 39, 40). Среди них преобладают боковые с двумя — 14 экз., или 16,7% (рис. 7, 2, 7, 39, 40), и одним — 8 экз., или 9,5% (рис. 7, 34), рабочими краями. Заготовками для них служили правильные призматические пластины; оба края, реже один, как правило, ретушированы. Только в одном случае лезвие скребка покрыто выщербинами, образовавшимися от работы. В пяти случаях заготовками являлись изношенные вкладыши серпов (рис. 7, 5). Боковые скребки как новый вид орудий впервые выделены в неолите Средней Азии и Казахстана и считались характерными для раннеземледельческих комплексов этого региона (Коробкова, 1969, с. 20). Обнаружение их в Гинчи и энеолитических индустриях Кавказа (Аразова, 1974, с. 24) свидетельствует об определенном параллеле-

лизме в развитии каменного инвентаря Средней Азии и Кавказа.

В группе скребков Гинчи выделены орудия концевой-боковой формы с тремя — 6 экз., или 7,1% (рис. 7, 24, 26), и двумя — 2 экз., или 2,4%, лезвиями и двойной концевой скребком (рис. 7, 25). Встречены изделия, изготовленные на серпах (рис. 7, 13, 16, 41) Второе место занимают скобели (рис. 7, 4) и вкладыши серпов (рис. 7, 13, 17), насчитывающие по 15 экз., или 17,85% Первые представлены довольно широким ассортиментом: с двумя лезвиями — 7 экз. (рис. 7, 4), с одним, тремя лезвиями и круговым лезвием — по 1 экз. Среди них выделяются пять орудий: изготовленное на однолезвийном серпе (рис. 7, 18), три переделанных в ретушеры и сверло.

Характер следов износа на вкладышах серпов позволяет реконструировать три типа жатвенных орудий (рис. 10, 1—3). Это серпы шумутепинского типа с лезвием в виде зубчиков — 2 экз., серпы изогнутой формы с несколькими плотно подогнанными вкладышами, образующими сплошное лезвие, — 23 экз., орудия подобной же формы, но с одной крупной пластиной удлиненных пропорций — 10 экз. (рис. 10, 3). Последние изделия почти полностью тождественны жатвенным инструментам из Хатунарха, Кюль-тепе, Цопи на Кавказе и Ярым-тепе в Северной Месопотамии (Абибуллаев, 1963, с. 159; Нариманов, 1971, с. 13; Торосян, 1971; Коробкова, Эсакия, 1979, с. 59; Мерперт, Мунчаев, 1981, с. 218) В группе серпов преобладают орудия с двумя рабочими краями — 10 экз. (рис. 7, 14, 16, 37, 41), имеющих одно лезвие — только 5 экз. (рис. 7, 5, 13) Восемь жатвенных инструментов переделаны в скребки (рис. 7, 5, 13, 16, 41), скобели (рис. 7, 18), развертки (рис. 7, 14), ретушеры (рис. 7, 16)

Типичными орудиями, выделяемыми трасологически, являются ножи для раздела туш животных — 10 экз., или 11,9% (рис. 7, 3, 9, 35) двулезвийных — 7 экз., с одним рабочим краем — только 3 экз. Заготовки для них служили преимущественно пластины с краевой ретушью по одному или двум краям, пластины с выщербинами, отщепы. Одно орудие переделано в ретушер.

Сравнительно высоким процентом представлены ретушеры — 6 экз., или 7,1%, в основном выполненные из старых изношенных орудий — скобелей, ножей, серпов (рис. 7, 30, 36) Только в одном случае определен ретушер, использовавшийся в монофункции. Это орудие с круговым лезвием.

Эпизодически встречены сверла из предельно сработанных серпов и скобелей — 4 экз., или 4,8% (рис. 7, 20, 21), резцы — 1 экз., пилки — 1 экз. (рис. 7, 38), развертки — 1 экз. (рис. 7, 14). Последние три типа можно отнести к разряду случайных орудий, причем пилка и развертка выполнены из старых или переделанных инструментов.

Такова функциональная характеристика инвентаря поселения Гинчи. На основании анализа табл. 5 выяснено, что определяющими типами изделий являются скребки, характерными — вкладыши серпов, скобели и ножи. Сферы производства, связанные с этими орудиями, занимают ведущее положение в хозяйстве обитателей Гинчи.

Данные сравнительного сопоставления функциональных типлистов Гинчи, Цопи, Шулаверисгора, Арухло II и III, Шому-тепе, Аликемек-

тепеси и других синхронных памятников Восточного Закавказья показали, что для всех них типично сложное производящее хозяйство земледельческо-скотоводческого направления. Вместе с тем, учитывая процентные соотношения орудий, занятых в той или иной отрасли экономики или домашних производствах, данные экологической ситуации расположения сравниваемых поселений, палеоэтноботанических, палеозоологических и этнографических исследований, можно заметить между рассматриваемыми хозяйственными комплексами некоторые различия локального характера. Последние прослеживаются как в пределах основных отраслей, так и домашних промыслов.

Г. Ф. Коробкова выделяет на Кавказе три хозяйственных типа. 1) земледельческо-скотоводческо-охотничий; 2) земледельческо-скотоводческий с вспомогательной ролью охоты и рыболовства; 3) скотоводческо-земледельческо-охотничий (Коробкова, 1981, с. 18—21, Коробкова, Гаджиев М. Г., 1983, с. 141). Отмеченные выше различия и выделения среди хозяйственных комплексов Кавказа разных типов свидетельствуют о локальной вариабельности, прослеживаемой в основах хозяйства (Коробкова, 1972; Коробкова, 1980, с. 25) Наблюдаются некоторые расхождения и в домашних производствах сравниваемых памятников. В Шому-тепе, Шулаверисгора, Арухло I, II и III, Цопи ведущим было производство по обработке дерева, кости и рога, с ним связано более 20% орудий. При этом в Шулавери, Арухло II и III большое значение приобрела резьба по кости и рогу, в то время как в Цопи соответствующие инструменты составляют около 5%, а в Гинчи — менее 1%. Последний памятник отличается от Шулавери, Арухло I, II и III ведущим положением кожевенного производства, охватывающего более 27% всех орудий труда.

Некоторые локальные расхождения прослеживаются и в наборе ряда типов орудий. Например, типичные для поселений Азербайджана вкладыши серпов с угловой заполировкой (Аразова, 1974, с. 24—26) в Гинчи встречены эпизодически. Долотовидные орудия и резцы, широко распространенные в закавказских памятниках, в Гинчи либо единичны, либо вовсе не представлены.

Следовательно, трасологическое исследование кремневого инвентаря поселения Гинчи подтверждает вывод о существовании на Северо-Восточном Кавказе своеобразного локального очага раннеземледельческой культуры, сделанный на основе данных его технико-морфологического анализа.

Костяные изделия

Костяной инвентарь эпохи энеолита горного Дагестана представлен 70 предметами, из которых 50 происходят из Гинчи, а 20 — из Чинна (рис. 11). Восемь предметов из Гинчи исследовано под биноклем Г. Ф. Коробковой. В коллекции имеется три предмета из рога. один — часть ветвистого рога оленя с отростком, использовавшаяся, по-видимому, в качестве какой-то рукоятки; другой — изогнутый рог длиной около 30 см с заполированным заостренным концом; третий — орудие длиной 17 см с многогранной поверхностью (в сечении

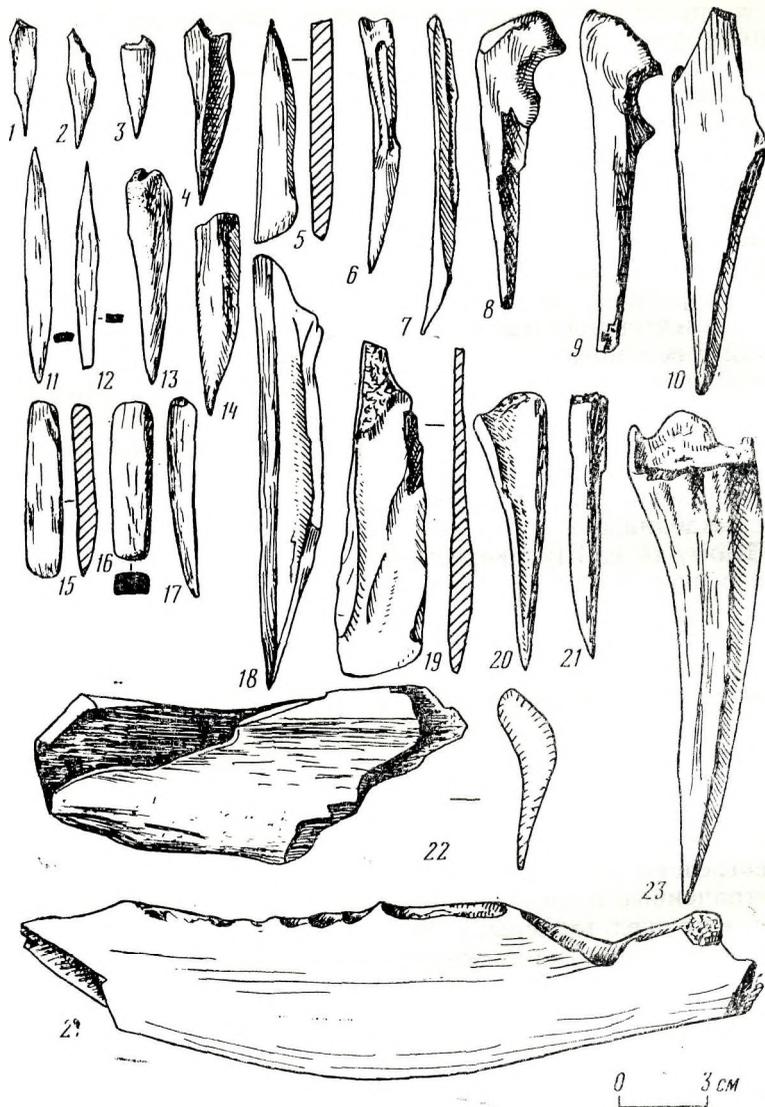

Рис. 11. Костяные изделия поселений Гинчи (1—14, 19—24) и Чинна (15—18)

многоугольник) и с заостренным отполированным рабочим концом круглого сечения. Грани на поверхности последнего орудия имеют очень четкие очертания, что допускает возможность его изготовления с помощью металлического ножа (рис. 11, 23). Трасологически установлено, что это кочедык для плетения циновок — орудие, хорошо известное у неолитических племен Средней Азии (Коробкова, 1969). И в Гинчи, и в

Чинна циновки находили самое широкое применение, в частности в качестве подстилок или форм при изготовлении глиняной посуды.

Среди костяных изделий Гинчи имеются долотовидные или тесловидные орудия, изготовленные из расщепленных массивных трубчатых костей, рабочие концы которых заточены асимметрично (рис. 11, 5, 19). Почти вся поверхность, особенно рабочая половина орудий, отполирована до блеска. Трасологический анализ показал, что одно из них является скребком для сгонки шерсти, а другое — шпателем, использовавшимся при изготовлении глиняных сосудов. Подобные изделия выделены Г. Ф. Коробковой в неолитических поселениях Средней Азии (Карадепе) (Коробкова, 1969). Они использовались также в качестве лоцил при обработке поверхности глиняной посуды и кожи и имели широкое распространение в раннеземледельческих поселениях Восточного Закавказья (Шому-тепе, Шулавери, Имирисгора и др.) (Нариманов, 1965, с. 50; 1966, с. 124; Кигурадзе, 1976, с. 50).

Из поселения Чинна происходит близкий к долотовидным изделиям костяной предмет, у которого рабочий конец четко не выражен (рис. 11, 16).

Основная масса костяных предметов связана с кожевенным производством, обработкой шкур и их утилизацией. Это главным образом шилья различных форм, изготовленные в основном из расколотых длинных трубчатых костей: из обломков диафизных частей и фрагментов неустойчивых форм, один конец которых тщательно отделан под острие. Диафизы отрезаны. Большинство экземпляров имеют четко выделенные тонкие, как у металлических шильев, жальца (рис. 11, 1—4; 17, 18, 20, 21). Двумя экземплярами представлены шилья с эпифизами, сохраненными для упора (рис. 11, 8, 9). Одно из таких шильев с обломанным рабочим концом использовалось и в качестве ретушера (рис. 11, 8). Два шила сделаны как двусторонние орудия (рис. 11, 11, 12).

Интересное костяное изделие из Гинчи — нижняя челюсть оленя. От длительного употребления зубы сточены полностью. Вся поверхность отполирована почти до зеркального блеска. Трасологическим анализом установлено, что это скоблящее орудие для обработки шкур, т. е. струг (рис. 11, 24).

Одно орудие изготовлено из лопатки животного. Рабочий край его образован из обломанной средней стенки, а рукояткой служил утолщенный край лопатки (рис. 11, 22). Специальное изучение подобных орудий из поселения Джейтун показало, что они использовались в качестве скребков для очистки шкур от мездры (Коробкова, 1969, с. 127).

Таким образом, большинство костяных изделий эпохи энеолита горного Дагестана является обычным орудийным комплексом раннеземледельческих культур. Костяной инвентарь из Гинчи и Чинна в целом значительно беднее как по количеству, так и ассортименту по сравнению с инвентарем из памятников эпохи энеолита Закавказья. В частности, на поселениях Центрального Закавказья наряду с указанными инструментами широко представлены мотыги, ложки, муфты, наконечники стрел, так называемые навершия жезлов из рогов оленя и др. (Нариманов, 1965, с. 48; 1966, с. 124—125; Кигурадзе, 1976, табл. 13—15, 30—33).

Керамика

Наиболее массовым материалом, в котором ярко отразилось культурное своеобразие энеолитических памятников горного Дагестана, является керамика, представленная почти исключительно глиняной посудой. Она достаточно разнообразна, характеризуется весьма развитыми формами, довольно высоким качеством изготовления. Словом, все указывает на то, что перед нами не самая ранняя ступень развития этого вида производства. Коллекция керамики состоит из более чем 8 тыс. фрагментов и отдельных, частично восстанавливаемых сосудов. В основу ее классификации положен керамический комплекс поселения Гинчи из достаточно хорошо стратифицированных культурных напластований.

На вскрытой площади (320 м²) найдено около 3300 фрагментов керамики. Вся керамика плоскодонна, изготовлена ручным способом без применения вращающегося приспособления. При этом она отличается разнообразием форм, симметричностью построения и нередко изяществом. Последнее относится особенно к высококачественным сосудам малых форм.

Керамика Гинчи характеризуется высоким качеством обжига. За исключением некоторых грубых кухонных сосудов, она обжигалась равномерно, на всю толщину черепка. Только изредка встречаются двух- или трехцветные в изломе черепки. Цвет поверхности в основном красный разных оттенков, реже серый. Обжиг посуды, особенно высококачественной парадной, доведенный порою до степени закалки фаянса, предполагает знакомство обитателей поселения с развитыми сложными обжигательными приспособлениями. Судя по ошлакованной и оплавленной поверхности отдельных черепков, в обжигательных сооружениях достигалась очень высокая температура, которая при необходимости могла регулироваться. По-видимому, гинчинцам были известны специальные и довольно совершенные гончарные горны. В это время на Кавказе уже существовали весьма развитые двухъярусные гончарные печи. Несколько подобных печей с корытообразной топкой раскопано на энеолитическом поселении Аликемек-тепеси (Махмудов, Нариманов, 1974 а, с. 12).

Типологическая классификация керамики Гинчи затруднена из-за фрагментарности последней. Она в основном представлена мелкими, не поддающимися реставрации обломками. Удалось реставрировать почти полностью только один грубый кухонный горшок. Поэтому о формах керамических сосудов можно судить в основном по отдельным выразительным обломкам.

В керамике Гинчи выделены следующие группы: кухонная, столовая, тарная и высококачественная парадная. Однако встречаются и промежуточные варианты. В частности, среди керамики, отнесенной ко второй группе, нередко попадаются обломки сосудов со следами интенсивной копти, что свидетельствует об использовании части столовой посуды в качестве кухонной. Отнесение части горшков к столовой или тарной группам зависит в основном от размеров; парадная посуда в типо-

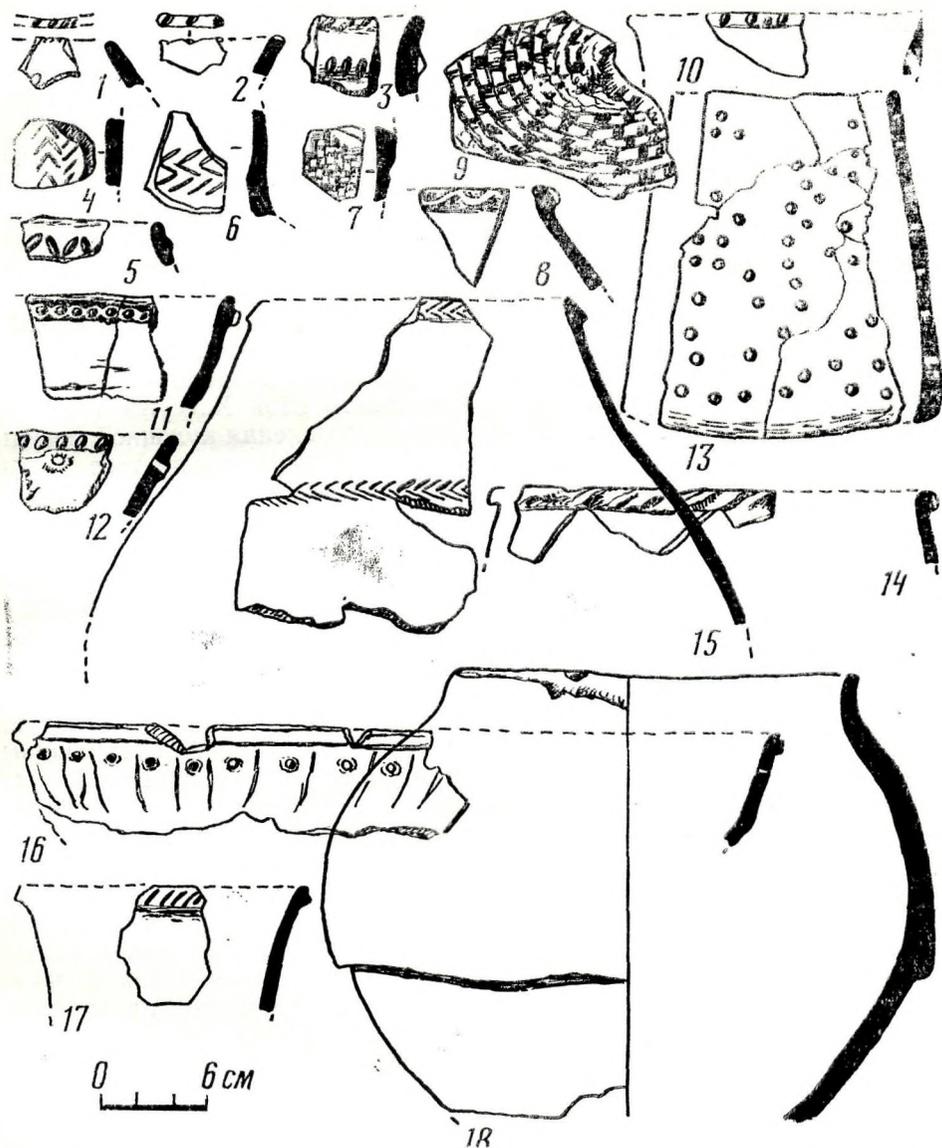

Рис. 12. Кухонная керамика поселения Гинчи (1—18)

логическом отношении существенно не отличается от столовой, но качество ее изготовления более высокое. Поэтому следует иметь в виду определенную условность выделения групп керамики по функциональному признаку.

Кухонная керамика (рис. 12) изготовлена из грубой по составу глины, содержащей большое количество крупных включений дресвы и речного песка. Только в одном случае в глине содержались растительные примеси, но не во всей толще черепка, а лишь в поверхностной прослойке.

Разнообразны приемы изготовления кухонной посуды. Наряду с ленточным способом, при котором сосуд наращивался постепенно наложением друг на друга плоских глиняных жгутов, широко практиковалось изготовление в различных формах. Донная часть некоторых сосудов лепилась, по-видимому, в ямах, обсыпанных песком, а тулово затем наращивалось ленточным способом. Поверхности таких донных частей — шероховатые, с трещинами или бугристые. Подобные сосуды в нижней части имели резкие перегибы — уступы, соответствующие высоте ямы (рис. 12, 18), что напоминает арханческую керамику с подкосом в придонной части, характерную для древнейшего слоя Хассуны (Массон, 1964, с. 56). Часто в качестве формы для изготовления кухонной посуды применялись различные плетенные из рогами и тонких прутьев корзины, от которых после обжига на поверхности и донцах оставались четкие отпечатки различных способов плетения (рис. 12, 17, 9). Толщина стенок кухонных сосудов нередко достигала 1,5—1,7 см, но встречались и сравнительно тонкостенные. Поверхности кухонных сосудов обрабатывались по-разному. На поверхности сосудов, которые изготавливались в формах, сохранялись отпечатки внутренней стороны форм (циновок, корзин, песка). Верхние части таких сосудов заглаживались. Иногда они покрывались толстым слоем ангоба, который затем заглаживался или подвергался слабому лощению. Из-за грубости теста кухонные сосуды имеют зачастую бугристую поверхность, на которой выступают неровности и частицы примесей. Обжиг кухонной керамики в целом неплохой. Цвет керамики разных оттенков — от охристого до буроватого. Редки сосуды серого цвета. И в этом случае черепки в изломе коричнево-оранжевые.

Кухонная керамика представлена в основном двумя типами. К первому относятся жаровни — мискообразные сосуды с прямыми или округлыми боками и со сквозными отверстиями, расположенными под закраиной (рис. 12, 16). К ним примыкают сосуды подобной формы, но не имеющие сквозных отверстий. Для этого типа кухонной посуды орнаментация не очень характерна. Единичные случаи представлены прочерченными вертикальными линиями (рис. 12, 16), пальцевыми защипами, насечками на краях, а в одном случае — валиком с защипами (рис. 12, 1—3, 11).

Второй тип — горшки, представляющие собой сосуды с широкими, слабо выраженными горловинами, сильно вздутыми туловами и в большинстве с подкосом в придонной части (рис. 12, 18). Некоторые имеют собранное или стянутое устье. Закраины горшков и венчики иногда украшены зигзагообразными желобчатыми узорами (рис. 12, 5), косыми нарезными линиями, волнистым рельефным валиком (рис. 12, 8), елочкой, нарезками, расположенными по верху закраины (рис. 12, 1, 2), защипами по внешнему краю сосуда или по рельефному валику (рис. 12, 14). Изделия снабжались ручками в виде различных форм выступов

(рис. 12, 6—8), просверленного горизонтально конического напепа, а также петлевидными ручками из округлого в сечении валика (рис. 12, 13, 17).

Кухонной керамике близки некоторые обломки керамических изделий с продырявленными стенками, которые, судя по частично реставрированному сосуду, имели баночную форму и были лишены дна.

Столовая и тарная керамика отличается от кухонной более высоким качеством изготовления и разнообразием форм. Глиняное тесто тщательно промешано и содержит значительно меньше примесей дровы. Сосуды вылеплены преимущественно ленточным способом. Широко применялось изготовление сосудов по частям с последующим их соединением путем замазывания швов. При формовке сосудов использовались также тканевые основы. По этнографическим данным, при изготовлении керамики подобным способом из материи по выкройке вырезалась основа сосуда. Скроенные части сшивались, мешок в форме сосуда наполнялся песком, снаружи обмазывался слоем глины и затем просушивался. Затем песок высыпался, внутренняя поверхность также покрывалась слоем глины и сосуд обжигался, при этом матерчатая основа сгорала. Керамика, изготовленная таким способом, особенно ценилась, так как отличалась большей прочностью (Круглов, 1958, с. 39—40).

По способу обработки внешней поверхности эта керамика делится на лощеную, заглаженную и полосчато-лощеную. В наибольшем количестве представлена керамика с лощеной поверхностью. Она часто покрывалась ангобом, подвергавшимся последующему лощению. Обычно лощение слабое, но встречаются и черепки с зеркальным блеском. Поверхности сосудов нередко трещиноватые. Цвет керамики преимущественно красно-оранжевый. Сосуды с серой внешней поверхностью имеют светлую прокладку. Единичны черепки с чернолощеной поверхностью на светлой подкладке. Характерны также разноцветные пятнистые поверхности (от коричневого до черного). Керамика с тщательно заглаженной поверхностью мало чем отличается от лощеной. На поверхности видны только полоски сглаживания. По другим технико-технологическим признакам, а также по формам они сходны между собой.

Керамика с лощеной и заглаженной поверхностью представлена мисками, горшками, баночными и миниатюрными сосудами. В основном это столовая посуда. Но крупные сосуды типа горшков использовались, видимо, и для хранения пищевых продуктов.

I. Миски подразделяются на три подтипа. с подкосом в нижней части; в виде перевернутого усеченного конуса с отогнутыми стенками (рис. 13, 4, 20); округлобокие (рис. 13, 15).

II. Горшки подразделяются на два подтипа, различающихся главным образом по моделировке горловины. К первому относятся горшки со сферическим туловом, плоским дном и резко отделенной от тулова цилиндрической горловиной. Переход от тулова к горловине нередко выделен желобчатой полоской (рис. 13, 19). Среди них имеются очень крупные экземпляры — хумы (диаметром до 1 м), служившие в качестве тары для жидкостей и сыпучих продуктов. В верхнем горизонте

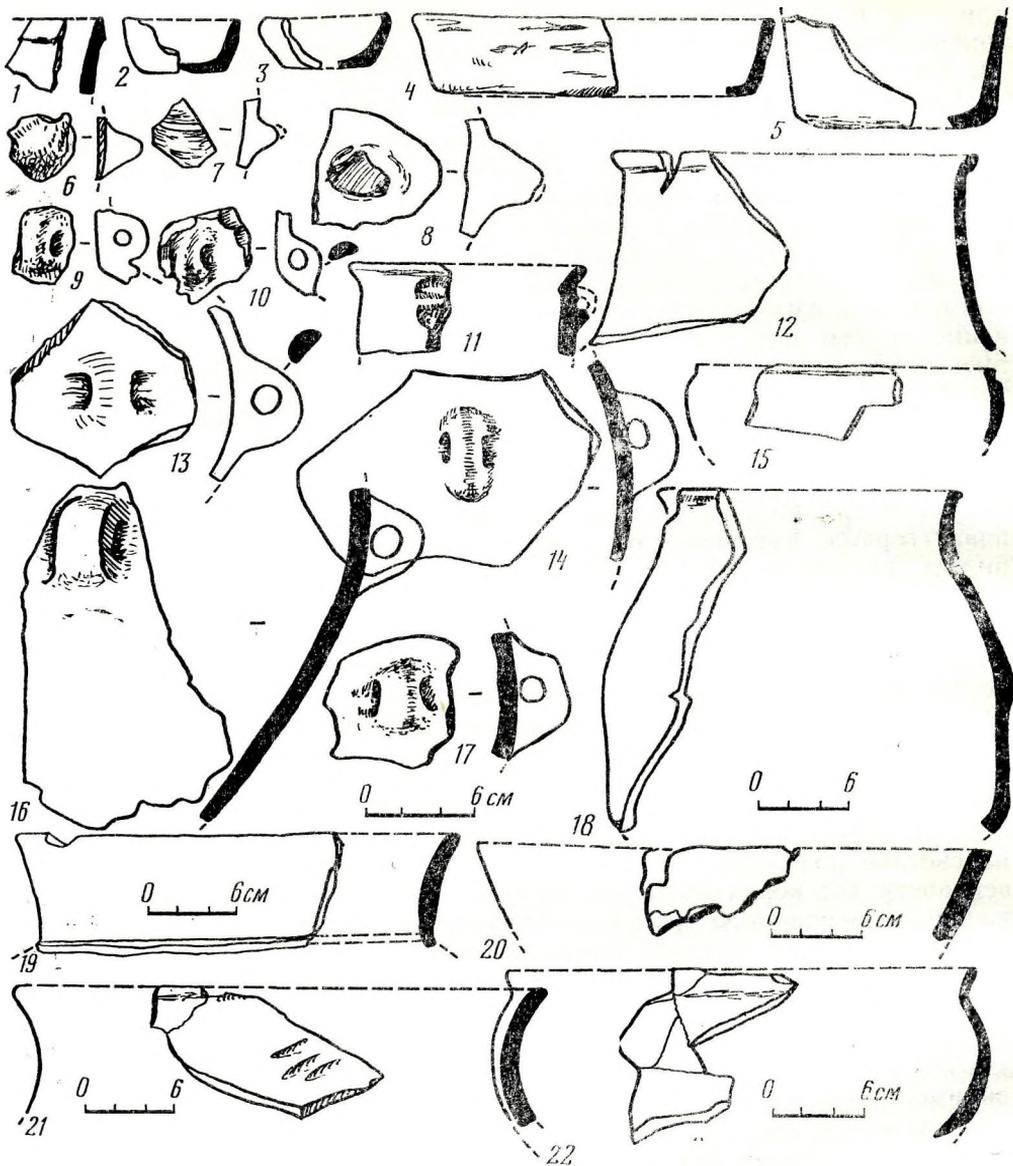

Рис. 13. Столовая и тарная керамика поселения Гинчи (1—22)

Гинчи обнаружена нижняя часть трехручного тарного сосуда, имеющего массивные ленточные ручки с круглыми, просверленными горизонтально отверстиями (рис. 13, 16), тара меньших размеров снабжалась расположенными на перегибе от тулова к горловине небольшими ручками с горизонтальным круглым отверстием (рис. 13, 9, 10). Горшки второго

подтипа отличаются от первого воронковидными горловинами, плавно переходящими в тулово (рис. 13, 18, 21).

III. Баночные сосуды имеют почти вертикальные стенки, заканчивающиеся слегка отогнутыми наружу короткими венчиками (рис. 13, 5, 11), и снабжены ручками с узкими горизонтальными отверстиями (рис. 13, 11).

IV. Миниатюрные сосуды, относящиеся к столовой керамике, представлены в основном обломками чашек, повторяющих формы прямостенных или округлобоких мисок и баночных сосудов (рис. 13, 2, 3). Среди них имеется обломок чайника со сливом у закраины.

Характерной особенностью керамики Гинчи, отличающей ее от керамических комплексов эпохи энеолита Кавказа, является разнообразие форм ручек сосудов. Наряду с различными выступами, выполнявшими роль ручек, в Гинчи широко представлены ручки с отверстиями (рис. 13, 9, 10, 13, 17). В рассматриваемой группе керамики имеются самые разнообразные ручки: широкие ленточные (рис. 13, 16), в виде полусферических налетов с горизонтально просверленными круглыми отверстиями (рис. 13, 13, 17), асимметричные в виде ушек, вертикальные полуяйцевидные с горизонтальным круглым отверстием (рис. 13, 14).

И наконец, следует отметить, что для данной керамики орнаментация не характерна. Во всей коллекции — всего два фрагмента сосудов с сосцевидными налечами, фрагмент горловины сосуда с рельефным валиком, расположенным под венчиком, и фрагмент с орнаментом в виде ряда кружочков, сделанных тонкой полой трубочкой.

В особую подгруппу выделяется посуда с полосчато лощеной или полосчато отглаженной поверхностью. Она представлена главным образом кувшинообразными сосудами с высокой горловиной, плавно переходящей в тулово (рис. 12, 15 и 13, 12). Венчики таких сосудов оформлены в виде воротничков, орнаментация своеобразная — из елочных нарезных или вдавленных узоров на воротничке, горловине и плечиках (рис. 12, 4, 5, 15), а также насечек и защипов по внешнему краю венчика.

Высококачественная парадная посуда изготовлена из довольно однородного плотного теста с редкими примесями мелкого песка. Поверхность лощеная, иногда покрытая тончайшим слоем красного или розового ангоба. Цвет посуды в основном красно-оранжевый, розоватый. Единичны обломки сероглиняных сосудов. Вся керамика идеально обожжена и ее плотные черепки при ударе издают металлический звон. Посуда в основном тонкостенная (минимальная толщина черепка 2—3 мм). С технической точки зрения керамика настолько совершенна, что ее без преувеличения можно сравнивать с краснолощеной античной посудой (рис. 14).

Данную группу керамики отличают также изящество и совершенство форм, повторяющих в основном типы столовой посуды (миски, горшки, баночные сосуды). Миски прямостенные и округлобокие (рис. 14, 16, 19). Горшки имеют воронковидные горловины или резко отогнутые наружу короткие венчики. Один из миниатюрных горшков этого типа снабжен ручкой в виде налеча с вертикально просверленным отверстием (рис. 14,

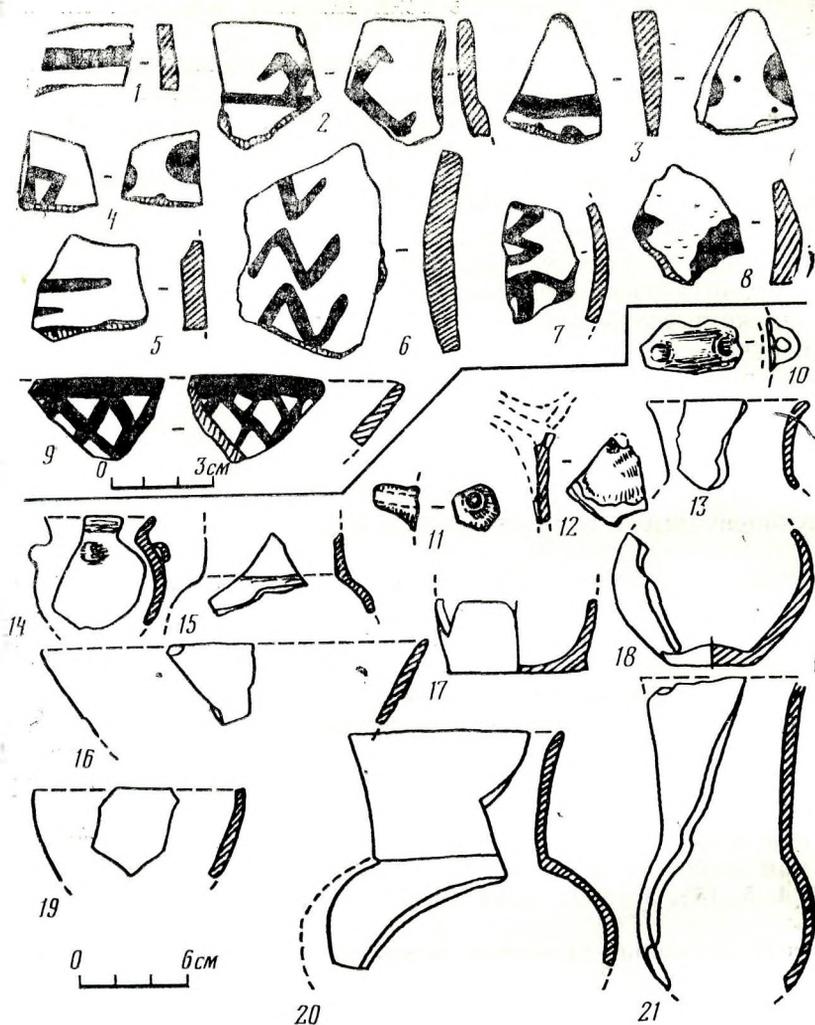

Рис. 14. Расписная (1—9) и высококачественная (10—21) керамика поселения Гинчи

14). Несколькими обломками представлены баночные сосуды с вертикальными стенками, снабженные различными ручками (рис. 14, 10, 17). В коллекции имеются также обломки двух чайников (короткий сливной носик и боковая часть (рис. 14, 11). В самостоятельный тип высококачественной керамики выделяются кувшины с цилиндрическими горловинами, отдельные экземпляры которых отличаются особым изяществом и напоминают металлическую посуду (рис. 14, 13, 15, 18, 20, 21).

К рассматриваемой группе близки обломки сероглиняных сосудов из высококачественного глиняного теста, с резко отогнутыми наружу вен-

чиками, красноглиняные сосуды из песчанистого теста, также с отогнутым наружу коротким венчиком, близкие к округлобким мискам (рис 13, 22). Некоторые толстостенные сосуды из песчанистого теста имеют вогнутые донца, подкос в нижней части или едва выраженные, почти округлые донца.

Несмотря на техническое превосходство, по способам формовки, обработке поверхности и основным формам высококачественная керамика не отличается от столовой посуды, что говорит о единстве происхождения всей керамики Гинчи. Высококачественная посуда составляет около 14% от общего количества керамики Гинчи, т. е. это такая же массовая посуда, как кухонная и столовая. Все это говорит в пользу того, что перед нами не просто импортная продукция общества с более высокой культурой, а парадная посуда того же поселения. Присутствие значительного процента парадной высококачественной посуды — явление весьма характерное для керамических комплексов развитых оседлоземледельческих энеолитических культур. Вместе с тем развитие керамического производства в Гинчи, по-видимому, происходило под определенным влиянием достаточно развитых гончарных центров того времени. На возможные источники и направления этого влияния указывают находки в Гинчи единичных фрагментов расписной керамики, отличающейся от остальной, массовой только наличием росписи. Всего обнаружено 13 экз. Из них 5 принадлежит толстостенной розовой столовой посуде с тщательно заглаженной поверхностью, 8 — высококачественной керамике. Для росписи применялась краска красного, коричневатого цветов. Она наносилась на поверхность тонкой кистью. Черепки столовой посуды расписаны только с внешней стороны. На одном из них сохранились две параллельные полосы (рис. 14, 5), на другом — зигзаги (рис. 14, 6), на третьем — частично кружочки (рис. 14, 8).

Высококачественная посуда орнаментировалась с обеих сторон более сложными узорами. На фрагменте закраины блюда скрещивающиеся красные полосы образуют ячейки в виде треугольников, ромбов (рис. 14, 8). На другом черепке на внешней стороне изображен треугольник, а на внутренней — кружочки (рис. 14, 4). Третий черепок с внешней стороны украшен кружочками и точечками, а с внутренней — полоской с двумя кружочками (рис. 14, 3). Остатки узоров из полос, зигзагов имеются и на остальных фрагментах расписных сосудов (рис. 14, 1, 2, 7). От расписной керамики сохранились только мелкие фрагменты, из-за чего не представляется возможным составить сколько-нибудь цельное представление о характере орнаментальных композиций. Безусловно, наличие расписных сосудов указывает на южное направление культурных воздействий (Гаджиев М. Г., 1966, с. 59; Мунчаев, 1975, с. 113, 129).

Такова в целом типологическая характеристика керамики поселения Гинчи. Послойное рассмотрение керамики из раскопа 1963 г., где лучше сохранились культурные напластования и точно зафиксировано стратиграфическое место каждой находки, показывает, что все выделенные в Гинчи группы керамики представлены во всех трех горизонтах культурного слоя (табл. 6) Между керамикой нижних и верхнего горизонтов существенные качественные различия культурного порядка не

прослеживаются. Происходит определенный процесс эволюционного развития керамики в рамках культуры эпохи энеолита. В этом плане интерес представляют количественные соотношения выделенных керамических групп в различных горизонтах. Так, наблюдается неуклонный процесс уменьшения доли полосчатой лощеной керамики, характерной только для энеолита горного Дагестана и неизвестной в бронзовом веке. В верхнем горизонте сокращается также процент грубой кухонной посуды, несколько увеличивается доля лощеной керамики. В этом следует видеть общую тенденцию развития керамики Северо-Восточного Кавказа эпохи энеолита, приведшую в конечном итоге к сложению на рубеже бронзового века своеобразного керамического комплекса местного варианта куро-аракской культуры. Показательно в этом плане также нахождение в верхнем горизонте Гинчи 36 обломков крупного сосуда с разноцветной (серой, черноватой и розовой) пятнистой лощеной поверхностью, снабженного массивными ленточными ручками, совершенно не представленными в нижних горизонтах. Крупные тарные сосуды с подобными ручками стали в дальнейшем типичными для керамических комплексов эпохи ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа.

Об отсутствии культурного и хронологического разрыва между верх-

Таблица 6

		Посуда											
Группа керамики	Название	Из ям		Из помещений		Из горизонтов						Всего по раскопу	
						нижнего		среднего		верхнего			
		колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%
I	Кухонная	24	12,2	44	26,2	134	25,3	93	14,4	52	17,2	347	18
II	Столовая:												
	лощенная	35	17,8	44	26,2	211	39,9	408	63,4	137	45,2	835	45,4
	заглаженная	89	45,2	31	18,5	21	4,0	30	4,7	40	13,2	211	11,5
	полосчатолощенная	28	14,2	33	19,6	95	18,0	66	10,2	27	8,9	249	13,5
III	Высококачественная	21	10,6	15	8,9	64	12,1	47	7,3	46	15,2	193	10,5
IV	Расписная	—	—	1	0,6	4	0,7	—	—	1	0,3	6	0,3
	<i>Итого</i>	197	100	168	100	529	100	644	100	303	100	1841	100

ним и нижними горизонтами Гинчи свидетельствуют и другие данные. Так, кремневый инвентарь Гинчи, как это показал проведенный выше

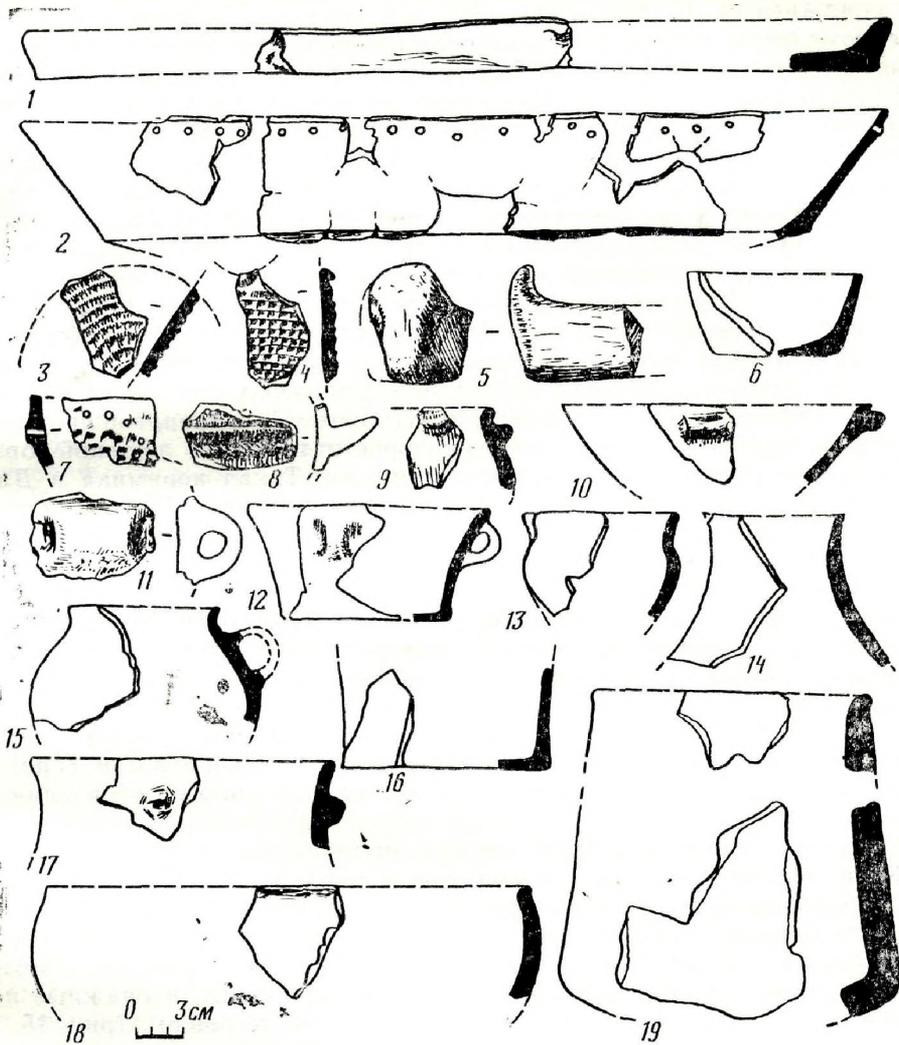

Рис. 15. Керамика поселения Чинна

instituteofhistory.ru

анализ, отличается безусловным культурным и хронологическим единством, в нем полностью отсутствуют признаки наступления бронзового века, в частности техника двусторонней ретуши, выполненные в этой технике кремневые вкладыши серпов, пилкок и наконечники стрел, отличающие археологические комплексы бронзового века от энеолитических. Между верхним и средним горизонтами культурного слоя Гинчи отсутствует и стерильная прослойка, которая бы указывала на существование между ними хронологического разрыва. Все это позволяет отнести верхний горизонт Гинчи не к эпохе ранней бронзы, как предполагалось ран-

нее (Гаджиев М. Г. 1966, с. 60—61), а к позднему энеолиту, керамические комплексы которого полнее представлены на другом памятнике горного Дагестана, поселении Чинна (рис. 15), обживавшемся в конце энеолита и бронзовом веке. Коллекция состоит из 5600 обломков керамики эпохи энеолита и бронзы. Ввиду незначительной толщины культурного слоя и крутизны склона, на котором расположено поселение, провести четкую стратиграфическую грань между наслоениями эпохи энеолита и бронзы не представляется возможным. Основываясь на изучении самой коллекции керамики, ее типологии, можно в какой-то степени разграничить некоторые технические приемы изготовления посуды, отдельные формы керамических изделий, характерные или для энеолита, или для бронзового века. По орнаментации, характеру обработки внешней поверхности можно выделить некоторое количество сравнительно поздней керамики. К последней, например, относятся обломки сосудов с орнаментом из нарезных треугольных фестонов, горшков с обмазанным жидкой глиной туловом, которое отделено от лощеной горловины орнаментальным валиком с защипами. Такая керамика в Дагестане получила распространение с конца эпохи ранней бронзы. Однако большая часть относится к энеолиту. В техническом отношении она имеет более высокое качество, чем такая же из Гинчи: примеси дресвы и песка меньше и они менее грубы; редка посуда с грубой поверхностью, с выступающими на ней неровностями теста. Подавляющее большинство керамики Чинна имеет хорошо залощенную поверхность и отлично обожжена. Наряду с красной, розоватой широко представлена сероглиняная, нередко встречается и чернолощенная посуда. При ее изготовлении, как и в Гинчи, использовались циновки, корзины, грубые ткани, следы которых сохранились на донцах, внешней поверхности (рис. 15, 3, 4) и в толще стенок. Широко практиковался и прием изготовления сосудов по частям.

Керамика Чинна разделена на кухонную, столовую и тарную.

Кухонная посуда представлена тремя типами. В Чинна найдены жаровни со сквозными отверстиями, в том числе с отпечатками плетенки на донцах, аналогичными гинчинским (рис. 15, 2). Новым типом неизвестным в Гинчи, являются плоские жаровни с низкими бортиками или без них (рис. 15, 1), обнаружены и очажные подставки, на которых устанавливались подобные жаровни (рис. 15, 5). Третий тип кухонной посуды представлен невыразительными мелкими обломками грубых горшков со следами копоти на поверхности, по которым восстановить формы не удастся.

Столовая керамика характеризуется следующими типами.

I. Миски округлобокие и прямостенные с ручками в виде налепа с горизонтально просверленным отверстием или горизонтального выступа без отверстия (рис. 15, 10, 12, 18)

II. Горшки представлены двумя подтипами. Первый отличается цилиндрической горловиной, резко отделенной от тулова уступом. Сосуды украшались коническими, пирамидальными, пуговицевидными налепами (рис. 15, 17), вертикальными валиками, выпукло-вогнутым орнаментом. Горшки снабжались, как правило, петлевидными ручками из овальной, уплощенной в сечении узкой ленты с расширением в местах

соединения с туловом. Хотя формы этих сосудов имеют свои параллели в Гинчи, по орнаментации они отличаются (в Гинчи было найдено всего два обломка с коническими налепами). Следует обратить особое внимание на чрезвычайно близкое сходство этого подтипа горшков с архаическими сосудами куро-аракской культуры (Куфтин, 1950, с. 132—139, табл. 42, 43, рис. 34, 35). Учитывая отмеченные выше трудности стратиграфического и хронологического расчленения материалов Чинна, можно вполне допустить, что часть этой посуды, по крайней мере ее наиболее развитые формы, относится уже к эпохе ранней бронзы, хотя, как свидетельствуют данные нижних горизонтов Гинчи, сама форма подобных горшков безусловно сложилась в энеолите.

Второй подтип горшков характеризуется слабо выраженной или воронковидной горловиной, плавно переходящей в тулово (рис. 15, 13—15). Они снабжены крупнопроемными петлевидными ручками (рис. 15, 15) или ручками-выступами (рис. 15, 8, 9).

III. Баночные сосуды, в отличие от гинчинских, имеют жесткие подпрямоугольные переходы от донцев к вертикальным стенкам (рис. 15, 16, 19) и снабжены петлевидными и широкопроемными ручками.

IV. Миниатюрные чашки, как и в Гинчи, типологически близки к столовым мискам (рис. 15, 6)

В коллекции Чинна в сравнительно небольшом количестве (205 экз.) имеется также полосчато лощеная керамика. Из-за ее фрагментарности восстановить формы не удастся. Только одним фрагментом представлен воротниковидный венчик, а резная орнаментация, столь характерная для подобной керамики из Гинчи, в Чинна неизвестна.

Тарная керамика представлена в основном фрагментами толстостенных крупных сосудов, снабжавшихся широкими и массивными ленточными горизонтальными трубчатыми ручками (рис. 15, 11)

Посуда высокого качества в Чинна в отдельную группу не выделяется. Однако некоторые обломки миниатюрных сосудов из Чинна весьма близки к высококачественным гинчинским образцам. В коллекции Чинна отсутствует также расписная керамика.

Типологическая характеристика керамики позднего энеолита горного Дагестана свидетельствует, с одной стороны, о дальнейшем развитии тех керамических форм, которые сложились здесь еще на предшествующем этапе развития культуры энеолита, а с другой — о формировании в позднем энеолите основного керамического комплекса, характерного для начала бронзового века, что само по себе очень важно для выяснения генезиса культуры эпохи ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа.

Керамика раннего энеолита представлена небольшой коллекцией из ругуджинских поселений, состоящей из 44 невыразительных фрагментов и двух частично восстанавливаемых сосудов (Котович В. Г., 1964, с. 203—211). Керамика окатанная. Изготовлена из грубого теста, содержащего примеси крупноистолченной дресвы. Толщина черепка — 5—10 мм, иногда доходит до 16 мм. Поверхности заглажены или слегка залощены по тонкому слою ангоба. Цвет розоватый, бурый. В этом отношении керамика ругуджинских стоянок аналогична гинчинской. Од-

нако в отличие от последней ругуджинская керамика обожжена значительно хуже. Восстанавливаемые формы ее совершенно такие же, что и в Гинчи. Это жаровня со сквозными отверстиями (рис. 8, 24—26), сходная с гинчинскими даже в деталях. Так, на ее фрагментах отчетливо видны перегибы стенок, бугристая, неровная поверхность придонной части (Котович В. Г., 1964, с. 206), образовавшиеся, как и на экземплярах из Гинчи, при изготовлении в специальных формах. Другая восстанавливаемая форма посуды — округлобокая миска, также имеет параллели среди столовых мисок Гинчи. Отличительной особенностью ругуджинской керамики является пачкающий, мажущийся черепок (Там же, с. 206). Такая керамика в дальнейшем, в эпоху ранней бронзы, была, как известно, широко распространена в ряде областей Кавказа (Мунчаев, 1961, с. 101—102; Дедабришвили, 1970, с. 10—11).

Проведенный типологический анализ позволяет достаточно четко отделить характерные особенности керамического комплекса Северо-Восточного Кавказа эпохи неолита. Это прежде всего красная, реже серая или пятнистая, гладкостенная, в том числе и лощенная, плоскодонная керамика, изготовленная из глины, содержащей неорганические примеси. Широко использовались при формовке сосудов циновки, плетеные корзины, ткани. Весьма характерным является также сочетание очень грубой кухонной посуды с качественной столовой и толстостенной тарной. Посуда выделенных групп имеет сложившиеся, почти стандартные формы: кухонной — жаровни со сквозными отверстиями и грубые горшки, столовой — миски, банки, чашки и горшковидные сосуды различных типов с разнообразными ручками. Среди последних особенно выделяются сосуды с четкой профилировкой силуэта (плоское дно, сферическое тулово и резко отделенная от него перегибом высокая или низкая цилиндрическая горловина), придающие неолитическому керамическому комплексу Северо-Восточного Кавказа особый колорит и выделяющие его среди других раннеземледельческих керамических комплексов Кавказа.

Сопоставление керамики неолита горного Дагестана и других областей Кавказа позволяет судить о степени их близости и культурно-хронологическом соотношении (Гаджиев М. Г., 1981, с. 30—35). На Северном Кавказе к неолитической керамике горного Дагестана близка древнейшая керамика Центрального Предкавказья, в частности, из поселения Агубеково (Там же, с. 30—32). Она характеризуется гладкостенной, иногда со следами ангобирования и лощения плоскодонной посудой желтоватого цвета с красным или сероватым оттенком, изготовленной из глины, содержащей только неорганические примеси (Кричевский, Круглов, 1941, с. 53). В коллекции Агубеково имеется два плоских обломка керамики с отпечатками циновки, плетеной в елочку (Там же, табл. I, 6), что свидетельствует о существовании здесь кухонной посуды, сформированной совершенно так же, как в Гинчи и Чинна. Плоскодонные сосуды с выпуклым шаровидным туловом и высокой или низкой цилиндрической горловиной с резким перегибом в месте перехода к тулову из Агубеково (Там же, с. 54, рис. 2) наиболее характерны для неолита Северо-Восточного Кавказа. Сходство это подчеркивают также найденные в Агубеково ручки с горизонтально просверленными отверстиями совер-

шенно такого же типа, что и в Гинчи (Там же, рис. 3, 5, 6). Можно указать также на наличие в коллекции Агубеково обломков тонкостенных сосудов, черепков хорошего обжига, издающих металлический звон (Гаджиев М. Г., 1981, с. 31). Агубековские керамические традиции сохраняются в Центральном Предкавказье, позднее в Долинском и в некоторых комплексах из насыпей курганов в Кабардинском парке г. Нальчик (Круглов, Подгаецкий, 1941, с. 185—191, 197; Деген, 1941, с. 216—217). Указанные аналогии в керамике и отмеченное выше типологическое сходство каменных индустрий позволяют говорить о значительной культурной близости Северо-Восточного Кавказа и Центрального Предкавказья в эпоху раннего металла (Гаджиев М. Г., 1978, с. 27—35; 1981, с. 31—32). Заслуживают внимания находки в Гинчи единичных обломков сосудов с характерным для майкопской керамики песчаным или чистым тестом, красной или серой ангобированной и лощеной поверхностью и резко отогнутым наружу коротким венчиком (Мунчаев, 1975, рис. 39, 40, 44—46). Как известно, в ряде памятников майкопской культуры в небольшом количестве обнаружена также высококачественная тонкостенная керамика, аналогичная парадной посуде Гинчи (Формозов, 1965, с. 82). Очевидно, такая высококачественная керамика на Северном Кавказе, как и в Закавказье (Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 24—25, 41), бытовала значительно раньше, чем это зафиксировано памятниками майкопской культуры. Р. М. Мунчаев сопоставляет елочный орнамент на керамике Гинчи с аналогичными узорами на неолитической и энеолитической посуде Закавказья (Мунчаев, 1975, с. 113), что можно дополнить также параллелями в приемах украшения краев сосудов насечками (Небиеридзе, 1972, табл. XX, XXXVI).

В памятниках западнокавказской группы, характеризуемой в целом весьма своеобразной керамикой (Джавахишвили Г. И., 1971), известна тонкостенная краснолощенная керамика, которая по качеству изготовления обнаруживает с гинчинской определенное сходство (Там же, с. 10), но отличается по формам. Безусловно, близки тазовидные сосуды с дырочками по краям из Самелекде (Там же, с. 10, табл. II, 56; IV, 17) и жаровни из Гинчи и Чинна. Встречаются в Самелекде и цедилки с дырочками, аналогичные гинчинским (Там же, табл. II, 57).

В целом же, в развитии керамического производства, как и каменной индустрии, западнокавказской группы памятников господствуют местные неолитические традиции, не имевшие сколько-нибудь широкого распространения на Восточном Кавказе.

С керамикой центральнокавказской, шомутепе-шулаверской группы, несмотря на ее территориальную близость, энеолитическая посуда горного Дагестана имеет меньше точек соприкосновения. Можно отметить наличие в центральнокавказских памятниках сосудов со следами спиралевидной плетенки на донцах, грубых сосудов, аналогичных кухонным горшкам Гинчи, налепного орнамента в виде конусовидных шишечек (Кигурадзе, 1976, с. 157—167). Как уже отмечалось, на некоторых памятниках центральнокавказской группы найдены единичные обломки высококачественной керамики, аналогичной Гинчи (Чубинишвили, 1971, табл. XIII, 2; Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 24,

32). На поселении Цопи обнаружены единичные фрагменты характерных для Дагестана сосудов со сквозными отверстиями по краю и сосуды с воронковидными горловинами (Чубинишвили, 1971, с. 40—41, табл. X, 21, 24).

Энеолитическая керамика горного Дагестана находит определенные параллели также в памятниках южнокавказской группы, несущих яркий отпечаток влияния переднеазиатских культур. В частности, были отмечены связи Гинчи с этой группой памятников, а через них и с Передней Азией, в подтверждение чего приводились находки в Гинчи высококачественной, в том числе и расписной, керамики (Гаджиев М. Г., 1966, с. 59—60; Мунчаев, 1975, с. 129—130).

В памятниках этой же группы находят параллели также некоторые типы массовой посуды горного Дагестана. На поселении Техут обнаружена в значительном количестве высококачественная посуда, в том числе и с росписью, жаровни с отверстиями, керамика, изготовленная на тканевой основе (Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 41; Торосян, 1976, с. 128, табл. IV, V, X). Отдельные черепки высококачественной керамики, а также некоторые характерные для Гинчи формы (миски, сосуды с выделенной горловиной) известны в Кюль-тепе у Нахичевани (Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 38).

Из памятников Закавказья эпохи энеолита наибольшую близость к дагестанским обнаруживает пока мало исследованная северозакавказская группа поселений, в частности памятники Кахетии. Мы уже отмечали сходство их каменных индустрий. Показательна в этом отношении и керамика этих памятников. Она изготовлена из глины, содержащей примеси песка. Наружные и внутренние поверхности ее желтовато-красные, иногда бурые. Часто обе поверхности залощены. Как в Гинчи и Чинна, выделяются сковороды (жаровни) с отверстиями ниже венчика, сосуды с цилиндрическими горловинами, орнаментированные конусовидными налепами, рельефными валиками с защипами. Характерно наличие отпечатков рогожи на плоских донцах (Варазашвили, 1980, с. 18—37, табл. I—IV).

Данные типологического анализа и сравнительной характеристики керамики эпохи энеолита горного Дагестана свидетельствуют о ее значительном своеобразии и тем самым подтверждают вывод о существовании в горной зоне Северо-Восточного Кавказа локального раннеземледельческого культурного очага, сделанный на основе изучения других компонентов материальной культуры, в особенности производственного инвентаря. Своеобразие данного очага находит отражение и в характере хозяйства, формах его ведения, соотношении его ведущих отраслей.

4. Основы хозяйства энеолитического населения горного Дагестана

Хозяйство населения горного Дагестана эпохи энеолита предстает перед нами как сложившаяся комплексная экономическая система, в которой наряду с основными отраслями, связанными с добыванием пищи, земледелием и скотоводством, а также охотой, все большую роль начинают играть различные производства, которые удовлетворяют потребности общества, лежащие вне сферы добычи и производства продуктов питания. Уровень его развития свидетельствует о том, что оно уже оставило позади архаический этап становления производящего хозяйства, на котором были еще сильны традиции присваивающей экономики.

Однако не все стороны хозяйственной деятельности населения горного Дагестана эпохи энеолита могут быть освещены в одинаковой степени и это связано в первую очередь с состоянием источниковедческой базы. В настоящее время мы не располагаем полноценными палеоботаническими данными по этой эпохе. Поэтому о возделывавшихся злаках можно судить в общих чертах, исходя из отпечатков точно не определяемых зерен на керамике. Лучше известен орудийный комплекс, который благодаря трасологическому анализу, проведенному Г. Ф. Коробковой, стал намного информативнее и превратился в важнейший источник для характеристики древней экономики. Osteологические материалы дают представление о животноводстве и охоте. Некоторые отрасли производства могут быть пока только упомянуты.

Хозяйственная деятельность энеолитического населения горного Дагестана, как и у всех раннеземледельческих племен, состояла из двух крупных сфер. Первая, связанная с производством продуктов питания и включавшая земледелие, скотоводство и охоту, составляла основу хозяйства, а вторая, предназначенная для обслуживания этих отраслей экономики, переработки их продукции, создания соответствующих бытовых условий и среды обитания, включала ряд различных домашних производств.

Ведущее место в экономике энеолитического населения горного Дагестана занимали земледелие и скотоводство. Исключительно большую роль играла охота. Рассмотрим каждую отрасль в отдельности.

Земледелие составляло основу оседлого быта обитателей поселения Гинчи. Как уже отмечалось, Гидатлинская долина, где находилось поселение, характеризуется значительным количеством естественных речных террас и пойм рек, обычно располагавшихся у подножья горных склонов. Последние были весьма благоприятны для первобытного земледелия. Одной из его ранних форм является земледелие, основанное на использовании именно таких земельных участков в горах, которые благодаря особенностям расположения периодически покрывались плодородными отложениями, смыаемыми с горных склонов во время дождей и паводков. Это было важным фактором естественного поддержания плодородия почвы. Земледелие на таких участках не требовало применения удобрений и приложения большого труда для механической обработки почв (Новиков, 1959, с. 39—41). Добавим, что в горном Да-

гестане в вегетационный период выпадало достаточное количество осадков (Гюль и др., 1959, с. 110). Все это надежно гарантировало получение устойчивого урожая.

Орудия для обработки почв на энеолитических поселениях горного Дагестана не найдены. Неизвестны здесь мотыги, встречающиеся на закавказских поселениях. Возможно, почва обрабатывалась изготовлявшимися обычно из дерева «палками-копалками», оснащенными иногда роговыми и костяными наконечниками. Таковыми вполне могли быть найденные в Гинчи олени рога с заостренными концами. Отметим в этой связи, что на основе закавказских материалов ставится вопрос о появлении на Кавказе еще в эпоху энеолита примитивных пахотных орудий, в качестве которых, по мнению К. Х. Кушнаревой, использовались олени рога (Кушнарева, 1977, с. 83—91). Судя по отпечаткам зерен на керамике, сеяли пшеницу и ячмень. Очевидно, состав возделывавшихся в горном Дагестане в энеолите злаков не претерпел существенного изменения по сравнению с неолитическим. О последнем мы хорошо осведомлены по палеоботаническим находкам из Чохского поселения, определенным Г. Н. Лисицыной. Он включал несколько разновидностей пшеницы и ячменя: пшеницу однозернянку, пшеницу двузернянку, пшеницу мягкую — карликовую, ячмень пленчатый, ячмень голозерный. В основном эти же виды злаков культивировали в Дагестане и позднее, в эпоху ранней бронзы (твердая и мягкая пшеница, пленчатый и голозерный ячмень) (Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 63—66, 76—79, 81, 83).

Значительно лучше мы осведомлены об орудиях, с помощью которых убирали урожай. Г. Ф. Коробкова реконструировала три типа жатвенных орудий Гинчи (Коробкова, Гаджиев М. Г., 1983, с. 138—139). Первый — это серпы шумутепинского типа с лезвием в виде зубчиков из пластин, поставленных в оправу под углом; второй — серпы изогнутой формы, оснащенные несколькими плотно подогнанными вкладышами, образующими сплошное лезвие; третий — орудие подобной же формы, но снабженное лишь одной крупной пластиной удлиненных пропорций. Последний тип серпа занимал в Гинчи ведущее место. Такие серпы, как показали результаты многочисленных экспериментов, обладали самой высокой производительностью — 1,1 м²/мин. Г. Ф. Коробкова отмечает, что несколько производительнее лишь аналогичные серпы, оснащенные обсидиановыми вкладышами (Коробкова, Гаджиев М. Г., 1983, с. 135). Этот тип серпа, наиболее характерный для Гинчи, аналогичен жатвенным орудиям из Хатунарха, Кюль-тепе, Цопи на Кавказе и Ярымтете в Северной Месопотамии (Там же, с. 139). Серпы из Гинчи, будучи прогрессивными формами по сравнению с прямыми жатвенными орудиями начального этапа развития земледелия, свидетельствуют о значительном шаге в развитии этой отрасли хозяйства в энеолите по сравнению с неолитической эпохой. Кроме того, большой процент жатвенных инструментов (17,85%) является показателем значительной роли земледелия — одной из ведущих отраслей хозяйства жителей Гинчи.

Собранный урожай, по-видимому, хранился в ямах и в крупных сосудах. Последние представляли собой высокие широкогорлые сосуды

большой емкости типа хумов. Размол зерна производился на зернотерках, достигавших значительных размеров (экземпляр из Гинчи имеет размеры $0,51 \times 0,30$ м). Дополняя земледельческий орудийный комплекс, они еще раз подтверждают, что эта сфера хозяйственной деятельности занимала важнейшее место в экономике энеолитических племен горного Дагестана.

Скотоводство — другая ведущая отрасль хозяйства. По данным видового определения костных остатков (Золотов, 1968, с. 239—241; 1968а, с. 161—162, 166), здесь разводили главным образом овец и коз и в значительно меньшей степени крупный рогатый скот, а свиньи составляли, в частности на поселении Гинчи, всего 1,57% (Золотов, 1968 а, с. 161). Соотношение мелкого и крупного рогатого скота в Гинчи (85,6—90 и 10—14,4%) и Чинна (82,6 и 17,4%) специфично для горного Дагестана. Согласно этим данным, в стадах абсолютно преобладал мелкий рогатый скот, что является определяющей особенностью скотоводства в горном Дагестане. Этим оно отличается от Закавказья, где в рассматриваемое время ведущее место в животноводстве занимало разведение крупного рогатого скота и свиней. Абсолютное преобладание крупного рогатого скота зафиксировано на ряде раннеземледельческих поселений Закавказья: в Аликемек-тепеси (быки — 43,3%, мелкий рогатый скот — 36,2; лошади — 7,5; свиньи — 6,1) (Нариманов, 1977, с. 58), Кюль-тепе (Абибуллаев, 1982, с. 214), Шулаверистора (Джавахишвили А. И., 1973, с. 36). Несколько меньшее значение крупный рогатый скот имел в Арухло, где кости мелкого рогатого скота составляли 43,2%, крупного рогатого скота — 32,3% и свиней — 23,5% (Векуа, 1984, с. 102), Шому-тепе (52,5; 25,5 и 14,3% соответственно), Гаргалар-тепеси (49,3; 23,4 и 15%), Бабадериш (49; 36,5 и 5%) (Нариманов, 1977, с. 57). Животноводство с таким соотношением видов скота, $1 \times (1,5—2)$, нельзя квалифицировать как преимущественно овцеводческое. По мясной продуктивности одна туша крупного рогатого скота приравнивается к 4—7 тушам мелкого и поэтому данное соотношение скорее указывает на реальное преобладание первого (Котович В. Г., 1961а, с. 292) и его ведущее значение в животноводстве.

В Западном Закавказье, по данным неолитического и энеолитического слоев Сагварджиле, в стадах крупный рогатый скот занимал 78,9%, а на долю остальных домашних животных (собака, свинья, мелкий рогатый скот) приходилось всего 21,1% (Бурчак-Абрамович, 1980, с. 14)

Приведенные данные говорят о том, что развитие скотоводства на Кавказе шло разными путями: преимущественно по овцеводческому — на Северо-Восточном Кавказе, с преобладанием крупного рогатого скота в различных его сочетаниях — в Закавказье.

Эта картина близка той, что наблюдается в Передней Азии, где, как отмечает В. М. Массон, в ходе расселения земледельческо-скотоводческих племен происходило «формирование ряда скотоводческих систем, различающихся составом стада, способами его содержания и различной эффективностью разводимых пород» (Массон, 1976, с. 37) На Ближнем Востоке он выделяет два основных направления развития скотоводства. Так, в долинах Тигра и Евфрата в VI—V тыс. до н. э. фор-

мируется оседлое мясо-молочное скотоводство, ориентированное на разведение крупного рогатого скота (в Шумере оно сохранилось и в III тыс. до н. э.), а второе направление, отличающееся господством в стаде мелкого рогатого скота с преобладанием овец, характерно для подгорной полосы Загроса и зоны ассирийских степей (**Массон**, 1976, с. 37—38). Такое же направление развития скотоводства реконструируется и в Южном Туркменистане поры неолита и бронзы (Там же, с. 38—42).

О форме скотоводческого хозяйства можно судить по характеру поселений. Как уже отмечено, поселения горного Дагестана эпохи энеолита подразделяются на постоянные с фундаментальной каменной архитектурой, рассчитанные на долговременное непрерывное обитание (Гинчи), и временные, служившие сезонными стойбищами пастухов в местах летнего выласа скота, отличающиеся меньшей степенью обживания, отсутствием фундаментальных построек и других признаков оседло-земледельческих поселений (Ругуджа, Чинна). Можно полагать, что в зимнее время скот содержали на постоянных поселениях или вблизи них, в долине, выпасая его рядом с базовыми поселениями, на солнечных южных склонах гор, а в летние сезоны основная часть скота перегонялась на альпийские пастбища. Как свидетельствуют данные этнографии (**Османов**, 1984, с. 84), стада сопровождалась лишь одними пастухами, для которых в высокогорьях и существовали сезонные поселения-яйлаги типа Ругуджа и Чинна. Для охраны стад использовались собаки. Основная часть населения оставалась в постоянных поселениях.

Эта форма отгонного пастушеского скотоводства характерна для горных зон, отличающихся большим разнообразием природно-географических условий. Она принципиально отличается от другой его формы, связанной с передвижением со стадами и имуществом целых семей или групп населения. Система отгонного пастушеского скотоводства хорошо известна из этнографии Дагестана как одна из основных форм скотоводства (**Османов**, 1984, с. 83—84). Долины горного Дагестана (Гидатлинская) позволяли содержать на подножном корме в течение всего года значительное количество стад, организуя их выпас описанным способом. Подобная форма скотоводческого хозяйства вполне соответствовала составу стад, в которых абсолютно преобладал мелкий рогатый скот, представленный главным образом овцами. Неприхотливые овцы, в отличие от крупного рогатого скота, мало приспособленного к постоянным перекочевкам, могут обойтись только одним подножным кормом и легко переносить дальние перегоны. Таким образом, в горных регионах сравнительно легко решалась проблема кормов, которая так остро стояла перед скотоводами европейской зоны (**Кларк**, 1953, с. 126). Пример горного Дагестана является ярким показателем того, как природная среда (в данном случае кормовые возможности) определяют практикуемые формы скотоводческого хозяйства (**Массон**, 1976, с. 36). Древнейшие земледельцы и скотоводы горного Дагестана выработали оптимальные формы ведения хозяйства для наиболее рационального использования кормовых ресурсов края.

Таким образом, изучение материалов по скотоводству позволяет выделить на Кавказе две крупные зоны, отличающиеся по форме ведения хозяйства и составу стад. Первая — это горная зона, включающая гор-

ную часть Северо-Восточного Кавказа, где скотоводство развивалось преимущественно по овцеводческому направлению и по форме организации и ведения самого хозяйства может быть квалифицировано как пастушеско-отгонное. Вторая зона, в которую входили долины закавказских рек, характеризуется скотоводством, развивавшимся по пути преимущественного разведения крупного рогатого скота и носившим, по мнению ряда исследователей, придомный характер (**Кушнарева, Чубинишвили**, 1970, с. 109).

Соответствующие материалы о скотоводстве на Ближнем Востоке свидетельствуют о том, что Кавказ и в этом отношении являлся частью обширного переднеазиатского очага производящего хозяйства, которое характеризуется рядом общих закономерностей развития его отраслей.

Два пути развития скотоводства у ранних земледельческо-скотоводческих племен Кавказа следует рассматривать как главные, ведущие направления. Однако необходимо иметь в виду сложный характер конкретно-исторического процесса, вероятность различных вариаций проявления этих генеральных линий развития хозяйства, о чем, в частности, свидетельствует некоторое своеобразие скотоводства у племен майкопской культуры, у которых известны поселки, где жители занимались главным образом свиноводством (**Формозов**, 1965, с. 89—92).

Несмотря на существование развитого скотоводства, в хозяйстве энеолитических племен важную роль продолжала играть охота. Показательны в этом плане следующие данные: в Гинчи определено 553 особи животных, из которых 200 (т. е. 36,16%) приходится на долю диких. Но на протяжении существования Гинчи роль охоты неуклонно падала. в нижнем слое дикие животные составляли почти 60%, а в верхнем — их доля уменьшилась до 31,7% (**Золотов**, 1968, с. 241). В Чинна доля диких животных составляла 34,29% (Там же, с. 239). Представляет интерес распределение мясной продукции обитателей Гинчи по костным остаткам раскопок 1964 года (см. табл. 7), сделанное К. Н. Золотовым (**Золотов**, 1968а, с. 166).

В мясном рационе жителей Гинчи доля дичи составляла около 67%. Основными объектами охоты были олени (26,8% от числа диких животных) и мелкие жвачные (40,9%), медведи и кабаны составляли 3—4% (**Золотов**, 1968а, с. 161).

В жизни энеолитических племен Закавказья охота имела несравненно меньшее значение: в Аликемек-тепеси кости диких животных составляли 5%, Шому-тепе — 9,5%, Тойре-тепе — 7%, Гаргалар-тепеси — 2,5%, Бабадерише — 9,5%, Арухло — 8% (**Нариманов**, 1977, с. 57—58; **Векуа**, 1984, с. 102). О большом значении охоты в экономике энеолитического населения горного Дагестана свидетельствуют также выявленные здесь многочисленные наскальные изображения, излюбленным мотивом которых являлись сцены охоты на оленей и диких коз (**Котович В. М.**, 1974а, с. 43—44). Охотились на животных лесной фауны (олень, кабан, косуля, медведь, зубр, кавказский тур, лиса и др.), а также открытых, в том числе скальных, ландшафтов (дикие козы, бараны, джейран и др.). Состав фауны указывает на то, что природное окружение поселения Гинчи отличалось от современного. В настоящее время Гидатлинская долина сильно обезлесена. Отдельные участки лесов со-

Таблица 7

Животные

Название	Коллич.	Вес, кг	Доля от общего числа, %
Домашние:			
крупный рогатый скот	3	810	7,7
мелкий рогатый скот	50	2600	25,7
Дикие:			
олень	26	2080	20
баран дикий	19	950	9,3
коза дикая	26	1352	12,9
серна	3	150	1,5
кабан	4	600	5,8
медведь	3	540	5,2
тур	2	200	1,9
зубр	1	300	2,9
крупные жвачные	4	800	7,7

хранились лишь на вершинах гор, окружающих долину, а в древности, судя по фауне Гинчи, они занимали более значительные территории, что, вероятно, объясняется более влажными и холодными климатическими условиями, установившимися в долине на рубеже V—IV тыс. до н. э. в период гоусанской трансгрессии Каспия.

Об охотничьем вооружении того времени сведений мало. Найденный в Чинна кремневый наконечник стрелы свидетельствует об использовании лука в позднем энеолите. Но в целом для изучаемой области, как и для Центрального и Восточного Закавказья, наконечники стрел не характерны. Вместе с тем исследователи отмечают присутствие на некоторых поселениях шомутепе-шулаверской культуры ядер для пращи (Нариманов, 1966, с. 124), которая является весьма эффективным метательным оружием. Оно, по-видимому, было известно и населению горного Дагестана. Во всяком случае, в Гинчи найдены небольшие круглые камни, которые вполне могли быть использованы в качестве ядер для пращи.

В заключение характеристики этих трех основных отраслей хозяйства остановимся кратко на вопросе об их удельном весе в комплексной многоотраслевой экономике, определении типа хозяйства. Последнее очень важно для выявления как общих закономерностей развития древней экономики, так и раскрытия конкретной ее картины в том или ином отдельно взятом регионе. Изучение массовых коллекций орудий труда из трех центров производящего хозяйства юга нашей страны — Средней Азии, Кавказа, Северного Причерноморья — и других материалов позволило Г. Ф. Коробковой установить чрезвычайное многообразие хо-

зяйственной вариабельности ранних земледельческо-скотоводческих обществ (Коробкова, 1981). По материалам Центрального и Восточного Кавказа ею выделены три хозяйственных варианта: 1) земледельческо-скотоводческо-охотничий с преобладанием земледелия и скотоводства и подсобной ролью охоты (Шому-тепе, Аликемек-тепеси, Арухло III); 2) земледельческо-скотоводческий с равным значением обеих отраслей и вспомогательной ролью охоты или охоты и рыболовства (Шулавери, Арухло I и II, Техут, Хатунарх, Джраовит); 3) скотоводческо-земледельческо-охотничий, в котором ведущую роль играло скотоводство и существенную — земледелие и охота (Цопи, Гинчи) (Коробкова, 1981, с. 32). Вместе с тем надо полагать, что реальная картина хозяйственной деятельности даже в пределах Центрального и Восточного Кавказа могла быть в древности более сложной и разнообразной, чем та, которую удастся реконструировать по имеющимся данным археологии. Ведь Кавказ отличается исключительным разнообразием природно-географических условий, что, безусловно, должно было определить и многообразие существовавших здесь в древности типов хозяйства. Об этом свидетельствуют данные этнографии Кавказа, в том числе и Дагестана. М. О. Османов, специально изучавший хозяйственно-культурные типы Дагестана по материалам XIX в., определил их здесь пять: кочевники-скотоводы (степные), полuosедлые скотоводы-земледельцы (высокогорные), оседлые скотоводы и земледельцы (горные), оседлые земледельцы и скотоводы (горные), оседлые земледельцы и скотоводы (равнинные) и 11 типов скотоводства (Османов, 1984, с. 87) Подробно рассмотренные нами выше данные о горном земледелии, скотоводстве, а также охоте уже дают основания для выделения особого горного типа хозяйства, характерного для внутреннего Дагестана (Ругуджа, Гинчи, Чинна) Его можно квалифицировать как земледельческо-скотоводческо-охотничий, в котором главные его отрасли, земледелие и скотоводство, органически и неразрывно связаны, взаимно дополняют друг друга и имеют в целом одинаковое значение, а охота играет очень существенную роль. Это подтверждает и соотношение в Гинчи каменных орудий, связанных с различными отраслями хозяйства. Так, орудия, связанные с земледелием (серпы — 15 экз., зернотерки — 5 экз.) составляют здесь 22,5% от общего количества каменных орудий, а связанные со скотоводством и охотой (скребки — 31 экз., ножи — 10 экз.) — 46%. Если учесть, что в остеологическом материале нижних горизонтов Гинчи кости домашних и диких животных составляют примерно равное количество, то на скотоводство и охоту приходится по 23% орудий. Следовательно, в орудийном комплексе Гинчи земледелие, скотоводство и охота представлены примерно в одинаковой степени.

Наряду с этими составляющими основу экономики отраслями хозяйства, связанными с добычей и производством продуктов питания, у энеолитического населения горного Дагестана существовал ряд производств, связанных с удовлетворением потребностей общества в иных сферах. Установление оседлого быта, основанного на производящем хозяйстве, привело к развитию ряда новых производств, совершенно неизвестных или малоизвестных в эпоху присваивающей экономики. Среди них выделяются строительное дело, керамическое производство, ме-

таллообработка, ткачество, переработка продуктов земледелия, скотоводства и др.

Энеолитические племена уже хорошо владели навыками домостроительства. Они строили не только жилища полуземляночного типа, но и наземные дома из камня, что является особенностью архитектуры Северо-Восточного Кавказа, отличающей его от сопредельных областей Кавказа, где камень как строительный материал не получил такого распространения. В овладении техникой каменного строительства гинчинцы достигли определенных успехов. Это и умение подбирать камни, освоение приемов их связки, кладки панцирей, забутовки и пр. Вместе с тем это была не самая ранняя ступень развития каменного строительства на Северо-Восточном Кавказе. Выявленная в Гинчи круглопланная каменная архитектура — один из этапов развития строительного дела и архитектуры в горном Дагестане, истоки которой уходят в глубь неолитической эпохи.

Важное значение в быту имело производство керамики, достигшего в энеолите довольно высокого уровня развития. Особенно это касается режима обжига, техники лепки, отделки керамики. Прогресс в развитии теплотехники выражается в умении получать высокую температуру, способную плавить глиняную массу, регулировать температурный режим обжига, что можно было достигнуть только в специальных печах. Разнообразны были приемы изготовления сосудов, их формы. Высококачественная тонкостенная парадная посуда из Гинчи по техническому уровню исполнения не уступает такого рода керамике Закавказья и Ближнего Востока.

Умение получать высокую температуру было необходимо и для другой отрасли производства — металлообработки, возникновение которой относится к изучаемой эпохе. К сожалению, в настоящее время мы совершенно не располагаем материалами, характеризующими начальный этап развития этой отрасли производства.

Другим неизвестным для эпохи присваивающей экономики видом производства является ткачество, продукция которого, судя по отпечаткам на керамике, состояла не только из грубых плетенки, но и более тонких тканей, которые, видимо, использовались не только в керамическом производстве, но и для изготовления одежды, а также других бытовых целей.

В многоотраслевой экономической системе энеолитического населения горного Дагестана заметное положение приобретают производства, прямо или косвенно связанные с переработкой продуктов земледелия и скотоводства. Функциональный анализ орудий Гинчи выявил ряд таких производств (Коробкова, Гаджиев М. Г., 1983, с. 141). Это размол зерна, обработка шкур и выделка кож, шитье одежды и изготовление бытовой утвари из выделанного сырья, плетение корзин, обработка кости и рога, изготовление каменных орудий и оправ к каменным изделиям. Большую роль в хозяйстве играли плотничьи работы, включающие как примитивную обработку дерева, так и отделку орудий, рукояток к ним, изготовление деревянной посуды для домашнего потребления, мелкой утвари, поделок и т. п. Это производство прямо стыкуется с производством орудий труда. Последнее состояло из нескольких циклов: первично-

го расщепления кремня, трубчатых костей; членения дерева, преследующего получение заготовок для будущих орудий; вторичного оформления изделий, осуществлявшегося с помощью ретуширования лезвий и обушковых краев кремневых сколов, скобления деревянных и костяных инструментов и рукояток, прорезания пазов в оправках, заточки и шлифовки на абразиве рабочих поверхностей шильев, лоцил, кочедыков, шпателей; крепления вкладышей в рукоятках и т. д. Жители Гинчи прекрасно владели всеми этими техническими приемами, но ограничивали их использование в силу сохранившихся у них традиций, хозяйственных потребностей общества и уровня развития производительных сил. Выше уже отмечалось, что в сложном комплексном производящем хозяйстве земледельческо-скотоводческого направления Кавказа выявляются локальные хозяйственные системы, различающиеся по характеру и роли в них основных отраслей — земледелия, скотоводства и охоты. Теперь можно сказать, что наблюдаются некоторые расхождения и в домашних производствах, представленных сравнимаемыми памятниками (Коробкова, 1981, с. 18—21; Коробкова, Гаджиев М. Г., 1983, с. 141—142). Так, на поселениях шумутепе-шулаверской культуры ведущим было производство по обработке дерева, кости и рога, с которыми связано более 200 орудий. При этом большое значение имела резьба по кости и рогу, изделия которой в Гинчи составляли всего 1%. Гинчи отличается от поселений шумутепе-шулаверской культуры ведущим положением кожевенного производства, на которое приходится около 27% орудий труда.

Такова в целом картина хозяйственной деятельности населения горного Дагестана в энеолите, которая может быть воссоздана по материалам, имеющимся в нашем распоряжении в настоящее время. Она демонстрирует сложный характер и многообразные проявления закономерностей экономического развития в раннеземледельческих обществах.

5. Культура энеолита горного Дагестана в системе палеометаллических культур Кавказа

Как устойчивое сочетание археологических типов комплекс эпохи энеолита горного Дагестана характеризуется наличием поселений двух типов, один из которых представляет собой постоянное оседло-земледельческое поселение, расположенное в горной долине и застроенное преимущественно каменными наземными домами и полуземлянками круглого плана, а другой — сезонное поселение без фундаментальных жилых построек, находившееся выше долин, в местах летнего выпаса скота.

Из каменного инвентаря типичной является макропластинчатая кремневая индустрия, лишенная каких-либо признаков микролитоидности. Основными заготовками орудий служат крупные и средние призматические пластины и средние отщепы. В технике вторичной обработки ведущее место занимает мелкая заостряющая и затупляющая ретушь, нанесенная только со стороны спинки и преимущественно по продольным краям. В типологическом отношении индустрия весьма бедна. В наборе типов изделий преобладают пластины с регулярной ретушью и скребки

преимущественно концевой формы, реже острия. В функциональном отношении типичными орудиями являются разнообразные скребки, скобели, ножи для разделки туш животных. Особенностью индустрии является исключительно экономное расходование сырья, большой процент полифункциональных и комбинированных изделий.

Энеолит горного Дагестана отличается однообразием костяного орудийного комплекса, включающего в основном простейшие инструменты, такие, как проколки, шилья и единичные специальные орудия для обработки кожи, плетения, полировки поверхности глиняных сосудов.

Характерна хорошо обожженная керамика красного, серого цвета нередко с лощеной поверхностью, изготовленная из глины, содержащей неорганические примеси (дресва, песок), с широким применением при формовке сосудов наряду с ленточным способом разного рода плетенок, циновок, тканей, использовавшихся не только в качестве подставок, но и специальных форм для изготовления сосудов. Особенностью керамики является сочетание очень грубой кухонной с высококачественной столовой и парадной посудой. В типологическом отношении керамика характеризуется разнообразием и выработанностью форм, а парадная — также изяществом. В группе кухонной керамики типичными являются жаровни со сквозными отверстиями и грубые горшки. Столовая и парадная посуда представлена характерным набором: миски, банки, кувшиноподобные сосуды и горшки с четко выделенными цилиндрическими горловинами, снабженные разнообразными ручками, а также сосудами с воротничковыми венчиками. Малочисленна орнаментированная керамика, сосуды с росписью единичны. Сочетание всех отмеченных признаков придает энеолитической керамике горного Дагестана неповторимое своеобразие.

Погребальный обряд характеризуется одиночными скорченными погребениями, произведенными на территории поселения.

Перечисленные культурные компоненты, взятые в отдельности, встречаются в различных раннеземледельческих культурах Кавказа и сопредельных районов. Но именно такое их сочетание выделяет горный Дагестан среди других раннеземледельческих областей. В соответствии с дефиницией, выработанной в советской археологии, такое единство археологических типов, т. е. единство, выражающееся в близком сходстве орудий труда, утвари, форм поселений, жилых и хозяйственных построек, погребального ритуала и т. д., определяется как археологическая культура (Смирнов А. П., 1964, с. 3—10; Каменецкий, 1970, с. 18—36; Клейн, 1970, с. 37—51; Массон, 1972). Характеристику культуры энеолита горного Дагестана, которую мы называем северо-востокавказской, дополняют и другие данные. Тот факт, что горный Дагестан — один из крупнейших на Кавказе очагов развития искусства наскального рисунка, также является одним из признаков северо-востокавказской раннеземледельческой культуры (Котович В. М., 1980, с. 28—36). И, наконец, для носителей северо-востокавказской культуры характерен особый тип комплексного многоотраслевого хозяйства с одинаковым значением его ведущих отраслей — земледелия и скотоводства и существенной ролью охоты, практические формы его организации обусловлены естественно-географическими условиями, культурными традициями

и позволяют наиболее рационально использовать природные ресурсы края.

Северо-востокавказская культура является горной и распространена в первую очередь во внутреннем горном Дагестане. Отмеченные выше находки вблизи селений Урма, Верхнее Лабкомахи, а также наличие в Левашинском и Акушинском районах кремневых мастерских, обеспечивавших сырьем внутреннюю часть горного Дагестана (**Котович В. Г.**, 1964, с. 28—36), позволяют включить в ее ареал и зону внешнегорного Дагестана, смежную с верхними предгорьями. Таким образом, зона распространения данной культуры ограничена с одной стороны Боковым хребтом, с другой — полосой предгорий. Несмотря на то что круг известных в настоящее время памятников, характеризующих северо-востокавказскую раннеземледельческую культуру эпохи энеолита, еще сравнительно невелик (исходя из проведенного выше типологического анализа массового материала), есть основания говорить о сравнительно ранних и поздних комплексах в рамках данной культуры. Наиболее ранним представляется комплекс ругуджинских поселений с его архаическими кремневыми изделиями и керамикой, что было отмечено еще **В. Г. Котовичем**, относившим эти памятники к позднему неолиту (**Котович В. Г.**, 1964, с. 203—211). Средний этап энеолита характеризуют материалы нижних горизонтов Гинчи, а поздние — верхнего горизонта Гинчи и комплекс Чинна, который представлен кремневым инвентарем, характеризующим деградирующую пластинчатую индустрию, и керамикой, типологически близкой керамике начала бронзового века.

Как конкретный культурный комплекс северо-востокавказская культура выделяется среди других раннеземледельческих культур, или групп памятников, Кавказа, хотя имеет с ними довольно много сходных черт, что было обусловлено рядом факторов естественно-географического и культурно-исторического порядка.

Начем их сравнительное рассмотрение с комплексов эпохи энеолита Северного Кавказа (рис. 16) За пределами горного Дагестана наиболее выразительные комплексы данной эпохи известны в Центральном Предкавказье и представлены Агубековским поселением (**Кричевский, Круглов**, 1941, с. 51—66) и Нальчикским могильником (**Круглов, Пиотровский, Подгаецкий**, 1941, с. 67—146)

Первоначально Агубековское поселение датировалось неолитом и вошло в литературу как неолитическая стоянка (**Кричевский, Круглов**, 1941, с. 61—62; **Арциховский**, 1955, с. 52) По мере накопления новых материалов представления о памятнике изменились и теперь ряд исследователей относят поселение к энеолиту (**Небиеридзе**, 1972, с. 115; **Гаджиев М. Г.**, 1978, с. 27—29; 1981, с. 30—32; **Мунчаев**, 1982, с. 129; **Бетров**, 1982, с. 23) Оно располагалось на холмообразном возвышении на берегу протока в районе г. Нальчик. Планировка поселения, форма и характер жилых и хозяйственных построек точно не выяснены. Предполагается, что жилища представляли собой легкие плетеные хижины (**Кричевский, Круглов**, 1941, с. 51). В культурном слое толщиной 0,4—0,6 м обнаружены каменные, обсидиановые орудия и керамика (Там же, с. 51—61) Каменные изделия состояли из зернотерок, терочников, пестов, дисковидных камней, а также шлифованных топоров, тесел, бу-

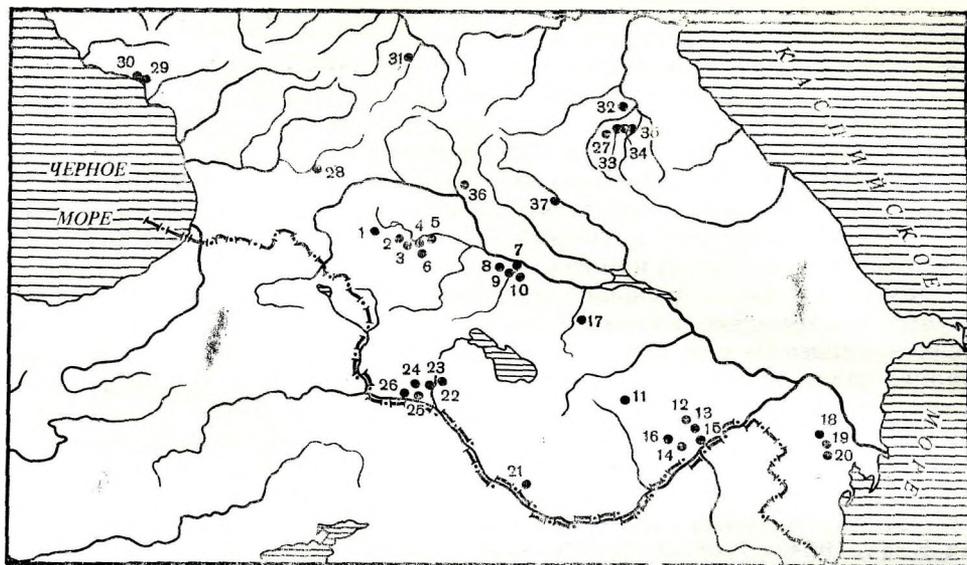

Рис. 16. Энеолитические памятники Кавказа

1 — Арухло I—III; 2 — Дангреулигора; 3 — Шулаверисгора; 4 — Гадачрилигора; 5 — Имирисгора; 6 — Храмис Дидигора; 7 — Бабадериш; 8 — Шому-тепе; 9 — Тойре-тепе; 10 — Гаргалартепеси; 11 — Иланлы-тепе; 12—16 — поселения Мильской степи; 17 — Кечили; 18 — Аликеметепеси; 19 — Гурудере I—VI; 20 — Мишарчайские поселения; 21 — Нахичеванский Кюль-тепе I; 22 — Маштоцбур; 23 — Шенгавит; 24 — Техут; 25 — Хатунарх; 26 — Адаблур; 27 — Гинчи; 28 — Тетрамица; 29 — Мачарское поселение; 30 — Гуад-Иху; 31 — Нальчикский могильник; 32 — Чинна; 33 — Малинкарат; 34 — Муучахилбакли; 35 — Архинда; 36 — Жинвали; 37 — Дамцвари Гора

лавы. Наиболее массовым является инвентарь из местного кремня и обсидиана, состоявший из ретушированных пластин, сколотых с призматических и пирамидальных нуклеусов, и изготовленных на подобных пластинках и отщепках скребков и острей. Вся посуда из Агубеково, за исключением одной круглодонной чашечки, плоскодонная. Изготовлена из глины низкого качества, содержащей примеси слюды, кварца, и отличается недостаточным обжигом. Гладкостенные сосуды желтоватого цвета с красным или серым оттенком, иногда имеют следы ангобирования и лощения. При лепке сосудов в качестве подстилок, как в Гинчи и Закавказье, использовались грубые плетенки из рогожи. Сходны с гинчинскими единственная восстанавливаемая форма сосуда с раздутым туловом, цилиндрической горловиной, отделенной от тулова резким перегибом, и просверленные ручки. Известны были и тонкостенные сосуды. Своеобразна головка антропоморфной глиняной статуэтки, выполненной в условно плоскостной манере с моделировкой лицевой части одним защипом (Кричевский, Круглов, 1941, с. 53—55).

Широко распространенное представление о жителях Агубеково как о примитивных охотниках и собирателях не совсем верно отражает уровень хозяйственного развития населения Центрального Предкавказья в ту эпоху. Скорее всего, хозяйство их базировалось на земледелии и скотоводстве (Чеченов, 1973, с. 37; Мунчаев, 1975, с. 74).

В Центральном Предкавказье в эпоху энеолита уже существовали вынесенные за пределы поселения могильники. Таков Нальчикский могильник, материалы которого дополняют наши представления о культуре ранних земледельческо-скотоводческих племен Центрального Предкавказья (**Круглов, Пиотровский, Подгаецкий**, 1941, с. 67—133). Могильник содержал 147 погребений, подразделяемых на две разновременные группы. Основную, древнейшую группу составляют погребения эпохи энеолита. В пределах могильника выделяются семейные группировки. Хоронили в скорченном виде, мужчин на правом боку, женщин — на левом с различной ориентацией. Большинство костяков посыпано красной краской. Основная масса погребений безынвентарная. Лишь отдельные погребения сопровождались мелкими бусами, каменными браслетами, подвесками из зубов кабана, оленя, медведя, лисицы, зубра, пластинкой из клыка кабана и другими украшениями. Орудия труда представлены кремневыми пластинами с краевой ретушью, скребками, наконечниками стрел, каменными терками, большей частью происходящими из насыпи и не связанными, за исключением одной кремневой пластины, с погребениями (**Круглов, Пиотровский, Подгаецкий**, 1941, с. 109—114). Из мергеля вырезана женская статуэтка. Круглое медное колечко свидетельствует о знакомстве местного населения с металлообработкой.

Сравнительный анализ материалов показывает, что развитие культуры ранних земледельческо-скотоводческих племен Центрального Предкавказья произошло на пересечении различных культурных традиций. На раннем этапе (Агубеково, материалы из насыпи Нальчикского могильника) Центральное Предкавказье больше тяготело к Северо-Восточному Кавказу. Близкое сходство кремневой индустрии и керамики (форма сосудов, ручек, обработка поверхности и др.) поселения Агубеково с соответствующими комплексами из Ругуджа и Гинчи является в этом отношении весьма показательным (**Гаджиев М. Г.**, 1978, с. 27—30; 1981, с. 30—32; **Бетров**, 1982, с. 23). Вместе с тем следует подчеркнуть типологическую близость части инвентаря Нальчикского могильника к комплексам майкопского типа Северо-Западного Кавказа (**Формозов**, 1965, с. 146—147; **Мунчаев**, 1982, с. 129). В культуре энеолита Центрального Предкавказья наряду с восточными и западными культурными традициями присутствует третий, северный компонент, на что обращали внимание еще авторы раскопок Нальчикского могильника, указывая на параллели его погребальному обряду и инвентарю в Мариупольском могильнике (**Круглов, Пиотровский, Подгаецкий**, 1941, с. 126). Число их увеличилось в связи с новыми исследованиями в степной и лесостепной зоне памятников, объединяемых теперь в обширную, так называемую мариупольскую, культурную область, включающую ряд культур и комплексов ранних скотоводческих племен степной и частично лесостепной зоны от Поднепровья до Южного Приуралья, предшествующих сложению древнеямной культурно-исторической области (**Васильев**, 1979; 1981, с. 27—31).

Дискуссионными являются вопросы периодизации и хронологии памятников Центрального Предкавказья. Авторы раскопок относили Агубековское поселение и Нальчикский могильник к неолиту (**Кричевский**,

Круглов, 1941, с. 61; Круглов, Пиотровский, Подгаецкий, 1941, с. 127). При этом Нальчикский могильник помещался между Агубековским и Долинским поселениями и датировался второй половиной III тыс. до н. э. (Круглов, Пиотровский, Подгаецкий, 1941, с. 127). Этой даты памятника придерживается А. А. Формозов, который считает, что он синхронен Большому Майкопскому кургану (Формозов, 1965, с. 146—147). Р. М. Мунчаев же включает его в круг памятников энеолитической эпохи и датирует второй половиной IV тыс. до н. э. (Мунчаев, 1975, с. 148; 1982, с. 130). К этому же времени ориентировочно относят и Агубековское поселение (Мунчаев, 1982, с. 130; Бетров, 1982, с. 23—25). В данном случае следовало бы учесть то обстоятельство, что еще первые исследователи Нальчикского могильника отмечали большую архаичность по сравнению с ним Агубековского поселения (Круглов, Пиотровский, Подгаецкий, 1941, с. 127). Хотя Р. М. Мунчаев считает возможным датировать Агубековское поселение тем же временем, что и Нальчикский могильник, он все же подчеркивает, что орудия Агубековского поселения не отличаются в общем от соответствующего инвентаря закавказских энеолитических памятников (Мунчаев, 1982, с. 129). В определенной степени древность Агубеково подтверждает и северная линия синхронизации энеолитических памятников Центрального Предкавказья. Речь идет о хронологии археологических комплексов и культур мариупольской культурно-исторической области, имеющих, как уже указывалось, ряд параллелей в северокавказском энеолите и датируемых ранее середины IV тыс. до н. э. (Телегин, 1973, с. 124—125; Даниленко, 1974, с. 36—40; Васильев, 1980, с. 7; Матюшин, 1982, с. 264—276; Белановская, 1983, с. 14). Конкретно Нальчикский могильник обнаруживает наибольшую близость с поздними погребениями Мариупольского могильника и в особенности с Хвалынским могильником, относимым к развитому энеолиту Поволжья и датируемым второй половиной IV тыс. до н. э. (Васильев, 1981, с. 39—42, 62).

Определение хронологии энеолита Центрального Кавказа непосредственно связано с проблемой хронологии майкопской культуры, которой предшествуют Агубековское поселение и Нальчикский могильник. А. А. Иессен считал, что начальные этапы сложения майкопской культуры должны быть отнесены к первой половине III тыс. до н. э. (Иессен, 1962, с. 22). Р. М. Мунчаев находит аналогии раннемайкопской керамике в памятниках Месопотамии IV тыс. до н. э. (Мунчаев, 1975, с. 328—329). Позднее круг таких ранних аналогов Майкопу в Передней Азии был значительно расширен за счет ряда других памятников второй половины IV тыс. до н. э. из Месопотамии, Сирии, Восточной Анатолии (Андреева, 1977, с. 39—56). В последние годы в Прикубанье открыты новые памятники майкопской культуры, среди которых особое значение имеет поселение Свободное с весьма ранним материалом, находящим параллели в доярных степных памятниках, в том числе и Мариупольском могильнике (Нехаев, 1983, с. 16—32). Таким образом, и с этой точки зрения представляется вполне оправданным удревнение энеолита Центрального Предкавказья в глубь V—IV тыс. до н. э. Во всяком случае, отстаивание для него сравнительно поздних дат, в частности III тыс. до н. э., было бы чрезмерной, мало чем оправданной архаизацией уров-

ня культурно-исторического развития племен Центрального Предкавказья в эпоху раннего металла.

Значительно лучше изучены раннеземледельческие памятники в Закавказье. В Центральном и Восточном Закавказье выделяют в основном две крупные территориальные группы памятников, датируемых VI—IV тыс. до н. э. (**Мунчаев**, 1982, с. 100—124). Это центральнозакавказская, или шумутепе-шулаверская, группа, включающая памятники, сосредоточенные главным образом в среднем течении Куры (в пределах Западного Азербайджана и соседних районов Восточной Грузии). Вторая, южнозакавказская, или нахичеванско-мильско-муганская, группа локализуется от Нахичевани на западе до Мугани на востоке. Известны попытки выделения и других группировок раннеземледельческих памятников Центрального и Восточного Закавказья.

Одна из таких группировок намечается в северной зоне Центрального Закавказья между р. Курой и Главным Кавказским хребтом. Включаемые в нее памятники не представляются строго едиными в культурном и хронологическом отношении. М. В. Менабде и Т. В. Кигурадзе считают, что их допустимо условно объединить в некую широкомасштабную культурную общность (**Менабде, Кигурадзе**, 1981, с. 117). По-видимому, условно о них можно говорить как о северозакавказской группировке памятников, отличающихся определенными локальными и хронологическими особенностями. Территориально они близки к ареалу северо-восточнокавказской энеолитической культуры и имеют с ней много общих черт. Часть памятников этой группировки локализуется в Алазанской долине и включают четыре пункта: поселения 3 и 4, Дамцваригора, Мцерлебисмица, находящиеся на левом берегу р. Алазани у с. Ульяновка Лагодехского р-на (**Варазшвили**, 1980, с. 18—37; 1984, с. 19—25; **Пицхелаури**, 1982, с. 17).

Поселение Дамцваригора расположено на ровной местности. Под гумусом в перемешанном слое, на круглых площадках (диаметр 8—10 м), считающихся предположительно остатками глинобитных построек, а также в многочисленных хозяйственных ямах обнаружен археологический материал, относимый исследователями к концу первой половины — середине IV тыс. до н. э. Аналогичный материал происходит и из других пунктов.

Обсидиановый и кремневый инвентарь указанных памятников представляет собой каменную индустрию периода деградации пластинчатой индустрии (**Варазшвили**, 1980, табл. II в, III, IV). Пластины имеют малые размеры, число их невелико. В качестве заготовок для орудий используются преимущественно отщепы. В типологическом отношении выделяются пластины с краевой ретушью, острия, скребла на отщепах, отщепы с ретушью, множество долотовидных орудий (Там же, табл. IVа, 1—19; IIIа, 9, 15; IIIв, 17—19; IIв, 8—11; IVв), имеются также единичные двусторонне обработанные изделия (вкладыши серпов, треугольные наконечники стрел, обработанные тонкой отжимной ретушью) (Там же, табл. IIв, 4, IIIа, 18). В типологическом отношении этот инвентарь, за исключением двусторонне обработанных изделий, весьма близок комплексу кремневых изделий поселения Чинна (**Гаджиев М. Г.**, 1978, с. 24—27). Obsидиановый и кремневый инвентарь дополняют топоры из

галечника и костяные изделия, представленные в основном проколками, шильями (**Варазашвили, 1980, табл. Va, в**).

Для памятников Алазанской долины характерна керамика красновато-каштанового, реже бурого и серого цвета с примесью песка и мелко-го гравия, преимущественно с полированными внешней и внутренней поверхностями. По форме выделяются сковороды с дырочками, сосуды с отпечатками циновок на дне, горшки с выделенной цилиндрической горловиной, ручками-выступами и петлевидными ручками, редким однообразным орнаментом в виде конических выступов и рельефных валиков с защипами (**Варазашвили, 1980, табл. I, 1а; 1984, с. 25, табл. XIV—XIX**). Эта посуда имеет очень большое сходство с энеолитической керамикой горного Дагестана. Вместе с тем керамика кахетских памятников, как и обсидиановый инвентарь, обнаруживает значительно меньше точек соприкосновения с материалами энеолитических памятников Центрального и Восточного Закавказья.

Более архаичным выглядят раннеземледельческие археологические комплексы, входящие в эту же северокавказскую группировку; в отличие от кахетских, они выявлены уже в горной зоне, в Арагвском ущелье, но известны пока только по кратким информации (**Чиковани, 1984, с. 71—75**). Это поселения Жинвали, Квемо Араниси, Бодорна, Хертвиси, расположенные вдоль побережья реки или поблизости на террасах и не имеющие различимых внешних признаков, чем отличаются от равнинных закавказских поселений-тепе. По своей топографии они ближе к поселениям горного Дагестана, в особенности к Гинчи.

Из перечисленных поселений наиболее исследовано Жинвальское (вскрыто около 600 м² площади). Оно расположено на правом берегу р. Арагви и находится под могильником античного времени на глубине 3—3,5 м от современной поверхности. В культурном слое выделены два горизонта, разделенные стерильной прослойкой толщиной 15—20 см. Общая толщина культурного слоя вместе со стерильным 0,60—1,0 м. Жилые сооружения не обнаружены. Орудия труда представлены кремневыми и обсидиановыми изделиями с краевой ретушью (острия, долото-видные изделия, скребла и др.), каменными топориками, костяной мотыгой и топоробразным предметом из оленьего рога. Плоскодонная посуда имеет красноватый цвет разных оттенков и бурую гладкую поверхность. Характерны жаровни, сосуды с цилиндрическими горловинами, с чуть отогнутыми наружу венчиками. Встречаются волнистые венчики, с насечкой, елочным орнаментом. Важное место в хозяйстве жителей Жинвали занимало животноводство, характеризующееся разведением как мелкого, так и крупного рогатого скота, а также свиней. Имеются свидетельства охоты на оленей. Радиоуглеродная дата поселения, 4947 г. до н. э. (**Чиковани, 1984, с. 74**), указывает на то, что земледельческо-скотоводческое освоение горной зоны северного Закавказья происходило еще в начале V тыс. до н. э.

Аналогичные материалы происходят и из других памятников Арагвского ущелья. Автор раскопок отмечает определенное сходство арагвских материалов с комплексами Западной Грузии, Кахетии и одновременно подчеркивает их локальное своеобразие, отличающее их от памятников шомутепе-шулаверской группы (**Чиковани, 1984, с. 74**). Добавим к это-

му, что керамика арагвских поселений (жаровни, сосуды с цилиндрическими горловинами) и ее орнамент имеют также ряд параллелей в керамических комплексах из поселений горного Дагестана.

К этой же северозакавказской группировке памятников в определенной степени примыкает и Делисское поселение в районе Тбилиси, датруемое концом V — первой половиной IV тыс. до н. э., материалы которого, по данным Р. М. Абрамишвили, имеют определенное сходство с комплексами западнокавказской раннеземледельческой культуры (**Абрамишвили, 1976, с. 24, 25**).

Несколько особняком стоит поселение Сиони. Оно находится южнее р. Куры, в Марнеульском р-не, в ареале поселений шумутепе-шулаверской группы, но несколько выше по абсолютной высоте (**Менабде, Кигурадзе, 1981, с. 115**) Расположено на левом берегу р. Шулавери на террасе и в отличие от поселений-тепе шумутепе-шулаверской группы не имеет внешних признаков. Дома круглого плана здесь строились не из сырцовых кирпичей, а из камня или на каменном фундаменте (Там же, с. 113).

Каменная индустрия Сиони также отличается от изделий шумутепе-шулаверской группы. Обсидиановые изделия составляют 93,94%. Типологически выделяются пластины с краевой ретушью, а также обработанные отжимной ретушью со спинки. Встречаются и отщепы, обработанные такой же ретушью. Эта техника совершенно чужда индустрии шумутепе-шулаверской группы. Большой процент составляют долото-видные орудия, скребки, в том числе обработанные отжимной ретушью со спинки. Известны скребла на отщепках, резцы, острия, сверла, вкладыши серпов так называемого шумутепинского типа. Из микролитических изделий найдены грубое рубящее орудие, терки. Редки костяные изделия, представленные проколками (**Менабде, Кигурадзе, 1981, с. 114—115**). Своеобразна керамика Сиони (Там же, с. 113—114). Изготовлена она из глины с примесями песка, толченого обсидиана, слюды, изредка соломы и хорошо обожжена. Цвет поверхности коричневатый-розовый, темно-коричневый, черный. Поверхность лощеная, большей частью с гребенчатыми расчесами. Керамика плоскодонная, мало дифференцированная в типологическом отношении (выделяются сосуды низкогогорлые со вздутым туловом и отогнутым венчиком, экземпляры с выделенной горловиной, миска). Основной, почти единственный вид орнамента — это насечки, разнообразные вдавлины на венчиках, типичные для неолита и энеолита Западного Закавказья; в шумутепе-шулаверской группе они известны только в единичных случаях (**Кигурадзе, 1976, с. 158—159**). Жители Сиони были земледельцами и скотоводами. В остеологическом материале поселения преобладают кости домашних животных (крупного и мелкого рогатого скота и свиней) (**Менабде, Кигурадзе, 1981, с. 116**).

М. В. Менабде и Т. В. Кигурадзе датируют Сиони концом V — первой половиной IV тыс. до н. э. и выделяют его как памятник новой культуры, сосуществовавшей с шумутепе-шулаверской на заключительном этапе ее развития (**Менабде, Кигурадзе, 1981, с. 115—116**). Судя по всему, формирование данной культуры (Сиони) происходило на пересече-

нии различных культурных традиций: северозакавказской, западнозакавказской и центральнозакавказской.

Центральнозакавказская, или шомутепе-шулаверская, группа памятников раннеземледельческой культуры Закавказья изучена лучше других. Памятники ее сосредоточены в бассейне среднего течения р. Кура и представлены поселениями Шому-тепе, Тойре-тепе, Бабадервиш, Гаргалар-тепеси и др., находящимися на правом берегу р. Кура в западной части Азербайджана, Шулаверисгора, Дангреулисгора, Храмис Дидигора, Имирисгора и др., расположенными в бассейне р. Храми в Восточной Грузии (Нариманов, 1966, с. 121—126; 1982; Кушнарева, Чубинишвили, 1970; Чубинишвили, 1971, Джавахишвили А. И., 1973, с. 1—90; 1975, с. 11—123; Мунчаев, 1975, с. 80—131, Кигурадзе, 1976; Чубинишвили и др., 1976, с. 55—61, Гогелия, 1979; с. 13—18; Чубинишвили и др., 1984). Наиболее изучены из них Шому-тепе, Шулаверисгора, Имирисгора, Арухло.

В отличие от северо-восточнокавказских и северозакавказских поселений, остатки которых не имеют ярко выраженных внешних признаков, поселения центральнозакавказской группы представляют собой телли (тепе) высотой от 2,5 до 8 м с несколькими строительными горизонтами из сырцовых глинобитных жилых и хозяйственно-бытовых построек. Поселения не имели четкой планировки, за исключением Имирисгора, где установлено круговое расположение домов при свободной от застройки центральной площади (Джавахишвили А. И., 1973, с. 51). Поселения застроены округлокупольными однокомнатными сырцовыми и глинобитными жилищами диаметром от 2 до 5 м с пристенными очагами, а также аналогичной формы хозяйственными постройками меньшего размера. На некоторых поселениях (Арухло I, Шому-тепе, Тойре-тепе) открыты также полужемлянки округлой в плане формы. Архитектура поселений отличается ярко выраженными локальными особенностями. А. И. Джавахишвили особо подчеркивает, что округлокупольная архитектура Закавказья характеризуется исключительной цельностью, имеет глубокие местные корни и генетически не может быть увязана с какой-либо строительной традицией Передней Азии (Джавахишвили А. И., 1973, с. 349).

Своеобразен также производственный и бытовой инвентарь центральнозакавказской группы памятников. Многими тысячами экземпляров исчисляются орудия, изготовленные преимущественно из обсидиана, кремня и других пород камня. В индустрии полностью господствует пластинчатая техника расщепления и получения заготовок с призматических и конических нуклеусов. В типологическом отношении обсидиновый и кремневый инвентарь представлен ретушированными и неретушированными пластинами, пластинами со скошенным и ретушированным концами, с боковой выемкой и выделенной головкой, которые, как и сам обсидиан, или неизвестны на Северо-Восточном Кавказе, или встречаются очень редко; выделяются также резцы, скребла, скребки, долотообразные орудия, острия (Кигурадзе, 1976, с. 151—156; Аразова, 1974, с. 19; Челидзе, 1979, с. 19—31). Единичны геометрические микролиты и микропластины (Чубинишвили, Челидзе, 1973, с. 26; 1978, с. 64; Челидзе, 1979, с. 24—25).

В функциональном отношении изделия из обсидиана и кремня представлены вкладышами разнообразных серпов, в том числе и с зубчатым лезвием (Нариманов, 1964, с. 284—286), скобелями, скребками, ножами, резаками, проколками, долотами, сверлами, развертками, ретушерами, полифункциональными орудиями (Коробкова, Кигурадзе, 1972, с. 53—58; Аразова, 1974, с. 22—26; Коробкова, Эсакиа, 1979, с. 45—60). Почти неизвестны наконечники стрел или находки их случайны (Кигурадзе, 1976, с. 155; Коробкова, Эсакиа, 1979, с. 52). Возможно, на Кавказе, как и на Ближнем Востоке (Чайлд, 1956, с. 345), лук был заменен пращей (Формозов, 1965, с. 58; Нариманов, 1965, с. 49). Другие каменные орудия, зернотерки, терочники, песты, ступки, топоры, наковальни, шлифовальные камни, утяжелители палок-копалок, обычны для раннеземледельческих культур широкого ареала. В целом каменный инвентарь центральнозакавказских поселений представляется единым в культурном и хронологическом отношении комплексом. Он весьма архаичен и находит соответствие не столько в памятниках хассунской и халафской культур, сколько в материалах древнейших раннеземледельческих поселений Ближнего Востока (Али Кош, Джармо, Чатал Гуюк, Бейда) (Кигурадзе, 1976, с. 158—160), и в этом, как подчеркивает Р. М. Мунчаев, заключается одна из выразительных особенностей данной группы энеолитических памятников Закавказья (Мунчаев, 1982, с. 109).

Поселения центральнозакавказской группы отличает широкое использование кости и рога как материала для изготовления орудий труда и различного бытового инвентаря. Помимо простейших костяных изделий, таких, как шилья, проколки, ложила, здесь широко представлены костяные и роговые мотыги, ложки, единичны иглы, наконечники палок-копалок, подвеска из кабаньего клыка (Нариманов, 1966, с. 124—125; Кигурадзе, 1976, с. 157—165).

Своеобразие культуры, представленной центральнозакавказской группой поселений, наиболее ярко характеризует керамика. В основном она грубая, серого, бурого и черного цвета, содержит неорганические примеси (песок, дресва, шамот, толченый обсидиан). На днищах сосудов имеются отпечатки плетенки, поверхность грубая, заглаженная. Редко встречаются тонкостенная посуда с лощенной поверхностью, а также керамика красновато-коричневого или желтовато-коричневого цвета с растительными примесями и слегка залощенной поверхностью. Вся посуда плоскодонная, совершенно лишена ручек, проста и мало дифференцирована по формам. Преобладает баночная форма, горшки в редких случаях имеют отогнутый наружу венчик, известны чаши, совершенно не встречаются сосуды с четкой профилировкой, выраженной горловиной или кувшиноподобные. Орнамент рельефный, в виде выступов-сосцов, вертикальных налепов; резной орнамент не характерен. Лишь в верхних горизонтах поселений Шулаверисгора и Гацарилигора найдены сосуды с известной здесь ранее и не получившей дальнейшего распространения орнаментацией из резных елочных и геометрических узоров и насечками на венчиках (Кигурадзе, 1976, с. 158). Посуда с такой орнаментацией обнаружена на Кавказе и в других совершенно разнотипных памятниках, в частности на поселениях Западной Грузии (Небиеридзе, 1972, табл. XIV—XXII, XXXV—XXXVI) и Гинчи в Даге-

стане. Однако полного сходства она не имеет и, вероятно, восходит к различным культурным традициям. В целом же керамика центрально-закавказской группы памятников выступает как весьма архаический субгубо местный комплекс, придающий представленной им культуре ярко выраженное локальное своеобразие, о чем свидетельствуют и единичные находки антропоморфных фигур, происходящих из нескольких поселений: Шулаверисгора, Имирисгора, Щому-тепе, Гаргалар-тепеси, Арухло, Храмис Дидигора (Отчет..., 1975, с. 206—208; Кигурадзе, 1976, с. 161; Нариманов, 1966, с. 125; Аразова, Махмудов, Нариманов, 1972, с. 479—480; Глonti Л. И., Джавахишвили А. И., Кигурадзе, 1975, с. 88—94; Кушнарeва, Чубинишвили, 1970, с. 25—26). Фигурки головок из Арухло I уникальны. Другие антропоморфные фигурки подразделяются на два типа. сидящие реалистические с согнутыми ногами, изображающие женщин; сидящие схематические с вытянутыми ногами (Глonti Л. И., Джавахишвили А. И., Кигурадзе, 1975, с. 88).

Южнозакавказская группа памятников близка к центральнозакавказской. Первоначально они рассматривались даже как памятники одной культуры, состоящей из локальных вариантов (Кушнарeва, Чубинишвили, 1970, с. 169—170). Южнозакавказская группа памятников не отличается таким единством культуры, как центральнозакавказская. Она представлена рядом своеобразных, территориально отдаленных друг от друга памятников, расположенных в Нахичеванской АССР (Абибуллаев, 1963, с. 157—164; 1982), Мильско-Карабахской степи (Иессен, 1965, с. 10—17), на Мугани (Нариманов, Махмудов, 1977, с. 88), на Араратской равнине (Мартirosян, Торосян, 1967, с. 52—62; Торосян, 1976). Несмотря на то что эти памятники объединены в одну группу, каждый из них обладает специфическими культурными особенностями.

Наиболее известным памятником южнозакавказской группы является поселение Кюль-тепе у Нахичевани (Абибуллаев, 1982, с. 24—79). Это многослойное поселение-тепе, его нижний слой (9,4 м) относится к эпохе энеолита. В отличие от центральнозакавказских поселений, в Кюль-тепе наряду с круглыми в плане жилищами известны и прямоугольные постройки, а сами круглопланные жилища по площади значительно больше (6,0×7,7 м в диаметре). В качестве строительного материала наряду с сырцом использовался камень. Территория поселения одновременно служила для захоронения людей, что также не характерно для центральнозакавказских поселений.

Каменный и костяной инвентарь из Кюль-тепе обычен для раннеземледельческих поселений. Obsидиановая индустрия — пластинчатая, но набор изделий в типологическом отношении менее разнообразен, чем в центральнозакавказской группе. В Кюль-тепе, в частности, совершенно отсутствуют или единичны изделия архаического типа (скребки, резцы, пластины с выделенной головкой, с подтеской концов и др.) (Аразова, 1974, с. 20), которые широко представлены в поселениях центральнозакавказской группы.

Кюль-тепе отличается от центральнозакавказских поселений также более широким использованием металла, здесь найдено семь предметов из металла с медной основой (Селимханов, Марешаль, 1966, с. 144—147). В центральнозакавказской группе памятников металл представлен толь-

ко в Гаргалар-тепеси (медная бусинка) и Храмис Дидигора (неопределенный предмет) (Аразова, Махмудов, Нариманов, 1973, с. 435; Менабде, Кигурадзе, Гогодзе, 1980, с. 34).

И наконец, керамика Кюль-тепе при безусловной общей схожести с центральнозакавказской (грубая выделка, неровная, грубо сглаженная поверхность бурого и серого цвета, плоскостность, отсутствие проемных ручек, отдельные формы и пр.) отличается тем, что почти вся изготовлена из глины с примесями соломы, более разнообразна по формам, лишена орнаментации, за исключением единичных образцов расписной керамики. Последние производят впечатление чужеродных (всего 20 обломков и один целый сосуд) и своим происхождением связаны с югом. Здесь представлены, в частности, халафский импорт и местные подражания (Абибуллаев, 1963, с. 163; Мунчаев, 1975, с. 102—104).

Посуда Кюль-тепе, частично расписная, близка керамике памятников Мильской и Карабахской степей (Иссен, 1963, с. 8—10; 1965, с. 13—15). Но лучше всего памятники с расписной керамикой представлены на Мугани. Наиболее исследовано здесь поселение Аликемек-тепеси, известное по кратким информации авторов раскопок (Махмудов, Нариманов, 1972, с. 480, 481; 1974, с. 454—455; 1974 а, с. 12—16; 1975, с. 10—14, 1975 а, с. 472—473; 1976, с. 503; Махмудов и др., 1977, с. 494), систематизированных Р. М. Мунчаевым (Мунчаев, 1982, с. 118—120).

Поселение Аликемек-тепеси — обычный искусственный холм (тепе) площадью около 1 га, мощность энеолитического слоя которого достигает 4 м. Последний состоит из шести строительных горизонтов. Характерны дома двухкамерные, состоящие из круглопланного жилого сооружения и четырехугольной пристройки из сырцовых кирпичей, очаги открытого типа, хозяйственные ямы. В верхнем горизонте имеются четырехугольные постройки. На территории поселения исследованы остатки гончарных печей и погребения. Все это отличает Аликемек-тепеси от поселений центральнозакавказской группы и сближает с Кюль-тепе. Особенностью производственного инвентаря является использование преимущественно кремня (78,3%), а в качестве заготовок — отщепов наравне с пластинами (Аразова, 1974, с. 21). Другой производственный инвентарь Аликемек-тепеси, в том числе и костяной, обычен для раннеземледельческих поселений Закавказья.

Керамика Аликемек-тепеси своеобразна. По технологии изготовления, формам она в целом не отличается от керамики Кюль-тепе. Ее своеобразие заключается в наличии в верхних горизонтах керамики с гребенчатой штриховкой, имеющей прямые аналогии еще в двух поселениях Закавказья — Сиони и Кечили III (Кесаманлы и др., 1976, с. 502). В Аликемек-тепеси более широко, чем во всех других закавказских поселениях, распространена своеобразная расписная керамика с геометрическим орнаментом, близкая керамике иранских поселений типа Яниктепе, Долматепе (Мунчаев, 1982, с. 121).

К южнозакавказской группе примыкают в определенной степени и памятники Араратской долины, из которых наиболее исследовано поселение Техут (Мартиросян, Торосян, 1967, с. 52—62; Торосян, 1976) Оно также представляет собой обычное для Восточного Закавказья по-

селение-тепе. Здесь открыты круглопланные постройки из сырцовых кирпичей жилого и хозяйственного назначения. Каменный и костяной инвентарь также обычен для раннеземледельческих культур сравнительно развитого этапа. Среди кремневых и обсидиановых изделий редки архаические орудия. Металлические предметы из меди и медно-мышьякового сплава свидетельствуют о развитии металлообработки.

Керамика Техута состоит в основном из двух групп: грубой с примесями соломы и песка и высококачественной. При лепке сосудов широко применялись не только грубые плетенки, циновки, но и более тонкие ткани. Формы сосудов более разнообразны, чем на других раннеземледельческих поселениях Закавказья. Здесь представлены горшки с выраженной шейкой и шаровидным туловом, с яйцевидным туловом и воронковидной горловиной, кувшины, миски, чаши. Как в горном Дагестане и в северной зоне Центрального и Восточного Закавказья, в Техуте распространены глиняные жаровни с отверстиями по краю и отпечатками грубой плетенки на дне. Найдено также небольшое количество расписной керамики, которая по характеру росписи (прямые и волнистые линии, зигзаги, геометрические фигуры) связывается с североубейдской (Мунчаев, 1975, с. 120—122).

Завершая на этом краткую характеристику основных групп раннеземледельческих поселений центрального, восточного и южного Закавказья, следует отметить, что вопросы их культурно-исторического и хронологического соотношения окончательно еще не решены. В разработанной на основе стратиграфии поселений Шулаверисгора и Имирисгора пятиступенчатой периодизации спорным остается вопрос о месте поселений Арухло и Цопи. Т. В. Кигурадзе относит Арухло I к последней ступени, а Цопи считает еще более поздним памятником (Кигурадзе, 1976, с. 118). Ряд других исследователей считает их (в рамках центральнозакавказской группы) сравнительно ранними памятниками (Чубинишвили и др., 1984, с. 83—84). Не существует единого мнения и о хронологическом месте Кюль-тепе в ряду раннеземледельческих поселений Закавказья. Одни считают его памятником более поздним, чем поселения центральнозакавказской группы (Джавахишвили, 1973, с. 112, Мунчаев, 1975, с. 116), или относят к последней ступени ее развития (Кигурадзе, 1976, с. 165), другие же синхронизируют их (Нариманов, 1982, с. 25—26). Окончательно не установлено также, что из себя представляют рассмотренные памятники в отношении их культурной принадлежности: составляют ли они одну культуру с несколькими локальными вариантами или являются этапами развития одной и той же культуры или каждая из них характеризует самостоятельные культуры. Более или менее определенно можно сказать, что при известной общности основных компонентов материальной культуры ряд признаков указывает на своеобразие каждой из выделенных территориальных групп и отдельных памятников. Почти полное внутреннее культурное единство обнаруживают только поселения центральнозакавказской, шумуте-шулаверской, группы.

Данные стратиграфии, сравнительно-типологическое изучение материалов и радиоуглеродные анализы позволяют определить хронологиче-

ские рамки раннеземледельческой культуры Центрального и Южного Закавказья в пределах второй половины VI — первой половины IV тыс. до н. э. (Отчет..., 1975, с. 209—210; Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 171; Мунчаев, 1975, с. 99, 110; 1982, с. 101—103; 120—124; Кигурадзе, 1976, с. 168—169; Нариманов, 1982, с. 23—29). При этом только одна дата приходится на VI тыс. до н. э. (Шому-тепе — 5560 ± 70 лет до н. э., ЛЕ — 631), две — на начало IV тыс. до н. э. (Кюль-тепе — 3807 ± 80 лет до н. э., ЛЕ — 474, Шулаверисгора — 3955 ± 300 лет до н. э., ТБ — 15), а большинство дат укладывается в V тыс. до н. э. Эти же данные свидетельствуют о большей архаичности памятников центральнозакавказской группы по сравнению с южнозакавказской. Первую группу Р. М. Мунчаев датирует концом VI—V тыс. до н. э., а вторую вместе с поселением Техут — концом V — первой половиной IV тыс. до н. э., указывая на то, что в данном случае нельзя говорить о непрерывном развитии одной культуры (Мунчаев, 1982, с. 124).

Своеобразными были пути культурно-исторического развития раннеземледельческих племен Западного Закавказья и особенно Кавказского Причерноморья. Здесь выделяются две группы памятников. Одна из них сосредоточена в восточной части Западной Грузии, в бассейнах рек Квирила, Джручула и представлена пещерными стоянками (Дарквети, Самелекде, Самерцхлекде, Сагварджиле и др.) (Тушабрамишвили, 1965, с. 55—56; Глonti Л. И. и др., 1968, с. 9). Лучше всего изучена многослойная пещера Самелекде, отложения которой дают возможность проследить развитие культуры с неолита до начала эпохи бронзы (Джавахишвили Г. И., 1971, с. 15).

Своеобразие этой области проявляется почти во всех сферах материальной культуры: характере поселений (пещерные стоянки), технике расщепления камня (широкое использование микролитической техники), приемах вторичной обработки (двусторонняя отжимная ретушь), наборе орудий, в котором значительное место занимают предметы вооружения (наконечники копий и стрел) и шлифованные каменные изделия. Керамика характеризуется технологическими и типологическими признаками, свойственными гончарной продукции различных культурных комплексов Кавказа, часто содержит неорганические и растительные примеси. Наряду с грубой керамикой неолитического облика широко представлена высококачественная тонкостенная посуда. Разнообразны формы сосудов: кувшины, баночные сосуды, миски, тазовидные сосуды — сковороды, в том числе и с отверстиями по краю, тонкостенные и миниатюрные красноощенные сосуды. Особенностью данной группы памятников является также присутствие неизвестной в других областях Закавказья круглодонной посуды. Отмечается определенная связь рассматриваемых памятников с северокавказскими комплексами майкопского типа (Джавахишвили Г. И., 1971, с. 15). Данную группу памятников датируют V—IV тыс. до н. э., подчеркивая безусловную культурную преемственность на всех этапах развития с неолита до эпохи ранней бронзы (Джавахишвили Г. И., 1971, с. 5—15).

Культурное своеобразие Кавказского Причерноморья, где локализуется вторая группа энеолитических памятников, как известно, наметилось еще в верхнем палеолите — мезолите (Бадер, 1965, с. 14—15)

и сохраняется в дальнейшем (Формозов, 1969, с. 27). Так, в местном неолите, представленном стоянками типа Анасеули, Одиши, Кистрик, каменные индустрии устойчиво сохраняют мезолитические традиции (микролитоидность), архаический набор типов изделий (Небиеридзе, 1972; Формозов, 1962, с. 134—142; 1965, с. 55—58; Соловьев, 1967, с. 12—16). Примитивна и проста плоскодонная баночного типа керамика, появившаяся в позднем неолите (Небиеридзе, 1972, с. 116). Хозяйство неолитического населения Кавказского Причерноморья на позднем этапе его истории уже базировалось на земледелии и скотоводстве. При этом некоторые исследователи (О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили) подчеркивают, что экологические условия Кавказского Причерноморья не стимулировали ускоренное развитие новых форм хозяйства, а, наоборот, способствовали длительному сохранению традиционных форм присваивающей экономики, чем объясняется некоторая застойность культурно-исторического развития региона и его отставание в этом отношении от более восточных областей Закавказья (Джавахишвили А. И., 1973, с. XV, Джапаридзе, 1976, с. 320)

В энеолите на Черноморском побережье Кавказа складывается своеобразная культура, генетически связанная с местным неолитом. Она отличается от энеолитической культуры, которую составляют памятники Центрального и Южного Закавказья, и свидетельствует об особом пути развития этой области Кавказа (Мунчаев, 1975, с. 138), представлена поселениями Тетрамица (Киладзе, 1951, с. 237—264), Мачара (Бжания, 1966, с. 113—126) и др. О планировке поселений жилых и других бытовых сооружений сведений мало. На Мачарском поселении предполагается существование овалных полужемлянок. Характерной особенностью каменного инвентаря является широкое распространение так называемых мотыжек «сочи-адлерского» типа (тяпкообразные мотыги), каменных клиновидных орудий — плоских шлифованных топоров, тесел, долот. Архаическими формами, правда без геометрических микролитических орудий, представлены кремневые изделия (скребки, резцы, проколки и др.) В большом количестве присутствуют наконечники стрел и дротиков (Киладзе, 1951, с. 263—264), что совершенно чуждо для энеолита всего Центрального и Юго-Восточного Кавказа. Отличается и керамика — неорнаментированная безручная плоскодонная посуда чашеобразной формы и грубой выделки, изготовленная из глины с крупными неорганическими примесями (дресва, песок) (Киладзе, 1951, с. 263). Относительное хронологическое место данной группы памятников определяется между позднееолитическими памятниками типа Одиши, Кистрик и ранними комплексами бронзового века (Воронцовская пещера и др.) (Мунчаев, 1975, с. 138). Ее датировка, IV тыс. до н. э., подтверждается единственной пока радиоуглеродной датой — 3810 ± 90 лет до н. э. (ЛЕ — 1347), полученной для энеолитического слоя Мачарского поселения (Бжания, Папаскири, Габелия, 1979, с. 497).

Таким образом, в энеолите Кавказ представлял собой весьма пеструю в этнокультурном отношении картину сосуществования отличающихся друг от друга в той или иной степени археологических культур, групп памятников и отдельных комплексов. В хронологическом отношении они укладываются в основном в рамки V — первой половины

IV тыс. до н. э. Лишь начальные ступени развития культуры, представленной центральнозакавказской, шомутепе-шулаверской группой памятников, уходят во вторую половину VI тыс. до н. э., а какие-то поздние комплексы тех или иных культур, и в частности западнокавказской, по-видимому, переходят и во вторую половину IV тыс. до н. э.

Что можно сказать в этой связи о культуре энеолита горного Дагестана в целом и о памятниках, представляющих ее в отдельности? Каково хронологическое и культурное соотношение северо-востокавказского энеолита и рассмотренных выше энеолитических комплексов других областей Кавказа?

Как неоднократно отмечалось при анализе археологических материалов, энеолитические комплексы горного Дагестана обнаруживают близкое сходство с памятниками северной зоны Закавказья. При этом поздний комплекс энеолита горного Дагестана, представленный материалами Чинна, находит соответствие в кахетских памятниках, датированных серединой IV тыс. до н. э., а ранние, ругуджинские материалы — более близки к археологическим комплексам Арагвского ущелья, относящимся к V тыс. до н. э.

С памятниками Кавказского Причерноморья энеолитические комплексы горного Дагестана почти не имеют точек соприкосновения, за исключением отдаленных параллелей в орнаментации керамики позднего неолита Черноморского побережья и некоторых сосудов Гинчи (елочные узоры, насечки по венчику). Некоторые признаки керамики горного Дагестана (сочетание грубой и высококачественной посуды, наличие сосудов с отверстиями по краю) характерны для другой группы памятников Западного Закавказья, представленной пещерными стоянками типа Самелекльде. Но в целом эти области в энеолите развивались по-разному. Пути культурно-исторического развития Западного (в особенности Кавказского Причерноморья) и Восточного Кавказа, как уже указывалось, разошлись очень рано, еще в палеолите и мезолите.

Сопоставление материалов энеолита горного Дагестана с соответствующими комплексами центральной и южнозакавказской групп дает следующую картину их хронологического соотношения. Присутствие в поселении Гинчи расписной и высококачественной керамики наряду с грубой свидетельствует о том, что оно в хронологическом отношении ближе к южнозакавказской группе памятников, чем к более архаической центральнозакавказской, где такая посуда совершенно не представлена. То же самое можно сказать и в отношении производственного инвентаря. Кремневый инвентарь Гинчи в технико-типологическом отношении больше соответствует инвентарю Кюль-тепе, чем Шому-тепе и Шулавери, индустрии которых имеют более архаический облик. К инвентарю последних ближе кремневые изделия ругуджинских стоянок.

Вопрос о хронологии поселения Кюль-тепе I как одного из узловых памятников южнокавказского энеолита неоднократно становился предметом специального рассмотрения. Единственная радиоуглеродная дата для Кюль-тепе I (3807 ± 90 лет до н. э., ЛЕ — 477) указывает на начало IV тыс. до н. э. Однако сравнительный анализ материалов дает возможность оперировать более широкими хронологическими рамками

как для Кюль-тепе I, так и для всей южнокавказской группы памятников. Эти рамки колеблются в пределах V—IV тыс. до н. э. (Иессен, 1963, с. 8—14, Абибуллаев, 1982, с. 189—192; Массон, 1964, с. 239; Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 49—52; Кигурадзе, 1976, с. 166—169)¹. Вместе с тем сравнительный анализ расписной керамики позволил уточнить эти рамки для каждого из закавказских энеолитических комплексов, в которых присутствует расписная керамика (Мунчаев, 1975, с. 119—131). Установлено, что расписная керамика Кавказа неоднородна, не несет признаки различных культурных традиций. В частности, в Кюль-тепе I представлен безусловно халафский импорт, что дает основание синхронизировать его с поздним халафом и датировать наиболее ранние наслоения по крайней мере второй половиной V тыс. до н. э. (Мунчаев, 1975, с. 120). Расписная керамика Аликемек-тепеси и поселений Мильской степи сопоставляется с керамикой североиранских памятников (Яниктепе, Долматепе), датируемых по данным радиоуглеродного анализа концом V — началом IV тыс. до н. э. (Мунчаев, 1975, с. 125—130; 1982, с. 120—122) Что касается керамики поселения Техут, то она Р. М. Мунчаевым связывается с культурой Северного Убеида (Мунчаев, 1975, с. 121—122; 1982, с. 123—124), представляющей собой симбиоз халафских элементов и южномесопотамских культурных традиций (Массон, 1964, с. 411—413) Этим и объясняется наличие в Техуте типичных для халафской посуды форм (Мунчаев, 1982, с. 123). Это дает основание датировать Техут более поздним временем, чем Кюль-тепе I, где имеется собственно халафский импорт. Предлагаемая на этой основе дата Техута, первая половина IV тыс. до н. э. (Мунчаев, 1982, с. 102, 124), вполне соответствует характеру других археологических материалов из поселения, имеющих сравнительно поздний облик среди других раннеземледельческих комплексов Центрального и Южного Закавказья (Торосян, 1976, с. 129).

Если поселение Гинчи по наличию расписной керамики можно сопоставить со всей южнокавказской группой памятников в целом, то определить его соотношение на основе сравнительного анализа этой керамики с теми или иными из указанных памятников и установить принадлежность данной керамики к определенной культурной традиции Передней Азии представляется весьма сложным делом. Орнаментальные композиции ни на одном из 13 фрагментов из Гинчи невозможно восстановить полностью. Отдельные мотивы орнамента (точечный узор, сетка из перекрещивающихся полос, зигзаги) имели широкое распространение в пространстве и во времени, что не позволяет с полной уверенностью связывать их с той или иной культурной традицией. Они известны в культурах неолита и энеолита от Средиземноморья до Центральной Азии: Антиохийские холмы — Аму́к и др. (Braidwood R. J., Braidwood L. S., 1960, p. 240, fig. 180), халафская культура (Мунчаев,

¹ Наиболее раннюю дату для Кюль-тепе (V тыс. до н. э.) предлагает И. Г. Нариманов, синхронизирующий древнейший горизонт поселения с ранним этапом халафской культуры (см. Нариманов, 1982, с. 25—27). Сравнительно поздней даты придерживается А. И. Джавахишвили. См.: Джавахишвили А. И., 1973, с. 101.

Мерперт, 1981, с. 230—260, рис. 86, 2, 5, 7), Северный Убейд — халафско-убейдские XX—XXIII слои Тепе Гавра (**Tobler**, 1950; fig. LXVIII, LXIX, LXXII), джейтунская культура (**Массон**, 1971, с. 67, рис. 16) и т. п. Особенно широкие возможности для археологических сопоставлений и далеко идущих выводов дает чрезвычайно богато орнаментированная расписная керамика халафской культуры. Высококачественная керамика Гинчи, в том числе расписная, в техническом отношении не уступает халафской керамике. Можно указать и на определенное сходство форм чаш, кувшинов из Гинчи с соответствующей посудой халафской культуры (**Мунчаев**, **Мерперт**, 1981, рис. 86, 94; **Mellaart**, 1966, p. 18, fig. 5), хотя цветовая гамма, степень лощения поверхности сосудов полного совпадения не обнаруживают. Наблюдаются определенные параллели и в орнаментации керамики из Гинчи и халафской культуры (точечный узор в сочетании с полосками сетки из перекрещивающихся полос, зигзаги). Однако вряд ли можно лишь на основании сходства рисунка на одном фрагменте керамики из Гинчи (зигзаг) с халафским мотивом стилизованных птиц говорить о возможной ее халафской принадлежности (тем более, указанный черепок принадлежит к группе грубой, несомненно местной, посуды) (**Кушнарева**, **Чубинишвили**, 1970, с. 129—130). Воздействие халафской культуры на Кавказ, особенно в свете новых исследований в Закавказье, представляется бесспорным. Но гораздо более масштабным было влияние и распространение в соседние области другой месопотамской культуры — убейдской, в особенности североубейдской (**Массон**, 1964, с. 408—412). Убейдская керамика встречается на всей обширной территории, занятой прежде халафской культурой, даже к северу от гор Тавра в долинах Малатии и Элязига. На северо-западе убейдское влияние достигает Киликии, на юго-западе — р. Оронг, на востоке — Средней Азии, а на северо-востоке — Азербайджана (**Mellaart**, 1965, p. 129—130). Новые открытия в Азербайджане, в особенности исследование поселения Лейлатепеси в Карабахе, значительно передвигает границу распространения этой культуры в северо-восточном направлении (**Нариманов**, 1985, с. 271—272)

Может быть, в этом найдут свое объяснение те параллели, которые намечаются в мотивах орнаментации керамики Гинчи и халафско-убейдских слоев (XX—XVIII) Тепе Гавра (сетка из пересекающихся полос, мотив стилизации птиц или зигзагообразный орнамент, параллельные полосы, заполненные точками (**Tobler**, 1950, pl. LXVIII, a6, v1; LXIX, v1, 17, 21, 27; LXXII, a3). Однако Восточный Кавказ в рассматриваемое время был больше связан с Ираном, чем с Месопотамией, о чем уже говорилось в связи с расписной керамикой из памятников Юго-Восточного Азербайджана. Мы в свое время в общей форме отмечали возможность сопоставления расписных черепков из Гинчи с керамикой из памятников Приурмийского р-на (Геойтепе, Толкитепе) (**Burton-Brown**, 1951, fig. 4, 32, tab. I, 31, II, 628; **Jenny**, 1928, s. 280—304, Abb. 2, 6, Tab. 33v; **Réilly**, 1940, p. 175—178; **Гаджиев М. Г.**, 1966, с. 59—60) Р. М. Мунчаев, специально рассматривавший данный вопрос, уточнил эту связь, обосновав, что расписная керамика Гинчи может быть сопоставлена с керамикой не из любых памятников Северо-Западного (Приурмийского) Ирана, а только из поселений типа Яниктепе и, в особенно-

сти, Долматепе (**Мунчаев**, 1975, с. 128—131), у которого слой с расписной керамикой, как уже указывалось, датируется по радиоуглероду концом V — началом IV тыс. до н. э.

Таким образом, согласно южной линии синхронизации, хронология энеолита горного Дагестана может быть представлена в следующем виде. Этап развития культуры энеолита, характеризуемый материалами Гинчи, датируется в пределах второй половины V — первой половины IV тыс. до н. э. Поздний комплекс из верхнего слоя Гинчи, а также энеолитические материалы поселения Чинна следует, очевидно, датировать временем около середины третьей четверти IV тыс. до н. э., а более архаические по сравнению с Гинчи материалы ругуджинских стоянок, по видимому, уходят в глубь первой половины V тыс. до н. э. Следовательно, в целом энеолит горного Дагестана может быть датирован в пределах V — середины третьей четверти IV тыс. до н. э.

Такая датировка энеолита горного Дагестана согласуется и с хронологией культур эпохи раннего металла Северного Кавказа и юга Восточной Европы. Правда, собственно северокавказская линия синхронизации мало что дает для установления абсолютной хронологии памятников горной зоны Северо-Восточного Кавказа. Дело в том, что памятники Северного Кавказа (Агубеково, Нальчикский могильник), с которыми синхронизируются энеолитические комплексы горного Дагестана, не имеют твердых опорных дат и сами нуждаются в опосредованном их определении через хронологию памятников других областей Кавказа, а также степей Восточной Европы. В таком плане мы уже говорили о датировке Нальчикского могильника, исходя из его параллелей в культурах мариупольской культурно-исторической области. Последние могут быть использованы и для обоснования хронологии энеолита горного Дагестана. В этом плане особый интерес представляет керамика из поселения Гинчи с венчиками, оформленными в виде воротничка, и орнаментированная резными и вдавленными елочками и др., которую можно считать в определенной степени репликой соответствующей керамики культур мариупольской культурно-исторической области (**Васильев**, 1981, с. 6—22, табл. 4—6, 14). Это, по нашему мнению, дает некоторые основания для синхронизации Гинчи и памятников самарской, прикаспийской и азово-днепровской культур, входящих в эту культурно-историческую область. Хронология мариупольской культурно-исторической области определяется на основе синхронизации входящих в нее культур с культурами Северного Причерноморья временем не позже первой половины IV тыс. до н. э. (**Васильев**, 1981, с. 62) На Дону она предшествует среднестоговской культуре, начало которой по радиоуглероду относится к середине IV тыс. до н. э. (**Телегин**, 1973, с. 162), а на востоке, в Поволжье, — ямной общности, сложение которой происходило во второй половине IV тыс. до н. э. (**Мерперт**, 1974, с. 78—79; 1980, с. 19)

Формирование самарской и прикаспийской культур, входящих в мариупольскую культурно-историческую область, происходило, вероятно, в V тыс. до н. э. (в VI тыс. до н. э. в Северном Прикаспии бытовала другая, так называемая сероглазовская культура эпохи мезолита и неолита (**Мелентьев**, 1975, с. 112—117; 1978, с. 99—103) Проводя дальше на запад эту линию синхронизации палеометаллических культур юга Во-

сточной Европы, можно отметить некоторые факты, свидетельствующие об определенном параллелизме в развитии культуры энеолита Северо-Восточного Кавказа, Северного Причерноморья, Балкано-Карпатского региона. В ряде случаев обнаруживаются весьма близкие типологические соответствия отдельных категорий материальной культуры, в том числе керамики. В этой связи обращает внимание тот факт, что характерный для кавказского энеолита прием оформления кухонной посуды сквозными отверстиями ниже закраины зарегистрирован в ряде культур этих областей, развивавшихся в V тыс. до н. э. — днепродонецкой на Украине (Охрименко, Телегин, 1982, с. 71—72, рис. 5(6); Телегин, 1978, с. 46—47), Караново в Болгарии (Георгиев, 1982, с. 72, рис. 3), группа Тисадоб и культура Бюкк в Венгрии (Археология Венгрии..., 1980, с. 195, рис. 121; с. 217, рис. 130). Проведение подобных параллелей, кажущихся на первый взгляд весьма отдаленными, вполне оправдано в свете той исторической обстановки, которая сложилась в VI—IV тыс. до н. э. вокруг Черного моря. Становление и развитие раннеземледельческих культур на Ближнем Востоке, в Балкано-Дунайском р-не, Северном Причерноморье, на Кавказе и скотоводческих культур в Каспийско-Черноморских степях происходило во взаимодействии, обусловленном в первую очередь распространением производящих форм экономики, результатом чего явились близкие пути развития и формы раннеземледельческих культур, сходные традиции в конкретных сферах культуры, взаимопроникновение форм и отдельных элементов (Мерперт, 1983).

Датировку энеолита горного Дагестана подтверждает также хронология памятников Северо-Восточного Кавказа предшествующего и последующего периодов. Так, в результате новых исследований прикаспийских поселений в Дагестане (Великент, Геметюбе I и II) были получены данные, свидетельствующие о том, что широкое освоение Приморской низменности оседло-земледельческим населением по времени совпадает с начальным периодом эпохи бронзы (Гаджиев М. Г., 1985а, с. 11—12, 17—18). Судя по данным о колебаниях уровня Каспийского моря и о ритмах изменений климатических условий в регионе, начало этого процесса должно относиться ко времени не раньше последней четверти IV тыс. до н. э., когда с началом наиболее продолжительной в голоценовую эпоху регрессии Каспия (3300—1800 гг. до н. э.) (Варущенко А. Н., Варущенко С. Н., Клиге, 1980, с. 83) сложились оптимальные условия для постоянного заселения Приморской низменности.

Определение даты начала энеолита Северо-Восточного Кавказа зависит и от хронологии местного неолита, для которого до последнего времени твердо обоснованных опорных дат не существовало. Однако новые комплексные исследования Чохского поселения значительно приблизили решение этого вопроса. Для относительной и абсолютной датировки этого многослойного памятника были использованы, кроме сравнительно-типологического анализа чисто археологических материалов, данные геоморфологии, стратиграфии и палинологии, в результате чего было установлено, что спектр спорово-пыльцевой диаграммы верхнего неолитического слоя Чохского поселения соотносится с картиной растительности времени новокаспийской трансгрессии, начало которой

по данным радиоуглеродного анализа относится к концу VII—VI тыс. до н. э. (Амирханов, 1985, с. 29; Варущенко А. Н., Варущенко С. Н., Клиге, 1980, с. 86). Таким образом, датировка неолита Северо-Восточного Кавказа VI тыс. до н. э. и соответственно начала энеолита в пределах V тыс. до н. э. получает дополнительное обоснование.

С вопросом о хронологии неразрывно связана проблема генезиса раннеземледельческих культур Кавказа. Из изложенного выше можно сделать несколько заключений, имеющих важное значение для решения этого вопроса.

Во-первых, известные в настоящее время на Кавказе группы раннеземледельческих памятников и комплексов датируются в целом V—IV тыс. до н. э., т. е. представленные ими культуры развивались синхронно. Исключение составляет хронологическое соотношение центральнозакавказской и южнозакавказской групп памятников, из которых первая выглядит более архаичной и по данным радиоуглеродного анализа датируется второй половиной VI — серединой V тыс. до н. э., а вторая — второй половиной V — первой половиной IV тыс. до н. э. Однако, как уже подчеркивалось выше, такая хронология не дает основания для утверждения о генетическом характере отмеченной последовательности.

Во-вторых, значительное культурное сходство намечается между группами памятников, характеризующих раннеземледельческую культуру Западного Закавказья (группа причерноморских поселений и группа пещерных стоянок типа Самелеклде). Такое же сходство мы наблюдаем между энеолитическими поселениями горного Дагестана и одновременными памятниками Центрального Предкавказья и Кахетии, что, возможно, объясняется существованием между их носителями очень тесных контактов, наличием близких или общих культурных подоснов.

В-третьих, каждая из раннеземледельческих энеолитических культур Кавказа: центральнозакавказская, западнозакавказская, северо-восточнокавказская при некоторых сходных чертах, объясняемых как культурными контактами, так и общими закономерностями становления производящей экономики и развития раннеземледельческих культур вообще, представляет собой в культурном отношении достаточно своеобразное, локальное явление.

Все это свидетельствует скорее всего о полицентрическом характере становления и развития на Кавказе раннеземледельческих культур. Становится очевидным, что в своей основе они восходят к различным этнокультурным традициям, формировавшимся на Кавказе на протяжении каменного века. Так, весьма четко генезис культуры прослеживается в Западном Закавказье. На всех этапах исторического развития этой области от верхнего палеолита до энеолита включительно здесь наблюдается непосредственная культурная преемственность (Формозов, 1965, с. 154; 1959, с. 87, Небиеридзе, 1972, с. 116—117; Гогитидзе, 1978, с. 131; Джавахишвили Г. И., 1971, с. 17) и энеолит Западного Закавказья как конкретный археологический комплекс предстает как закономерный результат эволюционного развития местной культуры (Мунчаев, 1975, с. 134).

Приходится с сожалением констатировать, что в Центральном и Во-

сточном Закавказье неолит совершенно не изучен и это пока не дает возможности решить вопрос о генезисе культуры, представленной памятниками центральнозакавказской и южнозакавказской групп. Вместе с тем представляется не совсем правомерным рассматривать отсутствие культурной преемственности между стоянками неолита Кавказского Причерноморья и поселениями шомутепинского и кюльтепинского типа как показатель пришлого характера культуры эпохи энеолита Центрального и Восточного Закавказья (Формозов, 1977, с. 50—52). На базе неолита Западного Закавказья, как уже говорилось, сложилась западнозакавказская энеолитическая культура, а культура, представленная шомутепе-шулаверской группой поселений, очевидно, должна быть связана с неолитом иного облика, чем западнозакавказский или кобистанский (Беюкдаш) (Формозов, 1977, с. 48—49). Пока же в ареале шомутепе-шулаверской группы памятников из предшествующих ей культур известна только триалетская мезолитическая культура (Габуня, 1975). Между ними существует значительный хронологический и культурный разрыв (Кигурадзе, 1976, с. 172). Очевидно, со временем вопрос о культурной преемственности и в целом о происхождении раннеземледельческой культуры Центрального Закавказья возможно будет решить на реальной источниковедческой базе. Почти все исследователи, касавшиеся этого вопроса, отмечали глубокое своеобразие шомутепе-шулаверского археологического комплекса и невозможность вывести его непосредственно из древних культур Кавказа и Передней Азии, известных в настоящее время. Последние открытия в горном Дагестане позволяют проследить процесс становления производящего хозяйства и раннеземледельческой культуры в одной из крупных областей Кавказа — на Северо-Восточном Кавказе и дают основание надеяться на открытие аналогичных звеньев в Центральном и Восточном Закавказье.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРНОГО ДАГЕСТАНА

Проведенный выше сравнительный анализ культуры эпохи энеолита горного Дагестана и соответствующих ей хронологически раннеземледельческих комплексов сопредельных областей Кавказа показал, что, несмотря на целый ряд сходных явлений, обусловленных общими закономерностями развития раннеземледельческих культур, сходством природных условий и непосредственными культурными контактами между их носителями, каждый из этих комплексов глубоко своеобразен, что исключает возможность возведения их к единой протокультуре или генетической связи между ними. А это свидетельствует о полицентрическом характере становления раннеземледельческих культур Кавказа и их восхождении к различным культурным комплексам каменного века. Остановимся на этом вопросе более подробно применительно к раннеземледельческой культуре Северо-Восточного Кавказа.

Энеолиту горного Дагестана предшествует чохская культура, выделенная в середине 60-х годов как один из вариантов культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита (Бадер, 1965, с. 3—16) и переосмысленная в начале 80-х годов как самостоятельная археологическая культура мезолита и неолита (Амирханов, 1982а, с. 20; 1983, с. 52—57, 1985, с. 27—43). Чохская культура была распространена на той же территории, что и охарактеризованная выше северо-восточнокавказская культура эпохи энеолита, т. е. обе культуры — это культуры горного Дагестана. Эпонимным памятником культуры является Чохское поселение, исследованное В. Г. Котовичем в 1955—1957 гг. (Котович В. Г., 1964, с. 99—162), Х. А. Амирхановым в 1974, 1980—1982 гг. (Амирханов, 1977; 1983, с. 52; 1985, с. 27—43). Поселение находится в центральном горном Дагестане, на Турчидагском плато, в 3 км к северу от селения Чох Гунибского района. Оно расположено на небольшой площадке надпойменной террасы (высота 1725 м от уровня моря) на берегу р. Багдакули (приток р. Кара-койсу), у подножия обращенной на юг отвесной скалы. В. Г. Котовичем было выделено в Чохе два мезолитических и четыре верхнепалеолитических слоя (Котович В. Г., 1964, с. 159—162). Эта точка зрения была поддержана и другими исследователями (Формозов, 1963, с. 184; Бадер, 1965, с. 14). Однако новые полевые и аналитические исследования, проводившиеся в начале 80-х годов с использованием данных стратиграфии, геоморфологии, палинологии, палеоботаники и палеозоологии, дали основание для пересмотра периодизации Чохского поселения и выделения в нем трех слоев, из которых два относятся к мезолиту, один — к неолиту (Амирханов, 1983,

с. 52). Сопоставление спорово-пыльцевого спектра отложений Чохского поселения с обобщенной диаграммой четвертичных отложений Западного Прикаспия показало, что спектр мезолитических слоев **D** и **E** соответствует характеру растительного покрова времени мангышлакской регрессии, протекавшей 10—9 тыс. лет назад (VIII—VII тыс. до н. э.), а неолитический слой **C** соотносится с новокаспийской трансгрессией, датированной 8 тыс. лет назад (VI тыс. до н. э.) (Амирханов, 1985, с. 29). Такая хронология памятника хорошо согласуется с характером происходящих из соответствующих слоев поселения археологических материалов, в особенности кремневого инвентаря, являющегося фактически основным источником для определения его культурной и хронологической принадлежности (Амирханов, 1985, с. 27—30). Во всех слоях поселения сырьем для изготовления орудий служил кремнь трех разновидностей: желтовато-серый кремнистый известняк, черный кремнь местного происхождения и главным образом, хорошего качества меловой серый кремнь, выходы которого вблизи памятника неизвестны. Последним богаты, как уже указывалось, месторождения Левашинского и Акушинского районов Дагестана, находящиеся в 30—40 км от поселения.

Каменная индустрия Чохского поселения или чохской археологической культуры на раннем, мезолитическом этапе ее развития характеризуется следующими технико-типологическими признаками. Техника первичного раскалывания характеризуется разнообразными нуклеусами: призматическими, коническими и различными архаическими формами (подлеваллуазские, дисковидные, веерообразные, комбинированные). Им соответствуют всевозможные виды заготовок, представленные пластинами, пластинками, микропластинками и отщепами, а также некоторые разновидности производственных отходов. Во вторичной обработке господствуют обычные для мезолитической техники приемы разнообразной ретуши (крутая, полукрутая, пологая крупная и мелкая) и резцового скола. Набор изделий со вторичной обработкой весьма характерен для мезолита. Он включает скребки (концевые, овальные, круглые), резцы, ножи, острия, пластины с притупленным краем, пластины с усеченными ретушью концами, пластины и отщепы с зубчатой обработкой, с ретушью, геометрические микролиты — асимметричные и равнобедренные треугольники, сегменты, высокие трапеции, подпрямоугольные сечения пластин (Котович В. Г., 1964, с. 120—140; Амирханов, 1977, с. 17—20).

Культуроопределяющими признаками каменной индустрии Чохского поселения являются: 1) устойчивое сочетание в технике первичного раскалывания кремня обычных для верхнего палеолита и мезолита призматических и конических нуклеусов с подлеваллуазскими и другими архаическими ядрищами, что совершенно не характерно для других областей Кавказа, 2) наличие своеобразных типов, специфичных для чохской культуры, таких, как острия чохского типа («наконечники чохского типа»), характеризующиеся диагональным ретушным усечением одного края пластинки и утончением основания, ножи с дистальным ретушированным обушком, низкие удлиненные асимметричные «тупоугольные» треугольники, высокие трапеции с прямыми или слегка во-

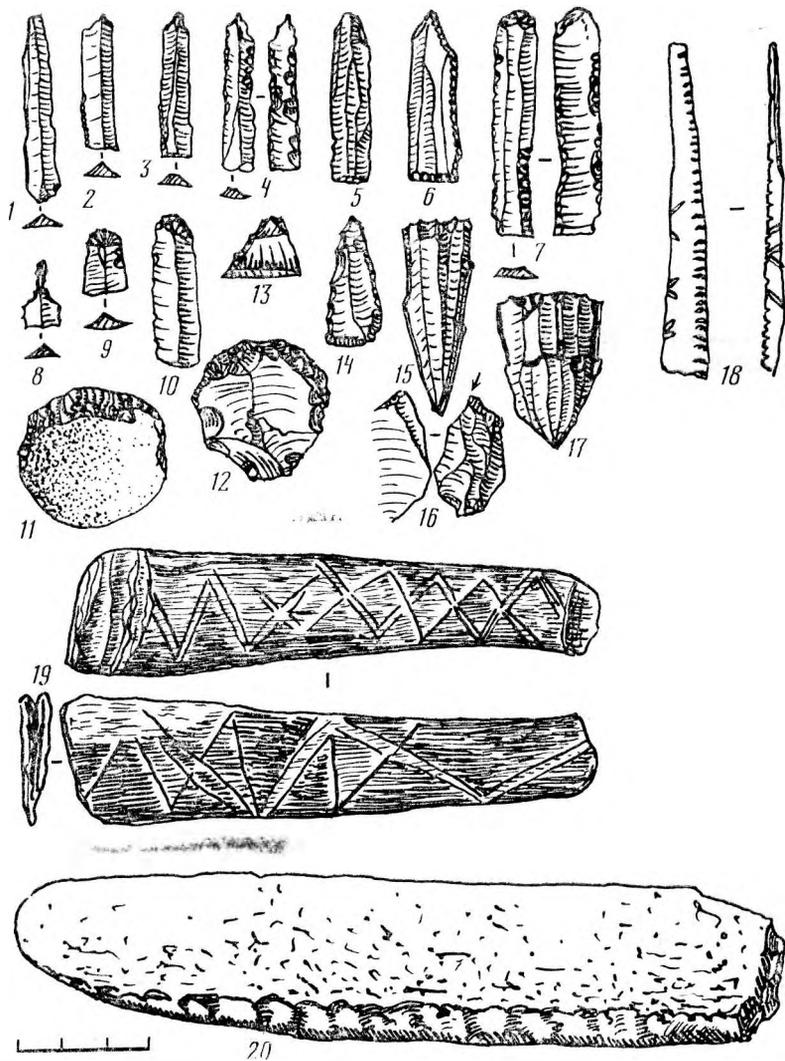

Рис. 17. Материалы неолитического слоя Чохского поселения

1—7 — микропластинки; 8 — острие; 9—10 — микроскрепки; 11, 12 — микролиты; 13, 14 — нуклеусы; 15, 17 — скребки; 16 — резец; 18 — костяная проколка; 19 — каменная рукоять жатвенного ножа; 20 — терка

гнутыми боковыми сторонами (Котович В. Г., 1964, с. 120—149; Бадер, 1965, с. 14, Амирханов, 1985, с. 27—28).

Верхний, неолитический, слой непосредственно перекрывает мезолитический. Отсутствие стерильного слоя свидетельствует о том, что между ними сколько-нибудь значительного хронологического разрыва не существовало. Это подтверждает и характер кремневого инвентаря неолитического слоя, который связан с инвентарем мезолитического слоя

культурной преемственностью (рис. 17, 1—17). В неолитическом слое сохраняется традиционная техника первичного расщепления кремня и вторичной обработки. Существенных изменений не претерпевает и набор типов, хотя их процентное соотношение в неолитическом слое несколько иное. Примечательно, что преемственность наблюдается, в частности, в специфических для чохской культуры типах кремневых орудий (острия чохского типа, ножи с ретушированным дистальным наклонным обухом, удлинённые асимметричные тупоугольные треугольники, высокие трапеции) и своеобразных элементах техники раскалывания кремня (архаические нуклеусы), что является ярким показателем генетической связи между двумя этапами (мезолитическим и неолитическим) данной культуры (Амирханов, 1983, с. 55; 1985, с. 29—30). Конечно, кремневый инвентарь поселения от слоя к слою претерпевал и определённые изменения эволюционного характера. В частности, происходил процесс дальнейшей микролитизации кремневого инвентаря: в неолитическом слое появляются неизвестные в нижних слоях карандашевидные нуклеусы, рассчитанные на получение узких и тонких микропластинок для оснащения вкладышевых орудий (рис. 17, 1—5), увеличивается количество геометрических микролитов, измельчаются их размеры, т. е. совершенствуется микролитическая индустрия.

Однако эти количественные изменения в развитии кремневого инвентаря ни в какое сравнение не идут с теми качественно новыми явлениями в культуре, вызванными коренными переменами, которые произошли в хозяйстве и быте обитателей поселения в неолитическую эпоху. Прежде чем перейти к рассмотрению этих перемен, кратко остановимся на вопросе о происхождении чохской культуры.

Передатировка Чохского поселения неожиданно поставила новые проблемы: первая — это проблема верхнего палеолита горной зоны Северо-Восточного Кавказа, другими словами, была ли вообще заселена горная зона Северо-Восточного Кавказа в ту эпоху; вторая — проблема происхождения чохской культуры. После омоложения нижнего слоя Чохского поселения, относившегося прежде к верхнему палеолиту, уже не осталось достоверных данных об обживании этой территории в верхнем палеолите. Более того, сейчас ставится под сомнение вообще возможность обитания человека в горной зоне Кавказа (Главного Кавказского хребта) в ледниковую эпоху. Как отмечает В. П. Любин, «в верхнем палеолите — в наиболее суровый период вюрмского оледенения — зона человеческого обитания на Кавказе предельно сужается: человек оставляет горные районы и, как это представляет сегодня, районы к востоку от Сурама. Верхнепалеолитическое население концентрируется в основном в Колхиде, в Причерноморье и в Прикубанье» (Любин, 1984, с. 70). Во всяком случае, сейчас в ареале чохской культуры очевиден хронологический и культурный разрыв между ранним палеолитом и мезолитом. Это ещё больше усложняет решение вопроса о происхождении чохской культуры. Кроме того, мезолитический инвентарь Чохского поселения обнаруживает значительные типологические расхождения с синхронными комплексами других областей Кавказа, в частности с мезолитической культурой Западного Кавказа (Амирханов, 1985, с. 31), которая своим происхождением связана с местной имеретинской куль-

турой верхнего палеолита (**Церетели, 1973**). Общие же признаки, сближающие западнокавказскую и чохскую мезолитическую культуры, присущи всем памятникам Кавказа той эпохи, которые, в свою очередь, по этим же общим чертам объединяются в обширную кавказско-переднеазиатскую культурную область верхнего палеолита и мезолита (**Бадер, 1965, с. 14—16; Амирханов, 1985, с. 31**). К этому кавказско-переднеазиатскому культурному единству в равной степени относятся и памятники Юго-Восточного Прикаспия Дам-дам-чешме и Джебел (**Борисковский, 1947, с. 7—8; Окладников, 1966, с. 57—65**).

Специально изучавший проблему происхождения чохской культуры Х. А. Амирханов обращает внимание на то, что в рамках этого кавказско-переднеазиатского единства между инвентарем чохских мезолитических слоев и соответствующими комплексами туркменских пещер значительно больше общих черт, чем между последними и памятниками других культур Кавказа (**Амирханов, 1977а, с. 11, 1985, с. 31—33**). Специфические признаки, сближающие памятники Дагестана и Туркмени (крупные асимметричные трапеции, симметричные трапеции с вогнутыми боками, узкие высокие трапеции — «поперечнолезвийные накопечники стрел», нуклеусы архаических форм и др.), кроме того, характерны для пещер Южного Прикаспия — Гари-Камарбанд и Хоту на территории Северного Ирана. На основе этого указанные памятники объединяются в культурное единство, названное условно южнокаспийским. Наиболее вероятной территорией формирования культурного субстрата южнокаспийской области Х. А. Амирханов считает район, расположенный между горами Эльбруса и Каспийским морем на севере современного Ирана, где находятся наиболее ранние из известных в настоящее время памятников этой области — пещеры Гари-Камарбанд и Хоту (нижние слои Хоту датируются, по данным радиоуглеродного анализа, 11860 ± 840 лет назад). Ранние слои Чохского поселения моложе Гари-Камарбанд. Носители чохской культуры поселились в горах Дагестана после отступления последнего ледника, как показали данные спорово-пыльцевого анализа, когда уже сформировался растительный покров, характерный для мангышлакской регрессии (10—9 тыс. лет назад), которая, быть может, стала одной из причин продвижения населения с юга на север вдоль западного и восточного побережья Каспия и заселения им горных районов (**Амирханов, 1985, с. 33—34**). Дело в том, что мангышлакская регрессия Каспийского моря сопровождалась очень значительными экологическими сдвигами: уровень моря понижается до отметки —50 м, происходит резкая аридизация климата, перемещаются пояса растительности, на берегах Каспия образуются обширные пространства пустынного и полупустынного ландшафта. В этих условиях горные районы Восточного Кавказа с их разнообразными природными зонами и в целом благоприятным экологическим фоном, сложившимся здесь после длительного вюрмского оледенения, вновь становятся чрезвычайно удобными для обитания человека. Как свидетельствуют данные спорово-пыльцевого анализа Чохского поселения, в это время носителями культуры, сходной с прикаспийским мезолитом, была заселена и горная зона Северо-Восточного Кавказа (**Амирханов, 1985, с. 33**).

Развитие чохской культуры на весьма продолжительном (около

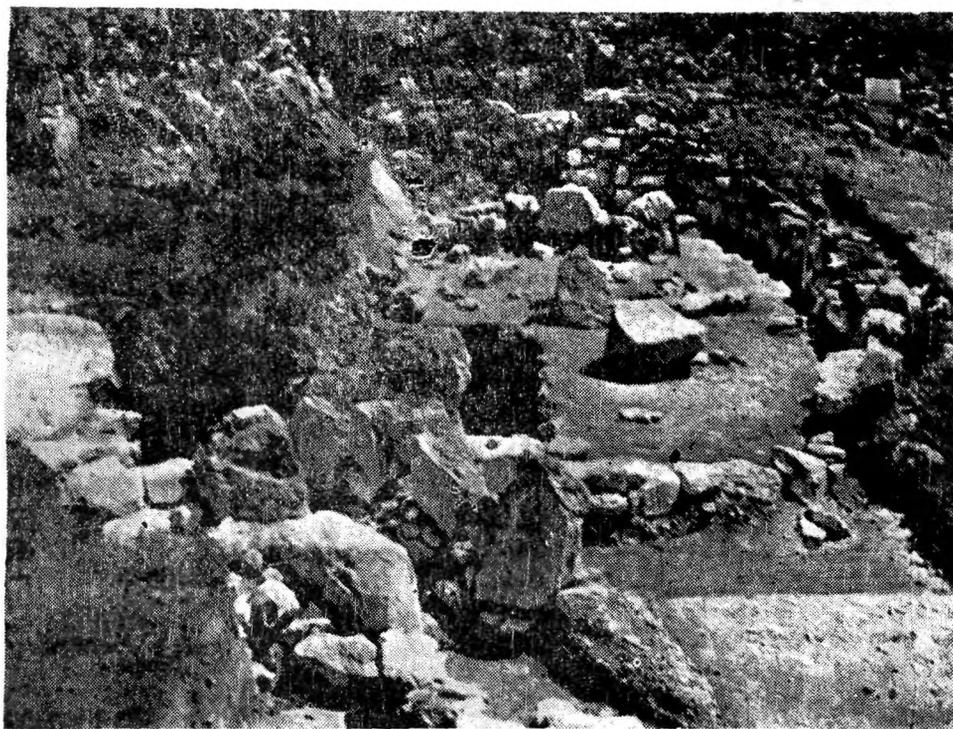

Рис. 18. Остатки жилища Чохского поселения

2 тыс. лет) мезолитическом этапе происходило, как уже отмечалось, плавно, без резких перемен. Однако на рубеже VII—VI тыс. до н. э., с началом новокаспийской трансгрессии, сопровождавшейся перемещением ландшафтных зон на более низкие гипсометрические уровни, что было обусловлено потеплением климата и увеличением влажности, чохская культура претерпевает изменения, вызванные коренным переломом в хозяйственной деятельности и быте ее носителей. Эти изменения возвестили начало новой исторической эпохи — эпохи производящего хозяйства.

Яркий показатель перемен в образе жизни — выявленные в неолитическом слое Чохского поселения остатки двух долговременных каменных жилищ, свидетельствующих о возникновении прочной оседлости. Одно из жилых сооружений состояло из большого округлого помещения (площадь около 60 м²), образованного дугообразной каменной стеной, концы которой упирались в скалу, и обращенного на юг входного коридора шириной 80 см, длиной более 2,6 м, оформленного непосредственно у входа в жилое помещение порогом из двух пригнанных друг к другу плит. В центре помещения находился круглый углубленный в пол очаг Кровля, предположительно, была плоской и опиралась на скалу и дугообразную стену и, возможно, поддерживалась центральным столбом, установленным на каменную базу (рис. 18) (Амирханов, 1983,

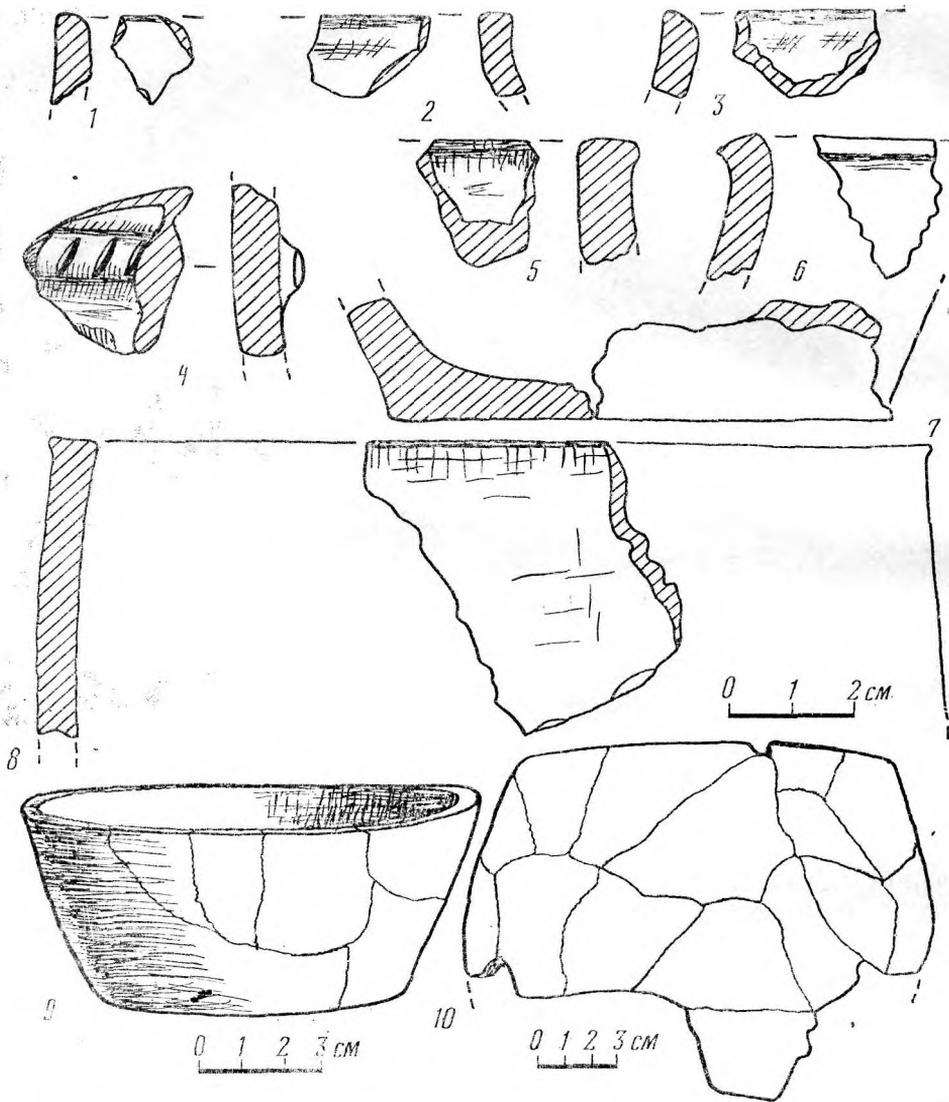

Рис. 19. Керамика Чохского поселения (1—10)

с. 53—54). Отметим сразу же, что такие жилые сооружения принципиально отличаются от известных в других областях Кавказа древних жилищ, в том числе от сырцовых округло-купольных сооружений шумепе-шулаверской культуры и тем самым еще раз подчеркивают своеобразие чохской культуры.

Новым элементом культуры является также керамика (рис. 19). В технико-технологическом отношении она характеризуется ручной лепкой ленточным способом с использованием плитчатых подставок, тесто

содержало неорганические примеси (дресва), поверхность заглажена и (очень редко) слегка залощена. Толщина стенок колеблется в пределах 0,7—1,5 см. Стенки сосудов в изломе двухцветные: черные с внутренней стороны, розоватые, желтовато-серые — с внешней. Имеются трехслойные черепки: розовато-бурые с обеих сторон и черной прослойкой в середине. Единичными фрагментами представлена красноватая на всю толщину керамика.

В типологическом отношении посуда плоскодонная, безручная. Она представлена двумя формами: чашей или миской (рис. 19, 9) и горшком со сферическим туловом, плавно сужающимся к горловине (рис. 19, 10), т. е. наиболее простейшими формами столовой (миска) и кухонной (горшок) керамики. Отдельные фрагменты принадлежат, по-видимому, прямостенным баночным сосудам (рис. 19, 8). Посуда орнаментировалась очень редко. Встречено всего два таких черепка. один — с парой шишечковидных налепов, другой — с расчлененным валиком (рис. 19, 4).

Рассмотренная керамика имеет определенные черты сходства с керамикой более поздних закавказских раннеземледельческих поселений шумутепе-шулаверской группы (форма сосудов, технико-технологические признаки, рельефный шишечковидный орнамент) (Амирханов, 1983, с. 55—56) Но эти черты сходства довольно общие, они присущи многим ранним оседло-земледельческим культурам юга Восточной Европы, Кавказа, Передней Азии, в то время как своеобразие ее, проявляющееся в особенностях технологии гончарного дела, приемах орнаментации, выступает довольно отчетливо. Особенно показательным локальным признаком является, в частности, рельефный горизонтальный валик с защипами, ставший впоследствии одним из ведущих мотивов орнаментации керамики эпохи раннего металла Северо-Восточного Кавказа.

Совершенно новыми, неизвестными в мезолитическом слое Чохского поселения являются орудия из неолитического слоя, связанные с земледелием. Среди них особый интерес представляют составные жатвенные орудия с прямой каменной сланцевой (рис. 17, 19) или костяной основой, т. е. прямолинейные серпы с вкладышами в виде геометрических микролитов и микропластинок (Котович В. Г., 1964, с. 158, рис. 35, 5; Амирханов, 1983, с. 54—56), характерные для племен, стоявших на пороге или только что перешедших к возделыванию злаков, к земледелию (Массон, 1964, с. 99, 106, 118, рис. 18). Земледельческий орудийный комплекс включает также зернотерки (рис. 19, 20), камни-терочники, мотыжки для разрыхления почвы (Амирханов, 1983, с. 55) Примечательной находкой, указывающей на характер употребления продуктов земледелия, является фрагмент надочажной сланцевой плитки, традиционно служившей для обжаривания зерна и выпечки хлеба (обнаружена в центральном очаге жилища Чохского поселения).

На поселении найдены и зерна окультуренных злаков, что имеет решающее значение для суждения о характере хозяйства. Из неолитического слоя Чоха Г. Н. Лисицына определила следующие разновидности окультуренных злаков: пшеницу двузернянку (*Triticum dicoccum* Schrank), пшеницу однозернянку (*Triticum monococcum* L.), ячмень голозерный (*Hordeum vul-*

gate var. nudum), ячмень пленчатый (*H. vulgare* L. polystichum), пшеницу мягкую-карликовую (*Tr. aestivo-compositum* L.) (Амирханов, 1987, с. 145)

Все приведенные выше данные неопровержимо свидетельствуют о том, что земледелие у обитателей Чохского поселения занимало в хозяйстве одно из ведущих мест

Палеозоологические материалы доказывают наличие у обитателей Чохского поселения также и одомашненных животных. По костным остаткам из раскопок 1955—1957 гг., определенным Н. К. Верещагиным, не исключалась возможность существования здесь наряду с дикими животными (дикие бараны и козлы, преимущественно муфлонообразные бараны и др.), служившими у обитателей поселения основными объектами охоты, также одомашненных форм, в частности баранов (Верещагин, 1959, с. 195; Котович В. Г., 1957, с. 153) Однако это важное заключение из-за общего удреждения памятника не могло получить тогда правильного истолкования. Палеозоологические материалы, полученные из раскопок неолитического слоя Чохского поселения в 1980—1982 гг., согласно определению Н. М. Ермоловой, подтверждают наличие здесь домашних животных. При этом бесспорным считается существование домашней овцы (*Ovis* cf. *aries*), не исключена возможность domestikации козла безоарового (коза домашняя?) (*Capra aegagrus* или *C. hircus*), проблематично наличие коровы. Из безусловно диких животных определены благородный олень, медведь и барсук. Таким образом, данные Н. К. Верещагина и Н. М. Ермоловой свидетельствуют о наличии в неолитическом слое Чохского поселения одомашненных овец и коз и исходных для них диких форм — муфлонообразных баранов и безоаровых козлов (Амирханов, 1987, с. 153)

Суммируя все сказанное выше, можно заключить, что люди со сходной с прикаспийским мезолитом культурой, заселившие горный Дагестан в послеледниковый период, в ходе длительной (около 2 тыс. лет) адаптации к его природным условиям на рубеже VII—VI тыс. до н. э. совершили крупный скачок в своем экономическом развитии, перешли от присваивающего хозяйства к земледелию и скотоводству. Это коренным образом изменило образ жизни и быт первобытных коллективов, населявших горную зону Северо-Восточного Кавказа. Таким образом, мы вплотную подходим к решению одного из аспектов поставленной в данной главе проблемы — вопроса возникновения производящего хозяйства и сложения раннеземледельческой культуры в северо-восточнокавказском регионе. Останемися на нем подробнее.

Как известно, еще в начале 50-х годов в кавказоведении господствовала точка зрения о сравнительно позднем заселении и хозяйственном освоении горной зоны Восточного Кавказа, предполагавшая их зависимость от развития полукочевого скотоводства. Считалось, что постоянное население, занимавшееся овцеводством, стало здесь появляться в ходе использования горных пастбищ для выпаса в летнее время года мелкого рогатого скота не раньше эпохи бронзы (Круглов, 1958, с. 93—94) Сейчас это положение имеет значение, пожалуй, только для историографии. Накопившиеся к рубежу 60-х годов археологические материалы позволили поставить вопрос о том, что земледельческо-скотовод-

ческое освоение и постоянное заселение горного Дагестана не являются следствием проникновения туда в бронзовом веке из равнин скотоводческого народа, а было обусловлено общим для всего Кавказа подъемом производительных сил в неолите, вызвавшим переход местных племен к оседлому образу жизни, основанному на земледелии и скотоводстве (Котович В. Г., 1961а, с. 296).

В 70-х годах исследователи стали обращать более пристальное внимание на выявление на Кавказе биологических и исторических предпосылок зарождения производящего хозяйства (Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 102—103; Мунчаев, 1971, с. 25; 1975, с. 76—77). В отношении же Дагестана уже определенно стали утверждать, что подобные предпосылки имели здесь место еще в мезолите (Гаджиев М. Г., Котович В. М., Котович В. Г., 1972, с. 218; Котович В. Г., 1974, с. 58; Гаджиев М. Г., 1980, с. 7—8). В. М. Массон включил Чох в круг мезолитических памятников с элементами экономики нового типа (Массон, 1971, с. 137, рис. 34). В своей последней работе В. Г. Котович, опираясь на палеозоологические и археологические материалы верхних (тогда мезолитических) слоев Чоха, где обнаружены основа жатвенного ножа и кремневые пластины, которые Г. Ф. Коробкова определила как вкладыши для подобных инструментов, уже поставил вопрос не о предпосылках, необходимых для перехода к производящему хозяйству, а о начале окультуривания злаков, domestikации животных и в целом о зарождении в мезолите элементов производящего хозяйства (Котович В. Г., 1982, с. 127—138). Однако такой ответственный вывод не мог быть тогда подкреплён бесспорными палеоботаническими и палеозоологическими материалами и, главное, как будто бы противоречил обычному представлению о мезолите как об эпохе безраздельного и полного господства присваивающего хозяйства.

В результате комплексных исследований культурные слои Чохского поселения были датированы в сторону омоложения, а из верхнего, теперь уже неолитического, слоя были получены дополнительные данные для характеристики хозяйства его обитателей (земледельческий инвентарь, находки окультуренных злаков и костей одомашненных животных). Установлено, что период накопления верхнего слоя поселения характеризуется уже хозяйством нового типа, в котором земледелие и скотоводство занимали ведущее место. Зарождение элементов производящего хозяйства, вероятно, нужно отнести ко времени накопления нижних мезолитических слоев, ожидающих специальных исследований в этом направлении. Поэтому весьма прозорливой оказалась постановка В. Г. Котовичем вопроса «о возможности отнесения горного Дагестана... к числу тех горных областей, где протекала "неолитическая революция" — чрезвычайно длительный и сложный процесс зарождения и постепенного вызревания элементов производящей экономики в недрах высокоспециализированного охотничье-собирающего хозяйства» (Котович В. Г., 1982, с. 138). Таким образом, новые исследования Чохского поселения создают надежную источниковедческую базу для решения проблемы происхождения производящего хозяйства в горной зоне Северо-Восточного Кавказа.

Остановимся на главных аспектах данной проблемы. Переход к про-

изводящей экономике был обусловлен благоприятным сочетанием двух факторов — социального и природного. Первый включает высокий уровень развития техники, высокоразвитую экономику присваивающего типа, зачатки положительных знаний, плотность населения, затрудняющую расширение освоенной территории, на которой природные ресурсы эксплуатировались прежними методами. Оценивая в этом плане соответствующие материалы горного Дагестана, следует подчеркнуть в первую очередь, что в неолите кремневая индустрия сколько-нибудь существенных изменений по сравнению с мезолитической здесь не претерпела. Это та же пластинчатая индустрия с микролитовидным инвентарем, вкладышевой техникой и набором орудий, которые появились, как и во всех древних очагах производящего хозяйства, в мезолите. Обращает внимание тот факт, что один из основных инструментов ранних земледельцев — прямой жатвенный нож, представляющий собой традиционное вкладышевое орудие, использован в новой функции (Массон, 1971, с. 133) Растирательные свойства камней, использовавшихся в неолите в качестве зернотерок, терочных камней, ступок, были открыты по крайней мере не позже верхнего палеолита — мезолита (Семёнов, 1957, с. 164—170).

Носители чохской культуры в пору мезолита, безусловно, являлись высокоспециализированными охотниками на безоаровых козлов и муфлонообразных баранов и собирателями растительной пищи, в том числе злаков. В ходе длительной адаптации к экологическим условиям горного Дагестана у них, естественно, должен был накопиться определенный объем знаний об окружающем их в повседневной жизни растительном и животном мире, о способах его использования и т. д. «Вместе с тем, — как указывает В. М. Массон, — переход к земледелию и скотоводству являлся отнюдь не следствием экспериментальных забав досужих интеллектуалов, а острой экономической необходимостью» (Массон, 1971, с. 135) В качестве таковой чаще всего выступает кризис старых форм экономики вследствие увеличения плотности населения, сужения охотничьих угодий и истребления дичи.

Пока трудно судить, насколько реальные подобные явления применительно к горному Дагестану, но все же считаем необходимым в этой связи обратить внимание на следующее. Во-первых, поселения чохской культуры, судя по расположению двух из них (Чох и Козьманохо) находились на довольно близком расстоянии друг от друга. Во-вторых, территория расселения носителей данной культуры была ограничена в основном внутренним, известняковым Дагестаном, а зону предгорий и равнины занимало население (Буйнакская, Тарнаирская стоянки), принадлежавшее к иному, северокаспийскому культурному ареалу, противопоставляемому южнокаспийскому, к которому относится чохская культура (Амирханов, 1985, с. 34) В-третьих, вследствие интенсивной охоты были почти полностью истреблены муфлонообразные бараны — главные объекты охоты носителей чохской культуры. Эти факторы, конечно, не могли не оказать влияния на хозяйственную деятельность обитателей горного Дагестана, способствуя их переориентации на другие источники пищи и способы ее добывания. Однако «ни кризис охоты, ни относительное перенаселение, ни самые совершенные орудия труда в

тогдашних условиях не могли сами по себе привести к сложению производящей экономики. Важнейшей предпосылкой и условием неолитической революции был природный фактор» (Массон, 1971, с. 136)

Мы уже в первой главе охарактеризовали природные условия горной зоны Северо-Восточного Кавказа как весьма благоприятные для обитания человека в древности. При этом подчеркивалось, что горная зона Восточного Кавказа по своим природным условиям отличается от Центрального Предкавказья и Западного Кавказа и вместе с Закавказьем фактически составляет часть Передней Азии — древнейшего очага возникновения производящего хозяйства. Одним из важнейших показателей природного единства переднеазиатских нагорий и горного Дагестана является их аридность, что считается одним из факторов, активизирующих видообразование. Если говорить в этом плане о горном Дагестане, то географическое его обособление высокими хребтами, препятствующими доступу влагоносных воздушных масс, обусловило сухость и континентальность климата и соответственно увеличило ксерофитизацию растительного покрова (Гюль, Власова, Кисин, Тертеров, 1959, с. 209). Специалисты считают даже внутренний Дагестан важнейшим центром ксерофитной флоры Кавказа (Агаханянц, 1981, с. 204), включающей целый ряд видов, генетически связанных с ксерофитами Передней Азии (Гюль, Власова, Кисин, Тертеров, 1959, с. 208). По данным пыльцевого анализа Чохского поселения, на протяжении более 2 тыс. лет (10—8 тыс. лет назад) в горном Дагестане происходил процесс смены сухого климата более влажным и теплым, сопровождавшийся перемещением ландшафтных зон по вертикали. Сухая горная степь обогащается новой растительностью, появляются ограниченные территории, занятые широколиственными лесами (дуб, граб и др.), т. е. складывается растительность, характерная для горного лесостепного ландшафта. Количество осадков, выпадающих во внутреннем Дагестане (от 350 до 800 мм), достаточно для земледелия в горных котловинах. Если, кроме того, учесть состав палеоботанических и палеозоологических остатков из Чохского поселения, то горный Дагестан мало чем отличается от соответствующих горных зон Ближнего Востока, где сосредоточены памятники, характеризующие начальный этап неолитической революции (Массон, 1971, с. 136—137).

Археологические открытия подтвердили взгляды Н. И. Вавилова, который еще в 20-х годах, опираясь только на геоботанические материалы, писал: «Вдумываясь в процесс развития земледельческой культуры, мы неизбежно должны признать, что периоду великих культур... предшествовал, естественно, период обособленной жизни племен и небольших групп населения в замкнутых районах, и для этой цели горные районы могли служить прекрасными убежищами... Всего вероятнее, что так же как центром сортового разнообразия, очагами первоначальной земледельческой культуры были горные районы» (Вавилов, 1967, с. 170—171). Основываясь на этом принципе, в 1926 г. Н. И. Вавилов впервые создал общую схему центров происхождения культурных растений. Впоследствии в нее вносились изменения и дополнения, и окончательную стройность она получила в последней работе Н. И. Вавилова, изданной в 1940 г. (Вавилов, 1965, с. 157—176). Было выделено семь основных ми-

ровых центров происхождения культурных растений, в том числе юго-западноазиатский. Последний подразделялся на три очага. а) кавказский; б) переднеазиатский, включающий Малую Азию, Сирию, Палестину, Иорданию, Иран, Северный Афганистан и Среднюю Азию; в) северо-западноиндийский, включающий, помимо Пенджаба и примыкающих провинций Северной Индии, Белуджистан, Южный Афганистан и Кашмир» (**Вавилов**, 1965, с. 166—168).

Характеризуя кавказский очаг, Н. И. Вавилов писал: «Входя в основную область видообразования пшениц, ячменя, ржи, льна, Кавказ, благодаря разнообразным условиям, горному характеру, древней культуре, в особенности в Закавказье и Дагестане, выработал чрезвычайно разнообразие экотипов, представляющих собой разительные контрасты при сопоставлении их в одних и тех же условиях... Многие из эндемичных кавказских видов пшениц, ржи, диких и культурных плодовых не вышли за пределы начальной родины... Земледелие в Грузии, Армении и Дагестане является весьма древним, начало его уходит в глубь тысячелетий» (**Вавилов**, 1957, с. 121). Он особо подчеркивал, что по разнообразию видов культурных и диких пшениц «Кавказ занимает первое место на земном шаре, конкурируя в этом отношении даже с Анатолией» (Там же, с. 116). Отмечая наиболее древние области возделывания хлебных злаков, зерновых, бобовых и льна, Н. И. Вавилов считал, что «Закавказье, Дагестан непосредственно входят в очаги происхождения данных культур» (Там же, с. 87—88)

Археологические открытия последних десятилетий, изучение палеоботанических находок из раннеземледельческих поселений Кавказа подтвердили и существенно конкретизировали взгляды Н. И. Вавилова в отношении как сортового разнообразия возделывавшихся здесь культур, так и древности земледелия (**Лисицына, Прищепенко**, 1977, с. 40—90). Современные палеоботанические исследования показали, что возникновение на Кавказе древнейшего земледелия «происходило исключительно на базе аборигенных растений» (**Лисицына**, 1974, с. 54) Это прекрасно подтверждает идею Н. И. Вавилова о полицентризме. Результаты новейших исследований Чохского поселения, в раннеэнеолитическом слое которого обнаружен палеоботанический комплекс, состоящий из нескольких разновидностей пшеницы, ячменя, бобовых, овса, а также различных сорняков, свидетельствуют о том, что вывод о возникновении земледелия на базе аборигенных культур полностью должен быть отнесен и к горному Дагестану.

В специальной литературе уже ставился вопрос о местных биологических предпосылках одомашнивания животных на Кавказе (**Кушнарёва, Чубинишвили**, 1970, с. 103; **Мунчаев**, 1975, с. 76), в том числе и в горном Дагестане (**Котович В. Г.**, 1982, с. 131; **Гаджиев М. Г.**, 1980, с. 7) Отмечалось, в частности, наличие в неолитических и энеолитических памятниках Кавказа почти всех основных видов домашних животных — крупного рогатого скота, овец, коз, свиней, а в палеофаунистических комплексах — их диких предков, что, в свою очередь, давало основание для предположения о возможной доместикации этих животных непосредственно на Кавказе (**Мунчаев**, 1975, с. 77) Однако слабая изученность мезолитических и неолитических памятников не позволяла

сколько-нибудь полно реконструировать здесь процесс становления скотоводства. Считалось, что становление производящего хозяйства происходило в условиях тесных контактов местного и переднеазиатского населения, распространившего якобы навыки земледельческо-скотоводческого хозяйства. Вопрос о доместикации животных на Кавказе не был решен, допускалось, что овцы и козы были приведены сюда с юга, а «после возникновения производящего хозяйства доместикация коз и овец, видимо, также велась в Закавказье» (Шнирельман, 1980, с. 71) Что касается Северного Кавказа, в этом плане он не рассматривался, так как считалось, что земледельческо-скотоводческий комплекс проник сюда с юга значительно позже, чем в Закавказье (Шнирельман, 1980, с. 71) При этом высказывалось несколько скептическое отношение к палеозоологическим данным из Чоха, свидетельствовавшим о существовании здесь специализированной охоты на муфлонов, безоаровых козлов, которая могла быть реальной основой для доместикации животных и возникновения скотоводства (Там же, с. 68—69).

Но сейчас положение совершенно изменилось. На Северо-Восточном Кавказе выявлен весьма развитый раннеземледельческий комплекс не только III тыс. до н. э., как считалось лет 30 тому назад, но и V—IV тыс. до н. э., а открытия в Чохе удрешили начало производящего хозяйства в Дагестане до рубежа VII—VI тыс. до н. э. Теперь совершенно иначе должно восприниматься значение и палеозоологических остатков из раскопок Чохского поселения, определенных Н. К. Верещагиным и Н. М. Ермоловой. По данным обоих исследователей, на поселении представлены безоаровые козы, муфлонообразные бараны и туры, которые считаются предками домашних коз, овец и крупного рогатого скота. Причем материалы неолитического слоя Чоха, где обнаружены кости бесспорно домашних овец, а возможно, и коз, свидетельствуют о том, что биологические предпосылки доместикации некоторых видов животных были в действительности реализованы обитателями этого поселения и в целом горного Дагестана.

Однако следует иметь в виду, что наличие социальных и биологических предпосылок само по себе совершенно недостаточно для перехода к производящему хозяйству. Более того, изобилие ботанико-биологических ресурсов может даже препятствовать этому процессу, предоставляя тому или иному первобытному коллективу неограниченные возможности жизнеобеспечения в условиях присваивающей экономики, и тем самым сдерживать исторический прогресс. Для возникновения производящего хозяйства очень важно, чтобы сложились экстремальные условия, которые ставили бы первобытные коллективы перед настоящей необходимостью поисков новых источников питания. О возможных таких ситуациях в социальной сфере мы уже говорили выше, а из природных таковыми представляются, в первую очередь, изменения климатических условий. Согласно данным Чохского поселения, климатические условия горного Дагестана характеризуются следующим образом. В позднеледниковую эпоху здесь господствовал сухой и холодный климат, исключающий возможность заселения. Около начала VIII тыс. до н. э. климат смягчается до прохладного. Экстремальные природные условия позднеледниковой эпохи должны были активизировать людей в поисках новых

источников питания. Наступивший на рубеже VII—VI тыс. до н. э. теплый и влажный период и связанные с этим вертикальные перемещения ландшафтных зон создали благоприятные возможности для оптимального использования в этих целях природных ресурсов горного Дагестана, которые, судя по материалам Чохского поселения, действительно были реализованы (Амирханов, 1983, с. 56; 1987, с. 175)

Таким образом, новейшие комплексные исследования Чохского поселения позволили проследить процесс сложения в горном Дагестане земледелия и скотоводства на базе местных природных ресурсов. Был подтвержден сделанный первоначально на основе данных ботанико-биологических исследований вывод о роли Кавказа как самостоятельного очага в рамках юго-западноазиатского центра происхождения культурных растений и становления производящего хозяйства в целом.

Итак, в послеледниковую эпоху, в начале голоцена, горная зона Северо-Восточного Кавказа была заселена и обживалась на протяжении около 2 тыс. лет людьми с культурой, весьма близкой к прикаспийскому мезолиту. На рубеже VII—VI тыс. до н. э. в их хозяйстве произошли важные качественные сдвиги, выразившиеся в переходе от присваивающего хозяйства к производящему. В этой связи уместно привести слова В. М. Массона, сказанные им применительно к другому раннеземледельческому региону, о том, что именно племена с культурой, сходной с прикаспийским мезолитом, образовали ту основу, на которой произошло сложение самой ранней оседлоземледельческой культуры Средней Азии (Массон, 1964, с. 18). Новые формы хозяйственной деятельности изменили образ жизни и быт прежних охотников и собирателей. В горном Дагестане складывается прочная оседлость, возникают постоянные поселения с каменными жилищами, появляются и другие признаки древнейших оседлоземледельческих племен.

Возникает вопрос: какова дальнейшая судьба этой культуры и ее носителей? Другими словами, существует ли преемственность между чохской археологической культурой эпохи мезолита и неолита и подробно рассмотренной нами в предыдущей главе раннеземледельческой энеолитической культурой горного Дагестана?

В отношении преемственности в области хозяйственной деятельности носителей чохской культуры и энеолитического населения горного Дагестана на данный вопрос, очевидно, можно ответить утвердительно. Земледельческо-скотоводческое хозяйство эпохи энеолита представляет собой новый закономерный этап развития тех отраслей производящего хозяйства, которые возникли в неолите, и характеризуется как период сложившейся окончательно экономики нового типа.

Культурная преемственность между неолитом и энеолитом горного Дагестана достаточно четко прослеживается в различных областях материальной культуры (поселения и жилища, каменная индустрия, керамика). Так, в энеолите сохраняется сложившаяся в неолите традиция приручить или как бы «прислонить» поселения к подножиям отвесных скал. Именно по такому принципу устроены Чохское поселение и энеолитические Гинчи и Чинна.

Весьма показательной является преемственность в области домостроительства. Каменная круглопланная архитектура, возникшая в горном

Дагестане в неолите (Чох), сохраняется и в эпоху раннего металла (Гинчи). Традиционность подобной архитектуры для этой области Кавказа особенно ярко выступает при сравнении жилищ Чохского поселения и наиболее полно изученного Чиркейского поселения эпохи ранней бронзы (Гаджиев М. Г., 1983а, с. 17—18, рис. 8). Одно из чиркейских жилищ в виде округлой каменной постройки с центральным очагом и входным коридором является почти прямой копией аналогичного жилища Чохского поселения. Традиционны их плоские крыши, интерьер (углубленные в пол круглые центральные очаги с установленными на них плитками-жаровнями, центральные столбы и т. п.) Эти совпадения очень важны, так как тип поселения, особенности домостроительства являются важнейшими культурообразующими признаками.

Не менее важны в этом плане черты преемственности в развитии каменной индустрии. Техника обработки кремня, набор типов изделий в своих основных чертах сложились у носителей чохской культуры. Те изменения, которые происходили в развитии каменной индустрии в связи с переходом от неолита к энеолиту, носят главным образом хронологический характер — общее сокращение типологического набора изделий, исчезновение или заметное уменьшение в количественном отношении тех из них, которые связаны в основном с присваивающими формами хозяйства (наконечники стрел, остря, резцы, некоторые формы скребков, ножей и т. п.). Это вызвано, с одной стороны, переходом к производящему хозяйству, а с другой — открытием нового материала для изготовления орудий — меди и ее сплавов, постепенно вытеснявшего кремень как сырье для изготовления орудий. Правда, каменная индустрия эпохи энеолита фактически не имеет никаких признаков микролитонности, нет здесь ни микропластин, ни геометрических микролитов — важнейших компонентов чохской культуры. Однако этот признак следует исключить при решении вопросов культурогенеза, так как исчезновение микропластинчатой индустрии, в том числе геометрических микролитов, является общей тенденцией развития всех раннеземледельческих культур на позднем этапе неолита, в начале энеолита.

Традиционными остаются и источники сырья: в мезолите, неолите и энеолите основным материалом для изготовления орудий служил качественный меловой кремень, выходы которого хорошо представлены на границе внутреннего и предгорного Дагестана, на территории современных Левашинского и Акушинского районов.

Известная преемственность имеет место и в развитии земледельческого орудийного комплекса неолита и энеолита горного Дагестана (зернотерки, терочки, жатвенные орудия).

В заключение остановимся на керамике. Как известно, это один из важнейших слагающих археологической культуры. Преемственность между керамикой последовательных археологических культур имеет первостепенное значение для установления их генезиса. К сожалению, неолитическая керамика Дагестана представлена пока еще очень небольшой коллекцией из Чохского поселения. Она, конечно, не дает достаточно полного представления об этой категории культуры. Но даже на основании имеющихся данных мы можем уверенно считать, что в эпоху энеолита в горном Дагестане получили дальнейшее развитие те

технико-технологические и формально-типологические особенности развития керамического производства, которые были заложены здесь еще в неолите. Преимущество существовала в технологии и технике изготовления керамики (тесто с органическими примесями, ленточный способ лепки, использование при этом плоских подставок, плоскодонность керамики, приемы обработки поверхностей заглаживанием и лощением, цветовая гамма в пределах серого и красноватого), в ее формах (основные типы сосудов, известные в Чохе, — миски, баночные сосуды, горшки с невыделенным горлом представлены и в Гинчи) и орнаментации (рельефные налеты в виде шишечек и валик с насечками, возникшие в неолите, стали одними из ведущих орнаментальных мотивов керамики Северо-Восточного Кавказа энеолита, в особенности бронзового века) Конечно, энеолитическая керамика по своему качеству значительно превосходит неолитическую. Наряду с довольно грубой посудой, характерной для Чоха, в Гинчи известна и высококачественная пядная посуда. До высокого совершенства были доведены обжиг, техника лощения сосудов. Сама посуда в типологическом отношении становится более разнообразной: в энеолите широко представлены сосуды с выделенным цилиндрическим горлом, кувшины, крупная тарная посуда, которых нет в неолите; на сосудах появляются настоящие ручки, более разнообразной становится орнаментация и т. п.

Различия между керамикой Чохского поселения, с одной стороны, и поселений Ругуджа и Гинчи, с другой, как и между их каменными индустриями, по нашему мнению, носят хронологический характер, т. е. отражают известные различия в производственном и бытовом инвентаре двух эпох — неолита и энеолита. У нас нет серьезных оснований говорить о сколько-нибудь существенном культурном разрыве между комплексами Чоха и Ругуджа-Гинчи. Скорее всего, их разделяет небольшой хронологический промежуток, в пределах которого должны были происходить указанные процессы эволюции каменной индустрии, а также совершенствования керамического производства.

Однако мы далеки от мысли видеть в археологическом комплексе Ругуджа-Гинчи лишь один из этапов простой эволюции Чохской археологической культуры. Энеолитическая культура горного Дагестана характеризует глубокие и важные изменения в хозяйственной деятельности ее носителей, которую принято квалифицировать как уже сложившуюся окончательно экономику нового типа, оставившую далеко позади начальные этапы ее становления, когда еще велика была роль присваивающей формы хозяйства. А культурное развитие энеолитических племен, в отличие от более замкнутых носителей чохской культуры, происходило в условиях широкого расселения земледельческо-скотоводческих групп, значительного усложнения и расширения связей и контактов с племенами сопредельных областей Кавказа, Юго-Восточной Европы и Передней Азии, что, естественно, и нашло яркое отражение в общем облике энеолитической культуры горного Дагестана. С учетом этого чохскую культуру, по-видимому, можно рассматривать в качестве основы, на базе которой культура энеолита горного Дагестана сложилась как конкретный археологический комплекс, а ее носителей — как предков энеолитических племен Северо-Восточного Кавказа.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ В ЭПОХУ РАННЕЙ БРОНЗЫ

Сложение раннеземледельческой культуры было одним из переломных моментов в древнейшей истории Северо-Восточного Кавказа. С этого времени он становится одним из центров интенсивного развития земледелия и скотоводства, различных домашних производств и общинных ремесел, ускоренного роста населения и интенсивных демографических процессов, связанных с расселением земледельческо-скотоводческого населения и освоением им новых территорий. Уже в энеолите была в значительной степени нарушена замкнутость неолитических общин, земледельцы и скотоводы расселяются по долинам горных рек, сезонные поселения устраиваются высоко в горах. Но эти процессы в энеолите происходили в основном в пределах горной зоны Северо-Восточного Кавказа. В эпоху же ранней бронзы интенсивно стали осваиваться, кроме речных долин, склоны гор и их плоские вершины, где наряду с сезонными появляются долговременные оседлые поселения. Другим путем расселения раннеземледельческого населения был выход его за пределы горной зоны и земледельческое освоение Приморской низменности, чему благоприятствовали климатические и, вероятно, исторические условия, сложившиеся в Западной Прикаспии во второй половине IV тыс. до н. э.

Эпоха ранней бронзы на Северо-Восточном Кавказе представлена значительно большим количеством памятников, чем энеолит. В настоящее время здесь известно свыше 50 памятников, находящихся почти во всех физико-географических зонах и характеризующих основные этапы развития культуры его населения в эпоху ранней бронзы (рис. 20). Прежде чем перейти к обстоятельной характеристике самой культуры, представленной указанными памятниками, остановимся на вопросах периодизации.

1. Периодизация памятников

Вопросы относительной хронологии и периодизации памятников раннебронзового века Северо-Восточного Кавказа до последнего времени решались главным образом путем типологического анализа вещественного материала, в особенности керамики, и синхронизации их на этой основе с соответствующими памятниками куро-аракской и майкопской культур. В частности, Каякентское поселение и подобные ему памятники приморского Дагестана Р. М. Мунчаевым отнесены к среднему этапу развития куро-аракской культуры, с учетом наличия в них кера-

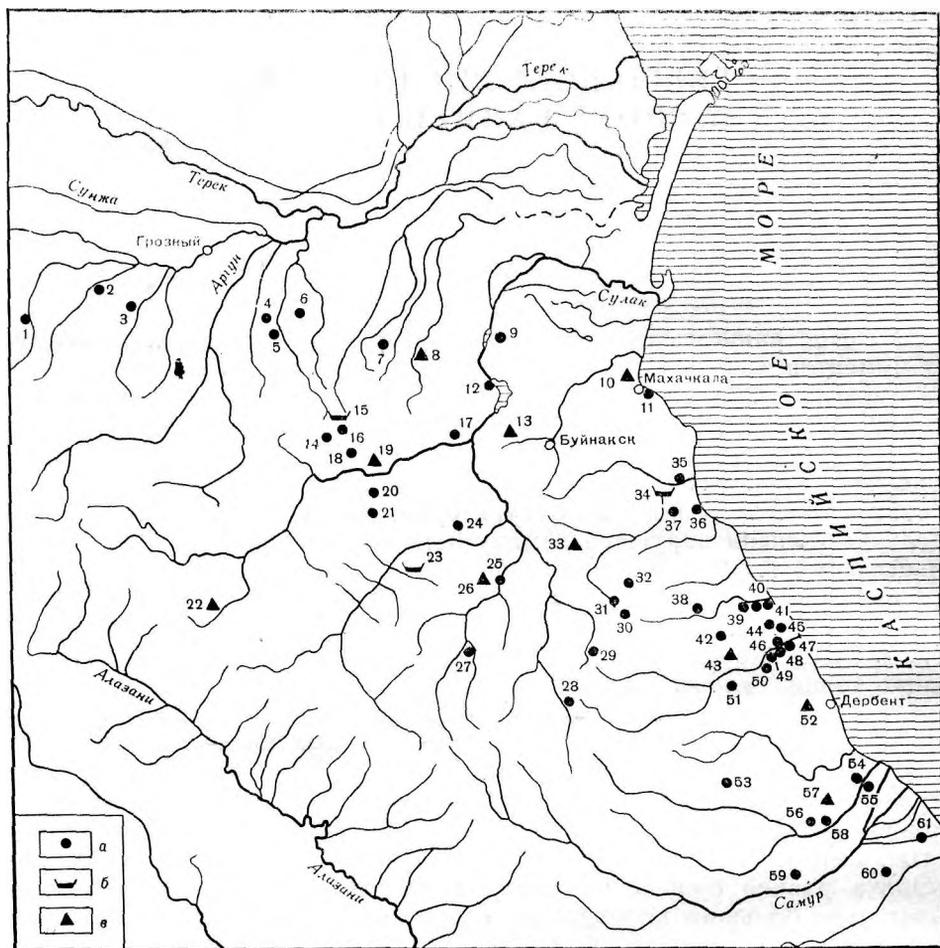

Рис. 20. Памятники Северо-Восточного Кавказа эпохи ранней бронзы

а — поселения; б — могильники; в — отдельные находки; 1 — Луговое; 2 — Бамутское; 3 — Шалажи; 4 — Серженьюрт I; 5 — Сержень-Юрт II; 6 — Сягитма; 10 — Тарнаир; 11 — Махачкалинское; 12 — Чиркей; 13 — Эрпели; 14 — Чирката; 15 — Шебоха; 16 — Галгалатли; 17 — Анди; 18 — Ашали; 19 — Кижани; 20 — Ингердах; 21 — Местерух; 22 — Хутрах; 23 — Гоно; 24 — Чинья; 25 — Верхний Гуниб; 26 — Ругуджа; 27 — Кучраб; 28 — Кули; 29 — Гапшима; 30 — Верхний Лабкомахи; 31 — Карлабко; 32 — Мекеги; 33 — Кулецма; 34 — Карабудахкент; 35 — Манас-озень; 36 — Маяк I; 37 — Уллу-ачи; 38 — Таргу; 39 — Геметюбе I; 40 — Геметюбе II; 41 — Геметюбе III; 42 — Башлыкент; 43 — Янгикент; 44 — Мамайкутан I; 45 — Мамайкутан II; 46 — Джемикент; 47 — Великент III; 48 — Великент II; 49 — Великент I; 50 — Гяуртапа; 51 — Карацан; 52 — Дербент; 53 — Ашага-яраг; 54 — Белиджи; 55 — Ходжа Казмаляр; 56 — Новомака; 57 — Мамраш; 58 — Шаракун; 59 — Гильяр; 60 — Кафлетепелери; 61 — Тала-ятаги

мики с рельефным спирально-концентрическим орнаментом, занимающей как бы промежуточное положение между ранним и поздним керамическими комплексами данной культуры (Мунчаев, 1961, с. 160; 1975, с. 195). Правда, при этом он подчеркивает определенную условность выделения таких комплексов. В частности, отнесение к раннему комплексу

керамики, лишенной орнаментации, вызывает у него серьезные сомнения (Мунчаев, 1975, с. 194). Сложным является вопрос об относительной хронологии и тех памятников Дагестана, в которых не встречена керамика с рельефным спирально-концентрическим орнаментом (поселения Мекеги, Галгалатли, Гильяр, могильник Шебоха и др.). В них отсутствует не только посуда с подобным орнаментом, но и широко представленная в ряде поселений приморского Дагестана керамика с обмазанной внешней поверхностью, сравнительно позднее появление которой было установлено Р. М. Мунчаевым еще в начале 50-х годов по данным стратиграфии Великентского поселения (Мунчаев, 1961, с. 97). Но он все же считал возможным отнести Мекеги и другие аналогичные ему памятники горной зоны Северо-Восточного Кавказа к более позднему времени, чем Каякентское поселение (Мунчаев, 1975, с. 195). Другой исследователь, В. Г. Котович, первоначально склонялся к мысли о большей древности Мекеги по сравнению с прикаспийскими поселениями (Котович В. Г., 1961а, с. 285). Однако в последней своей работе он «омолодил» Мекеги, отнеся его ко второму из выделенных им трех этапов развития культуры эпохи ранней бронзы Дагестана, мекегинскому, который, по его мнению, характеризуется «как период бытования в основном неорнаментированной гладкостенной керамики». В предшествовавший ему «великентский этап» В. Г. Котович включил те памятники, где обнаружена керамика с характерным спирально-концентрическим орнаментом (Котович В. Г., 1982, с. 113). Однако возможность существования единой линии развития керамики куро-аракской культуры до сих пор остается весьма проблематичной, а предлагавшиеся варианты хронологического расчленения разновременных памятников бронзового века Северо-Восточного Кавказа до недавнего времени не могли быть подкреплены полноценными стратиграфическими данными раскопок многослойных поселений. Последние были получены сравнительно недавно в ходе новейших исследований прикаспийских поселений Дагестана.

Стратиграфия прикаспийских поселений

Наибольший интерес в этом отношении представляют раскопки поселений Геметюбе I, II и Великент. На поселении Геметюбе I (это известное Каякентское поселение), считавшемся по данным разведочных работ А. П. Круглова однослойным памятником с культурным слоем толщиной около 2 м (Круглов, 1958, с. 20—30), нами были выявлены более ранние культурные напластования толщиной около 1,6 м (Гаджиев М. Г., 1978в, с. 112—113; 1980б, с. 101). Таким образом, общая толщина культурного слоя Геметюбе I достигает 3,6 м. Они вскрыты в верхних горизонтах на площади 64 м², в нижних — 21 м². При этом удалось установить стратиграфию строительных и других культурных остатков, позволившую проследить развитие культуры на всем протяжении эпохи ранней бронзы. Древнейший строительный горизонт представлен округлой полуземлянкой, следующий — глинобитными постройками, форму которых установить не удалось. В верхних слоях начиная с глубины около 2 м и выше выявлены 3 горизонта из остатков перекрывавших друг друга округлых каменных построек.

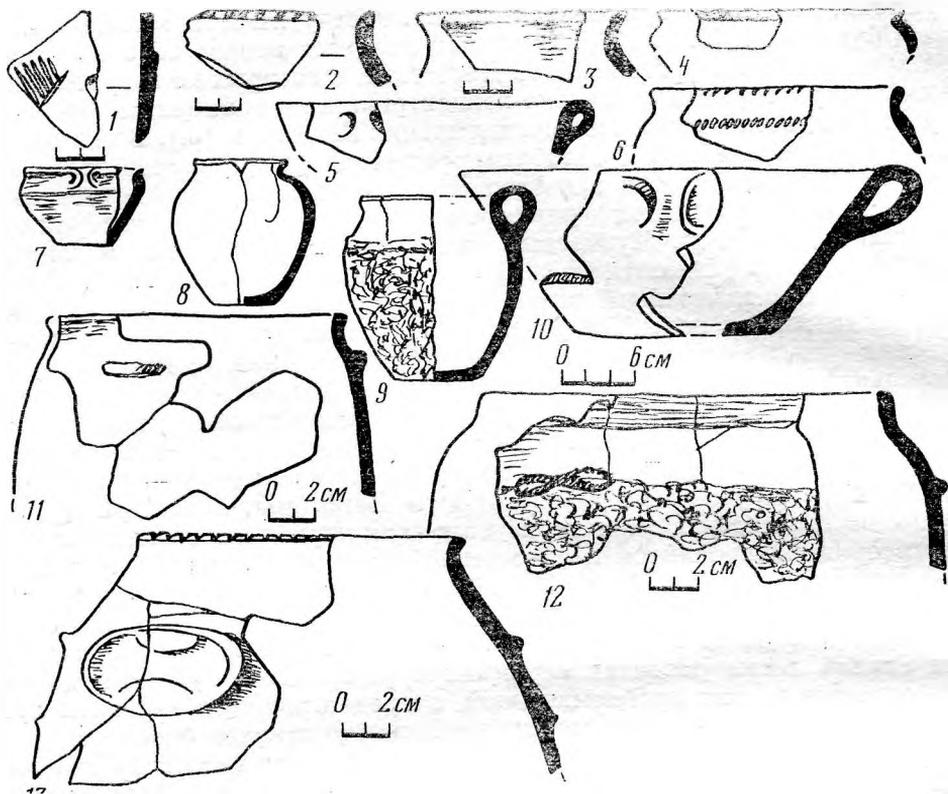

Рис. 21. Керамика поселения Геметюбе I (1—13)

Наиболее поздними в культурном слое являются глубокие землянки прямоугольной формы с закругленными углами, стенки которых обмазаны глиной или обложены сырцовыми кирпичами (рис. 52). На протяжении жизни поселения заметные изменения происходят и в развитии керамики. На ранних этапах была распространена гладкостенная разноцветная (от черного до красного), преимущественно лощеная неорнаментированная керамика. В верхних горизонтах начиная с глубины 2 м появляется и становится обычной керамика со спирально-концентрическим орнаментом, а также с грубо обмазанной внешней поверхностью (рис. 21, 9, 12). В самом позднем горизонте встречается уже керамика с чертами, характерными для эпохи средней бронзы. Выявленная на Геметюбе I стратиграфия подтверждает стратиграфические наблюдения Р. М. Мунчаева на Великентском поселении и приобретает принципиальное значение для периодизации памятников Северо-Восточного Кавказа палеометаллической эпохи. Она с документальной точностью устанавливает, что в этой области Кавказа памятники или отдельные комплексы с гладкостенной, преимущественно неорнаментированной посудой древнее тех, в которых представлена посуда с обма-

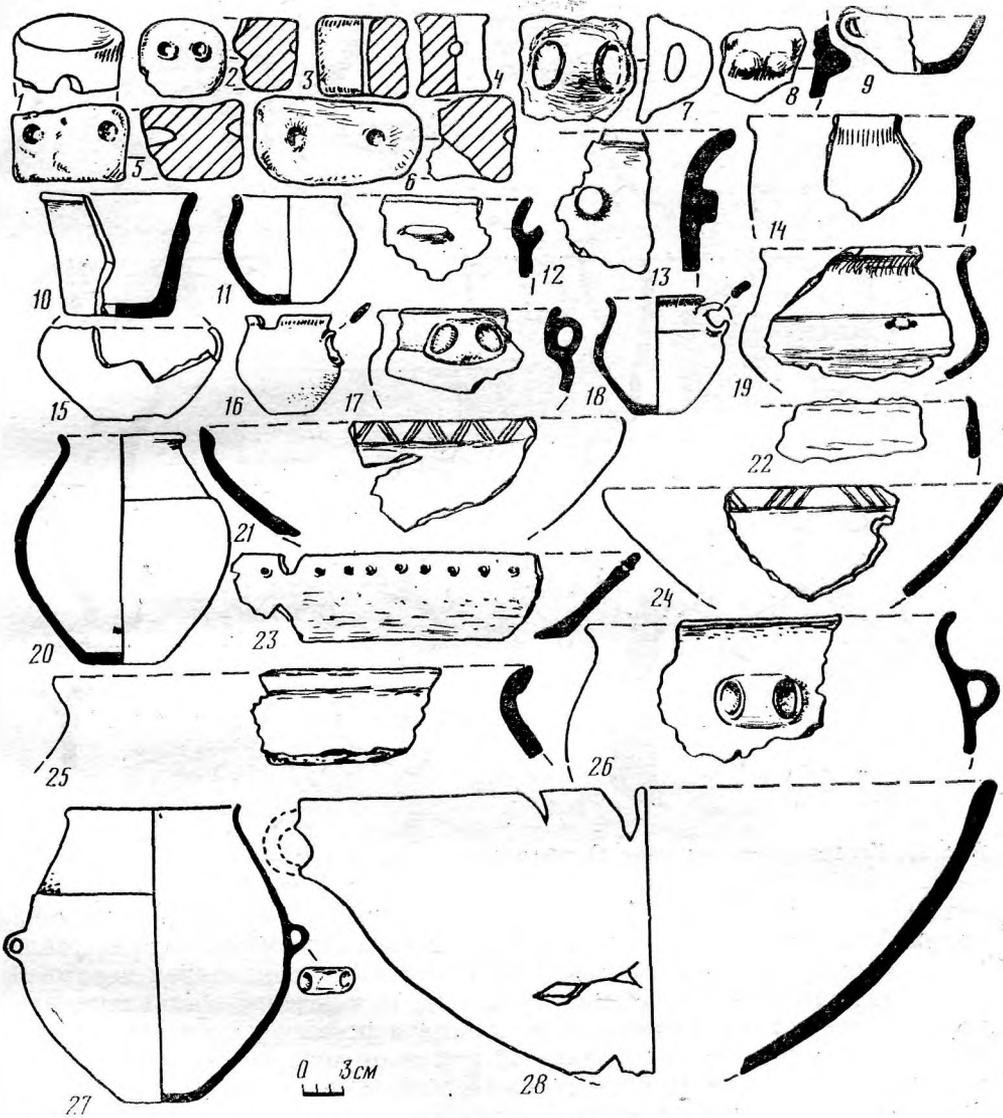

Рис. 22. Керамика поселения Геметюбе II (1—28)

занной поверхностью или с рельефным спирально-концентрическим орнаментом.

Выделяемый таким образом ранний этап развития культуры бронзового века был довольно длительным, о чем свидетельствуют и данные раскопок поселения Геметюбе II, находящегося рядом с Геметюбе I. На нем на площади около 100 м² были вскрыты культурные напластования толщиной около 1,5 м с четырьмя строительными горизонтами из

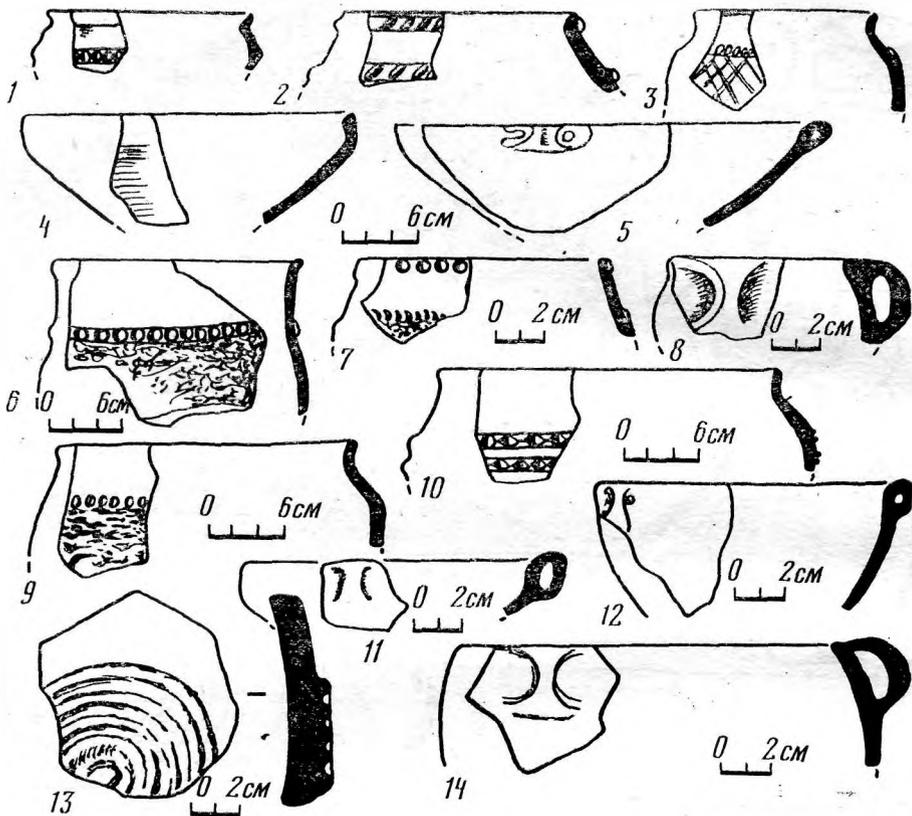

Рис. 23. Керамика из землянок Великентского поселения (1—14)

остатков полуземлянок (IV горизонт—нижний) и легких округлых наземных построек (III—II горизонты). Во всех горизонтах представлена такая же, что и в нижнем слое Геметюбе I, однородная керамика, почти лишенная орнаментации (рис. 22). Исключение составляют единичные черепки с коническими налестками и резным узором (рис. 22, 8, 21, 24). Керамику раннего этапа отличает от поздней также характерное сочетание типов. Ранний керамический комплекс обязательно включает три формы: прямостенные миски (в форме перевернутого усеченного конуса, зачастую с бортиком по внутреннему краю; баночные сосуды с вертикальными стенками; горшки с цилиндрической, несколько расширяющейся к низу горловиной, отделенной от тулова подчеркнутым перегибом. В таком сочетании подобные сосуды в верхних горизонтах Геметюбе I не встречаются.

Установленная на каякентских поселениях Геметюбе I и II стратиграфия культурных отложений была полностью подтверждена и дополнена в процессе раскопок в приморском Дагестане другого поселения — Великентского. Напластования, соответствующие нижним горизонтам

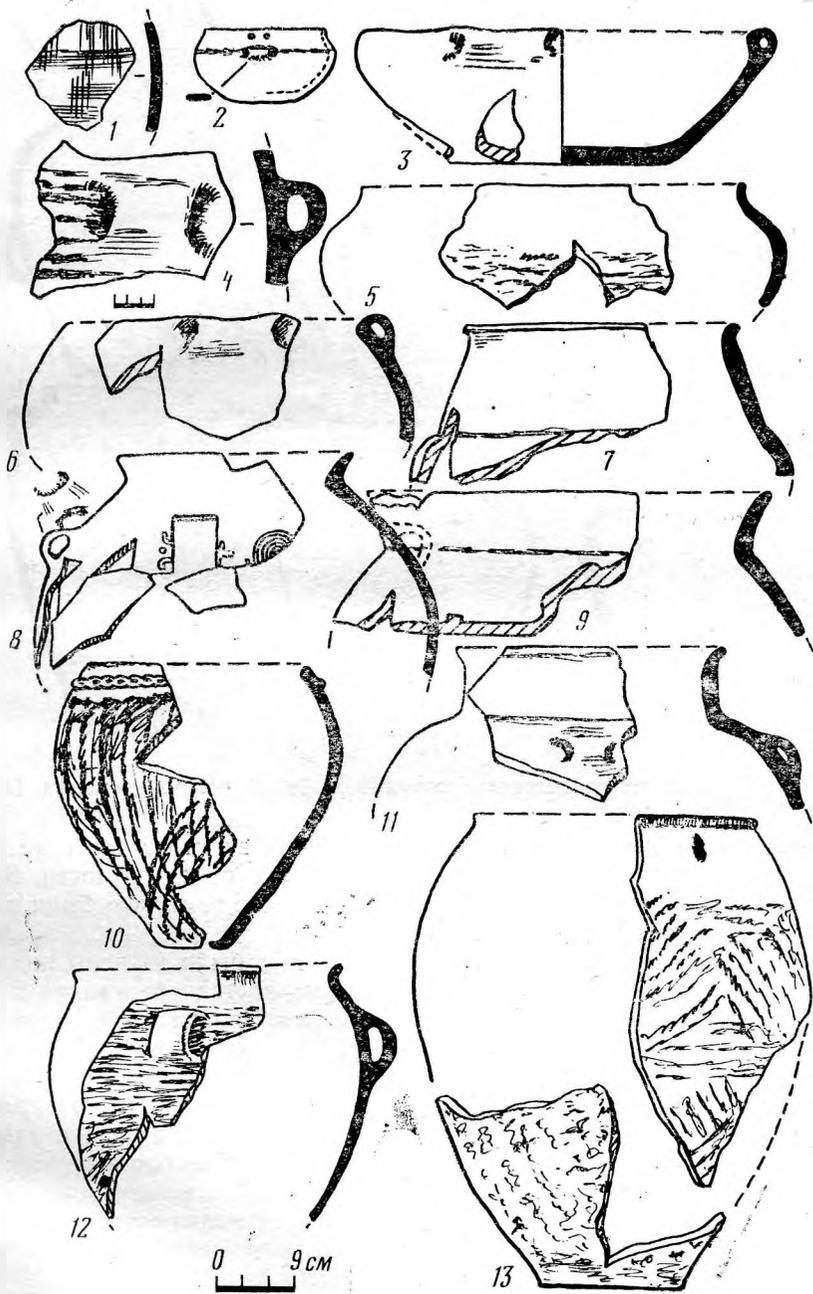

Рис. 24. Керамика из гончарной печи Великентского поселения (1—13)

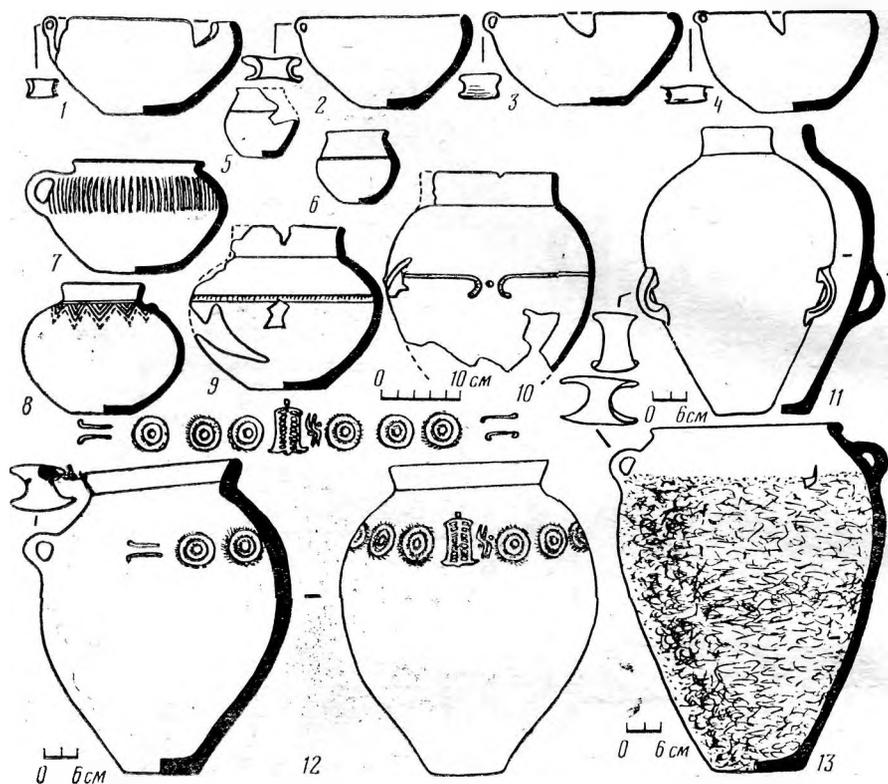

Рис. 25. Керамика из многокамерного сооружения Великентского поселения (1—13)

культурного слоя каякентских поселений, были вскрыты здесь на площади 8 м², где они залегали ниже отметки 1,6 м от поверхности. Верхний слой дал керамические материалы, сходные с теми, что были получены из верхних горизонтов Геметюбе I.

На более широкой площади (около 100 м²) были изучены поздние наслоения на другом раскопе, заложенном на восточной окраине Великентского поселения. Здесь отчетливо выделяются два слоя, из которых нижний характеризуется глубокими (3,5 м) округлыми землянками, а верхний — материалами гончарных печей или своеобразных смежных прямоугольных построек (рис. 56). В землянках представлен керамический материал, типичный для второго позднего этапа эпохи ранней бронзы, в том числе керамика с обмазанной поверхностью и рельефным спирально-концентрическим орнаментом (рис. 23), а в гончарных печах и прямоугольных постройках наряду с ней встречается керамика, характерная для эпохи средней бронзы, в том числе импортная керамика алазано-беденской культуры Восточной Грузии (рис. 24 и 25).

Кроме поселения в Великенте исследовался и синхронный ему катакомбный могильник. Раскопано десять целых и разрушенных катакомб,

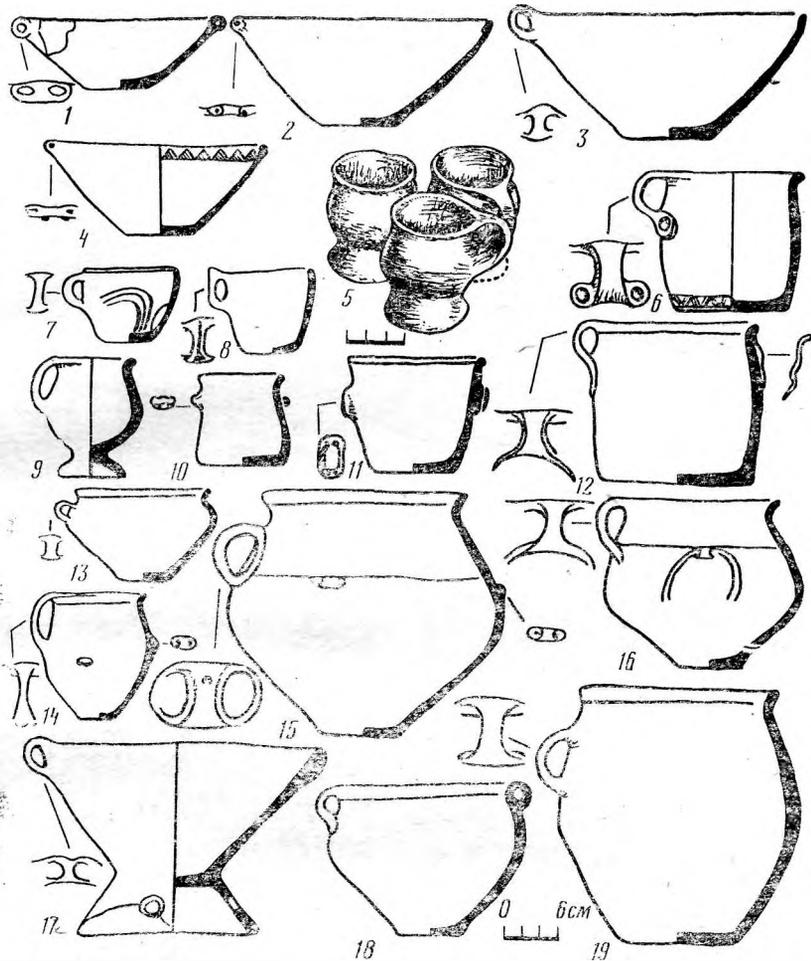

Рис. 26. Керамика из катакомбы 8 Великентского поселения (1—19)

из них катакомба 8 синхронна древнейшему слою поселения (рис. 26), а остальные, соотносимые с верхним горизонтом, представляют уже культуру начала средней бронзы (Гаджиев М. Г., 1983, с. 116; Гаджиев М. Г., Корневский, 1984, с. 7—27; Гаджиев М. Г., Магомедов, 1984, с. 3—4; Давудов, 1985, с. 116—117).

Таким образом, новейшие исследования прикаспийских поселений, в результате которых получены хорошо стратифицированные археологические материалы, позволяют решать вопросы периодизации и синхронизации памятников бронзового века Северо-Восточного Кавказа на надежной источниковедческой базе. Выделяются три последовательных этапа обживания прикаспийских поселений, из которых первые два характеризуют эпоху ранней бронзы, а третий — начало средней бронзы (Гаджиев М. Г., 1985, с. 104—105).

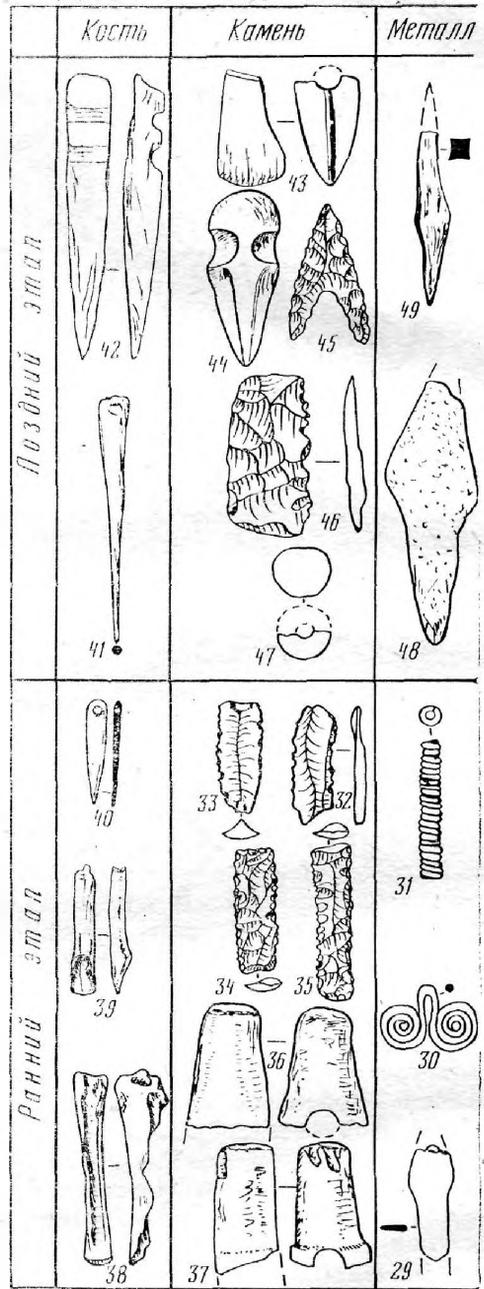
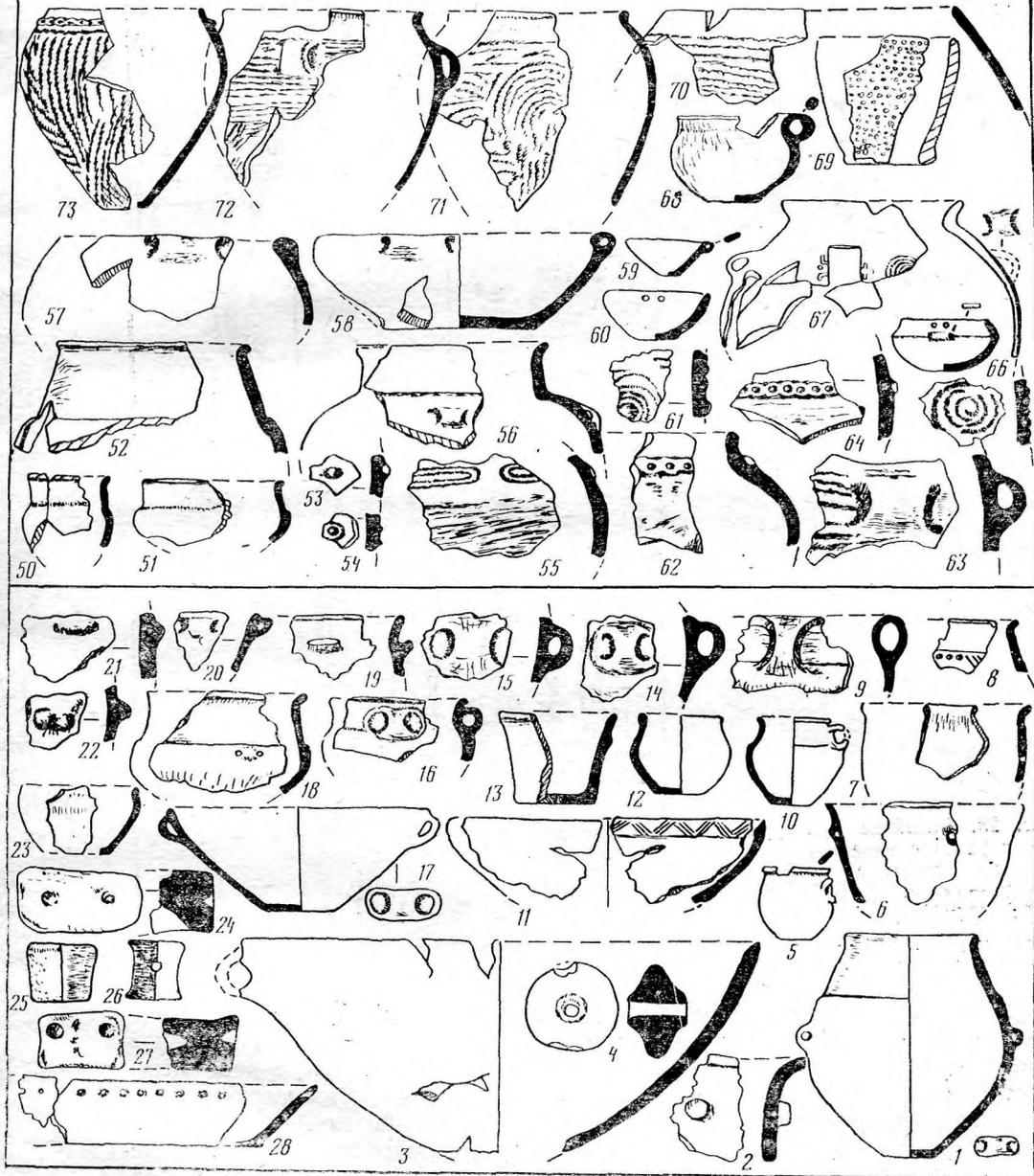

Рис. 27. Развитие культуры эпохи
в приморском Дагестане
1-40 — Геметюбе II;
41-43 — Геметюбе I (верхний слой);
44-60, 62-64, 66-73 — Великент;
61, 65 — Мамайкутан

Керамика

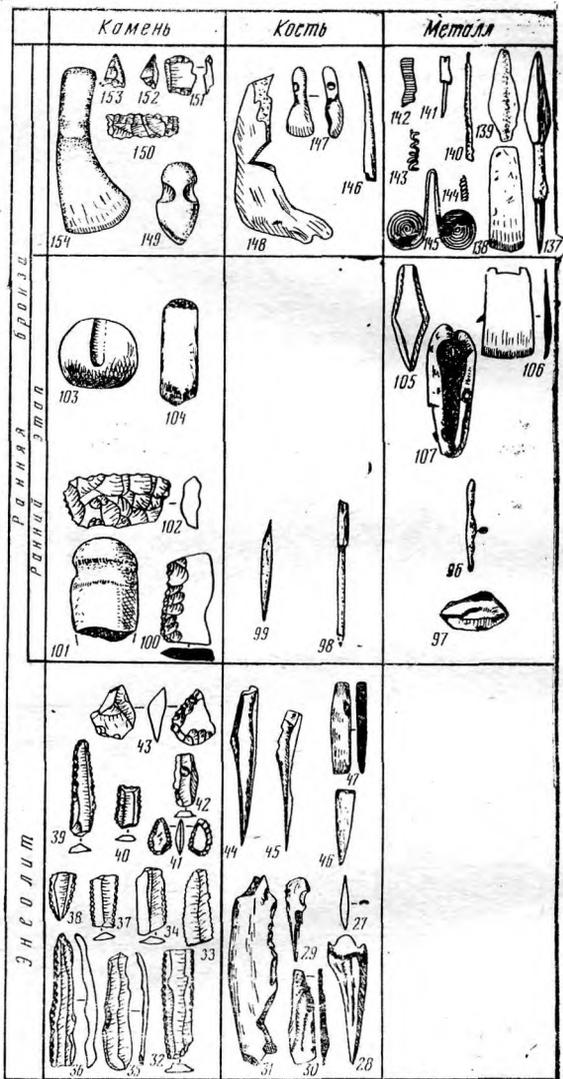
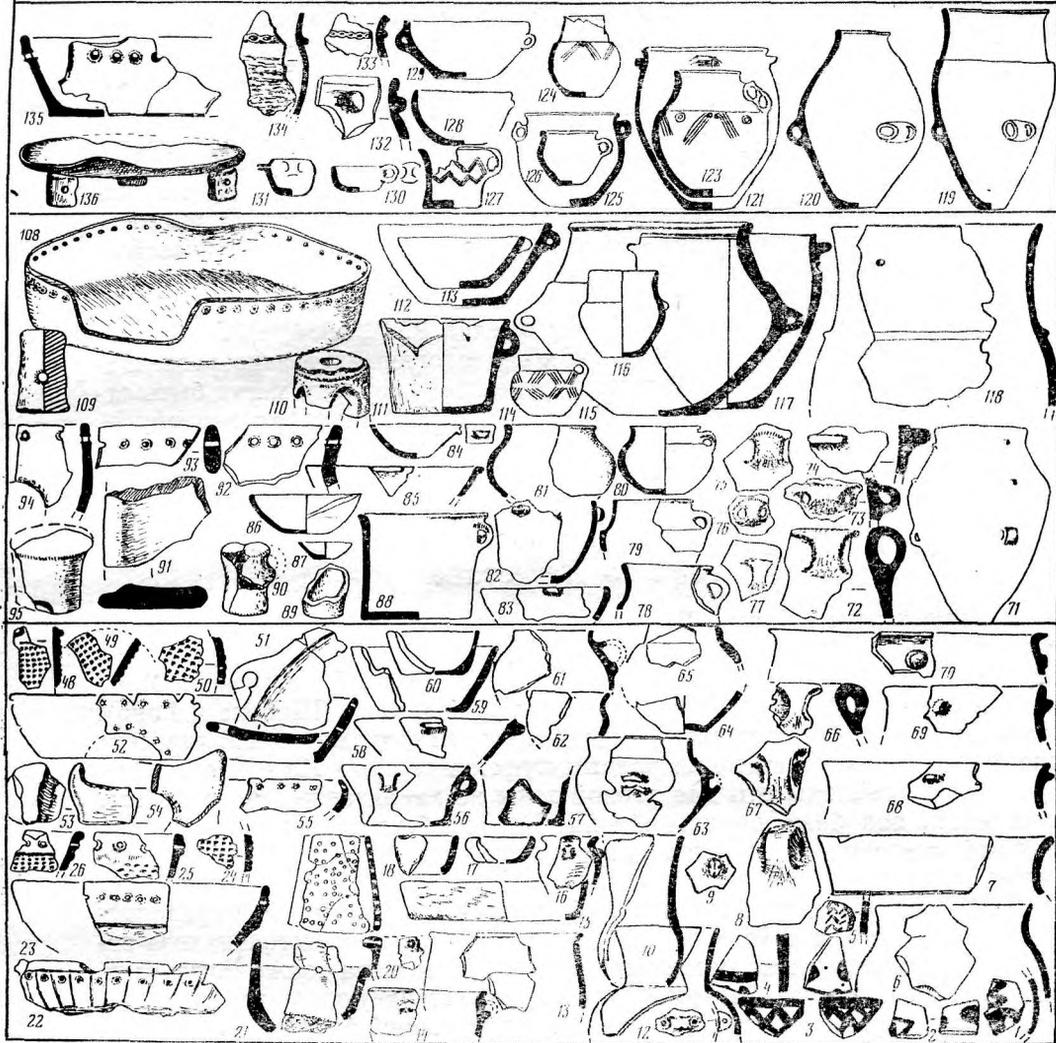

Рис. 28. Развитие культуры эпохи раннего металла горного Дагестана
 1—38 — Гинчи;
 39—70 — Чинна;
 71—102 — Мекеги;
 103—118 — Галгалатли I;
 119—154 — Чиркей.

К первому раннему периоду эпохи ранней бронзы относятся поселения Геметюбе I (нижние горизонты), Геметюбе II, Великент (древнейший слой) с круглыми в плане полужемлянками и легкими наземными постройками такого же плана, а также катакомба 8 Великентского могильника, содержащая многочисленную (около 500 экз.) посуду. Для этого периода характерна в основном неорнаментированная, преимущественно серая и красноватая лощеная керамика, представленная формами, типичными для ранних памятников куро-аракской культуры (рис. 22, 26 и 27).

К е р а м и к а

Второй период эпохи ранней бронзы характеризуют поселения Геметубе I (средний слой с тремя горизонтами наземных каменных построек), Великент (средний слой с круглыми в плане землянками; гончарная печь), Мамайкутан (нижние горизонты). Керамика представлена сосудами с гладкостенной и грубо обмазанной поверхностью. Наряду с неорнаментированной широкое распространение получает посуда, украшенная различными рельефными узорами, в том числе спирально-концентрическими (рис. 21, 23, 24, 27).

К третьему этапу обживания прикаспийских поселений относятся верхние слои поселения Геметюбе I (сырцовые и глинобитные прямоугольные постройки, впущенные в культурные слои ранних периодов), Великент (прямоугольные поздние постройки), Мамайкутан (верхние горизонты), характеризующие заключительный этап функционирования прикаспийских поселений. К этому же времени принадлежит большинство катакомб Великентского могильника. Керамический и металлический инвентарь приобретает признаки культуры эпохи средней бронзы. Находки в этих комплексах предметов закавказского импорта, параллели в других памятниках позволяют синхронизировать их с алазано-беденской культурой, древнейшими погребальными комплексами присулакских курганов (Чиркей, Миатли), с памятниками раннего этапа северокавказской и предкавказской катакомбной культур (Гаджиев М. Г., Корневский, 1984, с. 27; Магомедов Р. Г., 1984, с. 35—36).

Из других малоисследованных или обследованных только разведками поселений приморского Дагестана к первому периоду могут быть отнесены Геметюбе III, Янгикент, Мамайкутан II, Гильяр, ко второму — Манас-озень, Маяк I, Уллу-ачи, Башлыкент, Гяуртапа, Дербент, Ходжа Казмаляр, Новомака, Мамраш, Шаракун.

Периодизация памятников горного Дагестана

В горной зоне Северо-Восточного Кавказа эпоха ранней бронзы представлена значительно большим количеством памятников, чем эпоха энеолита. Только поселений здесь известно более 20 (Гаджиев М. Г., 1983а, с. 6—42). Исследованы также два могильника (Щебоха и Гоно). Материалы их дополняются случайными находками металлических предметов, происходящих из разных пунктов горного Дагестана. Следует особо отметить, что для горной зоны не характерны многослойные поселения, подобные прикаспийским. И это обстоятельство в значительной степени затрудняет разработку их относительной хронологии.

Учитывая стратиграфические наблюдения, сделанные на прикаспийских поселениях, и исходя из сравнительно-типологического анализа вещественного материала, памятники горного Дагестана также могут быть подразделены на две большие группы, характеризующие два последовательных периода развития культуры эпохи ранней бронзы (рис. 28). К первому периоду мы относим поселения Мекеги, Галгалатли, Анди, Ашали, Таргу, могильник Щебоха, т. е. памятники, на которых представлена только гладкостенная (заглаженная и лощенная), в основном неорнаментированная керамика. В этой группе наиболее ранним является поселение Мекеги с толщиной культурного слоя, достигающей 2 м, где еще продолжают играть важную роль орудия труда, изготовленные из кремня (рис. 29). На площади 40 м² здесь обнаружено 184 кремневых предмета, в том числе архаические пластины и пластинчатые сколы и орудия, изготовленные из них. Примечательно, что здесь впервые появляются орудия, изготовленные из кремня в технике двусторонней обработки, в частности двусторонне обработанные кремневые вкладыши

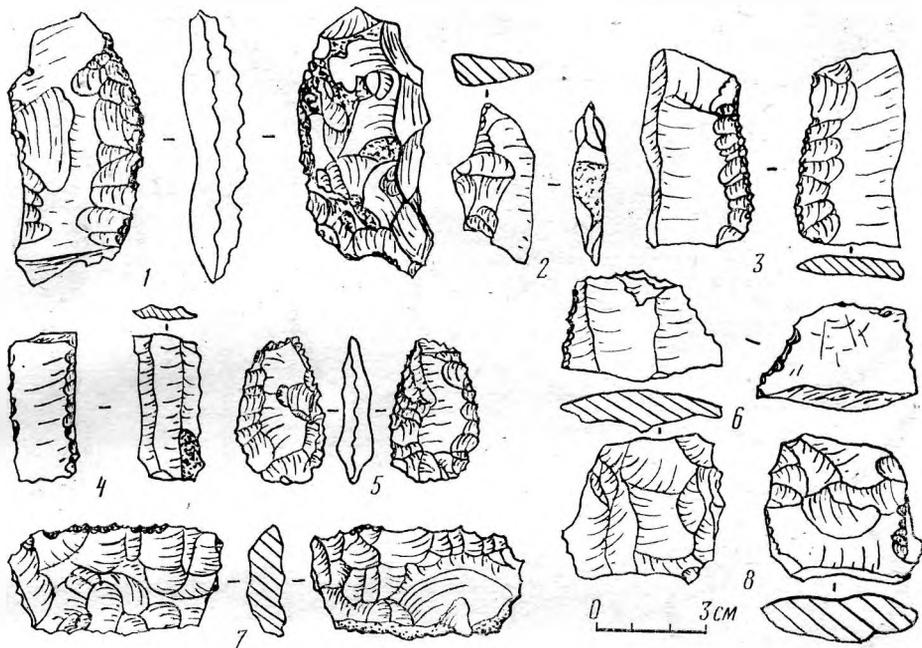

Рис. 29. Кремневые изделия Мекегинского поселения (1—8)

серпов (рис. 29, 7), совершенно неизвестные в предшествующую энеолитическую эпоху. Для начальных этапов бронзового века характерны также найденные на поселении мелкие предметы из медно-мышьякового сплава.

Вместе с тем в керамике Мекегинского поселения находят отражение важные изменения в развитии гончарного производства, происходившие в горном Дагестане с наступлением бронзового века. В технике изготовления керамики не практикуется уже формовка сосудов в специальных циновках, плетеных корзинах, в мешочной основе, как это имело место в энеолите. Появляются цилиндрические очажные подставки, не встреченные в памятниках эпохи энеолита (рис. 30, 1). Стандартизируются сложившиеся еще в энеолите ведущие формы гладкостенной (лощеной и заглаженной), разноцветной, преимущественно серой и красной керамики (рис. 30, 2—16). Это миски, банки, сосуды с цилиндрической горловиной, отделенной от тулова уступом; жаровни, крупные тарные сосуды. Посуда в целом не орнаментировалась, за исключением единичных экземпляров с коническими налепами. Керамика поселения Мекеги почти полностью сопоставляется с керамикой ранних горизонтов прикаспийских поселений. Дальнейшее развитие получает традиционная круглопланная каменная архитектура. На Мекегинском поселении дома представляли собой круглые сооружения с небольшими пристройками у входа.

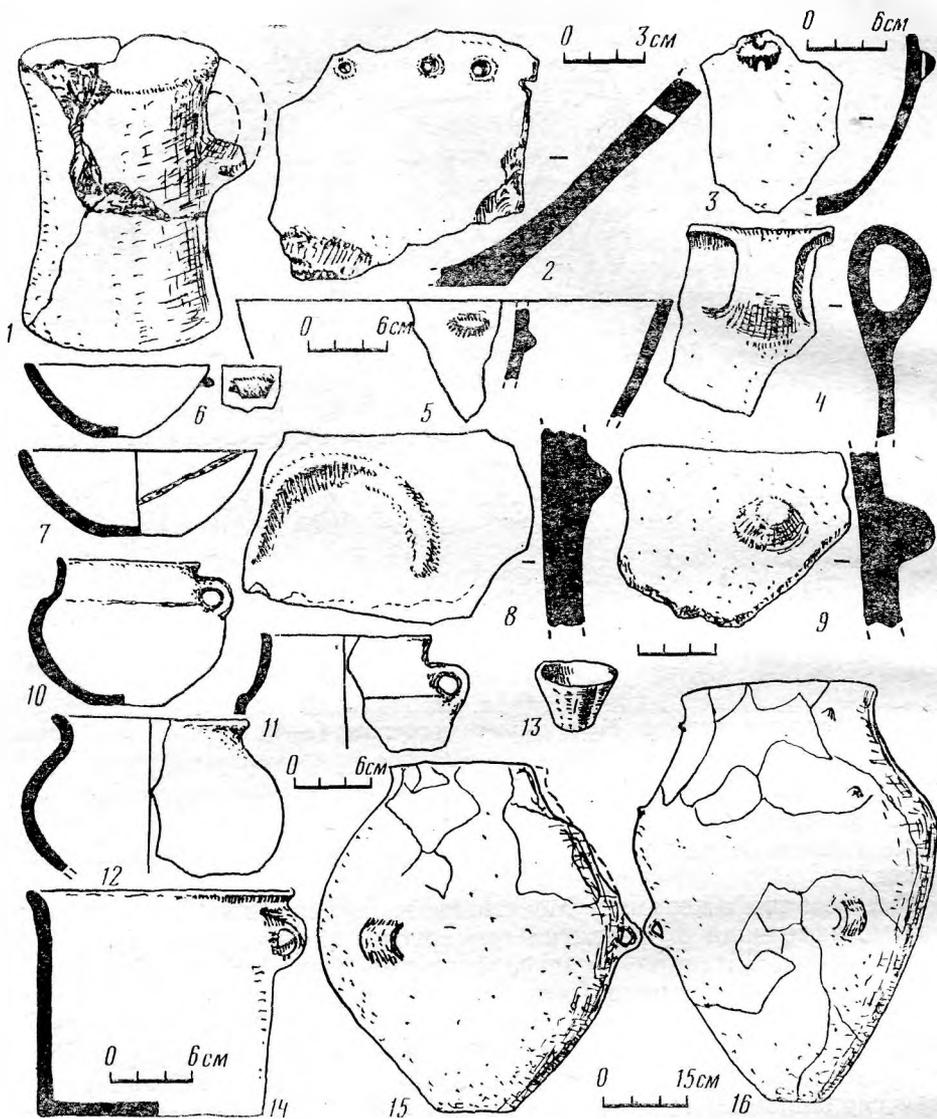

Рис. 30. Керамика Мекегинского поселения (1—16)

В рамках данного периода поселение Галгалатли I представляется более поздним, чем Мекеги. Несмотря на то что в Галгалатли I вскрыта значительная площадь (220 м²), там совершенно не обнаружены кремневые и костяные орудия. Вместе с тем находки тесла, клинка ножа, изготовленные из мышьяковой бронзы (Гаджиев М. Г., 1983а, с. 34), глиняной двустворчатой литейной формы для отливки прямоубушных то-

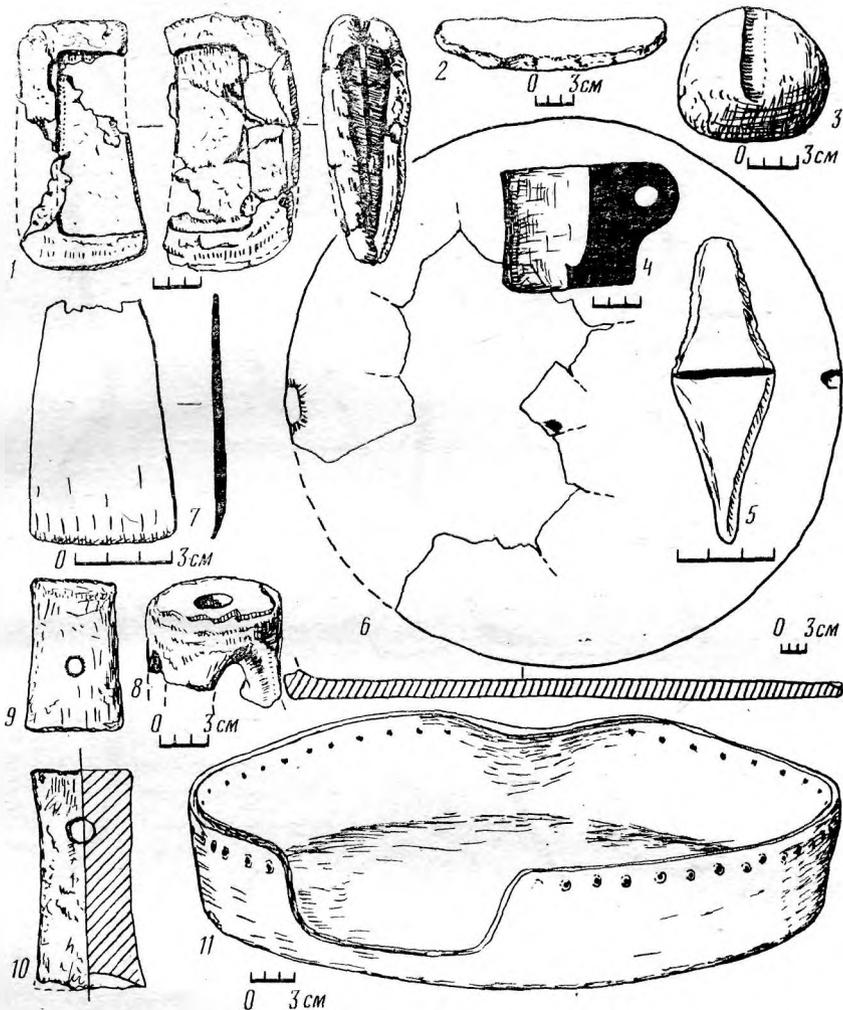

Рис. 31. Инвентарь поселения Галгалатли I

1 — литейная форма; 2 — зерноотерка; 3 — каменное изделие с желобком; 5, 7 — бронзовые нож и тесло; 6, 11 — жаровни; 8—10 — очажные подставки

порыв (рис. 31, 1, 5, 7) свидетельствуют о высоком уровне развития бронзолитейного дела, внедрении и широком использовании бронзовых изделий, что, возможно, привело к вытеснению кремневых орудий.

В Галгалатли в целом представлена керамика, весьма близкая к мекегинской как по технологии изготовления, так и в типологическом отношении. Сохраняются здесь и основные керамические формы, известные в Мекеги (рис. 31 и 32). Новыми являются высокие широкогорлые и узкодонные сосуды с заглаженной поверхностью (рис. 32, 14). Среди тарной керамики наиболее распространенными становятся сосуды с ши-

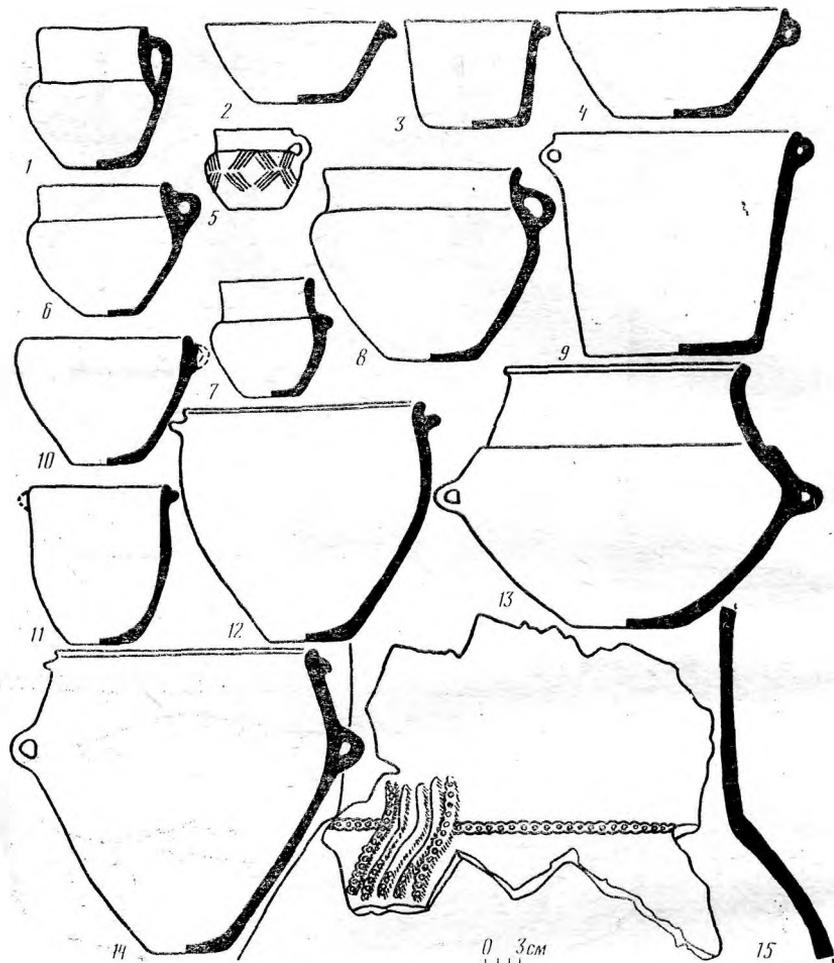

Рис. 32. Керамика поселения Галгалатли I (1—15)

роками цилиндрическими горловинами, четко отделенными от тулова, и острыми донцами, орнаментированные рельефными валиками с пальцевыми зашипами, нарезками (рис. 32, 15), иногда выпукло-вогнутым узором в виде вписанных геометрических фигур — квадратов, ромбов, треугольников.

В области домостроительства в Галгалатли I также продолжается древняя традиция строительства округлых каменных жилищ (рис. 46). Эта архитектурная традиция проникает и в погребальный обряд, ярким показателем чего являются круглые склепы могильника Щебоха, керамический комплекс которого находит точные соответствия в керамике Мекеги и Галгалатли I (рис. 33).

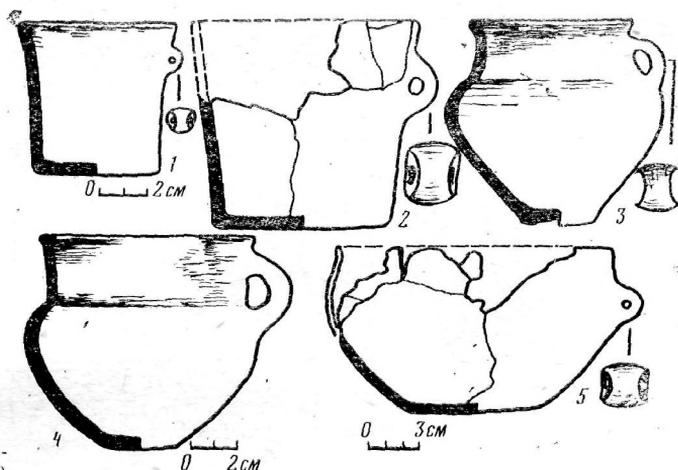

Рис. 33. Керамика мо-
гильника Шебоха (1—5)

Ко второму, позднему периоду эпохи ранней бронзы относятся Чиркейское, Чиркатинское, Сигитминское, Ингердахское, Местерухское, Карлабко, Кучрабское поселения, могильник Гоно. В рамках данного периода также выделяются ранние и поздние памятники. К ранним относится Чиркейское поселение — наиболее широко исследованный памятник бронзового века Дагестана (вскрыто 1500 м² площади). Материалы поселения свидетельствуют о продолжающемся процессе замены кремня металлом в качестве сырья для изготовления орудий труда и оружия: в Чиркее встречены только единичные кремневые вкладыши серпов и наконечники стрел (рис. 34, 3—8). Металл прочно внедряется в быт. Широк ассортимент различных изделий, изготовленных из мышьяковой бронзы, — тесло, клинок ножа, наконечник копья, разнообразные украшения (рис. 34, 9—19).

Заметные изменения происходят в гончарном деле (рис. 35). Появляется посуда с грубо обмазанной поверхностью. В орнаментации керамики используются резные и рельефные узоры, в том числе в виде концентрических кругов. Сохраняются почти все формы, известные в предшествующий период. Новый тип посуды, появившийся в памятниках позднего периода, представляют крупные сосуды яйцевидной формы, горло которых сужено (рис. 35, 14). В области домостроительства стойко сохраняется традиция каменной архитектуры, основным элементом которой является жилой дом круглого плана с небольшой входной пристройкой (рис. 42).

Сравнительно поздним в хронологических рамках второго периода является Сигитминское поселение (Канивец, 1957, с. 158—159; Гаджиев М. Г., 1983а, с. 23—31). На поселении выделяются два горизонта. К верхнему относятся незначительные строительные остатки, разрушившие первоначальные каменные сооружения. Между двумя слоями четкая стратиграфическая граница отсутствовала, но в общем керамический материал позднего периода, как отмечают исследователи памятника В. И. Канивец и Г. М. Буров, повсюду лежал над культурными остатка-

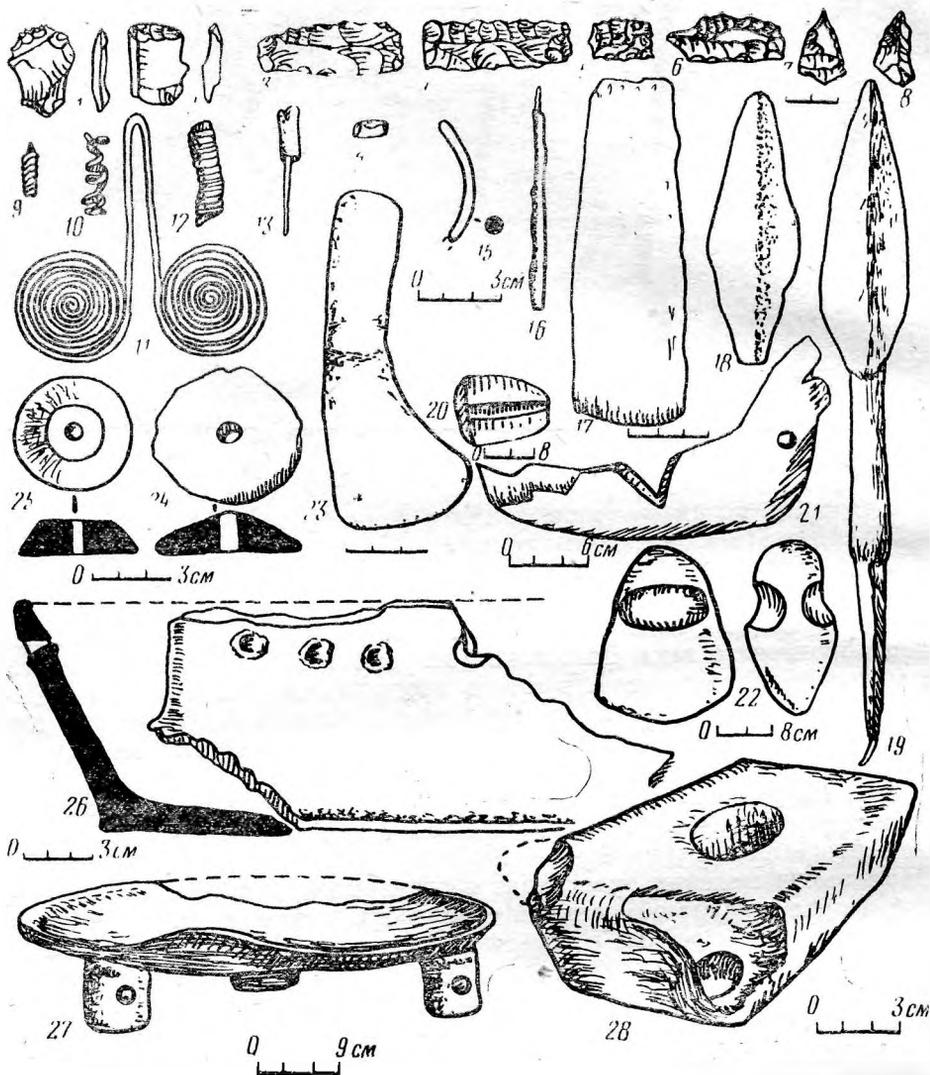

Рис. 34. Инвентарь Чиркейского поселения

1, 2 — кремневые изделия с ретушью; 3-6 — вкладыши серпов; 7, 8 — наконечники стрел; 9-19 — металлические предметы; 20 — каменное желобчатое изделие; 21 — костяной струг; 24, 25 — пряслица; 22, 23 — топоры; 26, 27 — жаровни; 28 — очажная подставка

ми раннего периода. Керамика нижнего слоя характеризуется посудой разной степени обжига (серого, желтоватого, оранжевого цвета) с преобладанием светлых тонов. Поверхность обычно гладкая, встречается как налепной, так и врезной или вдавленный орнамент. Она весьма близка чиркейской (рис. 36). В верхнем горизонте встречается наряду

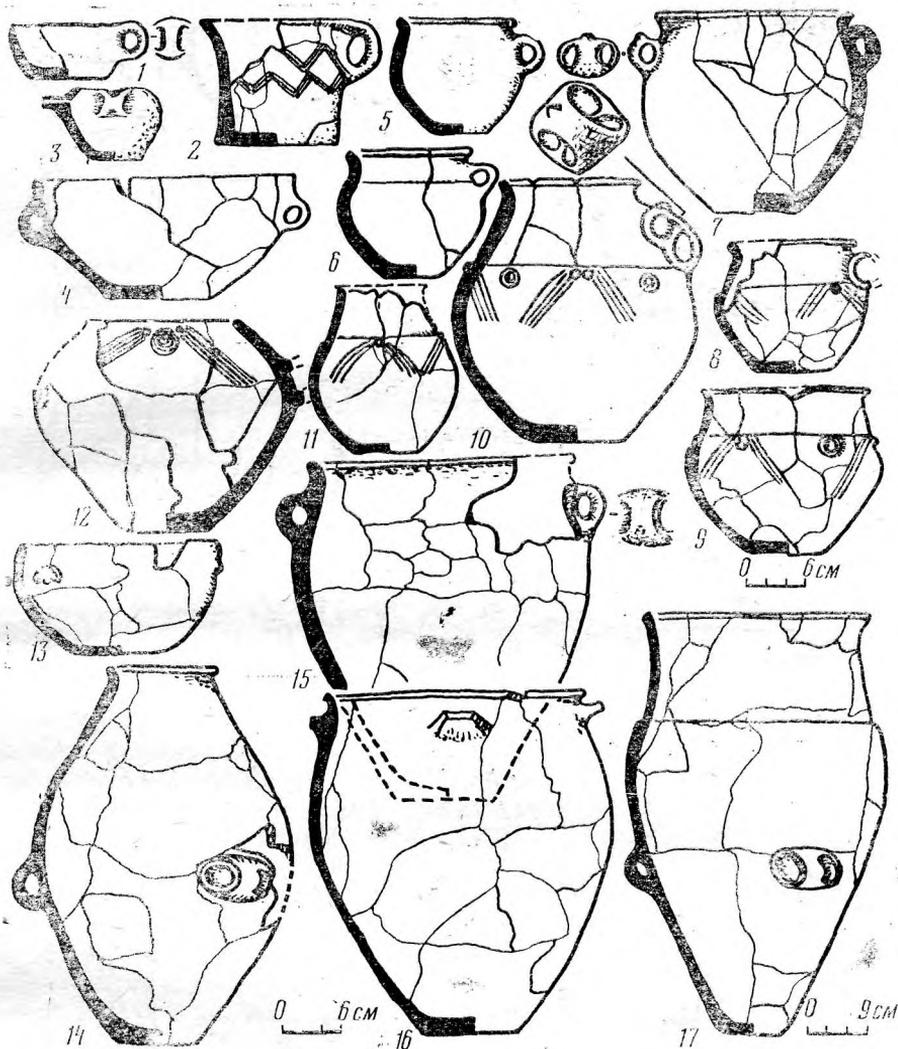

Рис. 35. Керамика Чиркейского поселения (1—17)

с гладкостенной керамика другого характера. Она коричневатого-серого цвета. Поверхности сосудов обмазаны до плечиков. Они украшались налепными валиками (с косыми насечками или пальцевыми вдавлениями) или резным орнаментом из треугольников. О позднем характере поселения говорят и находки двух сосудов с шнуровым орнаментом, получившим распространение в Северном Дагестане в эпоху средней бронзы. К этому следует добавить, что и строительные остатки Сигитминского поселения, представляющие собой уже прямоугольные постройки

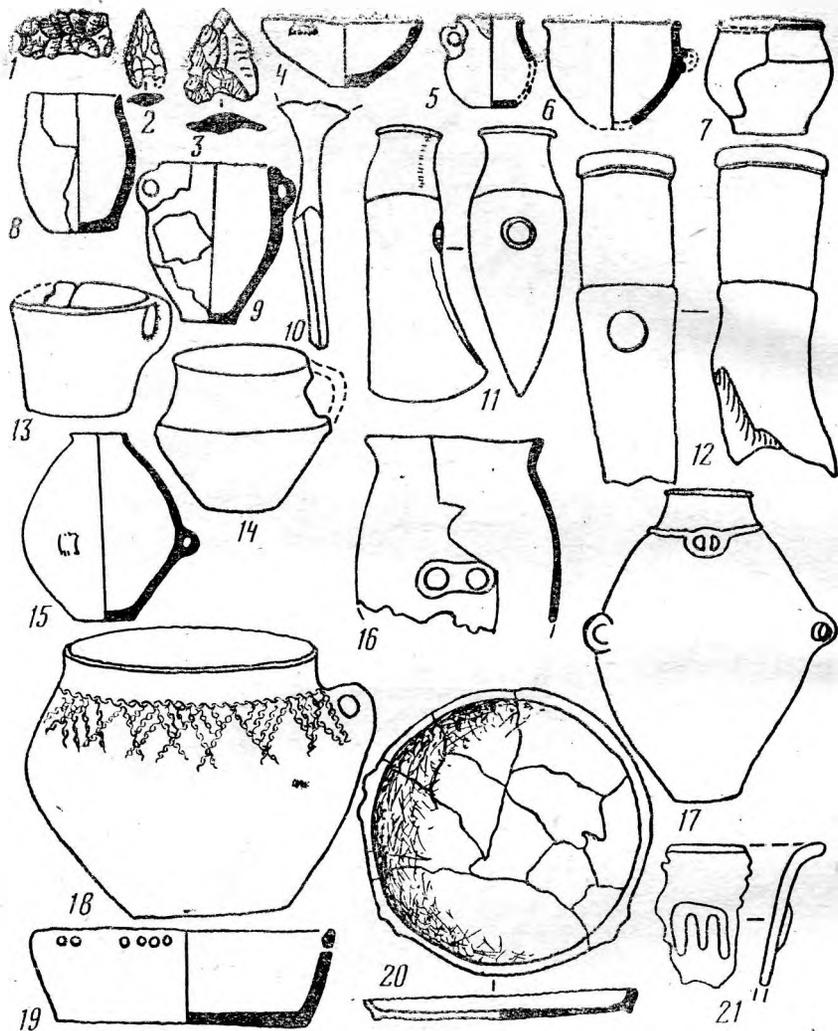

Рис. 36. Инвентарь Сигитминского поселения

1 — кремневый вкладыш серпа; 2, 3 — наконечники стрел; 4—9, 13—21 — керамика; 10 — наконечник копья; 11 — каменный топор; 12 — костяной топор

(рис. 49), предвещают начало новой строительной традиции, ставшей характерной для последующих периодов истории Северо-Восточного Кавказа.

Сигитминское поселение характеризует культуру эпохи ранней бронзы на самом позднем этапе ее развития, когда происходят кардинальные перемены почти во всех областях культуры: сменяется архитектурная

традиция (круглопланная на прямоугольную), усиливаются связи со степными племенами (появление курганного обряда, орнаментации керамики шнуровым узором), изменяется погребальный обряд (смена круглых склепов прямоугольными) и в конечном итоге на Северо-Восточном Кавказе складываются новые археологические культуры эпохи средней бронзы. Гонобский могильник, относящийся к числу памятников заключительного этапа культуры эпохи ранней бронзы, ярко характеризует перемены в развитии погребального обряда, выразившиеся в новых формах погребальных сооружений (прямоугольные постройки).

С какой из выделенных групп памятников могут быть сопоставлены поселения на территории Чечено-Ингушетии, в частности Серженьюртовские? Р. М. Мунчаев глубоко обосновал их связь с памятниками куро-аракской культуры (Мунчаев, 1975, с. 336—365). К его аргументации можно добавить, что керамика Серженьюртовского поселения обнаруживает близкое типологическое сходство в тех памятниках Дагестана, которые находятся на стыке первого и второго периодов развития культуры эпохи ранней бронзы. В частности, широкогорлые узкодонные сосуды из этого поселения находят точные аналогии в Галгалатли и Чиркее (Мунчаев, 1975, рис. 77, 6, 7; Гаджиев М. Г., 1983а, рис. 17, 14, 15; 10, 15, 16). На этапе, представленном Чиркейским поселением, впервые появляются и получают дальнейшее распространение узкогорлые сосуды яйцевидной формы, представленные в Серженьюртовском поселении (Мунчаев, 1975, рис. 76, 12; Гаджиев М. Г., 1983а, рис. 10, 14; 14, 28, 29).

При определении абсолютной хронологии памятников Северо-Восточного Кавказа раннебронзовой эпохи необходимо исходить из безусловной их принадлежности к кругу памятников обширной куро-аракской культурной общности. Большинство исследователей, в том числе Р. М. Мунчаев, специально исследовавший проблему хронологии куро-аракской культуры, относят ее в целом к III тыс. до н. э. или к концу IV и III тыс. до н. э. (Мунчаев, 1975, с. 192; Кушнарера, Чубинишвили, 1970, с. 178—182). Другой датировки (середина IV — середина III тыс. до н. э.) придерживаются О. М. Джапаридзе, считающий, что древнейший этап куро-аракской культуры был еще энеолитическим, и А. И. Джавахишвили (Джапаридзе, 1964, с. 7; 1976, с. 322—325; Джавахишвили А. И., 1973, с. 260—269). Эта датировка близка хронологии куро-аракской культуры, устанавливаемой с привлечением калиброванных радиоуглеродных дат (IV — середина III тыс. до н. э.), хотя, согласно последним, ее ранний этап удревняется до начала IV тыс. до н. э. (Кавтарадзе, 1981, с. 138—142; 1983, с. 59—104).

При определении времени начала бронзового века на Северо-Восточном Кавказе мы исходим также из хронологии, принятой для энеолита. Энеолитическая эпоха здесь завершается к последней четверти IV тыс. до н. э., которую одновременно можно считать начальной датой эпохи ранней бронзы. Во всяком случае, материалы из древнейших слоев поселений Приморской низменности (Геметюбе I, Великент), возникших, как уже говорилось, в это время, характеризуют их как памятники начала бронзового века. Для определения верхней даты эпохи ранней бронзы важное значение приобретают закавказские керамиче-

ские импорты в позднем слое Великентского поселения и в соответствующих ему погребальных комплексах, позволяющие синхронизировать их с памятниками алазано-беденской культуры Закавказья начала эпохи средней бронзы. На поселении Бериклебебди, исследуемом А. И. Джавахишвили и Л. И. Глonti, установлено, что слои с материалами данной культуры перекрывают наслоения, относящиеся к куро-аракской культуре, и, в свою очередь, предшествуют погребениям эпохи средней бронзы. Это подтверждает относительное место памятников алазано-беденской культуры между куро-аракской и триалетской культурами и соответственно предлагаемую для данной культуры датировку в пределах второй половины III тыс. до н. э., ближе к концу (Гобеджишвили, 1980, с. 136; Ницхелаури, 1983, с. 2).

Следовательно, верхние слои прикаспийских поселений, в которых встречаются характерные материалы эпохи средней бронзы, исходя из их синхронизации с комплексами алазано-беденской культуры, обособленной бесспорными импортами, могут быть датированы последней четвертью III — началом II тыс. до н. э. Эпоха ранней бронзы в приморском Дагестане, таким образом, завершается около рубежа третьей и четвертой четверти III тыс. до н. э. Такая дата хорошо согласуется с северной линией синхронизации. Дело в том, что в Северном Дагестане, в районе Сулака, культура, представленная Чиркейским и Сигитминским поселениями, была сменена новой среднебронзовой культурой, характеризующейся материалами Миатлинского и Чиркейского курганных полей, которые находят определенное соответствие в северокавказской культуре (Марковин, 1960, с. 129—131; Гаджиев М. Г., 1974, с. 16). Древнейшие комплексы Чиркейских курганов также содержат керамику алазано-беденской культуры. Поэтому есть основания для синхронизации верхних слоев прикаспийских поселений, ранних комплексов Чиркейского и Миатлинского курганных полей, а также памятников раннего этапа северокавказской культуры. Датировка раннего этапа северокавказской культуры последними веками III — началом II тыс. до н. э. подтверждается и радиоуглеродными анализами образцов из Усть-Джегутинского могильника (Нечитайло, 1978, с. 58, 103—104). Отсюда вытекает, что заключительный этап эпохи ранней бронзы, который представлен на Сулаке Сигитминским поселением, предшествующим Миатлинскому курганному полю, с учетом находок на этом поселении керамики с шнуровым орнаментом северокавказского облика может быть датирован временем около рубежа третьей и четвертой четверти II тыс. до н. э. В качестве рубежа между двумя большими периодами развития культуры эпохи ранней бронзы в Дагестане наиболее реальной представляется середина III тыс. до н. э. — дата, предложенная Р. М. Мунчаевым для Каякентского поселения, а по данным новейших раскопок, для второго слоя, в котором представлена керамика со спирально-концентрическим орнаментом и обмазанной поверхностью (Мунчаев, 1961, с. 160).

2. Поселения и жилища. Погребальные сооружения

Вопрос о характере древних поселений и жилищ не нов в историографии Дагестана (Мунчаев, 1961, с. 31—46; Котович В. М., 1965). Однако источниковедческая база для его решения до сравнительно недавнего времени оставалась весьма узкой, и поэтому многие вопросы, связанные с историей поселений и жилищ, взаимосвязью типов жилищ, не могли быть освещены с достаточной полнотой. Кроме того, история древнейших поселений и жилищ была слабо разработана и в масштабах всего Кавказа. За последние двадцать пять лет в этой области сделано немало. Неизмеримо расширился фактический материал о древних поселениях и жилищах Кавказа, появился ряд работ, в том числе и специальных, посвященных как в целом данной проблеме, так и частным ее вопросам, методологии и методике изучения древних поселений и жилищ.

Специальное изучение древнейших поселений и жилищ Дагестана, вопросов типологии, топографии и планировки поселений, характера древних жилищ имеет важное значение для понимания процесса культурно-исторического развития населения Северо-Восточного Кавказа в период сложения и развития раннеземледельческих культур.

Поселения и жилища горного Дагестана

Расселение раннеземледельческих племен привело к интенсивному заселению и освоению в эпоху ранней бронзы всех благоприятных для развития земледельческо-скотоводческого хозяйства районов как в горной зоне Северо-Восточного Кавказа, так и в Приморской низменности. Плотность заселения горной зоны была достаточно высокой, о чем свидетельствует, в частности, археологическая карта Андийской котловины (Ботлихский район), где на сравнительно небольшой территории сейчас известно пять поселений эпохи ранней бронзы и один могильник (Гаджиев М. Г., 1983а, с. 31—37). Имеющиеся данные достаточно ярко свидетельствуют о том, что горный Дагестан в рассматриваемое время был широко освоен земледельческо-скотоводческим населением. Были заселены не только горные речные долины, но и горные плато, склоны и вершины гор, где наряду с возникшими еще в энеолите сезонными поселениями являются фундаментальные поселения, рассчитанные на долговременное обитание.

Сезонные (временные) поселения, о которых мы судим по известному уже Чинна, продолжавшему функционировать и в бронзовом веке, Чирката, занимавшему пещеру и небольшой склон перед ней на высоте около 2700 м над уровнем моря (Исаков, 1961, с. 250—253), Ашали II, расположенному на вершине и крутом склоне горы, своим происхождением, как и в энеолите, обязаны скотоводческому хозяйству. Особенности организации последнего в горных условиях предопределили необходимость в таких временных стоянках пастухов на местах отгона скота на летние пастбища. Такие поселения, как мы уже отмечали, часто располагались в местах, непригодных для обживания в зимнее время. Здесь

не требовались фундаментальные каменные дома, необходимые для постоянного обитания; пастухи, обслуживающие стада в короткий летний период, жили в пещерах, под навесами или в легких постройках, как это засвидетельствовано в этнографии. Однако в том случае, когда временные поселения устраивали в местах, более или менее благоприятных для постоянной жизнедеятельности, где возможно было террасное земледелие, они впоследствии могли перерасти в постоянные. В этом проявляется особая роль мобильных скотоводческих групп населения в первоначальном хозяйственном освоении и постоянном заселении высокогорий (Пиотровский, 1955а).

Постоянные поселения эпохи ранней бронзы в горной зоне большей частью располагались в естественно укрепленных местах — на мысах, гребнях и склонах гор, скальных платформах на высоте до 2000 м над уровнем моря. Возникновение и дальнейшее функционирование постоянных поселений подобного рода явилось следствием постепенного земледельческого освоения высокогорий, сложения террасного земледелия, гарантировавшего возможность постоянного проживания в горах больших групп населения.

Выбор места для постоянных поселений зависел от ряда факторов, среди которых едва ли не первое место занимало наличие необходимых для земледелия площадей, в частности, естественно выровненных участков или горных склонов, пригодных для превращения в террасные поля. Важное значение имели также наличие источников воды, условия для аккумуляции дневного солнечного тепла (солнечные склоны). Фактор обороны играл далеко не последнюю роль при выборе мест для поселений, чем объясняется их расположение в естественно защищенных местах.

По планировке постоянные поселения горной зоны представляли собой обычные горные селения со ступенчато расположенными друг над другом горизонтальными рядами домов. Наиболее исследованным и показательным поселением такого рода является Чиркейское (Гаджиев М. Г. и др., 1966; 1967; Гаджиев М. Г., 1983а, с. 15—23).

Чиркейское поселение находится на левом берегу Сулака (теперь Чиркейского водохранилища), у затопленного водой с. Старый Чиркей. Поселение расположено на горе Тадшоб — останце древней террасы высотой 70—100 м, имеющего вид треугольника, вытянутого с запада на восток, и обрывистые крутые склоны. Останец представляет собой созданную самой природой естественную крепость, куда можно было проникнуть по крутым тропинкам и скальным ступенькам. Обитатели поселения пренебрегли всеми удобствами, чтобы обезопасить себя. Верхняя площадка горы делится как бы на две части проходящей по средней линии ложбинкой, переходящей в восточной части горы в овраг. Остатки древнего поселения выявлены в северной части горы на склоне, обращенном на юг, в сторону оврага (рис. 37).

На поселении исследовано около 1500 м² площади, на которой выявлены остатки более 20 построек. В основном они сосредоточены в восточной части горы над оврагом, на склоне и узкой продолговатой площадке. Остатки каменных домостроений располагались тремя ступенчато возвышающимися друг над другом рядами на частично врезанных в

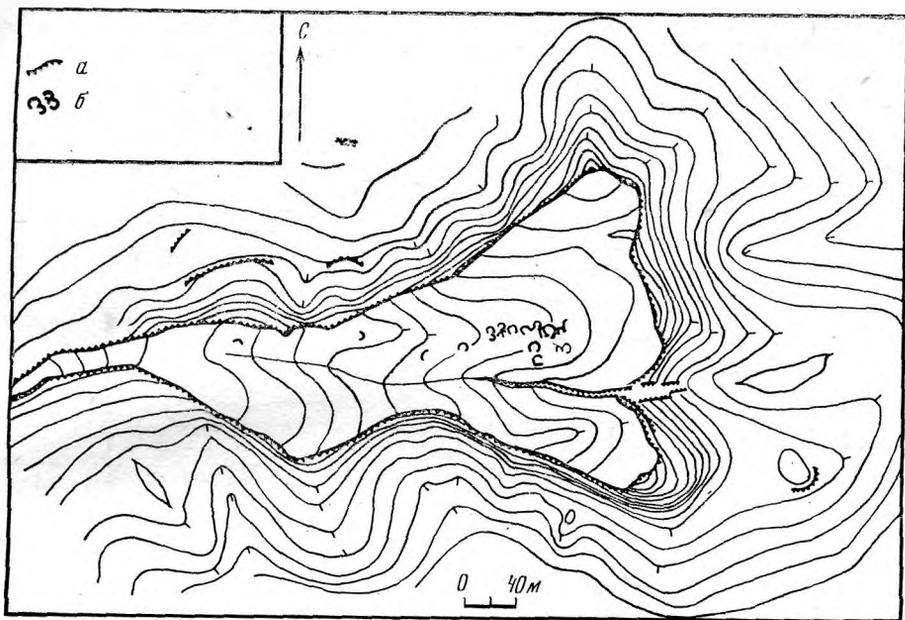

Рис. 37. План Чиркейского поселения

а — обрывы; б — остатки жилищ

склон искусственных террасах, закрепленных с нижней стороны подпорными стенами.

Чиркейское поселение застроено почти стандартными домами, состоящими из округлого жилого помещения, к которому, как установлено в ряде случаев, пристраивали небольшие передние сени (рис. 38, 39 и 42). Опишем остатки одного из хорошо сохранившихся жилых помещений, погибшего, как установлено в процессе раскопок, в результате пожара. Помещение округлой формы было заполнено завалом камней от обвалившихся стен вперемешку с землей, толщиной 40 см. Под завалом на всей площади помещения выявлена прослойка глины толщиной 4—6 см, под которой находились обгорелые балки, прутья и другие культурные остатки. Судя по этим данным, перекрытие помещения было плоским и состояло из рядов параллельно сложенных балок, застланных тонким хворостом, и, вероятно, замазывавшихся глиной. Такого рода перекрытия, по-видимому, опирались на центральные столбы, установленные на опорные камни-базы. Диаметр помещения 5,20 м. Стены возведены из известняковых камней с естественными и нередко специально обработанными плоскими прямоугольными гранями. Стена сохранилась на высоту 1 м, толщина ее 0,60—0,70 м. Вход в помещение, как и во всех других круглых постройках, находился с южной стороны. Он представлял собой коридор, суживающийся вовнутрь, длиной около 2 м, шириной на выходе 1,70, внутри, со стороны помещения, — 0,90 м (рис. 40). Углы дверного проема изнутри имеют вертикальные пазы для дверей шири-

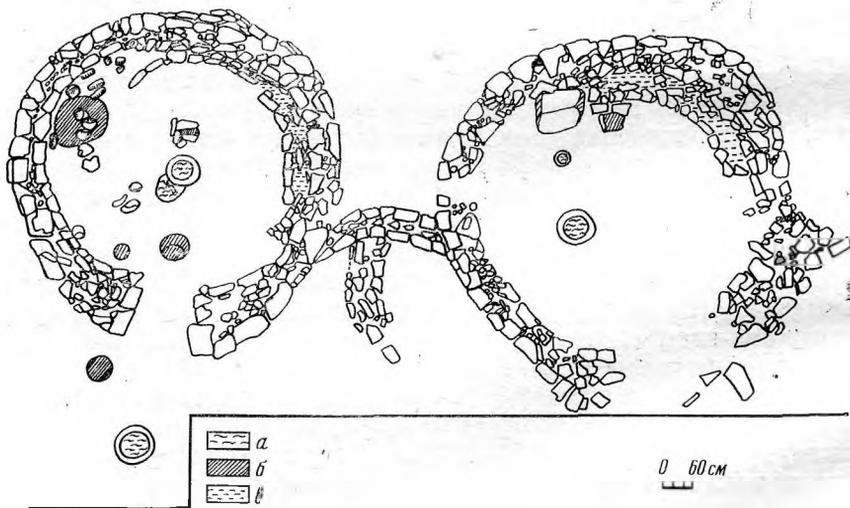
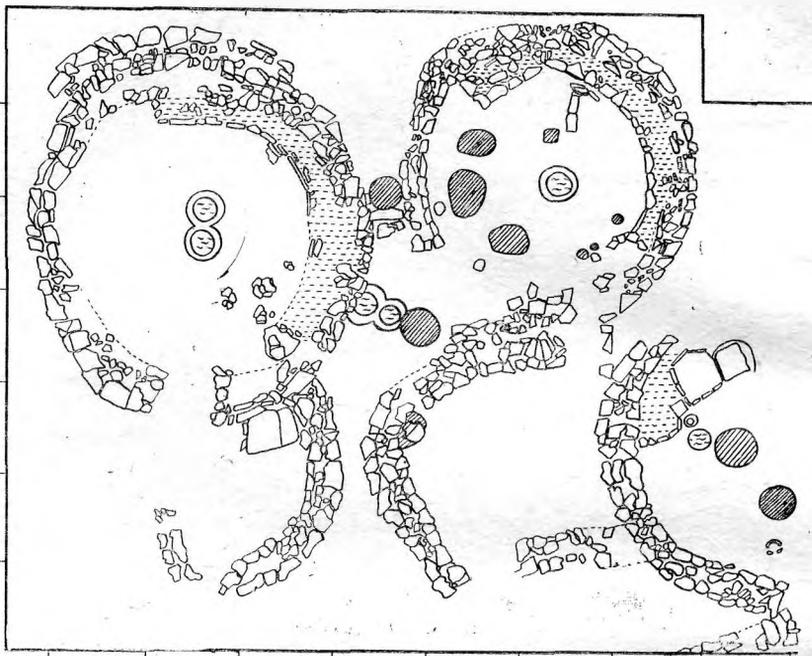

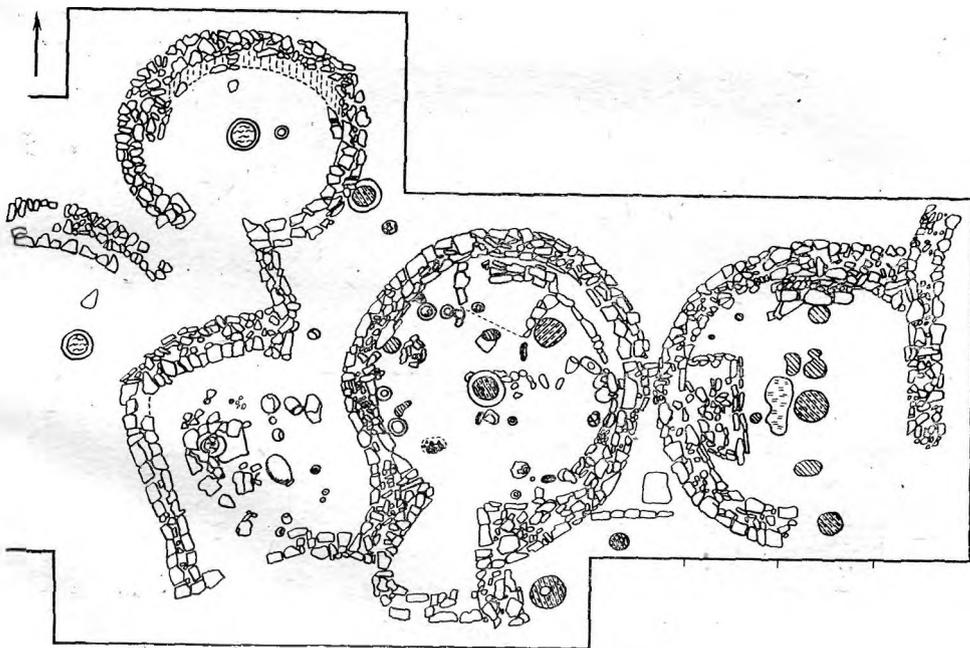
Рис. 38. План раскопа в восточной части Чиркейского поселения
a — очаг; *b* — яма; *v* — глиняная обмозка

ной 10 см. Напротив дверного проема, у стены, находилось подпрямоугольное каменное возвышение, лежанка, длиной 2,20 и шириной 1,75 м, а вдоль всей стены восточной половины помещения — сложенная из камней лавка длиной 7,20 и шириной 0,50 м, обмазанная глиной. В углу, между лежанкой и лавкой, находилась округлая яма диаметром 0,70 и глубиной 0,30 м, дно и стенка которой также обмазаны глиной. Яма была заполнена обуглившимся зерном (рис. 41). В центре помещения располагался круглый, вкопанный в землю очаг (диаметр 0,50 м, глубина 0,35 м) с обмазанной стенкой и широким глиняным бортиком, слегка приподнятым над полом (рис. 41).

В западной половине помещения находились два крупных (высота 0,65—0,70 м) сосуда-хранилища, вкопанных в землю и закрытых тонкими каменными плитами. Под венчиками сосудов имеются по 1—2 отверстия, служивших, по-видимому, для вентиляции (рис. 65)

Описанный интерьер, различаясь в некоторых незначительных деталях, повторялся во всех исследованных жилищах Чиркейского поселения. К подобным жилищам пристраивались небольшие сени овальной или неправильной, угловатой в плане формы (рис. 42), в которых, как правило, находились двухчастные печи с разделенными горизонтально топочными и обжигательными камерами и сводчатыми перекрытиями (рис. 43). Такой свободно стоящий дом, конструктивно не связанный с другими рядом находящимися домами, характерен и для других поселений горного Дагестана (Мекеги, Галгалатли I)

Мекегинское поселение (Котович В. Г., Котович В. М., 1959, л. 7—11; Котович В. Г., 1960, л. 11—33), находящееся в области внешних предго-

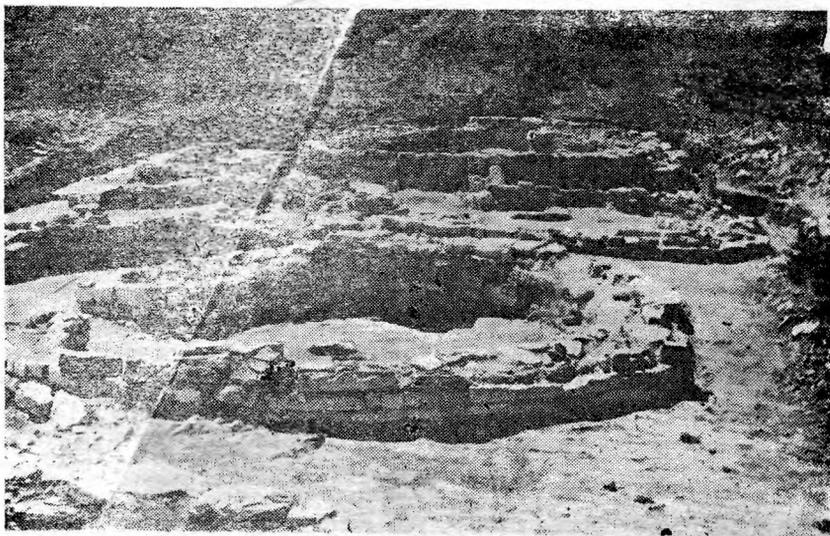

Рис. 39. Остатки жилых сооружений Чиркейского поселения

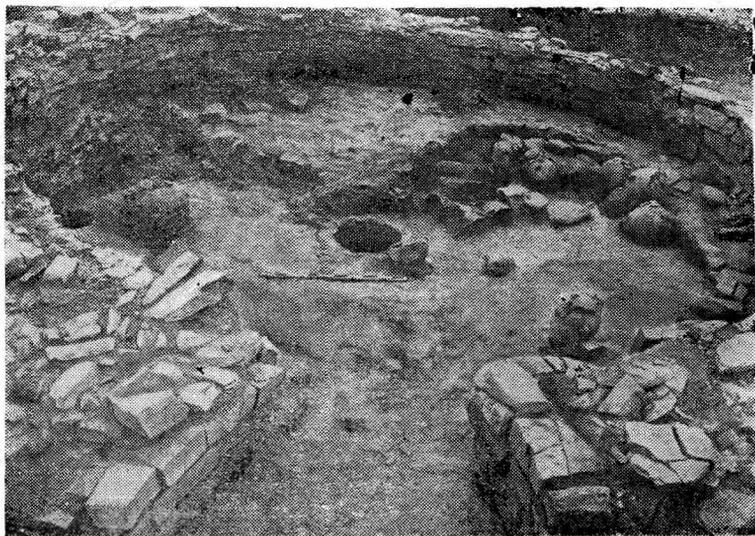

Рис. 40. Остатки круглопланного жилища Чиркейского поселения

Рис. 41. Центральный очаг и яма с обуглившимся зерном на Чиркейском поселении

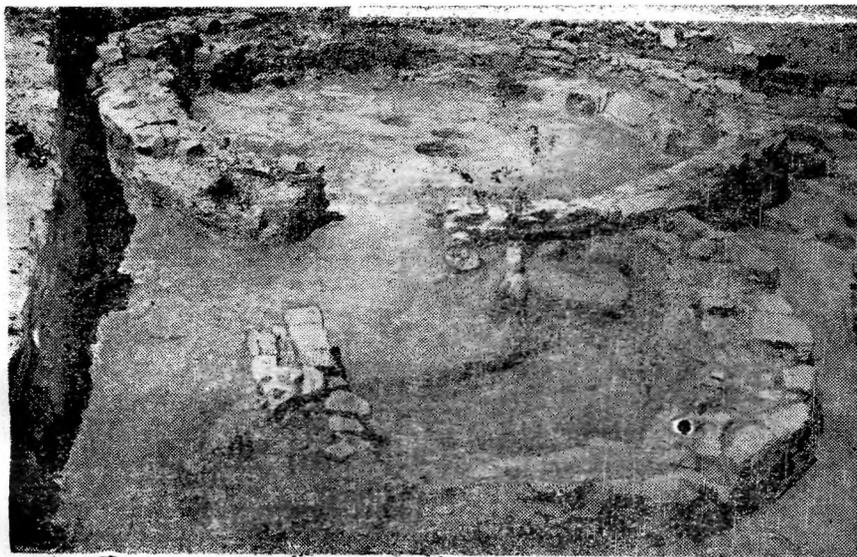
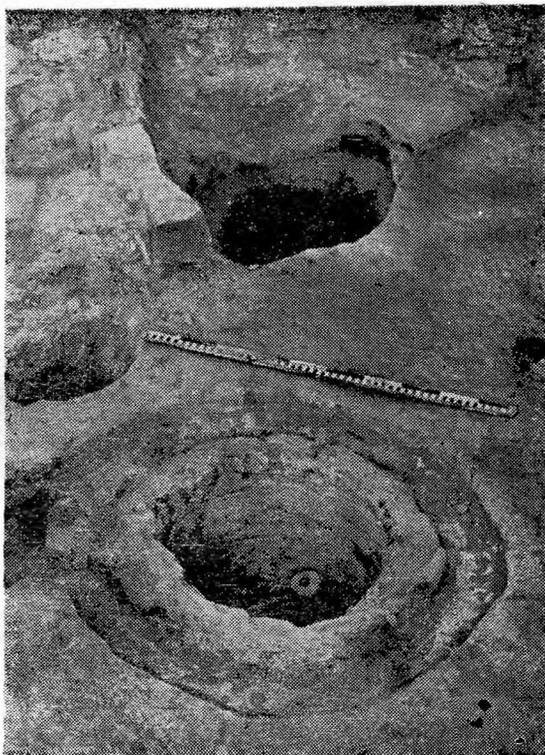

Рис. 42. Остатки круглопланного жилища с пристройкой на Чиркейском поселении

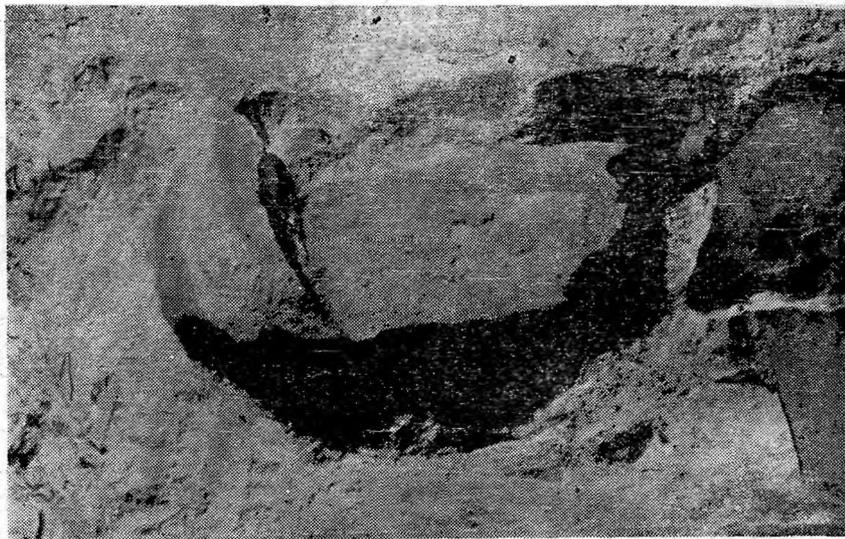

Рис. 43. Двухчастная печь Чиркейского поселения

рий Дагестана, на восточной окраине сел. Мекеги (Левашинский р-н), расположено на левом берегу глубокого каньонообразного ущелья. Оно занимает вершину и восточный склон невысокого продолговатого мыса (500×80 м), огражденного с севера и востока каньонами Мекегинского ущелья, с юга — неглубоким оврагом. Западная сторона полого опускается и завершается крутым склоном. Это придает поселению естественно укрепленный характер. В верхнем горизонте культурного слоя (общая толщина слоя 2 м) обнаружены остатки каменного угловатого сооружения, пристроенного к круглому в плане помещению (рис. 44). В углу пристройки, как и в Чиркее, располагалась двухчастная печь из двух камер, разделенных невысоким бортиком. В нижнем горизонте выявлена часть небольшого круглого помещения диаметром около 4 м с центральным, углубленным в пол круглым очагом (Гаджиев М. Г., 1983а, с. 6—7).

Поселение Галгалатли (Гаджиев М. Г., 1969а; 1983а, с. 31—32, 1971, с. 104—105) находится во внутреннем горном Дагестане, в Андийской котловине. Оно расположено на горе Галгалатли, доминирующей над котловиной. Поселение занимало гребень горы и крутой его склон, обращенный на юго-юго-запад (рис. 45). Исследовано 220 м² его площади, вскрыты остатки семи округлых в плане каменных жилищ (рис. 46). Они расположены тремя горизонтальными рядами, ступенями, возвышавшимися друг над другом (в нижнем и среднем рядах — по три жилища, в верхнем — одно). Дома на крутом склоне (40°) строились, как в Чиркее, на искусственных террасах, наполовину врезанных в склон. От всех построек сохранились только участки дугообразных стен, к которым пристроены лавки, обмазанные глиной. Стены закреплялись с внутренней стороны каменными тумбами — контрфорсами. В

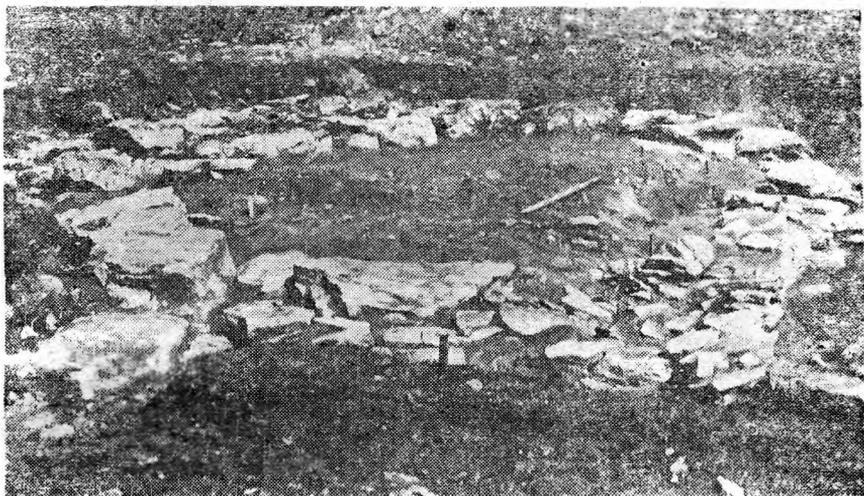

Рис. 44. Остатки круглопланного жилища Мекегинского поселения

каждом доме находился обычный центральный круглый очаг. Остатки обгорелых балок и положение крупных тонких каменных плит над ними в одной из таких построек позволили реконструировать для галгалатлинского дома плоское перекрытие из каменных плит, уложенных на деревянные балки.

Чтобы иметь более полное и конкретное представление о жилой архитектуре поселения, опишем остатки одного из домов, раскопанных в

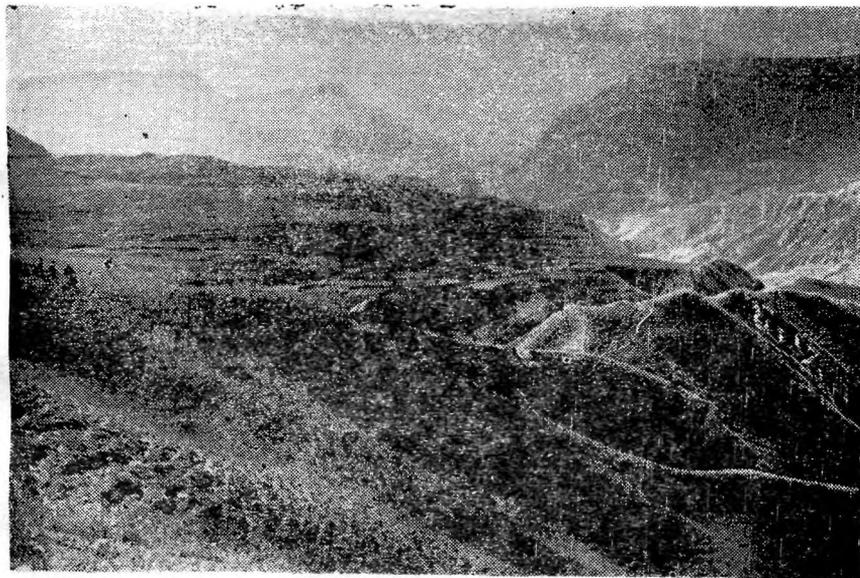

Рис. 45. Общий вид поселения Галгалатли I

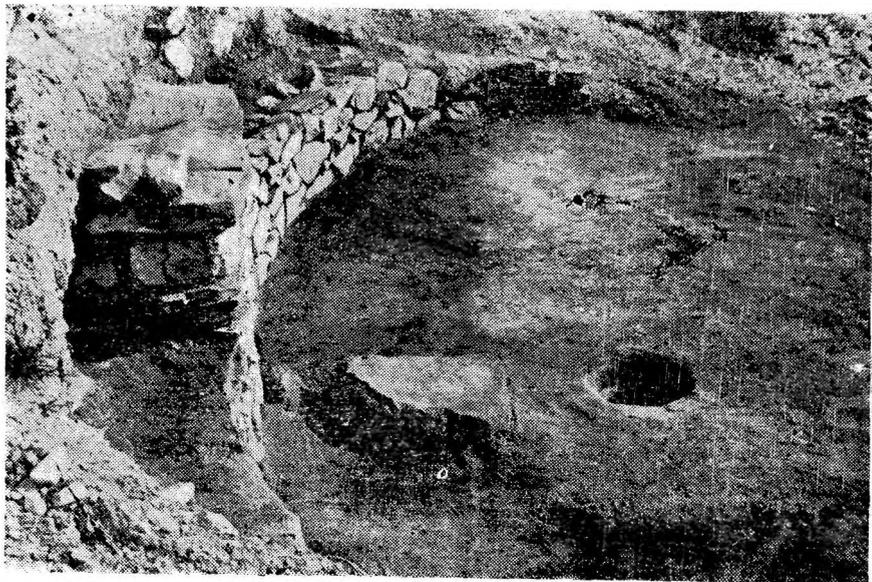

Рис. 46. Остатки круглопланного жилища поселения Галгалатли I

нижнем ряду (рис. 47). От него сохранился участок дугообразной стены протяженностью около 7 м и ограниченная ею часть пола. Диаметр жилища около 6 м, на глубину 2 м оно врезано в склон. Наиболее сохранившийся участок стены достигает 2-метровой высоты. Стена из однорядной кладки хорошо подобранных, иногда обработанных камней, скрепленных глиняным раствором, сложена вплотную к вертикальному срезу склона. С внутренней стороны она укреплена контрфорсом шириной 1 м, выступающим от поверхности стены на 0,4—0,6 м. По обе стороны от него, вдоль дугообразной стены, сооружены обмазанные сверху каменные лавки шириной 0,4—0,7 и высотой 0,4—0,6 м. В южной части помещения к лавке пристроено прямоугольное в плане возвышение длиной 1,5 м, шириной 0,8 и высотой 0,4 м. Сверху оно покрыто плоскими плитами. В центре возвышения находилась яма, заполненная крупно-размолотым зерном, рядом с которой лежала крупная зернотерка. Тут же, на лавке, вдоль стены, встречены развалы крупных тарных сосудов с обуглившимся зерном. Судя по всему, это было специально оборудованное для хозяйственных целей место, где хранились продукты, в частности зерно, производился его размол и готовилась пища. Недалеко от возвышения располагались также вырытые в полу два обычных круглых очага (рис. 47).

Для понимания процесса эволюции горных поселений и жилищ важное значение имеют строительные остатки Сигитминского поселения — небольшого, но единственного раскопанного полностью бытового памятника Дагестана эпохи ранней бронзы (Канивец, Буров, 1956; Канивец, 1957, с. 158—159). Оно находилось на границе предгорий и степей, на правом берегу Сулака, к югу от с. Верхний Чирюрт. Поселение распо-

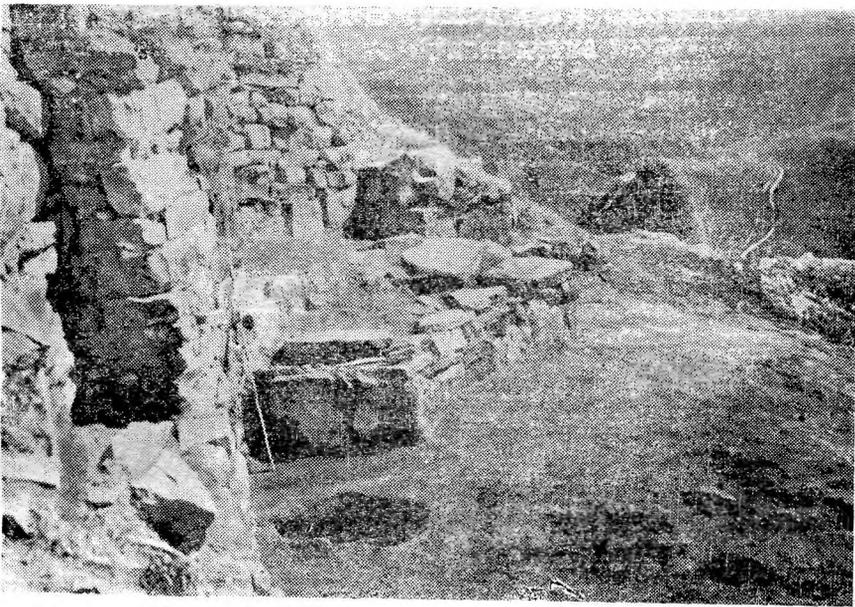

Рис. 47. Остатки круглопланного жилища поселения Галгалатли I

ложено на гребне и северном склоне горы Сигитма и занимает около 500 м². Скалистая гряда почти отвесно обрывается к югу и круто падает к северу. Местность представляет собой хорошо укрепленное природой убежище на труднодоступной скале (рис. 48). По планировке это обычное горное поселение. Строения располагались по склону горы в два ряда таким образом, что верхний ряд ступенчато возвышался над нижним (рис. 49). Верхний ряд состоял из трех жилищ и двух площадок, служивших, по мнению исследователей, основаниями жилищ или легких навесов. В нижнем ряду располагались два жилища. Жилище и площадка являлись смежными и по существу составляли один комплекс. В плане они имели формы, близкие к квадратам с закругленными углами, и в разной степени были углублены в скалу. Входы в жилища, как правило, расположены с южной стороны. Одно из жилищ верхнего ряда было углублено южным краем в скалу на 1 м. В плане оно имело не вполне правильную форму, близкую к квадрату (4,0×3,6 м) с закругленными углами. Стены возведены из камня. Кровля, по-видимому, поддерживалась столбами, закрепленными в углублениях в скале. Внутри жилища находились двухчастная печь и лежанка, высеченная в скале.

Интересен комплекс строительных остатков в верхнем ряду построек. Первоначально помещение занимало скальное углубление неправильнотрапециевидной формы с закругленными углами размером (5,0—4,0)×3,8 м. В нем находились две обычные двухчастные печи с разделенными глиняным бортиком топочными и обжигательными камерами. Позднее помещение было разделено стеной на две части, соединенные дверным проемом. В дальнейшем строение занимало не только углубление, но и

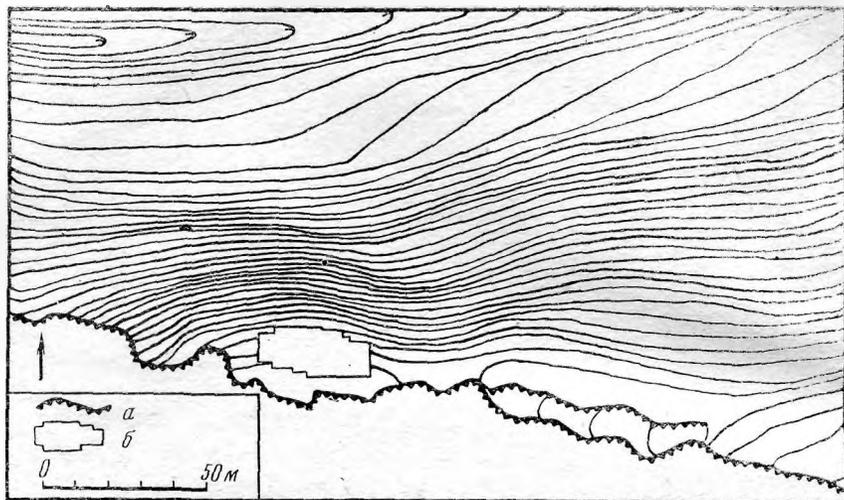

Рис. 48. План Сигитминского поселения
а — обрыв; б — раскоп

прилегающий с востока более высокий участок скалы. В целом комплекс построек состоял уже из двух смежных камер и возвышенного участка скалы, расположенного к востоку от них. В западной камере, в углу, находилась обычная двухчастная печь, а в восточной камере, в центре, — круглый очаг.

Как видим, в архитектурно-планировочном отношении Сигитминское поселение характеризует уже иную строительную традицию, которая отличается от имевшей место на более ранних поселениях горного Дагестана (Мекеги, Галгалатли, Чиркей). Основным конструктивным элементом сигитминского дома являлось сооружение из прямых стен, но с

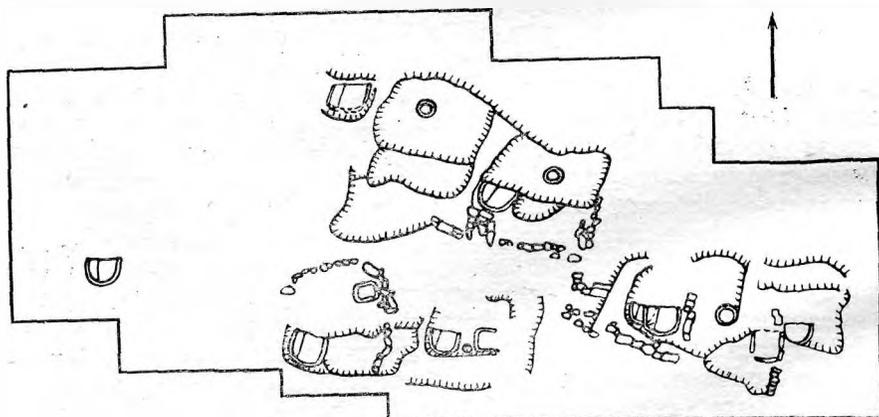

Рис. 49. План раскопа и остатков жилых сооружений Сигитминского поселения

закругленными углами. В жилом помещении обычной становится наземная двухчастная пристенная печь, а центральный, углубленный в пол очаг, характерный для округлых построек, хотя и сохраняется, но теряет свое прежнее значение (на поселении их всего три против 16 двухчастных печей). Но все же на Сигитминском поселении основным типом домостроения первоначально был свободно стоящий дом из жилого помещения и примыкающего к нему дворика-площадки. И только на позднем этапе обживания в результате перестроек впервые в истории архитектуры горного Дагестана появляются смежные двух-трехкамерные постройки.

Поселения и жилища в Приморской низменности

В Приморской низменности известны поселения двух типов: поселения, расположенные на естественных возвышениях, и искусственные холмы-тепе, образовавшиеся в результате длительного накопления больших толщ культурных слоев как следствие постоянного их обживания (Мунчаев, 1961, с. 31—32). Из исследованных здесь поселений к числу первых относятся Геметюбе I, II (Каякентские поселения) и Великент.

Каякентские поселения, находящиеся на правом берегу р. Гамри-озень, в 4 км к востоку от с. Каякент, располагались на террасе: Геме-

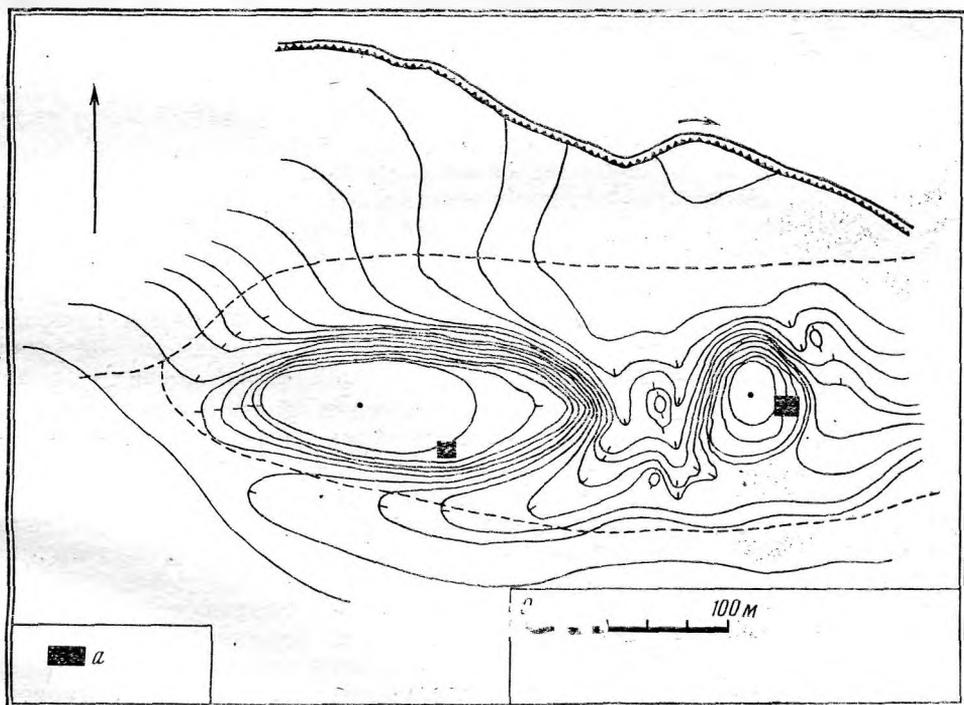

Рис. 50. План поселений Геметюбе I, II

a — раскоп

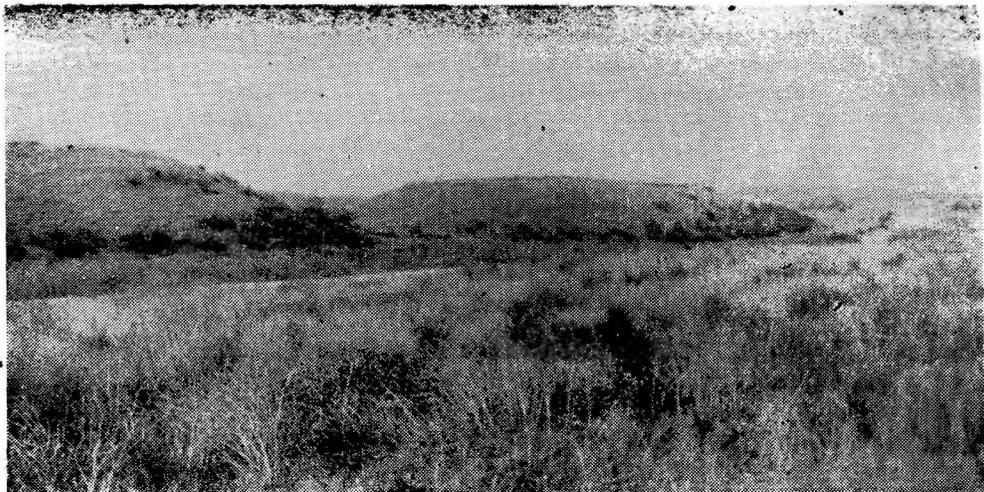

Рис. 51. Общий вид поселений Геметюбе I, II

тюбе I — на продолговатом холме с плоской вершиной (длина 175 м, ширина 50, высота 10 м), а Геметюбе II — на холме округлой формы тоже с плоской вершиной (50×40 м, высота 10 м). Оба холма отделены друг от друга и от окружающей местности (террасы) широкими седловинами, образованными в результате эрозионных процессов (рис. 50 и 51). Значительное поднятие верхних площадок холмов по отношению к террасе, частями которой они являются, объясняется нарастанием культурного слоя. Древнейшие жилые сооружения, выявленные на обоих поселениях, представляли собой углубленные в землю круглые сооружения (полуземлянки). Одно из таких жилищ, исследованных на поселении Геметюбе II, имело округлую форму (3,2×3,4 м) и было углублено в землю на 0,5 м (рис. 57).

Позднее появляются и наземные постройки. На поселении Геметюбе II они имели круглую в плане форму, глинобитные полы и центральные круглые очаги такого же типа, что и в жилищах горной зоны (рис. 57). Стенки жилищ, по-видимому, возводились из дерева и плетня.

Дальнейшее развитие домостроительства в приморском Дагестане характеризуют строительные остатки верхних слоев Геметюбе I и Великентского поселения. Во втором слое Геметюбе I дома строились уже из камня и имели также круглую в плане форму. Такая архитектурная традиция, судя по трем горизонтам перекрывавших друг друга овальных каменных стен на Геметюбе I, существовала здесь на протяжении достаточно длительного времени.

На заключительном этапе функционирования Геметюбе I в развитии архитектуры и строительного дела происходят радикальные перемены. Каменные постройки круглого плана сменяются глубокими землянками прямоугольной формы, вырытыми на глубину всей толщи культурного слоя поселения. Неожиданным является также появление нового строительного материала — сырцового кирпича, совершенно необыч-

ного для местной строительной традиции. Ими обкладывались стенки землянок. Перекрытия подобных сооружений, возможно, опирались на деревянные столбы, устанавливавшиеся по углам (рис. 52). Эти сведения о развитии строительного дела и архитектуры в приморском Дагестане дополняют данные раскопок Великентского поселения, находящегося южнее Каякентских, на окраине с. Великент, в 25 км севернее Дербента. Естественный холм на котором располагалось поселение, образовался на краю древнекаспийской террасы в процессе водной эрозии. Он находится на берегу р. Кубучай, имеет продолговатую форму, вытянутую по линии северо-запад — юго-восток (длина 175 и ширина 150, высота около 10 м) (рис. 53 и 54) Здесь выявлены остатки домостроений и других бытовых сооружений, соответствующих 2-му и верхнему слою Геметюбе I.

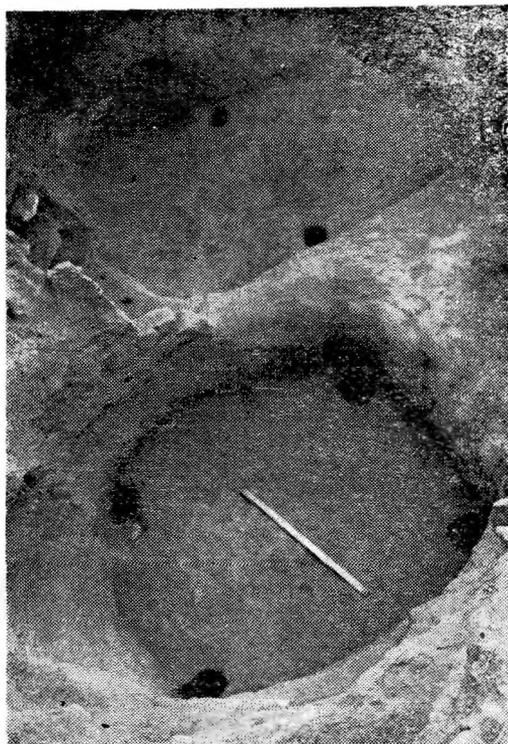

Рис. 52. Землянки поселения Геметюбе I

Для 2-го слоя характерны круглые землянки, вырытые в материковой глине. Выявлены четыре землянки, из которых полностью исследованы две. Диаметр землянки 4 м, глубина 3,5 м, стенки вертикальные. По краю пола землянки симметрично расположены четыре ямки, предназначавшиеся, по-видимому, для закрепления в них подпорных столбов, на которые опирались балки перекрытия (рис. 55).

В верхнем горизонте Великента выявлены несколько необычные бытовые сооружения, непосредственно перекрывавшие землянки. Это многокамерный комплекс, состоящий из трех расположенных в один ряд квадратных помещений со смежными стенками площадью 5—6 м² (рис. 56). Стенки построены из сырцовых кирпичей, камня (речные голыши и использованные зернотерки) и прутьев, обмазанных глиной. Причем несущие стены построены из камня и сырцовых кирпичей, а смежные — из прутьев. Перекрытие состояло из жердей, прутьев, обмазанных толстым слоем глины. Каждая из камер имела отдельный входной проем. Камеры заполнены большим числом пережженных глиняных сосудов, стенки которых также прокалены, исходя из чего они предположительно интерпретируются как гончарные печи. Однако совершенно не исключено, что они являлись хранилищами для готовой гончарной продукции

Рис. 53. План Великентского поселения

- a* — постройки;
- б* — обрыв;
- в* — изгородь;
- г* — раскоп;
- д* — могильник;
- е* — канал

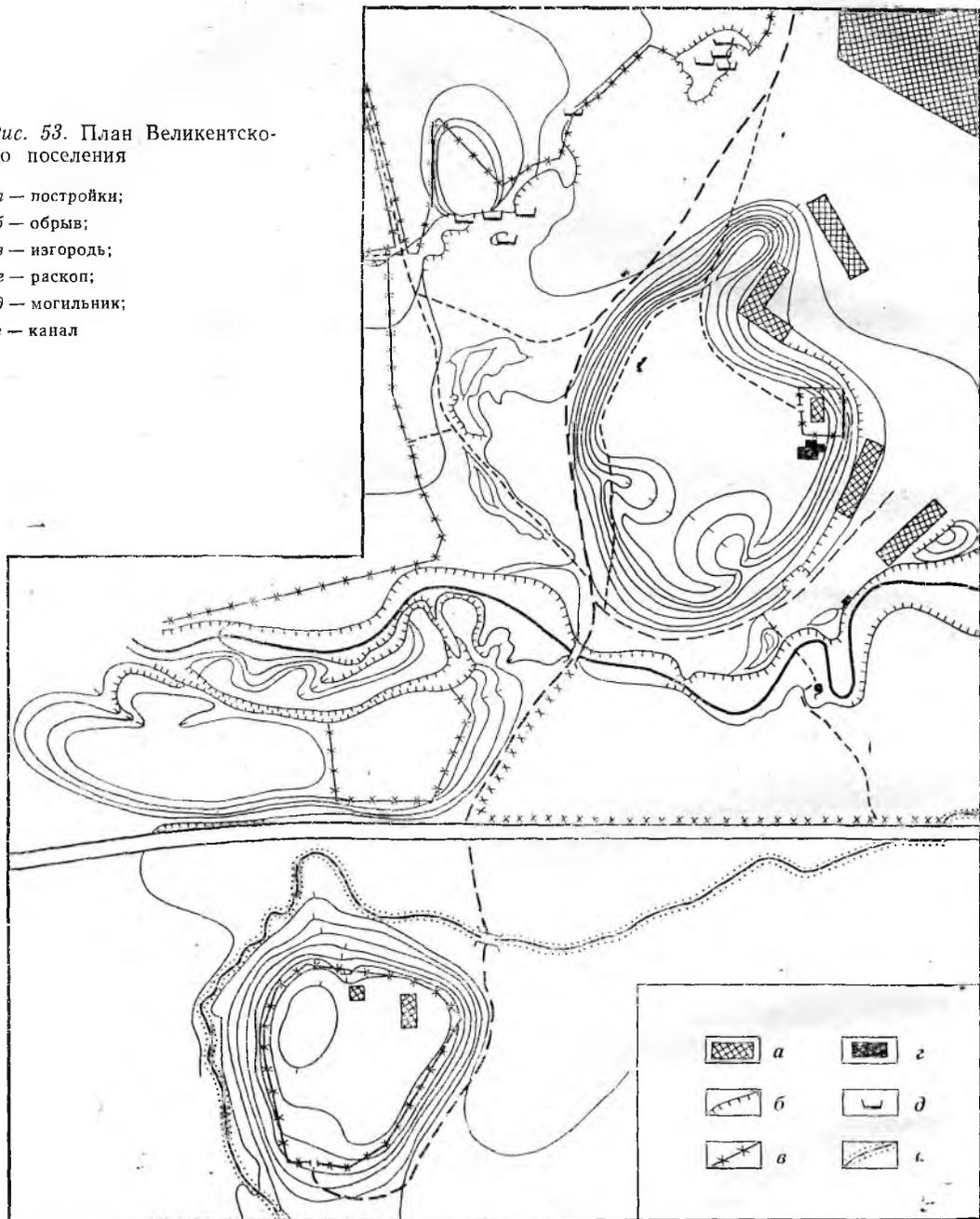

Рис. 54. Общий вид Великентского поселения

или запасов продуктов, зерна. В любом случае важно, что и здесь прослеживается в целом та же линия развития строительного дела и архитектуры, что и в Геметюбе I — от округлых сооружений к прямоугольным с использованием на позднем этапе жизни поселения в качестве строительного материала сырцового кирпича.

О планировке поселений приморского Дагестана ввиду ограниченности вскрытой на них площади (не более 100 м² на каждом поселении) сведений мало. На раннем этапе развития домостроительства, судя по расположению центральных очагов в Геметюбе II в один ряд, здесь, как и в горном Дагестане, дома располагались рядами (рис. 57). Несколько скучены землянки в Великенте, но в верхнем слое постройки здесь также располагались в ряд.

Рис. 55. Землянка Великентского поселения

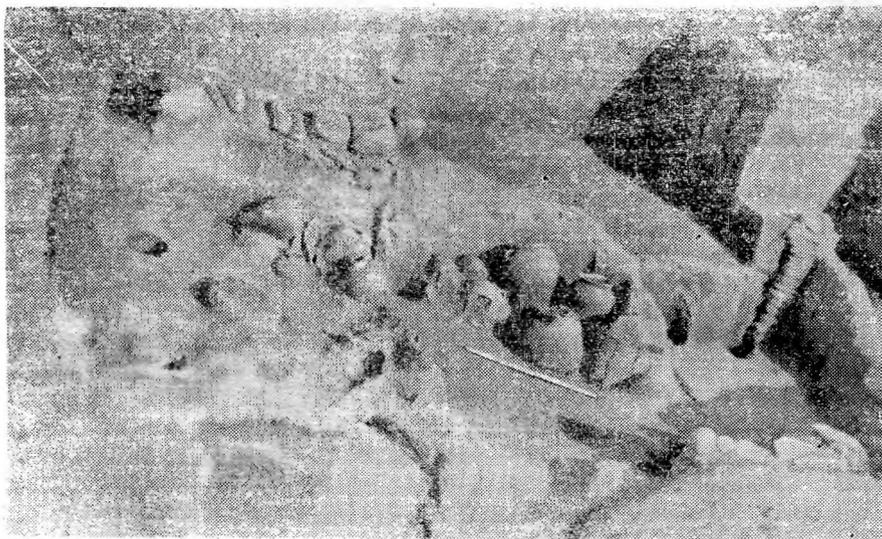

Рис. 56. Остатки многокамерного сооружения Великентского поселения

Таким образом, несмотря на отмеченные локальные особенности, обусловленные характером естественно-географических условий, наличного строительного материала, поселения и жилища горной зоны Северо-Восточного Кавказа и Приморской низменности характеризуют в целом единую линию развития архитектуры и строительного дела в регионе, заключающуюся по существу в смене длительной традиции округлых построек прямоугольными.

Погребальные сооружения

Наши сведения об архитектуре древних поселений и жилищ дополняют данные раскопок могильных сооружений, в древности воспроизводивших формы жилых построек и отражавших характер реально существовавшей жилой архитектуры. В энеолите горного Дагестана людей хоронили на поселениях. В эпоху ранней бронзы появились специальные могильники, вынесенные за пределы поселения.

Одним из ранних является могильник Щебоха, располагавшийся поблизости от поселения Галгалатли I. Одно из погребальных сооружений, исследованных на Щебоха, представляло собой овальный в плане подземный склеп (1,5×2,0 м), стенки которого были облицованы вертикально поставленными тонкими плитами (рис. 58). Склеп служил для многократных захоронений, сопровождавшихся предметами личной принадлежности и разнообразными глиняными сосудами, т. е. «необходимой» для «загробной жизни» утварью. Это соответствовало представлениям древних о смерти, означавшей для них только переход в иной мир. Поэтому покойников не только сопровождали разнообразной утварью, но и сами погребальные сооружения, как свидетельствуют данные могиль-

Рис. 57. Вид на раскоп поселения Геметюбе II

ника Шебоха, строились таким образом, что они в миниатюре воспроизвели реально существовавшие постройки.

Совершенно иную архитектурную традицию отражает погребальное сооружение Гонобского могильника конца эпохи ранней бронзы, располагавшегося поблизости от поселения Гинчи (Котович В. Г., 1961, с. 25). Оно представляло собой слегка углубленное в землю многокамерное прямоугольное сооружение, примыкавшее к основанию скального карниза. Камеры были ограждены невысокими каменными стенками. Каждая из камер, следуя естественному уклону местности, располагалась ниже другой, что придавало сооружению ступенчатый облик. Из четырех квадратных камер две нижние предназначались для коллективных захоронений, а верхние — для разжигания ритуальных костров. Это оригинальное сооружение не имеет прямых аналогов ни в Дагестане, ни на Кавказе в целом. Отличается оно и от склепа Шебоха своей многокамерностью и прямоугольной формой.

Такая трансформация погребальных сооружений горного Дагестана хорошо согласуется с картиной развития жилой архитектуры, обрисованной нами по материалам древних поселений. В силу консервативности, свойственной погребальному обряду, традиция круглопланной архитектуры в нем сохраняется, как об этом свидетельствуют могильники эпохи средней бронзы, значительно дольше, чем в домостроительстве (Гаджиев М. Г., 1969, с. 102—109).

Захоронения в округлых погребальных сооружениях известны и по могильникам эпохи ранней бронзы в приморском Дагестане. Таково одно из погребений Карабудахкентского могильника, совершенное в оваль-

Рис. 58. Остатки круглопланного склепа могильника Шебоха

ной грунтовой могиле (Мунчаев, Смирнов, 1958, с. 147—175). Но особый интерес представляет Великентский катакомбный могильник, синхронный одноименному поселению. Одна из десяти катакомб, исследованных на могильнике (катакомба 8), относится к эпохе ранней бронзы. Катакомбы вырыты в толще глинистого естественного холма, внешние признаки отсутствуют. Дромос катакомбы 8 имеет подквадратную форму. Проем входного лаза арочной формы (ширина 0,50, высота 0,55 м), подошва наклонена в сторону погребальной камеры и обрывается ступенькой высотой 0,35 м. Лаз прикрывался каменной плитой. Сама камера сегментовидной формы размером $3,35 \times 2,95$ м имеет сводчатый потолок с максимальной высотой 1,65 м (рис. 59). В катакомбе зафиксировано 48 захоронений, сопровождавшихся огромным количеством (около 500 экз.) разнообразных глиняных сосудов, характерных (без исключения) для раннего этапа развития культуры бронзового века в приморском Дагестане (рис. 26).

Широкое распространение катакомбного обряда в приморском Дагестане в эпоху бронзы позволяет считать его характерным для обитателей прикаспийских поселений. Катакомбы такой древности не известны в прилегающих к Северо-Восточному Кавказу областях, ни на севере, ни на юге, это заставляет искать иные пути происхождения этого обряда захоронения. Нам представляется, что они могут быть намечены с учетом последних изысканий Р. М. Мунчаева и Н. Я. Мерперта в области истории катакомбного обряда, в связи с открытием древнейших из известных до настоящего времени катакомбных погребений на поселениях халафской культуры в Северной Месопотамии. Очертив широ-

кий ареал катакомбных захоронений в эпоху неолита и в бронзовом веке, включающий Восточное Средиземноморье, средиземноморские острова и европейское побережье, Месопотамию, Иран, Кавказ, Балканы, Восточную Европу, они подчеркивают полицентрический характер возникновения этого обряда даже в пределах Ближнего и Среднего Востока (Мерперт, Мунчаев, 1982, с. 46—49). Касаясь вопроса происхождения подобной традиции в погребальном ритуале самих племен халафской культуры, Н. Я. Мерперт и Р. М. Мунчаев намекают возможную генетическую связь с традиционной халафской формой жилища с купольным перекрытием и входным дромосом (Там же, с. 48).

По-видимому, в таком сопоставлении можно объяснить распространенный в Дагестане в столь глубокой древности обычай хоронить покойников в катакомбах. Ведь катакомбы — это в миниатюре двухкамерные дома, состоящие из прямоугольной передней и округлой в плане погребальной камеры, соединенных между собой входным лазом, что отражает характер древнейшей жилой архитектуры Северо-Восточного Кавказа.

К истории древнейшей архитектуры Северо-Восточного Кавказа

Изложенный фактический материал свидетельствует о существовании на Северо-Восточном Кавказе в эпоху ранней бронзы достаточно развитой строительной традиции, выработанных принципов планировки как отдельных домостроений, так и поселения в целом. Основным элементом этой архитектуры являлось округлое жилое помещение с плоской крышей, опирающейся на центральный столб, с центральным, углубленным в пол круглым очагом и лавкой, расположенной вдоль стены. К таким жилищам со стороны входа пристраивали небольшие передние помещения овальных, угловатых или прямоугольных очертаний. В развитии этой архитектурной традиции поселения эпохи ранней бронзы занимают уже последнюю ступень. Предшествующую ступень характеризует поселение Гинчи, где, правда, круглые постройки сохранились хуже. Начало же этой традиции в горном Дагестане восходит к неолиту (VI тыс. до н. э.), об этом свидетельствуют новейшие исследования Чохского поселения, где в верхнем слое открыто округлое каменное жилище с центральным очагом и входным коридором. Это говорит

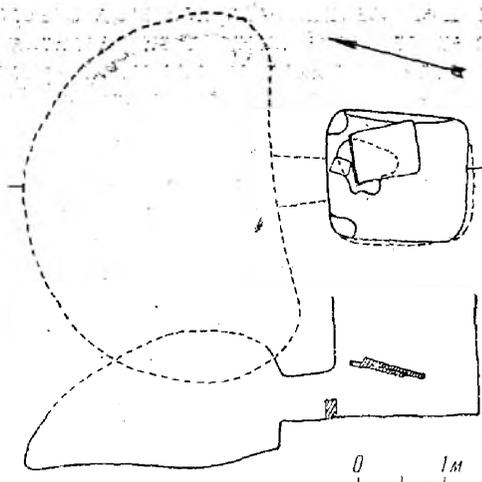

Рис. 59. Катакомба 8 Великентского поселения

о существовании в горной зоне Северо-Восточного Кавказа еще в конце каменного века иного пути развития архитектуры и строительного дела, отличающихся от сырцово-круглопланно-купольной архитектуры шомутепе-шудаверской культуры Центрального и Восточного Закавказья или пещерных жилищ Западного Кавказа. Сказанное характеризует горную зону Северо-Восточного Кавказа как один из очагов сложения, длительного (на протяжении неолита, энеолита, начала бронзового века, VI—III тыс. до н. э.) и стабильного развития архитектуры округлых жилищ и строительной техники, в которой широко используется в качестве строительного материала камень. Эта традиция имела в Дагестане столь глубокие корни, что проникла даже в такую консервативную область культуры, как погребальный обряд. Развитие этой архитектурной традиции на Северо-Восточном Кавказе было прервано в конце эпохи ранней бронзы, когда на смену ей пришла новая архитектурная традиция прямоугольных одиночных и в особенности смежных многокомнатных домов. Начало смены архитектурной традиции фиксирует, как уже указывалось, Сигитминское поселение, где в домостроительстве уже прямоугольного плана сохраняются некоторые черты древней традиции круглопланной архитектуры (закругленные углы комнат, сохранение еще однокомнатного дома с передней — двориком, центрального очага и др.). Завершение процесса сложения новой архитектуры в приморском Дагестане характеризуют верхние горизонты построек на поселениях Геметюбе I, Великент, а в горной зоне — Верхнегунибское поселение с его террасообразно расположенными горизонтальными рядами домов из прямоугольных смежных камер (Котович В. М., 1965, с. 70—78). Смена архитектурной традиции, происходившая в Дагестане в конце эпохи ранней бронзы, отражает одну из сторон сложных этнокультурных процессов, происходивших на Северо-Восточном Кавказе на рубеже эпох ранней и средней бронзы. Эти процессы завершились сложением новых археологических культур, имеющих яркие следы иных культурных традиций.

Однако проблема этим не исчерпывается. Дело в том, что вопрос о взаимоотношении прямоугольных и округлых жилищ далеко выходит за рамки первобытной археологии Северо-Восточного Кавказа. Он является по существу частью общей проблемы становления, развития и взаимоотношения двух архитектурных традиций в обширном кавказско-ближневосточном регионе (Массон, 1964, с. 303—340, 418—423; Джавахишвили А. И., 1973, с. 199—344; Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 143—144, 194—196). Круглопланная архитектура в принципе считается простой, более примитивной по сравнению с прямоугольной и предшествует ей. Первые округлые в плане жилища возникли еще в палеолите, а затем получили распространение в мезолите и раннем неолите, что хорошо известно как на Ближнем Востоке, так и в Европе (Мелларт, 1982, с. 14—40; Рогачев, 1970, с. 64—77; Палеолит СССР, 1984, с. 188—197). Однако, когда полностью осуществился переход к производящему хозяйству, сложилась прочная оседлость, происходит кардинальный перелом и в домостроительстве, что было продиктовано, как считают, «потребностями создания сооружений больших размеров, объединяющих в себе комплексы жилых и хозяйственных помещений», потребностями, появивши-

мися тогда, когда человек от чисто биологических приспособительных форм существования в условиях присваивающего хозяйства переходит к активному взаимодействию со средой и производящему хозяйству (Лапин, 1974, с. 9). Однако процесс перехода к новой архитектуре был весьма сложным и осуществлялся неодновременно. В разных регионах он имел свои особенности и отмечался неоднократно реминисценциями.

Для периода развития раннеземледельческих культур в Передней и Средней Азии А. И. Джавахишвили, специально изучавший проблему древней архитектуры, выделяет крупные области, характеризующиеся определенной строительно-архитектурной традицией (Джавахишвили А. И., 1973, с. 276—371). От Средней Азии и Ирана до Малой Азии вплоть до конца VI тыс. до н. э. господствовала прямоугольная, преимущественно сырцовая архитектура. В Палестине в докерамическом неолите (Иерихон А) продолжалась местная мезолитическая натufийская традиция круглопланной архитектуры, которая вскоре и здесь сменилась прямоугольной.

В Северной Месопотамии традиция прямоугольной сырцовой архитектуры, господствовавшая на раннеземледельческих поселениях в VII—VI тыс. до н. э., в конце VI—V тыс. до н. э. была прервана круглопланной архитектурой халафской культуры (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 141—144, 194—195).

В Иране и на юге Средней Азии развитие единой архитектурной традиции прямоугольного плана было нарушено появлением круглых домов дважды: в Средней Азии — в IV тыс. до н. э. под воздействием убейдской культуры, в Северо-Западном Иране — в III тыс. до н. э. в результате распространения куро-аражской культуры, т. е. оба раза под воздействием внешних факторов (Массон, 1964, с. 418—423; Джавахишвили А. И., 1973, с. 352—353).

В Анатолии до эпохи ранней бронзы была известна архитектура только прямоугольного плана. Одной из важнейших областей, где от неолита до эпохи ранней бронзы господствовала архитектура прямоугольного плана, была Сиро-Киликия. В период распространения халафской культуры в восточной части Сиро-Киликии помимо прямоугольных появляются круглые постройки (Джавахишвили А. И., 1973, с. 313—320).

В Восточном Средиземноморье, как уже отмечалось, мезолитическая традиция круглопланной архитектуры в докерамическом неолите сменилась прямоугольной в результате воздействия, как считается, анатолийской архитектуры (Мелларт, 1982, с. 41). Однако в дальнейшем здесь порой наблюдается возвращение к круглопланной архитектуре. Как отмечает А. И. Джавахишвили, эта устойчивость местной традиции, возникающей при благоприятных условиях, способствовала возрождению данной формы в III тыс. до н. э., в эпоху проникновения в Сирию и Палестину восточно-анатолийских-южнокавказских элементов ранне-бронзовой культуры (Джавахишвили А. И., 1973, с. 348).

Особой областью развития раннеземледельческой архитектуры была также Юго-Восточная Европа. Здесь с VI тыс. до н. э. в архитектуре господствовали прямоугольные дома, стены которых возводились глав-

ным образом из дерева, плетня, обмазанных глиной (Монгайт, 1973, с. 205—247).

Единственной областью в ареале раннеземледельческих культур Евразии, где с самого начала их возникновения, с VI до III тыс. до н. э., стабильно развивалась архитектура округлых жилых построек, было Центральное и Восточное Закавказье (Джавахишвили А. И., 1973, с. 349). Круглый купольный дом из сырцового кирпича являлся единственным типом жилой архитектуры шомутепе-шулаверской культуры. В процессе сложения и развития куро-аракской культуры здесь, по мнению А. И. Джавахишвили, происходит смена строительной традиции и архитектуры. В центральной зоне Южного Кавказа (верхнее и среднее течение р. Кура) она выразилась сначала в появлении новых конструктивных и архитектурных элементов (плоская кровля и стены из плетня, обмазанные глиной), затем — двухэлементного прямоугольного дома с «портиком», а в южной (бассейн р. Аракс) — в образовании смешанного архитектурного типа — круглого здания с прямоугольной пристройкой (Джавахишвили А. И., 1973, с. 351).

Вопрос о связи между древней архитектурой Ближнего Востока и Кавказа уже давно интересует исследователей. Еще на заре изучения куро-аракской культуры Б. А. Куфтин высказал мысль о связи ее архитектуры с средиземноморским культурным миром (Куфтин, 1944а, с. 114; 1948, с. 28—29). На более широком фоне рассматривал вопросы домостроительства куро-аракской культуры О. М. Джапаридзе. Отметив, что для нее наряду с круглыми были характерны и прямоугольные дома, он считает, что на ранней стадии круглые дома предшествовали прямоугольным или сосуществовали с ними, а в период развитой стадии ранней бронзы уступили место прямоугольным (Джапаридзе, 1961, с. 256, 260).

Рассматривая проблемы куро-аракской культуры в связи со специальным исследованием древних поселений Северо-Восточного Кавказа, Р. М. Мунчаев обратил внимание на то, что для юго-западных районов распространения куро-аракской культуры, в отличие от восточных, где известны преимущественно круглые дома, характерны прямоугольные, что еще раз подтверждает факт существования в период развития этой культуры тесных связей Южного Кавказа с Малой Азией и Средиземноморьем (Мунчаев, 1961, с. 152). В. М. Массон, изучая культурно-исторические связи Средней Азии и Древнего Востока, отмечал определенный параллелизм в архитектуре Кавказа и Средней Азии (распространение круглых домов) и допуская, что его можно было бы объяснить общим источником — убейдскими (восходящими к халафским) влияниями на архитектуру столь отдаленных областей, если бы не синхронность убейдской и куро-аракской культур и тяготение последней не к месопотамско-иранскому, а малоазийскому культурному кругу. По его мнению, истоки круглых домов в куро-аракской культуре следует искать в Анатолии, если только эти дома не являются повторением предшествующих круглых в плане строений Закавказья (Массон, 1964, с. 423).

Открытие и широкое исследование в Закавказье в 60-х годах раннеземледельческой шомутепе-шулаверской культуры с ее классической круглопланно-купольной сырцово-глинобитной архитектурой, предшест-

вовавшей куро-аракской, значительно продвинули решение проблемы круглопланных домов и их соотношения с прямоугольными в кавказско-ближневосточной археологии. Однако вопрос о древнейшем источнике круглых домов и взаимосвязи ранней круглопланной архитектуры Восточного Средиземноморья, Северной Месопотамии и Южного Кавказа окончательного решения еще не получил. К. Х. Кушнарева и Т. Н. Чубинишвили, исходя из того, что уже в древнейшем энеолитическом слое Кюль-тепе у Нахичевани сосуществовали круглые и прямоугольные постройки, ставили вопрос о возможном заимствовании племенами Южного Кавказа древних архитектурных традиций, складывавшихся «скорее всего, под влиянием месопотамских центров, где в V—IV тыс. до н. э. встречаются одновременно круглые (Арпачия, Гавра) и прямоугольные (Хассуна, Гавра, Матарра) постройки» (Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 99).

Наиболее полно эти вопросы исследованы А. И. Джавахишвили. Определив главные области строительной-архитектурной традиции Ближнего Востока, он заключает, что в VI тыс. до н. э., когда там еще господствовали прямоугольные здания, на Южном Кавказе складывается позднеэнеолитическая — энеолитическая шомутепе-шулаверская культура с присущей ей круглопланно-купольной сырцово-архитектурой, прочно укоренившейся здесь в продолжение почти двух тысячелетий. Он особо подчеркивает, что ни в одной из раннеземледельческих культур Ближнего Востока круглопланно-купольная архитектура не имеет столь органически цельного характера, как на Южном Кавказе, где нет даже намека на знакомство с постройками прямоугольного плана, что она имеет здесь глубоко местные корни и генетически не может быть увязана с какой-либо строительной традицией Передней Азии (Джавахишвили А. И., 1973, с. 349).

В период расцвета шомутепе-шулаверской культуры в архитектурной традиции Северной Месопотамии происходят резкие изменения, выразившиеся в неожиданном появлении и временном распространении здесь построек круглого плана халафской культуры. Правомерен вопрос: не с Кавказом ли связано распространение в Северной Месопотамии, чуждой среде архитектурной традиции прямоугольного плана, округлых купольных построек, так же как их временное появление в дальнейшем (III тыс. до н. э.) в Северо-Западном Иране (Приурмийский район) и Восточном Средиземноморье в периоды расцвета и территориальной экспансии куро-аракской культуры? (Джавахишвили А. И., 1973, с. 350, 352, 353).

Однако, как считают Р. М. Мунчаев и Н. Я. Мерперт, круглопланная архитектура в южнокавказском двуречье могла появиться и в результате влияния строительной традиции Ближнего Востока, в частности халафской, тем более, что материалами архитектуры не исчерпываются возможности сопоставления древностей Южного Кавказа и Северной Месопотамии. Они указывают на наиболее показательную группу находок — керамику, свидетельствующую о халафском влиянии на культуру энеолитического населения Закавказья. Но, может быть, ставят вопрос исследователи, «развитие и в Закавказье, и в Северной Месопотамии построек круглого плана связано со строительной-архитектур-

ной традицией какой-то третьей, неизвестной области» (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 195—196).

Дальнейшая история архитектуры в Закавказье представляется более определенно. Появившиеся в Закавказье в конце IV — на рубеже IV—III тыс. до н. э. новые конструктивные и архитектурные элементы (плоская балочно-земляная кровля, опирающаяся на центральный столб, армированная деревянно-плетеным каркасом глиняная стена, а затем — прямоугольное здание с «портиком») привели к смене классической круглопланно-купольной архитектуры прямоугольной или прямоугольно-круглопланной, что, по мнению А. И. Джавахишвили, может быть связано с малоазийской традицией (Джавахишвили А. И., 1973, с. 351, 364—371).

В свете сказанного строительное дело и архитектура поселений горного Дагестана предстают перед нами как весьма самобытное явление. Будучи на Кавказе одной из важнейших областей круглопланной архитектурной традиции, горный Дагестан характеризует ее своеобразное локальное развитие. С возникновением и становлением архитектуры дома здесь, судя по неолитическому Чоху, представляли собой округлые постройки с центральным углубленным очагом, входным коридором и плоской крышей. Стены их возводились из необработанного камня, сложенного довольно искусно сухой кладкой. И в архитектурно-планировочном отношении, и в строительной технике чохские дома достаточно резко контрастируют с округло-купольными ульеобразными сырцовыми домами шумутепе-шулаверской культуры.

Истоки круглопланной архитектурной традиции и каменной строительной техники поселений горного Дагестана эпохи ранней бронзы, как видно, восходят к этой местной неолитической архитектуре. Стабильно развиваясь на протяжении почти трех с половиной тысячелетий, данная архитектура полностью определила облик древнейших поселений Северо-Восточного Кавказа и была сменена новой архитектурной формой лишь на рубеже эпохи ранней и средней бронзы. Причины смены традиции круглопланной архитектуры прямоугольной на Северо-Восточном Кавказе не совсем ясны. Быть может, в этом следует видеть отражение аналогичных процессов, происходивших на Южном Кавказе в период сложения куро-аракской культуры, когда, по мнению ряда исследователей, под воздействием малоазийского культурного мира круглопланно-купольная архитектура шумутепе-шулаверской культуры была сменена архитектурой прямоугольного плана. Вполне вероятно, что сложение на Северо-Восточном Кавказе новой архитектуры связано с Закавказьем, где прямоугольная планировка господствовала в западном ареале куро-аракской культуры. В пользу этого говорит также появление в приморском Дагестане одновременно с новой архитектурой нового строительного материала — сырцового кирпича, широко распространенного на юге, но совершенно чуждого для Северо-Восточного Кавказа и прилегающих к нему областей Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы.

3. Земледельческо-скотоводческое хозяйство и древние производства

Рост населения, увеличение его плотности привели к распространению производящего хозяйства по вертикали, с долин на высокогорья, освоению высокогорий и постепенному заселению их земледельческо-скотоводческим населением. Одновременно шел также процесс земледельческого освоения Приморской низменности. Основой оседлого быта жителей долговременных поселений как горной зоны, так и Приморской низменности было земледельческо-скотоводческое хозяйство.

Земледелие и скотоводство

Процесс расселения земледельческо-скотоводческого населения и освоения им новых территорий сопровождался расширением площадей земледельческих угодий. В горной зоне это происходило первоначально за счет освоения плоскогорий, а затем пологих и более крутых склонов. Земледельческому освоению горных склонов благоприятствовали, с одной стороны, преимущественно богарный характер горного земледелия, не требующего больших затрат труда на строительство ирригационных сооружений, а с другой — применение для обработки почв наряду с мотыгами еще, возможно, и примитивных пахотных орудий (сохи) с использованием тягловой силы животных (**Котович В. Г.**, 1965, с. 8—10). Вместе с тем не следует особенно преувеличивать роль деревянной сохи при освоении под посевы новых площадей. Сохой обычно вспахивают только культурные почвы и, как правило, после предварительной их обработки с помощью мотыги.

Как известно, горный Дагестан является одним из мировых очагов террасного земледелия. Важным этапом в его становлении явилась земледельческая деятельность населения бронзового века. Создание искусственных земледельческих террас происходило постепенно, в ходе длительной и целенаправленной обработки пологих склонов гор. Земледельческие террасы совершенно изменили первоначальный геоморфологический облик гор. Террасы выглядят как гигантские лестницы, поднимающиеся по склонам гор и постепенно сужающиеся по мере увеличения крутизны склона. Они производят неизгладимое впечатление на всех, кто первый раз знакомится с ними. **Н. И. Вавилов** писал: «В Перу, Боливии и у нас в Дагестане можно видеть интенсивную террасную культуру, идеальное использование для культуры рельефа гор, максимальное использование каждой пяди земли для земледелия. Можно учиться умению рационально использовать каждый клочок ценной земли. В Дагестане, около Ботлиха, можно видеть изумительное террасное земледелие, расположенное многими десятками этажей применительно к рельефу, огромными амфитеатрами. Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в горном Дагестане» (**Вавилов**, 1936, с. 80).

Широко бытует представление о земледельческих террасах Дагестана как о творениях одновременного приложения труда большого коллектива. Однако оно верно лишь по отношению к небольшим по площади и узким террасам с подпорными стенами, которые действительно

сооружались за короткий промежуток времени. Подобные террасы составляли в Дагестане небольшой процент и не играли сколько-нибудь существенной роли в экономическом потенциале зернового хозяйства. Основную массу пахотных земель составляли террасы без подпорных стен, террасы с межевыми откосами. Этнографическое изучение этого типа террас показало, что они образовались не в результате одновременного приложения большого труда, а вследствие постоянной, многовековой и целенаправленной обработки пологих горных склонов (Агла-ров, 1964, с. 184).

Начало становления искусственных земледельческих террас принято относить к эпохе бронзы, т. е. к тому времени, когда в горном Дагестане, вероятно, были исчерпаны ресурсы речных террас и естественно выровненных участков и постоянно возрастающее население вынуждено было осваивать под земледелие горные склоны (Котович В. Г., 1965, с. 11; Агла-ров, 1964, с. 184; Котович В. М., 1965, с. 217). Существование искусственных земледельческих террас уже в эпоху бронзы подтверждают некоторые данные археологии. Так, например, раскопки двух земледельческих террас около Верхнегунибского поселения эпохи бронзы выявили на глубине 1 м погребенные гумусные слои с керамикой, характерной для этого поселения (Котович В. М., 1965, с. 216). На искусственных земледельческих террасах располагались склепы эпохи средней бронзы у с. Чох Гунибского района (Мунчаев, 1958, с. 43—44).

Глубокую древность террасного земледелия в горном Дагестане подтверждает еще один любопытный факт. Сравнение данных археологии и степени интенсивности террасных полей в горном Дагестане показывает, что наиболее интенсивно террасированы те районы, которые были заселены с глубокой древности и где оседлая жизнь земледельцев восходит ко времени не позднее эпохи ранней бронзы. В районах же, прилегающих к Главному Кавказскому хребту, где в древности не зафиксирована сколько-нибудь интенсивная оседлая жизнь, основанная на земледелии, террасы так и не сложились, хотя и здесь практикуется земледелие на горных склонах.

Данные археологии полностью подтверждают взгляды Н. И. Вавилова, считавшего Дагестан одним из древнейших очагов террасного земледелия. Оно оказало в дальнейшем значительное влияние на аграрные отношения горцев, способствовало ускорению процесса парцелляризации хозяйства, раннему становлению собственности на землю (Агла-ров, 1964, с. 186—192). Однако надо иметь в виду, что для рассматриваемого времени речь может идти только о начале становления террас. История террасного земледелия была весьма длительной и завершилась значительно позднее, в эпоху средневековья.

По мере продвижения земледелия по вертикали крупные оседлые поселения возникали на крутых склонах высокогорий, на высоких горных плато и гребне гор, на высоте 1800—2000 м (Галгалатли I, Анди, Верхний Гуниб). Основными зерновыми культурами были ячмень и пшеница, реже — полба. Посевы пшеницы и ячменя в Дагестане доходят до высоты 2500 м над уровнем моря. Это объясняется тем, что благодаря длительному отбору здесь выработались особые эндемичные сорта пше-

ницы и ячменя, отличающиеся скороспелостью и укладываемые в своем цикле развития в короткое лето (Вавилов, 1936, с. 75).

К эпохе бронзы относятся археологические данные и о развитии садоводства (находки фруктовых косточек на поселениях Чиркей и Ирганай) (Атаев, Погребова, 1973, с. 34).

Значительные изменения произошли и в технике ведения земледельческого хозяйства. В бронзовом веке, судя по ряду косвенных данных, обработка земли производилась не только мотыгами, но и примитивными пахотными орудиями (Котович В. Г., 1965, с. 8—10). Жатву вели более производительными по сравнению с прямыми жатвенными орудиями изогнутыми серпами, оснащенными кремневыми вкладышами с зубчатыми краями. Возможно, были известны, как и в Закавказье, металлические серпы (Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 126—127). Фиксируемый для этого времени высокий уровень развития металлопроизводства допускает такую возможность. Обращает внимание, что в явно земледельческом поселке Галгалатли I совершенно не встречено кремневых вкладышей серпов и вместе с тем у обитателей поселения было высоко развито бронзолитейное дело (находки литейной формы для топора, зубчатого ножа, тесла).

Применение в земледелии пахотных орудий, новых типов серпов повысило производительность труда. Наблюдается заметный подъем зернового хозяйства. Забота о хранении зерна становится важнейшей чертой быта. Появляются зернохранилища в виде глубоких ям, а также очень крупные сосуды, которые вкапывались в землю и имели под венчиком пару отверстий для вентиляции. В больших глиняных сосудах в одном из помещений Галгалатли I обнаружено более 15 кг обуглившегося зерна. Ямы с остатками обуглившегося зерна выявлены на Чиркейском поселении. Размол зерна производился на традиционных зернотерках. До размола его обсушивали или обжаривали в специальных двухчастных печах, служивших одновременно и для выпечки хлеба.

Интенсивное развитие в условиях богары террасного земледелия, составлявшего экономическую основу оседлых поселений, было одновременно одним из важнейших условий стабильного обживания горной зоны Северо-Восточного Кавказа.

В неразрывной связи с земледелием развивалась и вторая ведущая отрасль производящего хозяйства — скотоводство. Анализ остеологических материалов из разновременных поселений бронзового века документирует неуклонный процесс вытеснения охоты скотоводством. Доля охотничьего промысла в мясном рационе в бронзовом веке уменьшается до 10% (30% в позднем Гинчи). Состав стад оставался прежним, но изменилось соотношение различных животных. При этом в оседлых поселениях соотношение крупного и мелкого рогатого скота было в пределах 1:3; 1:1,5 (Верхний Гуниб, Ирганай), а в сезонных 1:5 (Чинна). Сохраняется в основном прежняя форма ведения скотоводческого хозяйства. Наряду с оседлыми поселениями были распространены возникшие еще в энеолите сезонные поселения без жилой архитектуры, расположенные высоко в горах, под скальными навесами (Чинна), у входа в пещеры (Чирката) (Исаков, 1961, с. 250—253), на вершинах и склонах гор (Ашали). Это были временные отселки оседлых поселений. В зим-

нее время года, что засвидетельствовано этнографически, скот содержался, вероятно, на южных склонах гор и на пахотных участках вблизи от оседлых поселений, а летом преимущественно мелкий и частично крупный рогатый скот перегонялся на альпийские пастбища, где существовали сезонные поселения. При этом в качестве транспорта и для осуществления связей в бронзовом веке уже использовались лошади, а для охраны стад — собаки. Эта форма отгонного скотоводства, в отличие от развитой формы полукочевого, так называемого яйлажного скотоводства, характерного для других областей Кавказа (Пиотровский, 1955а, с. 6; Крупнов, 1957, с. 83), осуществлялась в пределах сравнительно небольших территорий и сохранилась в горном Дагестане по сей день (Османов, 1984). В некоторых районах внутреннего Дагестана (Верхнегунибское плато) в эпоху бронзы получила развитие оседлая горностабиональная форма скотоводства (Котович В. М., 1965, с. 217—221).

Отличительной особенностью хозяйства населения внутреннего Дагестана в эпоху бронзы являлось органическое единство земледелия и скотоводства, дополняющих друг друга, их равномерное развитие. В этом отношении внутренний Дагестан отличается от Передней и Средней Азии, где преобладает орошаемое земледелие, а также от Закавказья и других областей Северного Кавказа, где в эпоху бронзы получает развитие яйлажное скотоводство.

Этот тип производящего хозяйства, реконструируемый на основе данных археологии для внутреннего горного Дагестана, без учета конкретных природно-географических условий не может быть механически перенесен на всю территорию Северо-Восточного Кавказа. Реальная картина хозяйственной деятельности населения в древности, очевидно, была намного сложнее. Так, к концу эпохи ранней бронзы в жаркой Приморской низменности и на прилегающих к ней предгорьях, где без применения искусственного орошения нельзя было уже заниматься земледелием в сколько-нибудь широких масштабах, развитие хозяйства, видимо, рано приняло преимущественно скотоводческое направление. Скотоводческому хозяйству еще более благоприятствовал район высокогорного Дагестана, прилегающий к Главному Кавказскому хребту. Здесь в более широких масштабах, чем во внутреннем Дагестане, возможно, практиковалась и отгонная форма скотоводства с далекими перегонами скота.

Древние производства

Разнообразные отрасли древнего производства, хотя и находились вне сферы непосредственного производства продуктов питания, занимали исключительно важное место в экономике древних и приобретали все большее значение по мере развития общества. Хорошо известно, что металлопроизводство, гончарное дело и некоторые другие отрасли древних производств довольно рано переросли из домашних промыслов в самостоятельные отрасли экономики, удовлетворявшие первоначально потребности общины, а со временем, отделившись от земледелия, превратились в специализированные ремесла, что было оценено Ф. Энгель-

сом как крупное общественное разделение труда (Энгельс, с. 163). Имеющиеся материалы позволяют характеризовать уровень развития лишь некоторых древних производств Северо-Восточного Кавказа, определить ассортимент и типологические особенности их продукции.

Обработка камня

Переход от каменного века к бронзовому сопровождался глубокими переменами в развитии производительных сил первобытного общества. Камень, который на протяжении длительного периода истории общества служил человеку основным сырьем для изготовления орудий труда, предметов вооружения, уступает место новому поделочному материалу, наступает эпоха металлов. Однако процесс этот был весьма длительным. На протяжении многих сотен лет камень продолжал успешно соперничать с металлом. Он выдерживал эту конкуренцию до тех пор, пока в результате технического прогресса в области металлопроизводства не были выработаны специальные приемы закаливания меди с целью повышения ее твердости или же не был открыт искусственный металл — бронза и в конечном итоге не было достигнуто преимущество металла перед кремнем, обсидианом и другими породами камня, использовавшимися для изготовления орудий труда. Переход от энеолита к эпохе ранней бронзы сопровождался определенной деградацией кремневой индустрии, выразившейся в упадке техники пластинчатого скола, преобладании отщепов над пластинами в качестве заготовок для орудий, резком сокращении набора изделий из кремня и, наконец, что особенно важно, появлением новой техники обработки кремня — техники двусторонней ретуши, которая давала возможность изготавливать разнообразные орудия не только из пластин, но и из отщепов. Сами пластины и изготовленные из них с помощью краевой ретуши орудия в эпоху бронзы встречаются очень редко. Так, например, на Каякентском поселении Геметюбе II на площади 100 м² обнаружены лишь две кремневые пластины, в то время когда кремневые вкладыши серпов, изготовленные путем двусторонней ретуши, представлены здесь десятками экземпляров (рис. 60, 7—9, 12—18). Среди кремневых орудий в эпоху ранней бронзы основными изделиями были вкладыши серпов и наконечники стрел, которые сменились металлическими только с широким освоением железа.

Основная масса **кремневых вкладышей серпов** происходит из каякентских поселений Геметюбе I, II и Великента, единичные находки известны также из поселений Мекеги, Сигитма, Чиркей.

Вкладыши представлены двумя формами: концевыми и срединными. Концевые вкладыши имеют удлиненную треугольную, клювовидную форму, а срединные — прямоугольную. По характеру ретуши на рабочих краях они подразделяются на два подтипа: с зубчатым лезвием и более ровным лезвием. Подобными вкладышами оснащались прогрессивные серпы изогнутой формы, которые в эпоху бронзы получили широкое распространение, хотя в это время в Закавказье были хорошо известны бронзовые серпы.

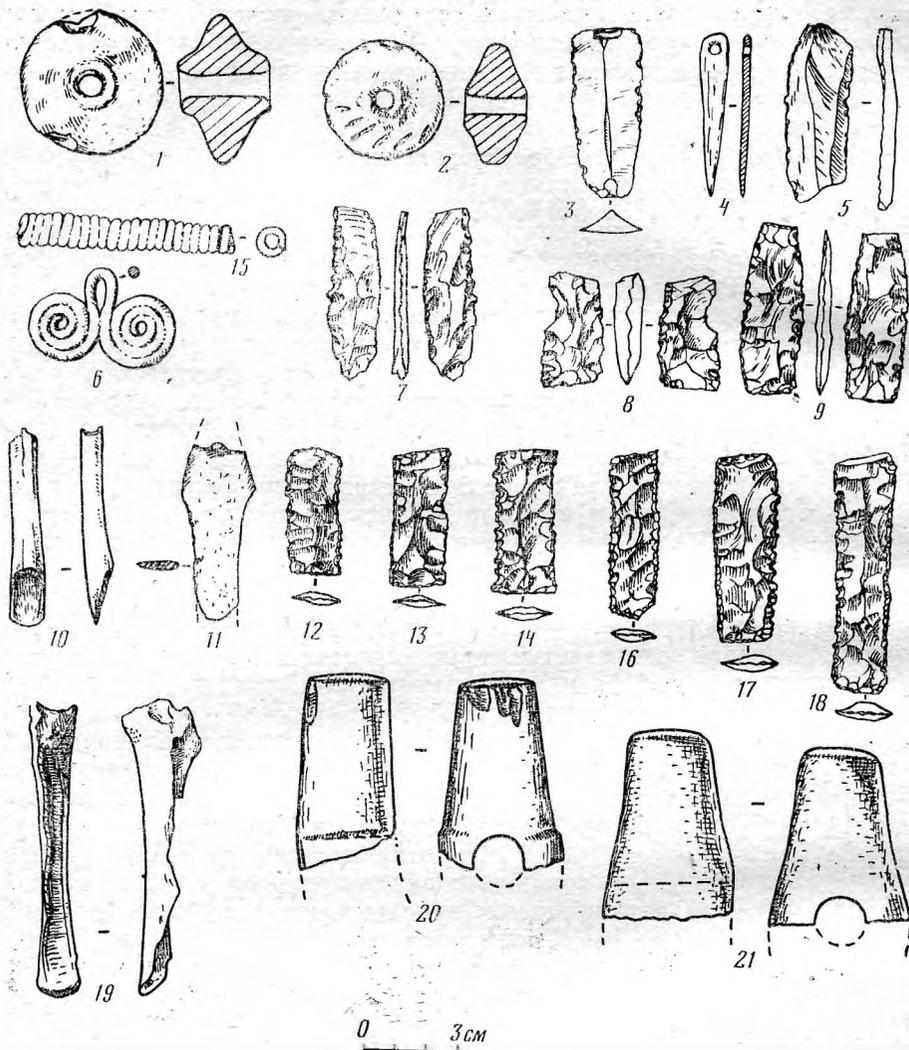

Рис. 60. Инвентарь поселения Геметубе II
 1, 2 — глиняные колесики; 3, 5 — кремневые пластины; 7—9, 12—14, 16—18 — вкладыши серпов;
 4 — костяная игла; 10, 19 — изделия из кости; 6, 11, 15 — металлические изделия; 20, 21 — обломки каменных топоров

Чем же объяснить, что кривые серпы с кремневыми вкладышами сохранялись столь длительное время и были заменены металлическими только с широким распространением железа?

Причину этого явления объясняют экспериментально-трасологические исследования древних каменных жатвенных орудий, проведенные специальными экспедициями лаборатории археологической технологии

ЛОИА АН СССР под руководством Г. Ф. Коробковой. В ходе экспериментов была исследована производительность разнообразных серпов, сделанных по образцам древних жатвенных орудий VI—III тыс. до н. э. При этом разными орудиями была сделана жатва древних сортов пшеницы в течение определенного времени. Опыты еще раз подтвердили высокую производительность трипольского, шомутепинского, халафского, позднейшейтунского жатвенных орудий, уступающих своей продуктивностью лишь в два раза современным металлическим серпам (Коробкова, 1977, с. 455—456). Выявлена следующая производительность разных жатвенных орудий: жатвенного ножа раннейшейтунского типа — 0,5 м² посева за одну минуту, однопластинчатого серпа с вкладышем, поставленным в основу под углом, — 0,7, позднейшейтунского, ранне-трипольского и шомутепинского с зубчатым лезвием — 0,9—1,1, позднетрипольского из одной крупной пластины, вставленной в оправу изогнутой формы, — 1,4, современного металлического ножа — 1,7 м² (Коробкова, 1975б, с. 439—440). Изогнутые многовкладышевые серпы, особенно оснащенные зубчатыми вкладышами, являются, вероятно, более производительными по сравнению с указанными позднетрипольскими серпами. Все это хорошо объясняет то, что даже в условиях широкого распространения бронзовых серпов кремневые вкладышевые серпы успешно выдерживали конкуренцию с металлическими и были заменены окончательно только железными.

К такой же чрезвычайно устойчивой категории кремневых изделий относятся и **наконечники стрел**. На Северо-Восточном Кавказе Р. М. Мунчаев выделил несколько их разновидностей: треугольные или подтреугольные с незначительной выемкой в основании и такие же с более глубокой выемкой, обработанной отжимной двусторонней ретушью, треугольные с прямым основанием, треугольные с асимметричной выемкой, треугольные миниатюрные с краевой ретушью. При этом он обратил внимание на то, что в эпоху ранней бронзы здесь не встречаются наконечники стрел с черешком, которые хорошо известны в Закавказье наряду с бесчерешковыми, выемчатыми (Мунчаев, 1961, с. 64—66; 1975, с. 350). Черешковые наконечники стрел получили распространение в конце эпохи ранней — начале средней бронзы (Гоно, Верхний Гуниб, Усиша) (Котович В. Г., 1961, рис. 18, 1, 2; Котович В. М., 1965, с. 125—128). Новые материалы дополняют эту классификацию еще двумя типами: треугольными наконечниками стрел с глубокими выемками из великентских землянок и асимметричными, флажковидными, два экземпляра которых происходят из Чиркея (рис. 34, 7, 8).

Касаясь вопроса происхождения кремневых наконечников стрел в раннебронзовых комплексах Северо-Восточного Кавказа, к которому уже обращались исследователи (Формозов, 1965, с. 142; Котович В. М., 1965, с. 131), следует иметь в виду, что для кавказских энеолитических культур, как и вообще раннеземледельческих культур, наконечники стрел совершенно не характерны. Вероятно, как и на Ближнем Востоке, на Кавказе они заменялись прашевыми камнями. Вместе с тем наконечники стрел были широко распространены в более северных областях со скотоводческим и охотничье-собираТЕЛЬСКИМ укладом. Сравнительно позднее появление в ареале раннеземледельческих культур Кав-

каза, в частности в областях распространения раннебронзовой куро-аракской культуры, кремневых наконечников стрел, совершенно неизвестных здесь в предшествующую эпоху энеолита, очевидно, следует связать не с югом (**Котович В. М.**, 1965, с. 131), а, наоборот, с севером. Широкое распространение наконечников стрел на Восточном Кавказе, по-видимому, является одним из проявлений культурно-исторических взаимодействий двух различных по своему хозяйственному и культурному укладу миров: подвидного-скотоводческого севера и оседло-земледельческого юга. При определении непосредственного источника, откуда первоначально могли проникать на Кавказ разнообразные кремневые наконечники стрел с двусторонней обработкой, важное значение, на наш взгляд, имеют находки в различных культурах юга Восточной Европы двусторонне обработанных изящных кремневых наконечников стрел треугольной формы с плоским и выемчатым основанием (**Васильев**, 1981, табл. 10, 20, 21, 22, 26, 27; **Телегин**, 1973, рис. 39, 61; **Матюшин**, 1982, табл. 49, 62, 74). Степное влияние на Кавказ хорошо прослеживается со времени Нальчикского могильника (**Круглов, Пиотровский, Подгаецкий**, 1941, с. 128—130), а носители древнейшей культуры неоднократно вклинивались в кавказскую этнокультурную среду (**Мерперт**, 1974, рис. 1; 1980, с. 65—90).

Интересны в этом же плане и наконечники стрел, асимметричные или флажковидные, найденные на дагестанских поселениях раннебронзового века. Всего обнаружено три экземпляра. Один происходит из старых сборов с Великентского поселения, сделан из темно-серого кремня, имеет плоское основание и асимметричную форму, по краям с двух сторон обработан мелкой ретушью (**Мунчаев**, 1961, с. 65). Два треугольных асимметричных наконечника стрел найдены на Чиркейском поселении. Они также изготовлены из качественного серого кремня, поверхности их обработаны тонкой отжимной ретушью. Такие наконечники известны из Долинского и Лугового поселений (**Круглов, Подгаецкий**, 1941, с. 176; **Мунчаев**, 1975, с. 350), кургана у станицы Новосвободной (**Попова**, 1963, с. 39), а также как случайные находки и в других пунктах Кавказа (**Иессен**, 1950, с. 164, 171). Но если на Кавказе асимметричные наконечники стрел встречаются единицами, то в более северных районах их находки исчисляются иногда сотнями. Основные районы распространения этих стрел — степи Предкавказья, Волжско-Донского междуречья.

Учитывая степень распространения асимметричных наконечников и их количественное соотношение в разных районах, А. А. Формозов считает их изделиями некавказского, точнее, немайкопского, а степного происхождения, которые на Кавказе были заимствованы с севера (**Формозов**, 1965, с. 142). Из Северного Кавказа они, по-видимому, проникали и в Закавказье, где находка такой стрелы, в частности, зарегистрирована на поселении куро-аракской культуры Згудис-Гверда. Б. А. Куфтин отмечал, что асимметричные кремневые наконечники стрел совершенно отсутствуют в кремневом инвентаре Передней Азии и Средиземноморья и, напротив, удастся проследить распространение сходных специфических форм в охотничьих хозяйствах лесостепной зоны (**Куфтин**, 1947, с. 77—78). Так что и эти находки, как и другие типы кремневых нако-

нечников стрел, охарактеризованных выше, свидетельствуют о кавказско-степных культурно-исторических контактах.

Наряду с кремнем в качестве материала для изготовления различного производственного и другого инвентаря широко использовались и другие породы камня: известняк, мергель, песчаник.

Массовыми каменными изделиями, обнаруживаемыми на поселениях эпохи ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа являются **зернотерки**. Они, как правило, изготовлены из окатанных валунов плотного известняка и песчаника, имеют характерную ладьевидную форму. Нижние камни обычно отличаются большей массивностью и шириной, чем верхние. Обычные размеры зернотерок: длина 30—50 см, ширина до 18 см (бывают образцы шириной до 30 см), толщина зависит от формы валуна и степени сработанности.

Зернотерки описанного типа являются наиболее широко распространенными во времени и в пространстве орудиями труда. В них практически трудно улавливаются сколько-нибудь четко выделяемые локальные или хронологические признаки. Формы зернотерок оставались почти неизменными вплоть до раннего средневековья, т. е. до тех пор, пока они не были заменены круглыми жерновами.

Навершия булав, изготовленные из различных пород камня — мергеля, диабазы, мрамора, известняка, гематита и других, были довольно распространенным видом оружия у древних земледельческо-скотоводческих племен Евразии, в том числе и Кавказа. На территории приморского Дагестана они обнаружены на трех поселениях: Великент, Мамайкаутан, Каякент. Несколько каменных булав найдено в гончарных печах Великентского поселения. Навершия булав имеют шаровидную или шаровидно-грушевидную форму. Некоторые булавы вокруг отверстия с одной стороны обрамлены рельефным кантом. У большинства булав блестящая полированная поверхность и двусторонне сверленное отверстие. На Великентском поселении встречаются булавы-заготовки с грубой, еще не шлифованной поверхностью, недосверленными отверстиями, что говорит о местном их изготовлении. Примечателен и такой факт: в одной из великентских катакомб обнаружено более 30 наверший булав. Это обстоятельство свидетельствует о том, что навершия булав являлись, скорее, предметами вооружения, а не символами власти, жезлами вождей, как это нередко принято считать.

В заключение нашего обзора каменных изделий остановимся на характеристике различных **топоров**. На Северо-Восточном Кавказе в настоящее время (с учетом новых находок) известно 22 топора с желобчатым перехватом в верхней части (Мунчаев, 1961, с. 58—59; Марковин, 1973, с. 9—12). Причем часть из них найдена непосредственно в культурном слое поселений эпохи ранней бронзы — Чиркей, Мекеги, Великент (рис. 34, 22). Эти орудия специально изучались В. И. Марковиным (Марковин, 1973, с. 5—19). Согласно его классификации, все топоры делятся на молоты-кувалды и топоры-молоты.

Молоты-кувалды сделаны более грубо. Желобок опоясывает орудие большей частью посередине, что позволяло одинаково использовать обе рабочие стороны орудия. В свою очередь, молоты подразделяются на два типа: 1) крупные тяжелые орудия с плоскими или округлыми мо-

лоточными частями; 2) уплощенные орудия небольших размеров, снабженные неглубокими желобками на узкой стороне. Отметим, что находки крупных молотов на Кавказе, как правило, приурочены к рудным месторождениям залежей кремня и других полезных минералов, на основе чего В. И. Марковин делает вывод, что они использовались в горных выработках (Марковин, 1973, с. 13).

Топоры-молоты отличаются от молотов-кувалд тем, что имеют клиновидную форму, лезвие, обух. Желобок расположен ближе к обуху. Они подразделяются на три типа: 1) примитивные, обработанные грубыми сколами, с желобками, расположенными по узким сторонам; 2) симметричные, с лезвием и обухом, тщательно подправленными пунктирными ударами, желобок опоясывает орудие (наиболее распространенный тип); 3) узкие клиновидные асимметричной формы, с желобком, расположенным только на одной стороне.

Все топоры-молоты были рабочими орудиями универсального назначения (Мунчаев, 1961, с. 59; Марковин, 1978, с. 14). Исследователи горного дела, металлопроизводства отмечают их тесную связь с металлургическим производством, считая, что они использовались для отбивки и первичного дробления руды (Сунчугашев, 1975, с. 68).

Особый интерес представляют совершенно нехарактерные для Кавказа в эпоху ранней бронзы каменные боевые топоры. В Дагестане известно семь топоров этого времени (Чиркей — 2, Сигитма — 1, Геметюбе I—1, Геметюбе II—2, Великент — 1). Все они, за исключением великентского, происходят непосредственно из культурных слоев. Мы не включаем в это число случайные находки, так как, судя по данным великентских катакомб, они могли принадлежать среднебронзовым комплексам.

Как известно, сверленные каменные боевые топоры, изготовленные из змеевика (серпентина) и различных метаморфических известняковых пород, имеющие порой довольно сложную конфигурацию и тщательно отполированные, были широко распространены во всем ареале северокавказской культуры (Марковин, 1960). За пределами Северного Кавказа аналогичные топоры встречены в степной полосе Восточной Европы, от Молдавии до Нижнего Поволжья. Весьма совершенные формы подобных топоров имеются в знаменитом Бородинском кладе (Спицын, 1916, с. 108—115; Сафронов, 1968, с. 75—128; Бочкарев, 1968, с. 129—154). Встречаются они и в погребениях катакомбной культуры (Тереножкин, 1952, с. 17).

Боевые топоры неоднократно привлекали к себе внимание исследователей не только в связи с изучением древностей собственно Северного Кавказа, но и при решении вопросов происхождения и хронологии некоторых археологических культур и комплексов бронзового века Восточной Европы, например, катакомбной, фатьяновской, Бородинского клада.

В настоящее время топоры кабардино-пятигорского типа классифицируются по двум схемам. Одна из них принадлежит В. И. Марковину (Марковин, 1960, с. 100—101). Все топоры разделены им на гладкие и граненые, которые сосуществовали почти на всех трех этапах развития северокавказской культуры. В. И. Марковин проследил эволюцию топоров от простейших форм к более сложным. К первому, раннему, этапу

северокавказской культуры он отнес наиболее простые, неразвитые формы топоров, к среднему — основную массу гладких и граненых топоров, имеющих изогнутые профили, к началу третьего, позднего, этапа — особые, менее изогнутые удлинённых очертаний топоры типа михайловского, которые рассматривались как производные от гладких. Топоры кабардино-пятигорского типа, как известно, не имеют прототипов в майкопской культуре. Типологически они возводились к топорам-молотам очень простой формы (Марковин, 1960, с. 116).

Другая классификация топоров кабардино-пятигорского типа принадлежит В. А. Сафронову. В ней условно сохранено деление топоров на гладкие и гранёные, хотя в основу этого деления положен иной принцип (место сверлины по отношению к лезвийной части). При этом гладкими топорами названы те из них, у которых сверлина расположена посередине, между обушной и лезвийной частями, а гранёными — топоры, у которых сверлина находится в лезвийной части. Критерием построения эволюционного ряда служит отношение длины к ширине топора в фас и в профиль. Согласно этой схеме, эволюция топоров происходит от простых к сложным, и топоры типа михайловского также располагаются в самом конце эволюционного ряда (Сафронов, 1968, с. 114). Период бытования кабардино-пятигорских топоров на Северном Кавказе В. А. Сафронов сужает, ограничив его рамками XVII—XIII вв. до н. э. (Там же, с. 103—106).

Неправомерность такого значительного омоложения северо-кавказских топоров, особенно михайловского типа, показывает рассмотрение топоров подобного рода, происходящих с территории Дагестана. Хотя их количество невелико, но они, как представляется, очень важны для определения хронологии северокавказских топоров в силу того, что найдены в хорошо стратифицированных комплексах, хронологическое место которых в системе древностей Кавказа устанавливается достаточно определенно.

Все топоры, за исключением лезвийной части топора с огранкой из верхнего слоя Геметиюбе I (рис. 27, 43), относятся к типу гладких. Они сравнительно мало изогнуты, имеют удлинённые очертания. Чиркейские топоры, из которых один целый изготовлен из серпентина (рис. 34, 23), а другой (обушная часть) — из очень вязкой метаморфической известняковой породы, как и происходящие из поселения Геметиюбе II обушные части двух топоров (рис. 60, 20, 21), совершенно точно сопоставляются с удлинёнными топорами михайловского типа, которые В. И. Марковин датирует серединой II тыс. до н. э. (Марковин, 1960, с. 84, 100), а В. А. Сафронов — XIII в. до н. э. (Сафронов, 1968 с. 128). По нашей датировке, обоснованной данными стратиграфии и подтверждаемой характером археологического материала, поселение Геметиюбе II относится к рубежу IV—III — первой половине III тыс. до н. э., а Чиркей — к середине третьей четверти III тыс. до н. э.

Каменный топор и костяная модель, имитирующая каменные боевые топоры, найдены в нижнем горизонте Сигитминского поселения вместе с копьем месопотамского типа с четырехгранным насадом, распространенным в Закавказье в III тыс. до н. э. Сигитминский топор также принадлежит к типу гладких, но в отличие от чиркейского имеет более

короткую и несколько изогнутую обушную часть (рис. 36). В типологическом отношении он сопоставляется с ранними топорами кабардино-пятигорского типа.

Таким образом, для дагестанских топоров совершенно неприемлемы те даты, которые были приняты для удлинённых топоров михайловского типа. До недавнего времени в других областях Северного Кавказа топоры подобного рода не были известны в комплексах более ранних, чем северокавказская культура. В степном Прикубанье и восточном Приазовье в последнее время выявлена новотитаровская культура эпохи ранней бронзы, предшествовавшая на этой территории катакомбной. В одном из погребений могильника Лебеди I — памятнике новотитаровской культуры, датированном XXV—XXIV вв. до н. э., обнаружен серпентиновый топор, идентичный михайловскому и чиркейскому (Гей, 1986, с. 13—32), что подтверждает предложенные нами прежде для этого типа топоров ранние даты в пределах III тыс. до н. э. (Гаджиев М. Г., 1975, с. 24—26). Сейчас имеются основания для углубления нижней даты и самой северокавказской культуры, в том числе комплексов с топорами кабардино-пятигорского типа. Радиоуглеродные даты для комплексов северокавказской культуры с топорами из Усть-Джегутинского могильника (2160 ± 60 и 2060 ± 60 лет до н. э.) (Нечитайло, 1978, с. 58) допускают возможность удревнения начального этапа культуры до рубежа XXIII—XXII вв. до н. э. Как известно, в последние века III—II тыс. до н. э. на обширной территории Европы от Волги до Рейна и от Финляндии до Швейцарии было распространено множество культур боевых топоров (Чайлд, 1952, с. 323—344; Монгайт, 1973, с. 279—286). Многие вопросы, связанные с историей данных культур и ее носителей, в том числе и вопрос об их происхождении, остаются нерешенными. Некоторые археологи считают, что область происхождения культур боевых топоров следует искать в южнорусских степях (Монгайт, 1973, с. 285). Однако, как бы ни решался вопрос о происхождении культур боевых топоров, существование между ними, культурами бронзового века юга Восточной Европы и, очевидно, Северного Кавказа определенных связей представляется бесспорным, хотя характер этих связей пока остается не совсем ясным.

К югу от Главного Кавказского хребта каменные боевые топоры совершенно не получили распространения. Нам известен здесь только один топор, который может быть сопоставлен с северокавказскими. Он обнаружен в впускном погребении на энеолитическом поселении Аликемек-тепеси в комплексе с золотыми и серебряными украшениями, датированном началом II тыс. до н. э. (Махмудов, Нариманов, 1975, с. 12). Каменные топоры, найденные в раннебронзовых памятниках Армянского нагорья (Кети, Эчмиадзин, Шенгавит), иного типа и связи с северокавказскими, по-видимому, не имеют (Ханзадян, 1967, с. 106, табл. VIII).

Значительно большее количество каменных боевых топоров известно в Малой Азии. Они найдены здесь в могильнике Дорак (Mellaart, 1966, p. 158, pl. XXIIa). Особенно интересны находки из Трои. Здесь наряду с незаконченными (недосверленными) боевыми топорами (Müller, 1971, s. 77, 26 v. c) в известном кладе L обнаружено три каменных топора великолепной отделки, представляющих собой парадное оружие и отно-

сящихся к третьей четверти III тыс. до н. э. (Чайлд, 1952, с. 76). Сходство троянских топоров с северокавказскими и бородинскими отмечалось еще первыми их исследователями, которые на этой основе синхронизировали Трою II и Бородино (Спицын, 1916, с. 110). Однако большой хронологический разрыв между малоазийскими и бородинскими топорами исключал вероятность существования между ними реальных связей, в том числе генетического характера (Сафронов, 1968, с. 95). Находки в Дагестане каменных боевых топоров в бесспорных ранне-бронзовых комплексах III тыс. до н. э., удревнение некоторых ранних памятников самой северокавказской культуры, в которых представлены подобные топоры, ликвидируют отмеченную хронологическую лакуну между малоазийскими и северокавказскими топорами и тем самым регистрируют реальность длительных контактов, существовавших на обширной территории Малой Азии, Северного Причерноморья и Северного Кавказа. В этой связи уместно привести высказывание Г. Чайлда о возможном происхождении культур боевых топоров от одного источника, который, по его мнению, «следует искать либо в области распространения дунайской культуры с ее продолжением на Украине, либо за Кавказским хребтом и за Черным морем, на Древнем Востоке» (Чайлд, 1952, с. 245)

Возможно, что распространение близких форм боевых топоров является одним из показателей существования в раннебронзовую эпоху обширной провинции, включающей Малую Азию, Балкано-Карпаты, Северное Причерноморье и Кавказ и отмеченной чрезвычайно активными культурно-историческими контактами (Мерперт, 1981, с. 13—14). Важная роль в осуществлении этих контактов принадлежала, очевидно, Северо-Восточному Кавказу, где проходит наиболее удобная сухопутная трасса, соединяющая Юго-Восточную Европу с Передней Азией. Это подтверждается, как будет показано в дальнейшем, и другими данными металлообработки и гончарного производства.

Однако значение каменных топоров из Дагестана этим не исчерпывается. Они свидетельствуют о том, что развитие этой группы предметов материальной культуры, вопреки простой логике, шло не по пути совершенствования их от простейших форм к изящным, сложным. Полированный каменный топор, как видно, появляется сразу же как весьма совершенное изящное оружие, напоминающее металлические образцы, а потом уже по мере дальнейшего развития происходит деградация его формы. Такой путь развития боевых топоров от изящных к более простым подтверждают также данные европейских культур. Так, в древнейших погребениях так называемой культуры одиночных погребений в Дании находили, как правило, самые изящные топоры, а в более поздних — топоры с признаками вырождения (Чайлд, 1952, с. 230—231, рис. 82) И наконец, каменные полированные топоры из Дагестана имеют важное значение как показатель локального своеобразия культуры эпохи ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа. Ведь нигде за пределами этой области боевые каменные топоры в указанное время, т. е. в эпоху ранней бронзы, на Кавказе не получили распространения.

Как известно, Кавказ является одним из древнейших и важнейших центров металлопроизводства Старого Света. Исследованиями последних десятилетий установлено, что металлообрабатывающее производство Кавказа достигло довольно высокого уровня еще на заре бронзового века, в III тыс. до н. э., когда здесь развивались яркие культуры эпохи ранней бронзы — куро-аракская и майкопская. Как в Закавказье, так и на Северном Кавказе выявлены локальные очаги металлургии и металлообработки. Один из таких очагов функционировал в раннебронзовом веке на Северо-Восточном Кавказе. Накопленный материал (остатки литейного дела, значительное количество металлических предметов, происходящих из хорошо стратифицированных комплексов древних поселений и могильников, данные их спектральных анализов) позволяет составить некоторое представление об этом очаге, о древнейшем этапе его функционирования и определить в какой-то степени его место среди других очагов металлопроизводства на Кавказе.

На Северо-Восточном Кавказе известно несколько сот рудопроявлений и месторождений медных и полиметаллических руд, в основном тяготеющих к северным склонам Главного Кавказского хребта (**Магомедов С. М.**, 1976, с. 35). Хотя в большинстве своем в наше время они не имеют промышленного значения, но, видимо, представляли несомненную ценность и могли быть использованы в древности. Древняя металлообработка вполне могла базироваться на местных источниках самородной меди, окисленных и сульфидных руд. Полагают, что ограниченность запасов первых двух явилась одной из причин освоения еще в эпоху ранней бронзы способа плавки сульфидных руд, добываемых с обнаженных поверхностей рудных тел в местах их наибольшего скопления (**Котович В. Г.**, 1977, с. 74). Из ряда памятников Дагестана (Мекеги, Чиркей, Великент), как уже отмечалось, происходят каменные топоры-молоты с желобчатыми перехватами, которые, судя по их неоднократному нахождению вблизи медных рудников, использовались для отбивки и первичного дробления руды (**Сунчугашев**, 1975, с. 68). Из горного Дагестана происходит также топор-клевец — орудие (рис. 61, 18), применявшееся, как считают, при горно-рудных работах (**Коридзе**, 1956, с. 251). В этой связи обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в Закавказье они найдены в ряде пунктов, тяготеющих к медно-рудным районам (**Кушнарева, Чубинишвили**, 1970, с. 113—114).

На возможность использования уже на заре металлургии меди местных сырьевых ресурсов указывают также результаты сопоставления данных химического состава металлов Дагестана и других областей Кавказа. Они дают пеструю картину распределения в металле микропримесей и легирующих элементов, что в значительной степени характеризует особенности исходного сырья. Отмечено, например, что дагестанский металл, в отличие от центральнокавказского и майкопского, характеризуется повышенным содержанием микропримесей олова, свинца, сурьмы, серебра и железа, отсутствием цинка и сравнительно малым процентом основного легирующего элемента — мышьяка. В этом отношении он тяготеет к металлу азербайджанских памятников, что свиде-

тельствует об использовании близких по химическому составу источников (Магомедов С. М., 1975, с. 27—28).

Если вопрос о рудной базе древнего металлопроизводства Северо-Восточного Кавказа еще не может быть решен окончательно, то существование здесь достаточно развитой местной металлообработки не вызывает сомнений. О весьма раннем знакомстве с плавкой металла свидетельствует слиток выплавленной из руды меди с крупными включениями щебенки, найденный в древнейшем слое Великентского поселения. Состав металла в этом слитке не противоречит предположению, что подобное сырье шло для дальнейшего получения продукции.

Литейная мастерская выявлена в нижнем слое Верхнегунибского поселения, относящемся к заключительному этапу эпохи ранней бронзы — началу средней бронзы, где был обнаружен развал крупной печи со сводом и вещевой комплекс, связанный с литейным производством (обломки литейных формочек и тигельков с застывшими в них каплями металла, сопел, каменных ступок и пестов). Судя по отсутствию шлаков и других отходов, образующихся при первичной плавке металла, мастерская использовалась для вторичного литья (Котович В. М., 1965, с. 225). Односторчатые литейные формочки напоминают формочку для отливки долот и плоского предмета, возможно тесла, а вкладыши использовались при отливке проушных топоров. Наличие глиняных сопел говорит о применении техники дутья, как и в закавказских печах-горнах. Нахождение на поселении специализированной литейной мастерской указывает на выделение металлообработки в самостоятельную отрасль производства, а также на ее разделение на добывающую и обрабатывающую ветви (Котович В. М., 1965, с. 227), как это имело место в Закавказье (Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 113—114).

Литейные формы и тигельки обнаружены также на других, в том числе и на более ранних поселениях Дагестана. Наиболее яркой находкой является глиняная литейная форма для отливки топора, обнаруженная нами в одном из помещений поселения Галгалатли I (рис. 31, 1). Форма разъемная, состоит из двух половинок. Длина 15,0, ширина 7,5 см. Вылеплена из глины с органическими примесями — волокнами. Очевидно, форма использовалась для серийного литья, при котором каждая раз щели между створками обмазывались глиной. Форма служила для отливки проушного клиновидного топора. Для получения проушины в форму вставлялся стержень-вкладыш, для чего в ней имеется специальное круглое углубление диаметром 2 см. Обломок литейной формочки найден и на Мекегинском поселении.

Высокий уровень развития металлообрабатывающего производства документируется также значительным количеством находок несомненно местных изделий. В их числе три металлических стержня из поселения Мекеги (рис. 38, 96), шило и штык из Верхнегунибского поселения (рис. 61, 6, 11), тесло и клинок ножа из Галгалатли I (рис. 61, 8, 15), четыре спиральные пронизки из могильника Щебоха, три спиральные пронизки и три подвески в полтора оборота, медальон, два браслета, пять бус биконических и трубчатых из Гонобского могильника, наконечник копья и медный завиток из поселения Сигитма (рис. 61, 12), наконечник копья, клинок ножа, тесло, обломки браслетов, пять очевидных

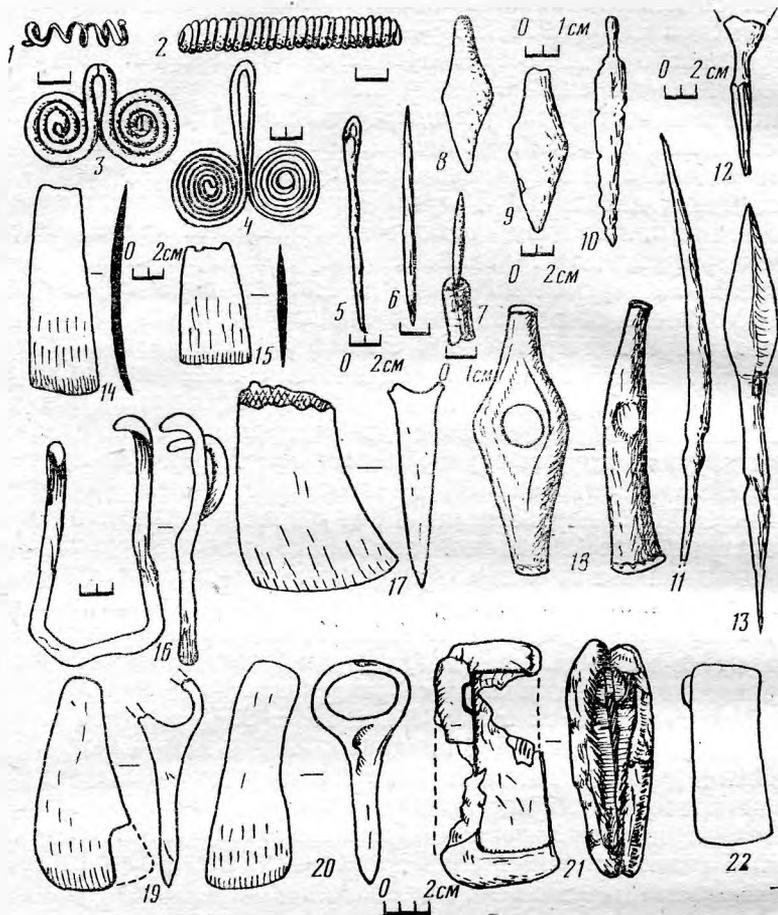

Рис. 61. Находки эпохи ранней бронзы с территории Дагестана

1—20 — металлические предметы; 21 — литейная форма; 22 — гипсовая отливка топора в литейной форме; 1, 4, 7, 9, 13, 14 — Чиркей; 2, 3 — Геметюбе II, 5, 10 — Карабудахкент; 6, 11 — Верхний Гуниб; 8, 15 — Галгалатли I; 12 — Сигитма; 16 — Даг. Огни; 17 — Мекеги; 18 — Ругуджа; 19 — Хутрах; 20 — Новомака

привесок, спиральные пронизки, шилья из Чиркейского поселения (рис. 61, 1, 4, 7, 9, 13, 14), три ножа-кинжала, игла, обломки браслетов; спиральные пронизки, очковидная подвеска из Карабудахкентского могильника (рис. 61, 5, 10), нож, спиральная пронизка и очковидная подвеска из поселения Геметюбе II (рис. 61, 2, 3), два неопределенных предмета из Геметюбе I, нож и шило из Великента (рис. 27, 48, 49), вилка из подкурганного погребения у с. Дагестанские Огни (рис. 61, 16). К ним следует добавить также некоторые случайные находки, обнаруженные в горных районах Дагестана, в частности, упомянутый выше топор-клевец из с. Ругуджа Гунибского района, обломок топора из

с. Мекеги Левашинского района (рис. 61, 17, 18), топоры из с. Хуграх Цунтинского и с. Новомака Касумкентского районов (рис. 61, 19, 20).

Основные формы металлических изделий эпохи ранней бронзы, происходящие из памятников Дагестана, в типологическом отношении принципиально не отличаются от аналогичных предметов куро-аракской и майкопской культур.

Топор-клевец из с. Ругуджа представляет собой комбинированное орудие, объединяющее клиновидный топор и вытянутый на обухе длинный клюв, деформированный в результате использования в качестве молотка. Подобные орудия были широко распространены в эпоху ранней бронзы в Закавказье (Куфтин, 1944, с. 300; Коридзе, 1958, с. 137; Мартиросян, 1964, с. 32; Есаян, 1966, с. 31—32; Кушнарера, Чубинишвили, 1970, с. 113—114; Мунчаев, 1975, с. 296—399). Наибольшее количество находок этих топоров сосредоточено на территории Армении, где они тяготеют к медно-рудным районам вокруг Алавердского рудного бассейна. Обративший на это внимание А. А. Мартиросян предполагал, что алавердский медно-рудный очаг был одним из важнейших районов производства подобных топоров (Мартиросян, 1964, с. 33). Открытие Приереванского клада, который помимо других бронзовых предметов включает восемь неиспользованных крупных топоров-клевцов, как бы подтвердило это предположение (Мартиросян, Мнацаканян, 1973, с. 122—127). На Северном Кавказе подобные орудия представлены единичными находками. Кроме дагестанского экземпляра здесь известно еще три топора, происходящие из Прикубанья (Мунчаев, 1975, с. 396). По данным Р. М. Мунчаева, наибольшее количество таких топоров обнаружено в Иране (Там же, с. 397). Боевые топоры близкой формы известны в Средней Азии (Кузьмина, 1966, с. 14—16, табл. I, 7—8), а также в Европе (Чайлд, 1952, с. 162).

Б. А. Куфтин считал, что топоры-клевцы проникли на Кавказ в III тыс. до н. э. из Передней Азии, и рассматривал их как свидетельство культурных течений со стороны древних очагов переднеазиатской металлургии в Дунайские страны и Эгейский мир по кавказскому пути, помимо Малой Азии, где подобные топоры, исключая Трою, появляются сравнительно поздно (Куфтин, 1944, с. 301). Обращено, правда, внимание и на то, что даже в пределах древневосточно-кавказского ареала, с одной стороны, они не обнаруживают полного типового единства, а с другой — для них и на Востоке, и на Западе имеются свои каменные и костяные прототипы в местных неолитических и энеолитических культурах (Мартиросян, Мнацаканян, 1973, с. 125). Независимо от этого надо, очевидно, признать, что местное производство таких топоров было налажено в каждом из этих регионов. Это документируется находками литейных форм для отливки комбинированных топоров в Средней Азии (Виноградов, Кузьмина, 1970, с. 126, рис. 2, 1—6). Об этом же свидетельствует, вероятно, и то, что дагестанский топор изготовлен из чистой меди, в то время как подобные топоры в Закавказье отливались из медно-мышьякового сплава (Кореневский, 1978а, с. 44).

Топоры проушные представлены тремя случайными находками. Все они отливались в двустворчатых линейных формах и характеризуют

древнейшие формы кавказских топоров. Топор, найденный у с. Новомака, имеет вытянутый клинок, почти равномерно расширяющийся к лезвию. На сравнительно узком обушке — проушное отверстие уплощенно-овальной формы (рис. 61, 20). Экземпляр, происходящий из окрестностей с. Мекеги, представляет собой массивный клин, неравномерно расширяющийся к слегка опущенному лезвию (рис. 61, 17). Топор из с. Хутрах имеет горбатую спинку, расширяющийся к лезвию клин и круглую втулку (рис. 61, 19). Такие топоры были широко распространены в III тыс. до н. э. на всем Кавказе, в памятниках куро-аракской и майкопской культур. В типологической классификации, разработанной для топоров майкопской культуры, топор из Новомака близок к первому типу, а мекегинский и хутрахский экземпляры — ко второму (Корневский, 1974, с. 18—21).

Б. А. Куфтин разделил проушные топоры на два типа: прямолопастный и трубчатовислообушный. Первый из них, к которому близки и наши топоры, он считал более древним и возводил к месопотамским образцам (Куфтин, 1944, с. 297). Но в начале III тыс. до н. э. в Закавказье уже было известно их литье. Формы для их отливки обнаружены на поселениях Кюль-тепе, Гарни, Шенгавит (Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 122). Производство аналогичных архаических кавказских топоров еще в первой половине III тыс. до н. э. было налажено и на Северо-Восточном Кавказе, о чем свидетельствует упоминавшаяся выше двусторчатая литейная форма из поселения Галгалатли I. Сделанная в ней гипсовая отливка (рис. 61, 21) совершенно точно воспроизводит древнейшие кавказские топоры. Наличие литейных форм, большая концентрация находок этих топоров на Кавказе, местный характер металла, типологические особенности изделий говорят о той большой роли, которая принадлежала Кавказу в производстве и распространении подобных топоров, и правоте тех исследователей, которые рассматривают их как предметы несомненно местного, кавказского производства (Мунчаев, 1975, с. 64).

Тесла представлены двумя экземплярами. Из них тесло, найденное на поселении Галгалатли I, отличается относительно короткой, широкой формой и дефектами литья на тыльной стороне (рис. 61, 15). Тесло из Чиркея характеризуется более удлиненными пропорциями (рис. 61, 14). Обе эти формы были распространены на обширной территории Евразии. На Кавказе они особенно характерны для памятников майкопской культуры (Иессен, 1950, с. 171; Мунчаев, 1975, рис. 50, 57, 61). Тесло из Галгалатли I древнее чиркейского, представляет более развитую форму, чем чиркейское. Такая последовательность в развитии тесел (от широкого и короткого к узкому и длинному) была установлена А. А. Иессеном для Северного Кавказа на основе изучения кубанских находок (Иессен, 1950, с. 171). Что касается Закавказья, то тесловидные орудия в противовес проушным топорам здесь не получили сколько-нибудь широкого распространения (Джапаридзе, 1961, с. 264), хотя их местное производство документировано находкой литейной формы на поселении Квацхелеби в слое С₁, датированном 2800±90 лет до н. э. (Джавахишвили А. И., Глonti, 1962, с. 62). Свидетельством местного изготовления тесловидных орудий являются также отмеченные специалистами дефек-

ты литья на тыльной стороне тесла из поселения Галгалатли I (**Корневский**, 1978а, с. 44).

Наконечники копий с четырехгранными насадами представлены также двумя экземплярами. Чиркейский экземпляр — это массивный наконечник с листовидным пером, укрепленным срединным ребром и длинной шейкой круглого сечения, черешок четырехгранный, отделен от шейки небольшим утолщением (рис. 61, 13). У сигитминской находки (рис. 61, 12) сохранилась только часть (основание пера, шейка и черешок со сломанным концом). Судя по ней, оба наконечника однотипны. Все исследователи, касавшиеся этого вида оружия, отмечали, что подобные копия являются одними из древнейших форм металлического оружия на Ближнем Востоке, где их возникновение относится ко времени не позже первой половины III тыс. до н. э., откуда они очень рано проникли на Кавказ и стали здесь предметом подражания (**Куфтин**, 1941, с. 11, 1949, с. 72; **Иессен**, 1950, с. 172, 191; **Чайлд**, 1956, с. 362; **Джапаридзе**, 1961, с. 264; **Мартirosян**, 1964, с. 29; **Попова**, 1963, с. 31; **Махмудов**, **Мунчаев**, **Нариманов**, 1968, с. 21; **Кушнарeва**, **Чубинишвили**, 1970, с. 124—125; **Мунчаев**, 1975, с. 396).

В типологическом отношении чиркейское и сигитминское копия ближе всего стоят к новосвободненскому (**Попова**, 1963, с. 31, табл. XI, 1; **Мирзоев**, 1977, с. 37), а также некоторым закавказским экземплярам (Тбилиси и Ахалцихе) (**Куфтин**, 1944, рис. 3, 6; **Джапаридзе**, 1961, с. 264, рис. 33, 4, 6). Интересно, что чиркейский наконечник изготовлен из металлургически чистой меди. Содержание мышьяка в его металле очень низкое (0,025%) и, по мнению специалистов, не может рассматриваться как искусственная лигатура (**Корневский**, 1978а, с. 41). Закавказские же их аналоги отлиты из медно-мышьякового сплава. Это говорит в пользу того, что дагестанские кузнецы отливали подобные изделия на месте из традиционного для этой области металла (**Корневский**, 1978а, с. 44).

Штыковидное оружие обнаружено в древнейшем слое Верхнегунибского поселения (рис. 61, 11). Острие штыка квадратного сечения через округлую шейку переходит в четырехгранный насад. Данный экземпляр является одним из вариантов подобного рода оружия, имевшего распространение в Месопотамии (Ур) (**Woolley**, 1934, pl. 154, 227), Иране (Тепе-Гиссар) (**Schmidt**, 1937, pl. N. 3224, 3324), Сирии (Кархемыш), Анатолии с середины III тыс. до н. э., т. е. в то же время и на той же территории, где были распространены копия с четырехгранным насадом (**Кушнарeва**, **Чубинишвили**, 1970, с. 125, рис. 42, 8—11). Однако находки подобных штыков во II слое Кюль-тепе, в горизонте более раннем, чем датированном по радиоуглероду 2920 ± 90 лет до н. э., и в погребении под слоем С₁ в Квацхелеби, датированном 2800 ± 90 лет до н. э., свидетельствуют об употреблении их в Закавказье еще в начале III тыс. до н. э. (**Абибулаев**, 1965, с. 68, рис. 1, 11; **Джавахишвили А. И.**, **Глонти**, 1962, с. 62, 64, табл. XXXVI; **Кушнарeва**, **Чубинишвили**, 1970, с. 125). Верхнегунибский экземпляр является редкой находкой этого вида оружия к северу от Кавказского перешейка. Найденное в Бамутском могильнике штыковидное оружие, являющееся по существу второй после верхнегунибской находкой подобного рода изделий на Северном Кавказе, в ти-

пологическом отношении резко отличается от закавказских и древневосточных аналогов отсутствием выделенного черенка (Мунчаев, 1975, с. 396, рис. 73, 3). Надо сказать, что верхнегунибский экземпляр также не является точной копией южных образцов. Он не имеет традиционного упора у черенка, что отличает его от аналогичного оружия Закавказья, Месопотамии, Ирана. Верхнегунибский штык сделан в манере копья с черенковым насадом и поэтому, скорее всего, является местным подражанием южным образцам (Котович В. М., 1965, с. 138; Кореневский, 1978а, с. 44).

Клинки универсальные обнаружены на поселениях Галгалатли, Чиркей, Каякент, Великент (рис. 61, 8, 9). Все они отличаются арханческой формой и представляют собой небольшие ромбовидные изделия со слабо выраженными плоскими черенками. Галгалатлинский экземпляр имеет зубчатое лезвие, как у клинка из поселения Квацхелеби (Джавахишвили А. И., Глонти, 1962, с. 62, табл. XXXVI). Аналогичные клинки были распространены по обе стороны Кавказского хребта. Лучше всего они известны на территории майкопской культуры (Мунчаев, 1975, с. 224, рис. 41). Древнейшая на Кавказе находка происходит из неолитического поселения Техут (V—IV тыс. до н. э.) (Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 126), более поздние представлены в комплексах северокавказской культуры (Марковин, 1960, с. 92, рис. 41, 1—4).

Наряду с короткими ромбовидными клинками в памятниках эпохи ранней бронзы Дагестана обнаружены удлинённые кинжалы сачхерского и майкопского типов. Таковы, в частности, кинжалы из Карабудахкентского могильника (Мунчаев, Смирнов, 1958, с. 167—168, рис. 3, 5, 7, 13).

Вилка, изготовленная из четырехгранного стержня с загнутыми и заостренными концами, из подкурганного погребения у с. Дагестанские Огни (рис. 61, 16) является единственной находкой подобного рода на территории Дагестана. Как известно, вилообразные орудия с двумя крюками были широко распространены на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы, будучи специфическими предметами майкопской культуры (Мунчаев, 1975, с. 402). Дагогнинская находка в типологическом отношении отличается от обычных вилообразных орудий с круглой втулкой. Единственным аналогом для нее является вилка из майкопского погребения у с. Чегем II в Кабардино-Балкарии (Мизиев, Бетров, Нагоев, 1973, с. 9). С этим хорошо согласуется и то, что орудие изготовлено из мышьяково-высокониッケлевой бронзы, свойственной племенам майкопской культуры (Кореневский, 1978а, с. 41).

Кроме перечисленных предметов, характерных в основном для эпохи ранней бронзы, из некоторых памятников Дагестана той же эпохи происходят различные шилья (четырёхгранные, круглого сечения), иглы, имевшие широкое распространение во времени и пространстве. Такими являются и некоторые украшения: браслеты круглого и плоского сечения, спиральные пронизки, полутораспиральные височные подвески, бусы, медальон. Все эти предметы имели в древности широкий ареал и большой хронологический диапазон. Поэтому их типология не представляет большого интереса для установления хронологической и локальной варибельности самих предметов, хотя состав металла очень

важен для выявления особенностей металлопроизводства. Например, состав металла в украшениях Гюнобского могильника показал, что металл Северо-Восточного Кавказа эпохи ранней бронзы отличается от других кавказских металлов пониженным содержанием мышьяка (**Селимханов**, 1960, с. 148). Последующие исследования полностью подтвердили это.

Однако среди украшений эпохи ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа имеются и такие, которые в типологическом отношении представляют особый интерес. Это очковидные или биспиральные подвески, изготовленные из металлических стержней, подпрямоугольного или овального сечения, свернутые двумя волютами в несколько оборотов (до пяти) (рис. 61, 3, 4). Пять таких подвесок найдено в Чиркее, одна обнаружена в древнейшем слое Каякентского поселения Геметюбе II и еще одна происходит из Карабудахкентского могильника. Очковидные подвески бытовали в Дагестане не только в эпоху ранней, но и средней бронзы (**Мунчаев, Смирнов**, 1956, с. 200—201; **Гаджиев М. Г.**, 1969а, с. 103). За пределами Дагестана они нигде на Кавказе в указанное время неизвестны. Ближайшие аналоги эти украшения находят на северо-западе Ирана среди подвесок Тепе-Гиссар II и III (**Schmidt**, 1933, р. 380, pl. CV, H6; 1937, pl. LIV, H, 4333, 4326). Изображения подобных украшений известны также на металлических изделиях Трои II (**Schliemann**, 1885, р. 618, № 898, р. 624, № 937—938; **Чайлд**, 1952, с. 77, рис. 22, 3, 4). Но такие же подвески были распространены в то же время и в Европе. В частности, они найдены в памятниках лендельской культуры (**Чайлд**, 1952, с. 153, 167). Далее на восток очковидные подвески обнаружены в могильнике Ходосовичи среднеднепровской культуры (**Артеменко**, 1967, с. 35). Причем они изготовлены из мышьяковой бронзы, возможно кавказского происхождения (**Черных**, 1966, табл. XIII, 588—589), что свидетельствует о вероятной их связи с Дагестаном (**Артеменко**, 1967, с. 35). Эти же украшения получают в дальнейшем распространение на территории фатьяновской (**Крайнов**, 1972, с. 162—163) и абашевской (**Сальников**, 1967, с. 35) культур. Все это свидетельствует о возможном существовании в рассматриваемое время определенных европейско-северокавказских культурных связей, осуществлявшихся, вероятно, минуя Закавказье и Восточную Анатолию.

Завершая типологическую характеристику металлических предметов эпохи ранней бронзы Дагестана, отметим, что вопросы о европейско-кавказских связях в начале бронзового века все больше привлекают внимание исследователей. В частности, предметом специального изучения стал вопрос о связях между Кавказом и Карпатами в период существования куро-аракской и последующих культур бронзового века (**Machnik**, 1972, с. 127—165). Это документируется как металлическим инвентарем (топоры, ножи, разнообразные украшения), так и керамической культур бронзового века этих двух весьма отдаленных регионов. Металлический инвентарь эпохи ранней бронзы Дагестана свидетельствует о том, что в осуществлении этих связей, особенно с племенами куро-аракской культуры, особая роль, по-видимому, принадлежала племенам Северо-Восточного Кавказа (**Мунчаев**, 1975, с. 172—191).

По составу металла (табл. 8 и 9) предметы эпохи ранней бронзы

Таблица 8

Результаты спектрального анализа предметов эпохи ранней бронзы Дагестана. %
Лаборатория ИА АН СССР (по С. Н. Кореневскому)

Шифр	Предмет, место находки	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au	Рис.
18409	Топор. Новомака	Осн.	—	0,01	—	0,1	0,06	0,03	2,5	0,01	0,7	—	0,01	0,003	25
18410	Топор, Хутрах	"	—	—	—	—	0,08	0,002	1	0,008	0,02	—	0,01	0,001	27
18415	Топор-клевец, Ругуджа	"	0,002	0,002	—	—	0,06	—	—	0,03	0,1	—	0,01	—	28
18421	Наконечник копья, поселение Чиркей	"	—	0,001	—	0,002	0,2	0,01	0,025	0,002	0,005	—	—	—	38
18422	Штык, Верхнегуниб- ское поселение	"	0,001	—	—	—	0,08	0,06	1	0,01	0,07	—	—	0,003	37
18423	Тесло, поселение Чиркей	"	0,003	—	—	—	0,01	—	1	0,02	0,07	—	0,01	—	24
18424	Очковидная подвеска, поселение Чиркей	"	0,003	—	—	—	0,02	—	1,2	0,01	0,01	—	0,01	—	433
18425	Тесло, поселение Галгалатли	"	—	0,001	—	—	0,01	—	1,8	0,5	0,03	—	0,04	—	23
18432	Нож, поселение Чиркей	"	0,03	0,006	—	—	0,006	—	4,5	0,02	0,02	—	0,01	—	311
18451	Очковидная подвеска, поселение Чиркей	"	?	—	—	—	0,004	—	2,5	0,03	0,01	—	—	—	436
18452	То же	"	?	—	—	—	0,004	—	1,8	0,01	0,02	—	—	0,001	437
18353	То же	"	0,001	—	—	—	0,007	—	1,5	0,003	0,009	—	0,01	0,001	435
18454	Спираль, поселение Чиркей	"	?	0,004	—	0,002	0,2	—	2,3	0,003	0,025	—	0,01	0,01	42
18516	Топор, Мекеги	"	0,001	0,05	—	0,002	0,08	0,01	2,2	0,002	0,04	—	—	0,003	26
18557	Вилка, Даг. Огни	"	0,01	0,015	—	—	0,2	0,025	0,65	0,009	0,1	—	0,01	0,003	39
30011	Слиток, Великент- ское поселение	"	0,0004	0,002	—	0,0005	0,02	0,006	0,8	0,3	0,01	—	—	0,001	—
30012	Нож, Галгалатли	"	0,0005	0,003	—	—	0,2	—	1,5	0,01	0,005	—	—	0,001	310
30013	Очковидная подвеска	"	0,002	0,001	—	0,0006	0,0008	0,001	0,017	0,45	0,0007	—	—	—	433

Таблица 8. (Окончание).

Шифр	Предмет, место находки	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au	Рис.
30014	Спираль, Геметюбе II	"	0,002	0,003	—	—	0,01	0,01	0,9	0,01	0,003	—	—	—	4 ₁
30015	Нож, Великентское поселение	"	0,0008	0,002	—	—	0,007	0,007	0,5	0,025	0,004	—	—	—	3 ₁₂
30016	Шило, Великентское поселение	"	0,0003	0,3	—	0,0005	0,0004	0,03	0,4	0,008	0,008	—	—	0,001	3 ₁
30017	Неопределенный предмет, Геметюбе I	"	0,0001	0,0006	0,006	0,003	0,05	0,025	—	0,04	0,006	—	—	—	—
30018	Нож, Геметюбе II	"	0,0001	0,001	—	0,0001	0,01	0,002	0,13	0,4	0,002	—	—	—	3 ₁₃
30019	Неопределенный предмет, Геметюбе I	"	0,0002	0,009	—	0,0005	0,0001	0,015	0,18	0,3	0,004	—	—	0,001	—

Таблица 9

Результаты анализов металлических предметов из Генобского могильника
Лаборатория Института истории АН Аз. ССР (по И. Р. Селимханову)

Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Bi	Ni	Fe	P	Рис.
1. Пронизка спиральная	97,10	0,002	0,20	—	1,80	0,02	0,009	0,001	0,03	0	0,27	—	4 ₈
2. Браслет	97,90	0,001	0,002	—	1,42	0,007	0,02	0,001	0,02	0,001	0,05	—	4 ₂₈
3. Височная подвеска в 1,5 оборота	Осн.	0,002	0,004	—	1,88	0,01	0,015	—	0,015	0,003	0,40	1,0	4 ₂₅
4. Височная подвеска в 1,5 оборота	96,60	0,008	0,003	0,01	2,48	0,05	0,014	0,0007	0,004	0,001	0,08	0,55	4 ₂₆
5. Цилиндрическая пронизка	Осн.	0,001	0,03	0,03	1,59	0,20	0,034	—	0,001	0,008	0,06	1,0	4 ₂₁
6. Медальон	То же	0,001	0,002	0,025	1,57	0,03	0,001	—	—	0,003	0,40	1,0	4 ₃₃
7. Биконическая пронизка	97,00	0,01	0,005	0,015	2,37	0,05	0,052	0,0005	0,005	0	0,005	0	—
8. Биконическая пронизка	96,80	0,013	0,005	0,004	2,28	0,15	0,059	0,0007	0,03	0,008	0,002	0	4 ₂₀

Примечание. MO и CO отсутствуют.

Дагестана подразделяются на три химико-металлургические группы: медную, мышьяково-высоконикиелевую и мышьяковую (Корневский, 1978а, с. 41).

Группа медных предметов состоит из топора-клевца, наконечника копья из поселения Чиркей, содержащего мышьяка 0,025%, что не может рассматриваться как искусственная лигатура (Корневский, 1978а, с. 41), и неопределенного предмета из поселения Геметюбе I, который совсем не содержит мышьяка.

Мышьяково-высоконикиелевые изделия представлены вилкой из с. Дагестанские Огни, топором из с. Новомака и очковидной подвеской из поселения Геметюбе II с довольно высоким содержанием железа (0,45%). Мышьяково-высоконикиелевые бронзы, как известно, были распространены на Северном Кавказе прежде всего среди племен майкопской культуры (Черных, 1966, с. 36—40). С этим хорошо согласуется также отмеченная выше типологическая близость указанных предметов к соответствующим изделиям майкопской культуры.

Наиболее многочисленную группу составляют предметы из мышьяковой бронзы. Из 32 анализированных предметов эпохи ранней бронзы 26 относится к этой группе. Содержание мышьяка в них не превышает 2,5%, за исключением ножа из поселения Чиркей (4,5%), в то время как одновременные закавказские изделия куро-аракской культуры содержат его в значительно больших дозах (Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 120, табл. II, III).

Особенно низкое содержание мышьяка наблюдается в предметах, происходящих из памятников прикаспийского Дагестана (Геметюбе I, II, Великент). В шести случаях из восьми его концентрация находится в пределах десятых долей процента, в одном — меньше десятой доли процента, а неопределенный предмет из Геметюбе I (30017) не содержит мышьяка совсем. Состав металла в слитке из Великента (30011) сходен с составом металлов в предметах из поселений прикаспийского Дагестана, возможно это сырье шло для дальнейшего получения продукции. Несколькo больше мышьяка (1,0—2,5%) содержится в предметах, происходящих из памятников горного Дагестана. В целом, однако, необычно низкое содержание мышьяка в местных изделиях является своеобразной традицией дагестанского очага металлообработки, отличающей его от металлообработки племен майкопской культуры и куро-аракской культуры Закавказья.

Начало функционирования дагестанского очага металлообработки эпохи бронзы, как и майкопского, до недавнего времени относили ко второй половине III тыс. до н. э. (Корневский, 1978а, с. 39). Новые археологические данные, накопленные в последние годы, позволяют удвинуть его до первой половины III тыс. до н. э. Некоторые перечисленные выше предметы из мышьяковой бронзы обнаружены на поселении Геметюбе II и Великент в древнейших горизонтах, перекрытых слоями с керамикой, орнаментированной рельефными спирально-концентрическими кругами, и посудой с грубо обмазанной поверхностью; слои датируются Р. М. Мунчаевым не позднее середины III тыс. до н. э. (Мунчаев, 1975, с. 195; Гаджиев М. Г., Маммаев, 1978, с. 112—113). Значительная толщина древнейших горизонтов культурных напластований указанных по-

селений позволяет отнести начало бронзового века на этой территории ко времени не позднее рубежа IV—III тыс. до н. э. и соответственно углубить время функционирования местного очага бронзовой металлообработки. Вместе с тем это был, очевидно, один из промежуточных этапов развития металлообработки на Северо-Восточном Кавказе. Истоки его следует искать в энеолите, когда кавказские племена, судя по древним поселениям V—IV тыс. до н. э. Кюль-тепе и Техут, начали осваивать металлообработку.

Мы рассмотрели не очень большую, но весьма выразительную серию изделий северо-восточнокавказского (дагестанского) очага металлообработки эпохи ранней бронзы. Большая часть указанных изделий имеет многочисленные типологические параллели среди металлических предметов археологических культур Евразии эпохи раннего металла, сконцентрированных на обширной территории вокруг Черного моря. Это обстоятельство также, видимо, является еще одним свидетельством существования в это время обширной провинции, включающей металлургические и металлообрабатывающие очаги Кавказа, Балкано-Карпат, Северного Причерноморья, Эгеи, Малой Азии (Черных, 1976, с. 199; 1977, с. 29—53), по определению Н. Я. Мерперта, гигантской системы различных культурных общностей, отмеченной в конце IV—III тыс. до н. э., в период выхода на широкую историческую арену подвижных скотоводческих племен, особо активными контактами, культурной интеграцией, многочисленными переселениями различных масштабов и в различных направлениях (Мерперт, 1978, с. 56; 1981, с. 11—14). На восточной окраине этой системы контакты между северным и южным ее звеньями, очевидно, осуществлялись через Кавказ, в частности по Каспийскому проходу. Археологические комплексы Дагестана, находившегося на этом пути, как неоднократно отмечали исследователи, сохранили в различных сферах культуры многочисленные следы этих контактов.

Керамическое производство

Керамическое производство, как и металлообрабатывающее, относится к числу наиболее древних специализированных производств. Именно в их сфере отмечается глубокий технический прогресс, обеспечивший высокий уровень и новый характер их специализации (Сайко, Терехова, 1981, с. 73). Они рано сложились в самостоятельные отрасли производства, удовлетворявшие первоначально потребности первобытных общин, а позднее в результате общественного разделения труда и развития обмена превратились в ремесла, ориентированные на широкий рынок. Одним из важнейших этапов в становлении керамического производства на Северо-Восточном Кавказе был начальный период бронзового века. Для характеристики этой отрасли мы располагаем не только обширными коллекциями керамических материалов, происходящих из многочисленных памятников (в одной только великентской катакомбе, в частности, обнаружено около 500 разнообразных глиняных сосудов очень хорошей сохранности), но и производственным комплексом, включающим гончарные печи и хранилища для готовой продукции, исследованные на окраине Великентского поселения (Котович В. Г., 1959, с. 121—132; Мунчаев,

1961, с. 74; Гаджиев М. Г., Маммаев, 1978, с. 112—113; Белоглазова, 1981, с. 36—48).

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что гончарное производство у населения Северо-Восточного Кавказа в эпоху ранней бронзы достигло довольно высокого уровня развития. Прогресс наблюдается почти во всей технологии производства керамики, начиная от приготовления глиняного теста до выработки устойчивых типов изделий и их термической обработки. Керамика изготовлялась из тщательно отмученной глины, содержащей исключительно неорганические примеси, в основном дресвы и песка. Исчезает из обихода керамика, изготовленная из грубого теста с большим количеством крупноистолченной дресвы, характерная для энеолита. Совершенствуется техника лепки сосудов. Исчезают архаические примеси формовки сосудов в ямах, корзинах, различных формах из циновок и грубых плетенки. Несмотря на то что посуда лепилась ручным, в основном ленточным, способом, без применения вращающегося инструмента, она отличается симметричностью и совершенством выработанных устойчивых форм. Тщательно обрабатывалась внешняя поверхность сосудов путем ангобирования, лощения, иногда доведенного до блеска. На позднем этапе эпохи ранней бронзы на Северо-Восточном Кавказе получает распространение своеобразный прием обработки поверхности сосудов путем грубого обмазывания жидкой глиной, что имело одновременно эстетическое и практическое (ангоб) значение. Отдельные образцы керамики украшались резным геометрическим узором или рельефным, выпукло-вогнутым орнаментом из спиралей, концентрических кругов, валиков и других налепов. Была распространена керамика разных цветов, преимущественно серого цвета, реже — красного и черного. Характерной для керамических изделий является разноцветная пятнистая поверхность, что связано с условиями термической обработки.

Уровень развития теплотехники характеризуют великентские гончарные печи. Гончарные печи эпохи ранней бронзы на Кавказе слабо изучены. Поэтому исследование в Дагестане гончарных печей, относящихся к эпохе бронзы, имеет особое значение. Учитывая это обстоятельство, а также исключительно важное значение режима обжига в технологии изготовления керамики, остановимся более подробно на их характеристике. В Великенте исследованы две печи. Одна из них находилась на продолговатом холме, расположенном к востоку от Великентского поселения, и представляла собой простое по конструкции круглое сооружение в грунтовой яме диаметром около 3,5 м. Слегка наклоненные вовнутрь, его стенки сложены из речного булыжника и обмазаны с обеих сторон глиной. Диаметр горна в основном 3,2 м, а в верхней сохранившейся части 2,5 м. Исследовавший данный горн В. Г. Котович предполагал, что он имел свод из речных булыжников на глиняном растворе, который держался на каркасе из прутьев (Котович В. Г., 1959, с. 124). В результате высокой температуры, которая держалась в горне, внутренняя поверхность свода ошлакована. Особенностью горна является наличие канала, опоясывающего горн снаружи и служившего, как считал В. Г. Котович, для воздушной тяги. По его реконструкции, горн представлял собой круглую в плане одноярусную костровую печь со сфери-

чёмским сводом, камера которой служила одновременно в качестве топочной и обжигательной. В горне обнаружены остатки костра в виде древесных угольков и золы, вокруг которых находились разнообразные глиняные сосуды.

Вторая гончарная печь исследована нами на восточном краю Великентского поселения. Она вырыта в материковой глиняной толще и имеет в плане подковообразную форму. Размеры печи $2,90 \times 2,74$ м, наиболее сохранившаяся высота 1,20 м. Часть овальной западной стенки печи в том месте, где ею прорезан рыхлый культурный слой, заполнявший землянку, сложена из речных булыжников и зернотерок. В заполнении печи, кроме большого количества разнообразных сосудов и отдельных обломков керамики, находились куски толстой глиняной обмазки со следами прутьев, в том числе с отверстиями, вероятно от рухнувшего свода. Судя по ним, свод представлял собой каркас из прутьев, обмазанный слоем глины (толщина 10—12 см), с отверстиями-продухами для регулирования режима обжига керамики. Как и первая, данная печь, по-видимому, представляла собой одноярусное сооружение с одной совмещенной топочной и обжигательной камерой. При этом, судя по степени обожженности пола и концентрации обжигавшейся керамической продукции, огонь в ней разжигался не в центре камеры, как в первой печи, а в южной ее части, сосуды для обжига устанавливались в ее другой половине. Несмотря на простоту конструкции, в великентских горнах достигалась довольно высокая температура. Основываясь на наличии шлаков на внутренней поверхности свода первой печи, В. Г. Котович считал, что температура в ней достигала $1200\text{—}1300^\circ$ (Котович В. Г., 1959, с. 124). По мере необходимости она регулировалась, для чего служили специальные отверстия-продухи в их сводах. Поэтому обожженная в них гончарная продукция отличается довольно высоким качеством обжига. Но в силу того что в подобных горнах пламя неравномерно облегалo поверхность обжигаемой керамики, она приобретала разную окраску. Нередко одна часть сосуда окрашивалась в черный или серый цвет, а другая оставалась красной. Такая разноцветная окраска поверхности является одной из характерных особенностей керамики эпохи ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа.

Гончарные печи Великента характеризуют уровень развития теплотехники в керамическом производстве приморского Дагестана в сравнительно короткий промежуток времени. Отсутствие соответствующих данных по другим периодам не позволяет определить генезис обжигательных сооружений Северо-Восточного Кавказа, проследить пути их развития в древнейший и древний периоды. Другие известные на территории Дагестана гончарные печи относятся уже к раннему средневековью и представляют собой довольно сложные двухъярусные сооружения (Верхний Чирюрт, Андрейавл) (Маммаев, 1970, с. 333—345). Но означает ли это, что существовала единая эволюция гончарных обжигательных устройств с древнейших времен до средневековья — от простых, примитивных конструкций к более сложным? Обратимся к материалам других областей Кавказа и Ближнего Востока.

На Южном Кавказе наиболее ранние гончарные печи открыты на неолитическом поселении Аликемек-тепеси. Они отличаются от вели-

кентских более сложной и развитой конструкции. Гончарные печи представляли собой двухъярусные сооружения с корытообразной топкой вытянутой овальной формы (Махмудов, Нариманов, 1974а, с. 12). Однако в дальнейшем, в эпоху поздней бронзы, судя по данным Мингечаурского поселения, здесь получили распространение более примитивные одноярусные гончарные печи (Асланов, Ваидов, Ионе, 1959, с. 144—147). А в средние века в том же Мингечауре появляются двухъярусные печи. Несколько сходная картина наблюдается и в месопотамско-иранском ареале. Так, на поселениях хассунской и халафской культур Ярымтепе I и II, на севере Месопотамии, открыты большие гончарные печи весьма сложной двухъярусной конструкции (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 75, 182, 191). Но позднее, в частности в Иране, судя по гончарной печи из Сиалка III, здесь получили распространение одноярусные печи с камерой, бывшей одновременно и топочной, и обжигательной (Ghirshman, 1938, p. 36; Чайлд, 1956, с. 293).

Несколько иными были пути становления и развития теплотехники в гончарном производстве другого раннеземледельческого очага — Средней Азии. Исследование целого ряда разновременных гончарных печей этого региона свидетельствует о неуклонном прогрессе в развитии здесь гончарных обжигательных сооружений на протяжении эпохи неолита и бронзы (Сайко, Терехова, 1981, с. 79—91). В отличие от древнейших гончарных печей, известных в настоящее время на Ближнем Востоке и Южном Кавказе, у наиболее ранних, среднеазиатских, была двухкамерная конструкция с горизонтальным сочленением топочной и обжигательной камер, а позднее получают распространение более совершенные двухъярусные печи, которые ярко представлены в «производственном центре» Алтын-депе (Массон, 1981, с. 99; Сайко, Терехова, 1981, с. 80—88).

Гончарные печи открыты также на поселениях эпохи раннего металла Юго-Восточной Европы, где, как и на Кавказе и Ближнем Востоке, они представлены двумя типами. Двухъярусная гончарная печь подковообразной формы довольно сложной конструкции раскопана на ранне-трипольском поселении Лука-Врублевская (Бибииков, 1953, с. 127). В то же время в Европе были распространены гончарные печи более простой конструкции. Так, на поселении Ариушд, представляющем вариант культуры гумельница, исследованы гончарные печи в виде однокамерных купольных сооружений с отверстиями сверху (Чайлд, 1952, с. 191).

Таким образом, пути развития гончарных обжигательных сооружений в различных оседлоземледельческих центрах не отличались полным единством. В одних центрах, как это видно на примере Южной Туркмении, развитие гончарных печей носило ярко выраженный поступательный характер, в других, как, например на Южном Кавказе, имели место возвраты к архаическим конструкциям обжигательных устройств. Это говорит о сложности и противоречивости культурно-исторического процесса в древности.

Хотя все древние гончары решали одни и те же технические задачи (создание максимальных условий работы пламени, управление режимом обжига), пути их решения в различных регионах имели свои особенности, что свидетельствует о самостоятельности поисков в этом на-

правлении (Сайко, Терехова, 1981, с. 87—89). Не являются исключением и рассматриваемые гончарные печи Дагестана. Они не имеют точных аналогов среди различных обжигательных сооружений, широко распространенных в Евразии, хотя в типологическом отношении близки к наиболее простым одноярусным, однокамерным гончарным горнам. При этом наибольшее сходство они обнаруживают (в частности первая круглопланная печь Великента) с европейскими (печи поселения Ариушд). Примечательно также и то, что обжиг в европейских и дагестанских горнах дает одинаковый эффект, т. е. обожженная в них керамика, как правило, имеет разноцветную поверхность. Вместе с тем в конструктивном отношении великентские горны очень сходны с печами, имевшими широкое распространение в эпоху ранней бронзы в Дагестане и служившими для выпечки хлеба, обжаривания и сушки зерна (рис. 43). Последние представляли собой различные в плане (круглые, овальные, подковообразные) сводчатые сооружения, в которых почти на одной плоскости располагались топочные и обжигательные камеры, отделенные друг от друга только легким возвышением или низким бортиком. Эффект обжига, который достигался в этих печах и в гончарных горнах простой одноярусной конструкции, был фактически одинаковым. Все это делает вполне допустимыми существование между ними генетической связи и возможность местной линии развития древних гончарных сооружений Дагестана (Белоглазова, 1981, с. 47—48).

Рядом со второй гончарной печью на Великентском поселении выявлен и частично исследован своеобразный многокамерный комплекс, состоящий из расположенных в один ряд небольших (5—7 м²) подпрямоугольных помещений (рис. 56). Вскрыты три камеры. Три внешние стены этого комплекса возведены из сырцового кирпича стандартного размера (20×30×7 см), речных булыжников и зернотерок. А общая для всех камер четвертая (задняя) стенка представляла собой вертикальный срез культурного слоя поселения, обмазанный глиной. Смежные стены перегородки камер состояли из тонких жердей, плетенки, с обеих сторон обмазанной глиной. Каждая камера имела вход с восточной стороны. Вдоль задних стен камер стояли разнообразные глиняные сосуды (рис. 56). Назначение этого комплекса еще окончательно не установлено. Возможно, он является своеобразной формой гончарных обжигательных устройств, но не исключено, что это хранилище для готовой продукции. В любом случае он составляет часть обширного гончарного производственного комплекса, локализованного на окраине Великентского поселения.

Все это свидетельствует о глубокой профессиональной специализации, достигнутой в области гончарного производства, и о высоком уровне его организации. Гончарная продукция великентского производственного комплекса, по-видимому, удовлетворяла потребности не только жителей данного поселения, но и населения значительной части территории приморского Дагестана, на что исследователи уже обращали внимание (Мунчаев, 1961, с. 73).

Типологическая характеристика, всесторонний анализ продукции гончарного производства Северо-Восточного Кавказа эпохи ранней бронзы даны в ряде работ Р. М. Мунчаева, в которых показана ее органиче-

ская связь с керамикой куро-аракской культуры, выделены некоторые локальные особенности типов изделий, орнаментальных мотивов, обработки поверхности сосудов, характерные для северо-восточнокавказского варианта данной культуры (Мунчаев, 1961, с. 71—131; 1975, с. 181—195, 351—364). Поэтому мы здесь ограничиваемся краткой характеристикой основных типов керамических изделий эпохи ранней бронзы, акцентировав при этом основное внимание на вопросах их генезиса, связи с керамикой эпохи энеолита, развития отдельных форм орнаментации. Подобные вопросы прежде не могли быть поставлены и самостоятельно рассмотрены из-за отсутствия важных хронологических звеньев в развитии местной культуры.

Вся керамика эпохи ранней бронзы подразделяется на кухонную, столовую и тарную. Кроме того, выделяются отдельные изделия специального назначения.

Кухонную керамику можно подразделить на следующие типы: жаровни, горшки, очажные подставки.

Жаровни представлены двумя подтипами. Первый характеризуется мископодобными сосудами большого диаметра, имеющими вертикальные или слегка наклонные наружу низкие стенки, оформленные ниже краины рядом сквозных отверстий (рис. 16, 11; 34, 26; 28, 108, 135). У некоторых из них есть глубокие выемки в стенках (рис. 28, 108). Судя по целому экземпляру, найденному в Карабудахкентском могильнике, жаровни закрывались специальными крышками (Мунчаев, Смирнов, 1958, с. 166). Подобные жаровни появились в Закавказье и на Северо-Восточном Кавказе в эпоху неолита-энеолита, широко представлены они на Южном Кавказе в памятниках куро-аракской культуры, где были распространены в основном формы без отверстий в стенках. В эпоху средней бронзы они сохраняются на Кавказе только в Кахетии (Дедабришвили, 1969, с. 50).

Ко второму подтипу относятся плоские плиты-жаровни, найденные на некоторых поселениях Дагестана (Чиркей, Галгалатли I). Они отличаются от жаровен первого подтипа отсутствием стенок (рис. 16, 6; 34, 27). Аналогичные плиты-жаровни также были распространены в памятниках куро-аракской культуры в Закавказье и на некоторых поселениях Северного Кавказа (Долинское, Луговое) (Мунчаев, 1961, с. 119—121; 1975, с. 361).

Кухонные горшки представлены в основном двумя подтипами. Первый характеризуется сосудами с округлым или яйцевидным туловом и резко или плавно отогнутым наружу венчиком. Они найдены почти на всех поселениях Северо-Восточного Кавказа, а также в великентской катакомбе (рис. 21, 11, 13; 26, 19; 30, 12; 35, 7). Это весьма простая форма керамики, которая была широко распространена на Кавказе в памятниках разных культур эпохи раннего металла. Второй подтип горшков представлен сосудами, имеющими более вытянутую форму, сравнительно узкие донца и широкие горловины. Подобные широкогорлые горшки найдены в большом количестве в Галгалатли, Чиркее (рис. 32, 12, 14; 35, 15, 16), а также в Серженьюрте (Мунчаев, 1975, рис. 77, 67). Почти все горшки снабжены ручками, расположенными обычно в верхней части тулова. Большинство таких горшков из Галгалатли и Чиркея наряду с

обычными ручками имели ручки-выступы, расположенные под венчиком. Подобные горшки не характерны для куро-аракской культуры Закавказья и составляют локальную особенность керамики Северо-Восточного Кавказа.

К изделиям кухонного назначения относятся также разнообразные очажные подставки, на которых над очагами устанавливалась кухонная посуда. Они подразделяются на несколько типов. К первому типу относятся подковообразные подставки. Обломки нескольких таких подставок с приподнятыми концами (на которых имеются изображения глаз) с ручками-выступами по бокам происходят из поселения Шаракун (Пикуль, 1961, 1962). Подобные подставки не получили на Северо-Восточном Кавказе сколько-нибудь широкого распространения. Они здесь пока не найдены на других памятниках, кроме Шаракуна. Как известно, подковообразные подставки чрезвычайно характерны для куро-аракской культуры. Они широко обнаружены не только в Закавказье, но и в Восточном Средиземноморье, в памятниках кирбет-керакской культуры, вместе с керамикой, характерной для куро-аракской культуры.

Ко второму типу относятся подставки в виде кирпичей прямоугольной формы с округлыми углами, имеющие на верхней плоскости выемки, на торцах роговидные выступы, а также вдавления, имитирующие глаза (рис. 27, 24, 27; 34, 28). Эти подставки весьма широко представлены в памятниках не только куро-аракской, но и майкопской культуры (Мунчаев, 1975, с. 361—363).

К следующему типу мы относим также весьма характерные для куро-аракской культуры цилиндрические подставки, найденные на ряде поселений Дагестана (Геметюбе II, Мекеги, Галгалатли I, Чиркей) (рис. 27, 25, 26; 30, 1; 31, 8—10; 34, 27), а также Чечено-Ингушетии (Луговое, Серженьюрт) (Мунчаев, 1975, с. 362—363). Подобные подставки обычно имели ручки или поперечные отверстия для переноски.

Особый вариант цилиндрических подставок представляют изделия катушковидной формы с вертикальными и горизонтальными отверстиями из поселения Чиркей. Такие подставки за пределами Дагестана не имеют точных аналогов (рис. 62).

Наиболее ранние глиняные очажные подставки, судя по данным поселения Чинна, появились в Дагестане не позднее эпохи неолита, как и функционально связанные с ними жаровни, устанавливавшиеся на центральные очаги. Подставки получили наиболее широкое распространение в эпоху ранней бронзы и исчезли одновременно со сменой архитектурной традиции круглопланных жилищ с центральными очагами на рубеже эпохи ранней и средней бронзы.

Наиболее многочисленную группу керамики составляет **столовая посуда**, представленная мисками, чашами, горшками и баночными сосудами.

Миски являются наиболее распространенной посудой, встречающейся на всех памятниках эпохи ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа. Они имеют разложистые, преимущественно ровные, стенки, снабжены одной или двумя ручками в виде горизонтальных выступов или петлевидными ручками с горизонтальным проемом (рис. 27, 3, 11, 17; 28, 128, 129; 32, 2, 4). Края некоторых мисок с внутренней стороны

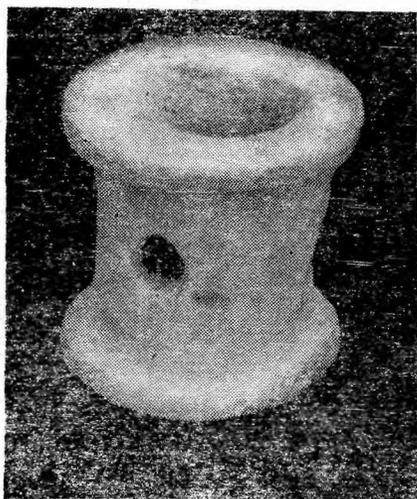

Рис. 62. Очажная подставка из Чиркейского поселения

Рис. 63. Сосуд из Чиркейского поселения

оформлены в виде рельефно выступающего бортика, иногда орнаментированного резным геометрическим узором (рис. 22, 21, 24; 26, 4), как у совершенно аналогичных сосудов раннебронзового периода Малой Азии (Троя I, II). Миски с внутренними бортиками характерны только для памятников приморского Дагестана. В горной зоне они не получили распространения.

Миски являются наиболее простой, архаической формой посуды. В горном Дагестане они представлены еще в неолитическом Чохе (рис. 19, 9), энеолитических Гинчи и Чинна (рис. 28, 16, 58—60). К концу эпохи ранней бронзы в приморском Дагестане они становятся округлобокими с загнутыми вовнутрь краями (рис. 24, 3; 25, 1—4). Миски в памятниках Закавказья и майкопской культуры встречаются сравнительно редко, что дает основание считать их местной формой керамики северо-восточнокавказского варианта куро-аракской культуры (Мунчаев, 1975, с. 168).

Глубокие чаши, имеющие округлые, иногда остросереберные бока и резко отогнутый короткий венчик, снабженные одной проемной ручкой, в эпоху ранней бронзы были распространены в основном в приморской части Северо-Восточного Кавказа. Большая серия сосудов этого типа происходит из великентской катакомбы (рис. 26, 18). В горной зоне подобные сосуды встречаются исключительно редко. Между тем эта форма посуды является одной из ведущих для керамики куро-аракской культуры. Она одинаково широко представлена в Закавказье на всей территории распространения данной культуры: в Грузии (Джaparидзе, 1961, табл. V, 3, 4; VIII, 8, 5; X, 5, 6; Джавахишвили А. И., Глonti, 1962, табл. IV, № 365—375; Пхакадзе, 1963, рис. 7), Азербайджане (Ис-

маилов, 1978, табл. IV), на Армянском нагорье (Ханзадян, 1967, табл. VII).

В особый тип выделяются также горшки с высокой или низкой цилиндрической либо конусовидной, сужающейся кверху горловиной и раздутым туловом. Горловина и тулово четко отделены друг от друга подчеркнутым желобком или перегибом. Почти все сосуды этого типа имеют ручки с горизонтальным круглым или овальным отверстием. Основания ручек часто соединены между собой так, что они приобретают полуяйцевидную форму (рис. 27, 1, 52; 28, 79, 80, 115, 116; 32, 1, 6, 13; 33, 4). Отдельные экземпляры подобных горшков, имеющие сравнительно узкие и высокие горловины, близки к кувшинам (рис. 32, 1, 7; 63). Некоторые горшки орнаментированы резным или выпукло-вогнутым узором. На экземплярах из Чиркея — это отходящие косо от шишковидного налета ленты из параллельных рельефных или нарезных линий, между которыми расположены кольцевидные налеты (рис. 35). Такого же типа резной орнамент имеется на отдельных сосудах из великентской катакомбы, а еще три горшка из этого же памятника орнаментированы поясом из заштрихованных треугольных фестонов. Небольшой миниатюрный горшочек из Галгалатли украшен по тулову поясом из резных, вписанных ромбов (рис. 32, 5). Все эти орнаментальные композиции находят соответствия в орнаментации керамики куро-аракской культуры (Джавахишвили А. И., Глonti, 1962, табл. IV; Ханзадян, 1967, табл. XXV; Кушнарева, Чубинишвили, 1970, рис. 44; Мунчаев, 1975, с. 169).

Форма рассматриваемых горшков является одним из важнейших определяющих признаков куро-аракской культуры. Форма сосудов с выделенной горловиной, характерная для куро-аракской культуры, складывалась на Кавказе в эпоху энеолита, о чем свидетельствуют соответствующие данные из нижнего слоя Нахичеванского Кюль-тепе (Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 146, рис. 48), Техут (Торосян, 1976, табл. IV), Гинчи (Гаджиев М. Г., 1981, с. 13). Присутствие в Гинчи посуды с четко выделенной цилиндрической горловиной также свидетельствует о вхождении горного Дагестана в ареал формирования ведущих керамических форм куро-аракской культуры, в частности ее северо-востокавказского локального варианта.

Широко распространенной на Северо-Восточном Кавказе формой керамики являются баночные сосуды с прямыми или слегка расширяющимися кверху стенками, снабженные одной или двумя петлевыми ручками. Такие сосуды встречаются во всех исследованных памятниках Дагестана (рис. 26, 6, 10—12; 32, 8; 33, 1, 2; 35, 2), подобные широко представлены в памятниках эпохи ранней бронзы Закавказья и так же, как горшки с цилиндрической горловиной, относятся к определяющим формам керамических изделий куро-аракской культуры (Куфтин, 1949, табл. А; Мунчаев, 1975, с. 186).

Тарная керамика представлена крупными сосудами, служившими для хранения жидкостей и сыпучих продуктов, и подразделяются на несколько типов.

К первому типу относятся широкогорлые сосуды с непропорционально узким дном и слегка раздутым туловом. Тулово четко отделено от цилиндрической горловины, переход к которой подчеркнут перегибом

Рис. 64. Тарный сосуд из поселения Галгалатли I

Рис. 65. Тарный сосуд из Чиркейского поселения

или рельефным валиком. Как правило, такие сосуды снабжались тремя массивными ленточными ручками, расположенными симметрично в нижней части тулова (рис. 32, 15; 35, 17; 64). Некоторые из них орнаментированы узорами в виде буквы «М» из выпукло-вогнутых полос (рис. 65).

Второй тип представлен широкогорлыми, узкодонными сосудами без выделенной горловины. Они имели по четыре ручки. Две ручки в виде горизонтальных выступов располагались под венчиком, а две, массивные петлевидные, — ниже них, на тулове (рис. 32, 14; 35, 15). Эти сосуды отличаются от аналогичных кухонных горшков большей вытянутостью профиля и крупными размерами.

К третьему типу тарной керамики мы отнесим яйцевидные пифособразные сосуды с тремя ручками, расположенными симметрично в нижней части тулова (рис. 35, 14).

Перечисленные типы тарной посуды были распространены на протяжении всей эпохи ранней бронзы. Только пифособразные сосуды в горном Дагестане появляются, по имеющимся данным, на рубеже раннего и позднего периодов.

В конце раннебронзовой эпохи в приморском Дагестане возникают новые формы тарной посуды. В большом количестве они обнаружены на Великентском поселении, откуда происходит несколько целых экземпляров. Среди них отдельный, четвертый, тип представляют яйцевидные сосуды с короткой воронкообразной горловиной (рис. 25, 12) (Ко-

тович В. Г., 1959, табл. II, 3, рис. 2). Некоторые экземпляры орнаментированы сложными узорами из рельефных спиралей, концентрических кругов и других фигур, на которых мы еще остановимся специально. Этот тип тарной посуды Дагестана обстоятельно проанализирован Р. М. Мунчаевым, показавшим его неразрывную связь с керамикой куро-аракской культуры как по форме, так и по характеру орнаментации (Мунчаев, 1961, с. 75—83).

К пятому типу относятся весьма своеобразные амфоровидные сосуды с узкой короткой горловиной и тремя массивными петлевидными ручками, расположенными в нижней части тулова (рис. 25, 11). Они не имеют точных аналогов ни в Закавказье, ни в других областях Северного Кавказа. Некоторое сходство они обнаруживают с одной группой сосудов из Долинского поселения (трехручность, узкогорлость) (Круглов, Подгаецкий, 1941, табл. VI). Но в целом же их можно считать местной формой керамики Северо-Восточного Кавказа.

И, наконец, последний тип поздней тарной керамики представляют крупные яйцевидные широкогорлые сосуды, тулова которых грубо обмазаны жидкой глиной (рис. 25, 13). Как по форме, так и по способу обработки поверхности данный тип тарной посуды характеризует сугубо местную особенность продукции гончарного производства Северо-Восточного Кавказа.

В группу керамики специального назначения нами включены глиняные колесики от моделей повозок и единичные неординарные сосуды культового характера, к которым мы еще раз вернемся при рассмотрении некоторых идеологических представлений ранних земледельцев. К подобным сосудам относится тройной кубок на ножках с сообщающимися емкостями из великентской катакомбы — единственная находка такого рода в памятниках эпохи ранней бронзы всего Кавказа (рис. 26, 5).

В великентской катакомбе обнаружен также сосуд в виде миски на высоко, расширяющемся книзу, полом поддоне, который, быть может, использовался в качестве курильницы: на стенке поддона имеется круглое сквозное отверстие (рис. 26, 17).

Глиняные колесики от моделей повозок найдены в ряде памятников Северо-Восточного Кавказа (Геметюбе II, великентская катакомба, поселение Великент, Серженьюрт) (рис. 60, 1, 2). Они представлены двумя вариантами: с выступающей ступицей и без нее. Оба варианта хорошо известны во многих памятниках куро-аракской культуры на всей территории ее распространения в пределах Кавказа.

Таким образом, в эпоху ранней бронзы гончарное производство на Северо-Восточном Кавказе развивалось на основе энеолитических традиций в условиях существования исключительно тесных связей с сопредельными областями Кавказа, в особенности с Закавказьем. Значительная часть рассмотренной керамики по технике изготовления, форме сосудов и орнаментации обнаруживает близость к соответствующей керамике куро-аракской культуры. На этой основе Р. М. Мунчаев в свое время высказал верную мысль о том, что эта керамика «входит как составная часть в общий материал куро-аракской культуры, отличаясь при этом определенным своеобразием» (Мунчаев, 1961, с. 100). Это было

одним из главных аргументов для вывода о том, что поселения эпохи ранней бронзы Дагестана не просто тяготеют к куро-аракской культуре, а составляют часть этой обширной культурной общности, представляя локальную группу памятников этой культуры (Мунчаев, 1975, с. 190). Как мы неоднократно отмечали выше, в формировании керамических традиций куро-аракской культуры, в частности на Северо-Восточном Кавказе, важную роль играл наряду с Закавказьем горный Дагестан, в энеолите которого представлены многие технико-типологические особенности, характерные для керамики куро-аракской культуры.

Вместе с тем ряд элементов, характеризующих керамику эпохи ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа, своим происхождением непосредственно связан с Закавказьем и Анатолией. К ним относится в первую очередь спирально-концентрический орнамент — один из ведущих мотивов орнаментации керамики куро-аракской культуры в Закавказье и Восточной Анатолии. Подобный орнамент на керамике Дагестана, как об этом свидетельствуют данные стратиграфии прикаспийских поселений, появляется только на позднем этапе эпохи ранней бронзы. С югом, по-видимому с Анатолией, связано и своеобразное оформление краев мисок внутренними орнаментированными бортиками. Имеются и другие примеры, подтверждающие большую роль закавказских традиций в сложении раннебронзового керамического комплекса Северо-Восточного Кавказа.

С другой стороны, керамика Северо-Восточного Кавказа обнаруживает ряд сходжений с керамикой майкопской культуры. Как установлено Р. М. Мунчаевым, территория Чечено-Ингушетии являлась зоной стыка и активного взаимодействия куро-аракской и майкопской культур, чем объясняется синкретический характер представленной здесь раннебронзовой культуры (Мунчаев, 1975, с. 365). Новейшие исследования в Дагестане показывают, что зона проникновения элементов майкопской культуры на Восток не ограничивалась только территорией Чечено-Ингушетии. В приморском Дагестане сейчас уже выделяется группа археологических комплексов с явными признаками майкопской культуры, в том числе с керамикой, характерной для данной культуры (Магомедов Р. Г., 1986, с. 34—35).

И наконец, в керамике эпохи ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа присутствует яркий, сугубо местный компонент. Мы уже отмечали локальное своеобразие ряда типов керамических изделий. Но особенно показательны в этом отношении некоторые орнаментальные мотивы и способы обработки поверхности сосудов. Весьма характерным для керамики Северо-Восточного Кавказа является, в частности, орнамент в виде валика, опоясывающего сосуд у края венчика, ниже горловины, у плечиков. Валики, как правило, расчленены пальцевыми защипами или различными нарезками. Такой вид орнамента был широко распространен на этой территории и в последующие периоды бронзового века, являясь одним из определенных признаков керамики местных культур. Вместе с тем за пределами Северо-Восточного Кавказа подобный орнамент на Кавказе почти не представлен, за исключением единичных случаев в Кабардино-Балкарии (Мунчаев, 1961, с. 117) и Кахетии (Дедабришвили, 1969, рис. 11, 10—14). На Северо-Восточном Кав-

казе он традиционен и восходит к неолиту (Чох) и энеолиту (Гинчи).

Наиболее специфической особенностью культуры эпохи ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа является своеобразная посуда с неровной, шероховатой поверхностью, обмазанной жидкой глиной. Подобная керамика совершенно не представлена в памятниках куро-аракской культуры Закавказья и майкопской культуры. Как установлено исследованиями в горном и приморском Дагестане, данная керамика получила распространение на Северо-Восточном Кавказе сравнительно поздно, со второго периода эпохи ранней бронзы. В памятниках предшествующего времени, в том числе энеолита и неолита, она отсутствует.

Касаясь вопроса о происхождении данной группы керамики, исследователи неоднократно обращали внимание на то, что совершенно аналогичная керамика бытует в памятниках V—III тыс. до н. э. Юго-Восточной Европы от Балкано-Карпат до Днепро-Донского междуречья, представляющих здесь родственные, генетически связанные между собой археологические культуры: боян, гумельница, кукутени, триполье (Мунчаев, 1961, с. 96—97; 1975, с. 189; Котович В. М., 1965, с. 197; Гаджиев М. Г., 1969, с. 139). Это говорит о вероятности северного источника происхождения данной керамики (Мунчаев, 1961, с. 97), если только будущие исследования не выявят на Восточном Кавказе ее местные корни.

Резюмируя сказанное, следует еще раз подчеркнуть, что в силу географического положения Северо-Восточного Кавказа развитие здесь керамического производства, как и других отраслей, протекало на стыке различных культурных традиций (северных и южных), сохраняя при этом ярко выраженное местное своеобразие.

В заключение характеристики древних производств отметим, что наряду с рассмотренными выше отраслями в эпоху ранней бронзы на Северо-Восточном Кавказе развивались также прядение и ткачество, косторезное, деревообрабатывающее, кожевенное и другие производства, которые в настоящее время из-за отсутствия полноценных источников не могут быть охарактеризованы с необходимой полнотой.

Таким образом, эпоха ранней бронзы являлась одним из важнейших этапов в культурном и экономическом развитии раннеземледельческого населения Северо-Восточного Кавказа. Она характеризуется совершенствованием строительного дела и архитектуры поселений, окончательным сложением традиции, а также принципов планировки. В эту эпоху широко осваиваются и заселяются различные экономические зоны. Освоение горных зон приводит к возникновению террасного земледелия, развитие которого приобретает интенсивный характер; практикуются различные формы скотоводства.

Качественные изменения происходят в каменной индустрии, приходит в упадок кремневая индустрия, для изготовления различных орудий и предметов вооружения широко используются другие породы камня.

Важнейшим фактором культурного и экономического прогресса общества начала бронзового века было активное развитие металлопроизводства. На Северо-Восточном Кавказе складывается местный очаг металлообработки с характерными для него составом металла и типологическими признаками изделий.

Высокий уровень специализации был достигнут в гончарном деле, выделившемся в самостоятельную отрасль производства, продукция которой удовлетворяла потребности общин. Это нашло отражение в развитии теплотехники, локализации производственных центров в пределах поселения, широком ассортименте качественной гончарной продукции.

В целом эпоха ранней бронзы на Северо-Восточном Кавказе характеризуется как время дальнейшего культурного прогресса общества, расцвета земледельческо-скотоводческого хозяйства, сложения общинных ремесел, широких и активных культурно-исторических связей. Общество раннебронзовой эпохи отличалось несравненно большей коммуникабельностью, чем неолитическое и энеолитическое, чему в немалой степени способствовали развитие колесного транспорта и использование лошади для верховой езды.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

НЕКОТОРЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПЛЕМЕН СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

В последние десятилетия большое внимание уделялось изучению идеологических представлений древних земледельческо-скотоводческих племен Северо-Восточного Кавказа. Особо следует отметить специальные исследования наскальных изображений Дагестана, проводившиеся на протяжении многих лет В. М. Котович (Котович В. М., 1974а, с. 29—49; 1980, с. 28—36; 1983, с. 4—12). В результате этого уже сейчас здесь известно около полусотни местонахождений наскальных изображений, что дает основание рассматривать Дагестан как крупнейший на Кавказе очаг развития данного вида древнего искусства. Наскальные изображения весьма ценны и как один из важнейших источников для изучения идеологических представлений раннеземледельческих племен.

Среди объектов материальной культуры, содержащих информацию об идеологических представлениях раннеземледельческих племен, важное место занимают и древние погребения, известные в Дагестане как на территории поселения, так и в отдельных могильниках.

К числу ценнейших источников для изучения первобытного мировоззрения относятся, как известно, скульптура и другие культовые предметы, орнаментированная керамика. К сожалению, мы не располагаем достаточным массовым материалом подобного рода, чтобы на его основе можно было бы составить более полное представление об идеологии раннеземледельческих племен. Отсутствие или скудость такого рода источников создают впечатление об исключительно рациональном характере раннеземледельческой культуры Северо-Восточного Кавказа. Здесь все было рассчитано на оптимальное использование природных ресурсов края для организации жизни и быта, идеологической области, по-видимому, уделялось мало внимания, иррациональная сфера нашла слабое отражение в ее культуре. Иначе нельзя объяснить, например, что на многие сотни квадратных метров раскопанной площади поселений эпохи энеолита и ранней бронзы Дагестана и Чечено-Ингушетии известны всего две глиняные статуэтки женщин (Джемикент, Великент), в то время как на раннеземледельческих поселениях других регионов Европы и Азии подобные предметы встречаются в массовом количестве. Очень скупо орнаментирована керамика эпохи энеолита и ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа. В этом отношении он вместе с большей частью Кавказа как бы выпадает из обширной древнеземледельческой ойкумены с богатой расписной керамикой. Единичны здесь и предметы специально культового назначения. Присущий изучаемому региону праг-

матизм проявляется даже в погребальном ритуале, в частности в строительстве огромных погребальных камер, предназначенных для захоронения представителей крупных родственных групп в течение длительного времени. В одной из великентских катакомб, например, было захоронено до 120 человек. Создается впечатление о бедности идеологии раннеземледельческих племен данной области, проявившейся в основном в наскальных изображениях, или, быть может, ином характере ее проявления, о котором мы, возможно, плохо осведомлены. Характер источников, естественно, накладывает отпечаток на полноту освещения круга мировоззренческих представлений.

С другой стороны, методике анализа источников (вещевых, изобразительных) с целью раскрытия мировосприятия их создателей и в целом этой проблеме в археологии прежде уделялось мало внимания. Исследователи проявляли больший интерес к изучению социально-экономической истории первобытных обществ. «Иное положение, — как отмечал более 30 лет назад С. Н. Бибиков, — наблюдается, если обратимся к явлениям надстроечного порядка и к таким проблемам, как развитие познания и примитивного мировоззрения этих племен. Здесь мы сталкиваемся с неразработанностью подобных вопросов, что далеко не всегда может быть оправдано недостаточностью материала для определения суждений и выводов» (Бибиков, 1953, с. 193). В этой области за истекшее время сделано уже немало. Вышел ряд специальных исследований, посвященных вопросам идеологии ранних земледельческих и скотоводческих племен (Рыбаков, 1981; Формозов, 1969; 1980; Массон, 1982а, с. 58—64; Антонова, 1977; 1984). Значительным событием явилась проведенная в 1980 г. Отделением истории АН СССР специальная конференция, на которой обстоятельно рассматривались общие проблемы идеологии древних обществ, методы их изучения, представления тех или иных древних племен и народов в первобытную эпоху (Конференция, 1980).

Особенностью первобытного общества является недифференцированный характер жизни людей, слитность всех ее сторон, синкретизм. Такой целостный характер первобытного общества проявляется в неразделимости хозяйственной жизни, миропонимания, способов его выражения. Это, конечно, не означает, что надстроечные явления (идеология и искусство) обязательно прямо и непосредственно отражают характер хозяйственной деятельности первобытных людей. Например, у раннеземледельческих племен, давно перешедших на путь производящего хозяйства, излюбленными изобразительными образами оставались те животные, охота на которых составляла основу прежнего присваивающего хозяйства. Однако переход от присваивающего хозяйства к производящему привел к коренным изменениям в идеологических представлениях. Абсолютная зависимость человечества от естественных природных ресурсов исчезла. Освоив методы производства пищи, способы активного воздействия на природу, человек изменяет и собственную природу, изменяется его мировоззрение. Здесь уже были заложены основы для освобождения мышления от первобытного синкретизма и более самостоятельного его развития. Но все же хозяйственная деятельность на данном этапе развития общества соотносилась с идеологическими представ-

лениями и во многом определяла их. Об этом, в частности, свидетельствует изменение некоторых образцов и символов по мере изменения характера производства. Так, образы и символы женщин, женского начала, свойственные эпохе, когда женщина в производстве играла решающую роль, начинают отходить на второй план в обществах с более сложной структурой, где роль мужчины в производстве и быту становится определяющей.

Показателен в этом отношении погребальный обряд, который отражает особенности не только социального устройства общества, но и хозяйственной деятельности, черты материальной культуры.

Наиболее ранними захоронениями на Северо-Восточном Кавказе являются два скорченных погребения взрослых на территории поселения Гинчи. Этот широко известный у раннеземледельческих племен Евразии обычай хоронить людей в пределах поселений, под домами и между ними, зафиксирован на некоторых энеолитических поселениях Закавказья (Кюль-тепе, Аликемек-тепеси, Бабадервиш) (Абибуллаев, 1965а, с. 29—44; Нариманов, 1966, с. 122; Махмудов, Нариманов, 1974, с. 455). Распространен он был и в Европе, о чем свидетельствуют захоронения на поселениях трипольской культуры (Бибиков, 1953, с. 194—196), энеолита Балкано-Карпатского региона. Такие захоронения известны в обширном ареале всего раннеземледельческого пояса: в Анатолии (Чатал-Гуюк, Хаджилар) (Мелларт, 1982, с. 87, 88, 103), Троя, Алишар (Грозный, 1940, с. 28), в Восточном Средиземноморье (Иерихон, Библ) (Мелларт, 1982, с. 45—59), Месопотамии (Бадер, 1975, с. 99; 1979, с. 117—132; Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 78—86, 198—213).

Обычай захоронения людей на территории поселений был распространен в Средней Азии у анауских племен. Но здесь уже существовали специально выделенные могильники — домики мертвых, хотя и расположенные на территории поселений (Геоксюр 1, Карадепе) (Сарианиди, 1959; 1965; Массон, 1982б, с. 58).

Таким образом, в горном Дагестане мы сталкиваемся с устойчиво повторяющимся у многих раннеземледельческих племен Евразии обычаем хоронить умерших сородичей в домах, под домами, между ними или в целом в пределах поселения. В основе этого обычая лежат общие для всех раннеземледельческих племен представления. Они связаны с психологией родового общества, отражающей связь между его членами, ту кровную общность, которая объединяет живущих и усопших у одного очага. Как считает С. Н. Бибиков, этот обряд отражает идею возрождения, обратимости, созвучную идее плодородия, увеличения семьи, рода и благополучия его, возникшей в земледельческой среде (Бибиков, 1953, с. 197—198).

В эпоху ранней бронзы погребальные обряды усложняются. На Северо-Восточном Кавказе, как и в других областях раннеземледельческой зоны, обычными становятся могильники, вынесенные за пределы поселения (Щебоха, Гоно, Карабудахкент, Великент). Однако на начальных этапах объединения погребений в отдельно выделенные могильники старая традиция выражается в стремлении включить могильники в пределы поселения, как это установлено в Средней Азии (Геоксюр) (Массон,

1982б, с. 58) и на Кавказе (Квацхелеби и Амиранисгора) (Джавахишвили А. И., Глонти, 1962, с. 61; Чубинишвили, 1963, с. 96—98).

Особое внимание в эпоху ранней бронзы уделялось возведению погребальных сооружений, обряду захоронения, составу погребального инвентаря и др. Это свидетельствует об усложнении идеологических представлений, через которые происходило формирование традиций погребальных ритуалов. Опираясь на многочисленные данные этнографии, В. М. Массон отмечает, что у первобытных народов смерть часто воспринималась не как конец жизни, а как одно из явлений на неизменном пути, и поэтому переход человека в загробный мир сопровождался различными обрядами (Массон, 1976, с. 149). Исходя из представлений о продолжении жизни в загробном мире, сооружали могилы, копировавшие или напоминавшие реально существовавшие жилища, усопшего снабжали предметами и вещами, служившими ему на земле, в том числе одеждой, пищей, разнообразной утварью. Так, на могильнике Шебоха в горном Дагестане погребальные сооружения в виде округлых подземных склепов представляли собой в миниатюре реально существовавшие жилища, а могильник Гоно состоял из смежных прямоугольных камер, располагавшихся ступенчато, как и прямоугольные жилища Верхнегунбского поселения конца эпохи ранней и средней бронзы (Котович В. Г., 1961, с. 25; Котович В. М., 1965, с. 70—84), которые сменили круглопланные. В приморской зоне были распространены округлые сводчатые погребальные сооружения с прямоугольной входной камерой, соединенные специальным лазом для занесения покойников (великентские катакомбы) (Гаджиев М. Г., 1986, с. 29—34). Нетрудно заметить, что и в данном случае могильные сооружения фактически повторяли тип реально существовавших жилых построек, состоящих из округлого жилого сооружения и прямоугольной пристройки. Прослеживаемая на примере Дагестана связь жилой архитектуры и форм погребальных сооружений, таким образом, можно рассматривать как один из важнейших показателей корректирующей роли идеологических представлений, через посредство которых те или иные реальные культурно-исторические факты и события находили отражение в погребальном ритуале.

Наряду с обычным трупоположением местные племена практиковали захоронение костей после истления трупа, т. е. вторичные захоронения (Карабудахкентский могильник) (Мунчаев, Смирнов, 1958, с. 158—161). В основе этого обряда лежат представления о тесной связи души с телом, о том, что до полного разрушения тела, т. е. до освобождения костей от мяса, душа не может стать самостоятельной и остается в кругу живых, нуждаясь в пище и заботах о ней (Куфтин, 1949а, с. 191). Процесс похорон сопровождался разжиганием погребальных костров, для которых существовали даже специальные камеры (Гоно) (Котович В. Г., 1961, с. 25). Огню в древности, как и краске, придавалось особое значение как магической очистительной силе. Поэтому костяки очень часто посыпались угольками или красной охрой.

В ранней катакомбе 8 Великентского могильника обнаружены глиняные колесики от модели повозки, которые в погребальном ритуале несли определенную идеологическую нагрузку, означая переход усопшего из реального мира в загробный.

Для характеристики идеологических представлений раннеземледельческих племен важное значение имеют различные культовые предметы. К их числу относится антропоморфная скульптура, широко распространенная среди раннеземледельческих племен Евразии. Однако на Северо-Восточном Кавказе статуэтки единичны. Несмотря на то что здесь раскопаны значительные площади поселений эпохи энеолита и ранней бронзы (Гинчи — 320 м², Чинна — 70, Чиркей — 1500, Галгалатли — около 200, Геметюбе I — 64, Геметюбе II — 100, Великент — более 100 м²), ни на одном из них ни антропоморфной, ни зооморфной скульптуры, за исключением единственной находки в Великенте, не было обнаружено. На поселениях же других раннеземледельческих культур, в частности трипольских, они встречаются сотнями.

Редкость антропоморфной скульптуры является еще одной характерной особенностью раннеземледельческой культуры эпохи энеолита и ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа. Из памятников эпохи ранней бронзы происходят всего три глиняные женские статуэтки. Одна найдена А. А. Русовым в кургане Катаргачтапа. Статуэтка высотой 13 см представляет собой схематическую фигуру, уплощенную у головы и округленную у основания (диаметр 6,5 см). Ее туловище имеет четко выраженные выступы, имитирующие груди и распростерты обрубленные руки. Уплощенная и круглая голова отделяется от туловища относительно невысокой шейкой. На лице рельефно выступает большой нос, четко обозначены округлыми вдавлениями глаза. На обратной стороне, в середине туловища, находится выступ (Русов, 1882, с. 571, табл. XVI; Круглов, 1958, с. 44; Мунчаев, 1961, с. 134). Обломки второй статуэтки обнаружены нами на Великентском втором поселении. Сохранившаяся от нее часть с головкой и одной рукой совершенно точно повторяет соответствующие части катаргачтапинской статуэтки. Часть еще одной женской статуэтки найдена А. А. Русовым и на Джамикентском поселении (Русов, 1882, с. 598). Голова, одна рука, груди и пьедестальчик статуэтки отбиты. На спине имеется продольная глубоко врезанная линия. А. А. Круглов считал, что данная статуэтка, вероятно, имела такой же облик, что и у статуэтки из кургана Катаргачтапа (Круглов, 1958, с. 44). Р. М. Мунчаев отличает статуэтку на Катаргачтапа от антропоморфной фигурки из Агубековского поселения, сопоставляемой с трипольскими, и одновременно подчеркивает ее сходство с закавказскими (Мунчаев, 1961, с. 135). Но особенности оформления головы, лица, отсутствие ног свидетельствуют о локальном своеобразии статуэток из Дагестана.

Антропоморфные статуэтки были широко распространены среди раннеземледельческих племен Евразии начиная от Восточного Средиземноморья, Балкан и Северного Причерноморья до Центральной Азии. Многие исследователи, касавшиеся семантики женских статуэток, отмечали их связь с культом плодородия. Так, С. Н. Бибилов, глубоко проанализировавший трипольскую пластику, отмечал множественность женского образа в земледельческой среде, отражающего в конечном итоге идею плодородия (Бибилов, 1953, с. 252). В. М. Массон рассматривает энеолитические женские статуэтки Средней Азии как своего рода идолы, персонифицирующие плодородие в образе женщин-прародительниц и отра-

жающие культ богини-матери (Массон, 1959; 1964, с. 391). Вместе с тем археологические материалы Передней и Средней Азии позволяют выявить определенные локальные особенности выражения этой общей идеи, отраженные в антропоморфной пластике того или иного ареала (Антонова, 1977, с. 92), о чем свидетельствуют также соответствующие материалы Закавказья (Есаян, 1980, с. 6, 10). Е. В. Антонова считает, что представления древних земледельцев, нашедшие отражение в антропоморфной скульптуре, в целом отличались однотипностью, но конкретное применение статуэток в обрядах, магических действиях, в конкретных культовых акциях в разных культурах, могло быть бесконечно разнообразным (Антонова, 1977, с. 95). Она относит их к культовым предметам, семантика которых связана с системой представлений, объединявшихся вокруг символики земли: важнейшими их аспектами являются идеи происхождения, появления в мире существ и предметов (женщина — продолжательница рода), плодородия (Там же, с. 105—113).

Другая группа культовых предметов связана с домашним очагом. В каждом жилом помещении поселений эпохи ранней бронзы находилась углубленный в пол центральный очаг, стенки и бортики которого обмазывались толстым слоем глины. В таких очагах, возможно, поддерживался неугасимый огонь. Очаг являлся символом благополучия семьи, местом, вокруг которого сосредоточивалась домашняя деятельность. У очага совершались различные обряды, его почитали, окружали различными культовыми предметами — идолами, украшали символическими знаками. Так, на поселении Сигитма плоский бортик такого очага украшен четырьмя ориентированными по странам света рельефными кольцами и симметрично расположенными между ними четырьмя налепами в виде буквы «М», трезубца или якорька.

Культовый характер имели и некоторые переносные очаги или очажные подставки. На поселениях Геметюбе II, Чиркей, Шаракун обнаружены переносные очаги и подставки с антропоморфными признаками. Подставки из Геметюбе II представляют собой кирпичи с изображением пары глаз на торцевой стороне (рис. 22, 2, 5, 6). Чиркейские экземпляры относятся к типу рогатых подставок тоже с изображением глаз (рис. 34, 28), а в Шаракуне найдены обломки подковообразных подставок с ручками и изображением лица (Пикуль, 1961; 1962). Последние представляют собой вариант широко известных на поселениях куро-аракской культуры в Закавказье, Анатолии и Восточном Средиземноморье подковообразных подставок (Чубинишвили, 1963, с. 102—103; 1965, с. 131, табл. III, 6; Ханзадян, 1967, табл. XVI, XVII; 1969, с. 164; Хачатрян, 1975, с. 79; Есаян, 1980, с. 13—15, табл. 3—II). Некоторые образцы таких подставок из Закавказья изображают сидящего над очагом мужчину с раздвинутыми ногами — акт оплодотворения домашнего очага (Чубинишвили, 1964, с. 9).

В памятниках куро-аракской культуры известны также очаги с тремя внутренними выступами. Их культовый характер подчеркивает очаг из Караза, выступы которого оформлены в виде фаллов (Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 68). В этом плане интересна находка на поселении Геметюбе II каменного фалла из розоватого песчаника, который, по-ви-

димому, находился у очага как символ, олицетворяющий характерный уже для патриархального общества культ мужского начала. Аналогичная находка происходит из Верхнегунибского поселения (**Котович В. М.**, 1965, с. 143, рис. 51, 14). Подобные же находки известны в Квацхелеби (**Джавахишвили А. И., Глonti**, 1962, табл. IV, рис. 114 и 233), в памятниках дольменной культуры Западного Кавказа (**Марковин**, 1978, с. 213). Все это свидетельствует о широком распространении на Кавказе в эпоху ранней бронзы фаллического культа. Культ этот существовал у разных народов, как у первобытных земледельцев и скотоводов, так и в раннеклассовых обществах. Он проявлялся в самых разнообразных формах: в обоготворении органов оплодотворения как самостоятельных божественных существ, в обоготворении действий или символических изображений этих органов, в их антропоморфировании как божества плодородия земли и человека, в поклонении этим божествам разнообразными актами (**Штернберг**, 1902, с. 265).

Генезис фаллического культа лежит в анимистических представлениях первобытного человека, в частности, в его вере во множественность душ индивида, т. е. в существование кроме главной души-дубликата всего человека еще и самостоятельных душ отдельных частей тела (в том числе и фалла), которые якобы могут существовать отдельно от человека и животных и проявлять в таком состоянии свои чудотворные действия (**Штернберг**, 1902, с. 266; **Марковин**, 1986, с. 114). От человека и животных эти представления были перенесены на всю остальную природу. Растительный мир считался размножающимся так же, как и человек, отсюда воззрение о смене времен года и связанными с нею переменами в жизни растений как результате периодического возрождения и умирания фаллических божеств, творцов растительной жизни. Это воззрение играло огромную роль в обществах раннеземледельческого периода, когда все существование человека зависело от благоприятного роста культурных растений и животных. Оно вызвало целый цикл мифов об умирающем и воскресающем божестве, а также разнообразные весенние и осенние обряды у земледельческих народов (**Штернберг**, 1902, с. 266), которые по симпатической магии должны были вызвать усиленную половую производительность самих богов — богов хлеба, плодов, скота (**Фрэзер**, 1982, с. 158—161, 163, 168—169, 465).

Обряды совершались не только у домашнего очага. Существовали в рассматриваемое время и специальные святилища на территории поселений или за их пределами. Подобные святилища или культовые здания известны на ряде поселений куро-аракской культуры (**Кушнарева, Чубинишвили**, 1970, с. 165; **Арешян**, 1978а, с. 8—9). Интересны в этом плане и остатки одного из помещений на поселении Галгалатли I. Помещение находилось на гребне горы, выше по склону всех остальных построек поселения, отличаясь от остальных домостроений крупными размерами (8 м в диаметре). Вдоль его задней стены была сооружена лавка, тщательно обмазанная глиной. Выступающий наружу край бортика лавки в центральной части украшен символическим изображением в виде буквы «М» из тройных желобков, которое ограничено тремя вертикальными желобками, расположенными с обеих сторон. Все изображение было окрашено в красный цвет. Совершенно аналогичные изоб-

ражения встречены на крупных сосудах-хранилищах из Чиркейского поселения. Изображения, усложненные спиральными завитками, широко применялись в орнаментации керамики и культовых очагов эпохи ранней бронзы на Армянском нагорье (Ханзадян, 1967, с. 108—109, табл. XIX—XXII). Такие же знаки, как уже говорилось, имеются и на одном из крупных центральных очагов в Сигитме. Необычность описанного помещения с символическими культовыми изображениями позволяет считать возможным его использование в качестве культового здания для всей общины. Известны в Дагестане также специальные культовые места — святилища с наскальными изображениями, на которых мы остановимся специально.

Среди керамики эпохи ранней бронзы выделяются отдельные экстраординарные сосуды, возможно, культового назначения. К совершенно редким образцам керамических изделий относится, например, тройной сосуд-кубок со сросшейся двойной ручкой, обнаруженный в великентской катакомбе. Он как бы состоит из трех миниатюрных кубков на ножках, соединенных друг с другом и сообщающихся между собой (рис. 26, 5). Тройные и двойные сосуды распространены довольно широко во времени и пространстве. Так, на Кавказе они известны в памятниках куро-аракской культуры. В нижнем раннебронзовом слое Бешташены найден двойной сообщающийся сосуд с общим полусферическим ушком (Жоржикашвили, Гогадзе, 1974, с. 46, табл. 34). Аналогичный сосуд известен из беденских курганов (Гобеджишвили, 1980, табл. XXXIV, 9). На Северном Кавказе сходные двойные сосуды, определяемые как ритуальные, происходят из памятников кобанской культуры (Крупнов, 1960, с. 271; Козенкова, 1982, с. 81). Такие же сосуды встречаются в памятниках эпохи раннего металла Центральной и Восточной Европы (Banner, Bognar-Kutzian, 1961, Tab. IV, 7; Пассек, 1961, с. 110), Малой Азии (Müller, 1971, Tab. 10, 20—22). Двойные, тройные сосуды были распространены также в Иране (Тепе-Сялук) (Ghirshman, 1939, pl. XIX, 1—3, 6, 7), Средней Азии, Пакистане (культура Свата) (Сарианиди, 1981, с. 184, рис. 3).

Единичность подобных изделий на обширной территории Евразии свидетельствует об их особом назначении, но конкретизировать их функции трудно. Все исследователи, касавшиеся этого вопроса, ограничивались указанием на их ритуальный характер. Может быть, смысл изготовления многоемкостных сосудов удастся раскрыть через Илиаду, которая использована Б. А. Рыбаковым для интерпретации биноклевидных сосудов трипольской культуры (Рыбаков, 1981, с. 186). В сцене похорон Патрокла (песнь XXIII) повествуется об обряде «поения земли»:

*...И всю ночь быстроногий Ахилл богоравный,
Кубок держа двусторонний, вино почерпал беспрестанно
Из золотого сосуда и лил на кормилицу-землю.*

Многоемкостные сосуды, вероятно, использовались в ритуале вызывания дождя, от которого целиком зависела судьба урожая у земледельческих племен, в особенности при отсутствии орошаемого земледелия.

Среди керамики великентских катакомб имеются чаши-миски на высоких полых поддонах, в которых продырявлены отверстия (рис. 26, 17). Возможно, они использовались для каких-либо культовых целей, наподобие курильниц, широко распространенных в катакомбной культуре Предкавказья и всего степного юга Восточной Европы. Не исключено, что такие сосуды служили емкостями для жертвенной влаги при совершении ритуальных возлияний.

Остановимся вкратце на вопросе об орнаментации и семантике некоторых орнаментальных мотивов на керамике ранних земледельцев Северо-Восточного Кавказа. Орнаментальное искусство раннеземледельческих племен в общем соответствовало жизни оседло-земледельческих племен с ее упорядоченностью, ритмичностью, связанными с особенностями нового, земледельческо-скотоводческого хозяйства. В эпоху присваивающего хозяйства орнамент не имел такого широкого распространения, как в период производящего хозяйства. Причем орнаментальные изображения эпохи палеолита непосредственно были связаны с реальными частями, чертами животных и растений, что подчеркивали многие исследователи, касавшиеся этого вопроса (Абрамова, 1972, с. 9—29; Столяр, 1978, с. 87). Орнамент стал ведущим видом искусства лишь у древних земледельцев. Своей условностью он отличается от «натурализма» палеолитической живописи. Это дает основание усмотреть в раннеземледельческом искусстве переход от прежней слитности человека с природой к ее аналитическому восприятию. Вместе с тем орнаментальное искусство ранних земледельцев не настолько абстрактно, чтобы не видеть за ним способности их создателей выражать свои эмоции, чувства, мировосприятие. Доказательством этого является раскрытая Б. А. Рыбаковым семантика трипольского орнаментального искусства (Рыбаков, 1966, с. 106—120; 1965, с. 24—47; 1981, с. 146—212).

Как уже отмечалось, у ранних земледельцев Северо-Восточного Кавказа орнаментальное искусство также было развито весьма слабо, что опять-таки подчеркивает рациональный характер их культуры. Керамика эпохи энеолита и ранней бронзы орнаментировалась редко и довольно скупо. В Гинчи, как мы знаем, известны редкие в общей массе керамики фрагменты сосудов, орнаментированных елочным узором (в основном из группы полосчато-лощенной керамики), валиком с насечками по внешнему краю венчика, и несколько фрагментов керамики с геометрическим расписным орнаментом, представляющим собой чужеродное явление для Северного Кавказа, Центрального и Западного Закавказья, чем они отличаются от всех остальных областей раннеземледельческих культур Евразии.

На раннем этапе эпохи ранней бронзы в общей массе неорнаментированной керамики иногда встречается посуда со скупым рельефным (валики с насечками и зашипами, конические налепы) (рис. 22, 8; 32, 15; 24, 10) и резным орнаментом (пояс из треугольников вершиной вверх или вниз, вписанных ромбов, в виде буквы «М», конический налест со спускающимися от него косо в обе стороны лентами из резных линий) (рис. 32, 5; 35, 9—12; 63). В Великентском могильнике (катакомба 8), на поселении Геметюбе II можно отметить сосуды, оригинально орнаментированные по краю внутреннего бортика резной ломаной линией,

лентой из заштрихованных треугольников, в одном случае налепом в виде змеи, сосцевидными налепами (рис. 22, 21, 24 и 26, 4, 12). На заключительном этапе эпохи ранней бронзы широко распространяется посуда с обмазанной поверхностью тулова и гладкой лощеной горловиной, зачастую отделенных друг от друга валиками с защипами (рис. 23, 6), появляется орнамент из различных сочетаний спиралей, концентрических кругов, кругов с крестами внутри, образующих сложные лицевые узоры (рис. 23, 13 и 25, 12).

В орнаментации керамики Дагестана эпохи энеолита и ранней бронзы можно видеть определенное стремление к антропоморфизации сосудов с помощью конических налепов-грудей и изображений в виде буквы «М», трезубцев, двузубцев, символизирующих лицо. Антропо- и зооморфные сосуды, как известно, имели широкое распространение во всей древнеземледельческой ойкумене: в Передней и Средней Азии, Северном Причерноморье и на Балканах. Многие из них исключительно выразительны, реалистичны и предназначались для совершения различных ритуалов, связанных с представлениями земледельцев о плодородии, благе общины (вызывание дождя, орошение поля, пиршества на земледельческих праздниках и др.) (Антонова, 1984, с. 124—134). Может быть, вертикальное членение мира на ярусы, как на трипольской керамике (Рыбаков, 1981, с. 192—201), отражают сосуды с четко выделенной гладкой верхней частью (небо) и грубо обмазанным туловом (земля), разделенных рельефным валиком, которые были широко распространены на Северо-Восточном Кавказе в эпоху бронзы. Противопоставление неба земле можно усмотреть и в гладкостенных сосудах-горшках с цилиндрической горловиной (небо), отделенной от тулова (земли) перегибом, от которого вершиной вниз свисают треугольники, валики, связываемые обычно с водой, дождем; а пояс из треугольников вершинами вверх на сосудах из Великента и Карабудахкента может означать небесную воду.

Чрезвычайно выразительны и ярки орнаментальные композиции из концентрических кругов, спиралей, кругов, разделенных крестом на четыре части, на сосудах из верхних слоев Каякентского, Великентского поселений, из Мамайкутана. Особенно выделяются в этом отношении три крупных сосуда из Великентского поселения и катакомбы I Великентского могильника.

На одном из сосудов из гончарной печи Великента имеется лицевое изображение, которое состоит из центральной фигуры, напоминающей антропоморфную, со спиральными завитками. Фигура имеет вид двойной спирали, соединенной одной горизонтальной перемычкой и прямоугольной рамой с ячейками и чашками. С обеих сторон фигуры размещены еще по две спирали (каждая из трех завитков), расположенные друг от друга на одинаковом расстоянии (Котович В. Г., 1959, с. 127; Мунчаев, 1961, с. 77, рис. 19, 20).

На другом сосуде также есть аналогичная центральная фигура, но без спиралей (каждый угол прямоугольника с ячейками имеет изогнутые отростки), справа от нее — зооморфное изображение (козел?), а с обеих сторон от них расположены в ряд симметрично по три рельефных концентрических (каждый из трех) круга. Обе стороны композиции

завершаются крючками (по два симметричных крючка на каждой стороне) (рис. 25, 12).

Третий сосуд происходит из поздней катакомбы 1, соответствующей самому верхнему горизонту Великентского поселения. Как и в первом случае, центральная фигура с ячейками в верхней части оформлена двумя спиральными завитками, далее по обе стороны расположено по две концентрические окружности (каждая состоит из трех окружностей), за ними по обе стороны следуют круги с крестом, завершается вся композиция фигурой в виде двойной спирали, напоминающей очковидные подвески.

В. Г. Котович рассматривал центральную фигуру на первом сосуде как сильно стилизованное изображение барана, по обе стороны которого расположены по две спирали (Котович В. Г., 1959, с. 127). Не уточняя семантику центрального изображения, отметим, что во всех композициях важную роль играют солярные знаки (спираль, концентрические круги, круги с крестами), которые (особенно спираль) были распространены широко и территориально и хронологически. Спираль, как известно, является основным ведущим орнаментальным элементом в куро-аракской культуре. Спираль представлена не только как орнамент на керамике. Она воспроизведена и в металле: спиральные браслеты, биспиральные подвески, подвески-лунницы, головки булавок в виде двух волют.

Раскрыть семантику сложных композиций на великентских сосудах не так просто. Возможно, это идеограмма, знаки оберега (как правило, такие композиции имеются только на крупных сосудах для хранения). Но сама спираль олицетворяет, как принято считать, солнце, движущееся по небу, символизирующее вечное движение, четыре спирали, как и круг, разделенный на четыре части крестом, — времена года (Рыбаков, 1981, с. 198—200). Солнце — источник живительного тепла, признак неба. В целом это опять-таки символика культа плодородия. С этим культом вполне созвучна и центральная фигура, которую можно интерпретировать и как древо жизни, и как антропо- или зооморфное существо.

На керамике эпохи ранней бронзы Дагестана встречается также изображение змеи (Великент). Широко распространенные в пространстве и во времени изображения змей на самых различных предметах, в том числе и на сосудах, также связаны с главной идеей мировоззрения раннеземледельческих племен — идеей плодородия, являясь одним из образов ее символика. Как показывают материалы Передней и Средней Азии, изображения змей отличаются исключительным многообразием и многоплановостью. Суммировав многочисленные материалы, касающиеся этого образа, Е. В. Антонова приходит к заключению, что змеи и змеиобразные существа воплощают, в первую очередь, хтоническое плодоносящее начало, отсюда их семантическая связь с образами растений, мотивом размножения людей и животных. Змея олицетворяет силы земли, оказывающей благотворное действие на населяющие ее существа, но нуждающейся и в благе, исходящем от наземных обитателей (Антонова, 1984, с. 157—158).

Таким образом, культовые предметы и орнаментальное искусство

эпохи энеолита и ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа позволяют раскрыть ряд сторон идеологических представлений раннеземледельческих племен, основное содержание которых сводится к всеобъемлющей идее плодородия.

В заключение остановимся еще на одном источнике для изучения искусства и идеологических представлений древних — наскальных изображениях. В Дагестане сейчас известно более 40 местонахождений наскальных изображений, в которых насчитывается свыше 7 тыс. изобразительных единиц. Они подразделяются на две разновидности: 1) нарисованные минеральными красками и 2) резные. В приморских и предгорных районах Дагестана встречаются исключительно резные изображения, тогда как в горах наибольшее распространение получили рисунки, нанесенные на скалы красками, — росписи (Котович В. М., 1974а, с. 29—49; 1980, с. 28—36). Последние, по имеющимся данным, тяготеют к очагам раннего становления производящего хозяйства и в своей основной массе характеризуют представления ранних земледельцев и скотоводов. Ведущее место в них занимают сюжеты аграрного цикла. Так, например, по данным В. М. Котович, среди 104 изобразительных элементов местонахождения Рукдалхит встречено только 8 рисунков, изображающих диких козлов — объектов охоты, что составляет всего 6% от общего количества изобразительных единиц. Сходную картину дают и другие местонахождения росписей (Котович В. М., 1974а, с. 44). Это в определенной степени опровергает существовавшее представление о преимущественно охотничьем характере тематики древних наскальных изображений Дагестана (Исаков, 1951, с. 183; Марковин В. И., 1969, с. 94, 100; Канивец, 1957, с. 160), которое справедливо только в отношении резных изображений.

Появление аграрных циклов и их преобладание в сюжетах наскальных изображений свидетельствуют о ведущей роли производящего хозяйства в экономике древнего населения Дагестана, определяющего особенности быта и системы их идеологических представлений. К одному из архаических пластов аграрного цикла относится изображение в Харитани I в Гумбетовском районе, где встречаются фигуры людей в позе адоранта (с приподнятыми руками), одетых в клетчатые конусовидные одежды, в окружении крупного рогатого скота (Котович В. М., 1980, с. 29). В. М. Котович подчеркивает их сходство с женскими божествами на стенках святилищ Чатал-Гуюка, где они также сопровождались изображениями бычьих голов или фигурками крупного рогатого скота с подчеркнутыми рогами (Котович В. М., 1983, с. 5). Это свидетельствует о характерных для идеологических представлений раннеземледельческих племен процессах выделения и антропоморфизации женского божества и становления образа быка, который олицетворяет мужское начало, символизирующее источник плодородия (Массон, 1971, с. 152).

Особое смысловое значение, видимо, придавалось подчеркнuto приподнятым рукам, а также одежде — конусовидной юбке, украшенной ромбическими клетками. Последние, как известно, интерпретируются как символы женского начала (Амброз, 1965, с. 18; Рыбаков, 1981, с. 158—160). Кроме того, ромб у ранних земледельцев являлся симво-

лом возделанного и засеянного поля. В этом соединении выражается отождествление в сознании древних земледельцев женщины и засеянного поля — плодоносящих и дающих жизнь. И поднятые руки, и юбка, украшенная ромбами, — все это определяло и подчеркивало самую суть рассматриваемого изображения как образа богини плодородия (**Котович В. М.**, 1983, с. 5).

В росписях Харитани I вокруг богини плодородия расположены быки, кошачьи хищники, змеи, олени. Это характерный для ранних земледельцев круг образов-спутников богини плодородия. Среди них главным является образ быка с подчеркнутыми рогами, олицетворявшего плодоносящее начало, источник плодородия. Харитани относится к начальному этапу сложения культа быка, столь характерного для обширного раннеземледельческого мира, в том числе и Кавказа. Дальнейшее развитие здесь этого культа документируют находки фигурок, изображений рогов — букраний, встречаемых на памятниках эпохи раннего металла Кавказа (**Кушнарева**, 1977, с. 49—59; **Ханзадян, Мкртчян, Парсамян**, 1973, с. 110). В Дагестане к этому кругу относятся также глиняные рельефы из нижнего слоя Верхнегунибского поселения с изображениями вспаханного поля и букраний, интерпретируемые как «листы» для выпечки ритуального хлеба с магическими изображениями культовой распашки поля (**Котович В. М.**, 1965, с. 160—169). С культом быка в определенной степени можно связывать также изображение, напоминающее стилизованные бычьи рога — букрании, на бортике лавки в одном из помещений поселения Галгалатли I.

Весьма характерно для раннеземледельческой символики изображение кошачьих хищников, вероятно, выполнявших функции стражей при богине плодородия. В Харитани ими являлись и гепарды, близкие параллели которым имеются в раннеземледельческих поселениях Ирана и Средней Азии (**Котович В. М.**, 1983, с. 6). В росписях Харитани имеется также изображение змеи, о значении которого как символа плодородия уже говорилось выше.

Как и в орнаментации керамики, в наскальных изображениях нашло отражение представление о жизни, выраженное в близком земледельцу образе дерева («древе жизни»). Этот образ запечатлен, в частности, в наскальных изображениях у с. Кара Лакского района. Здесь представлены изображения отдельных деревьев, которые свидетельствуют также о культе дерева. В. М. Котович допускает, что культ дерева, возможно, оказал влияние на развитие других культов. Это прослеживается в изменении солярного символа, передаваемого теперь в образе оленя, у которого вместо рогов изображалось одно дерево, затем два, три преувеличенно крупных «древовидных» рога, а все животное обрамлялось точками. Дальнейшее развитие этот сюжет в виде изображения деревьев со стоящими по сторонам оленями получает в средневековом декоративно-прикладном искусстве Дагестана (**Котович В. М.**, 1980, с. 32; **Маммаев**, 1967, с. 147—163; **Давудов**, 1974, с. 108—111, 116—117).

Достаточно ярко представлена в наскальных изображениях и солярная символика, которая имеет древние корни, уходящие в каменный век. В эпоху энеолита и бронзы она усложняется. Наряду с обычными изображениями солнца в виде простых окружностей и кругов с крестом,

хорошо известным по орнаментации керамики (в наскальных рисунках они выполнены обычно точками), в эпоху раннего металла появляются новые символы солярного характера. Это солнечная ладья — образ, возникший в древнем Египте и получивший распространение на обширной территории Евразии (Формозов, 1980, с. 42—43), олень с широко раскинутыми рогами (олень-золотые рога — один из символов солнца), козлы в окружении точечных знаков, орел — один из устойчивых символов солнца, манера изображения которых находит чрезвычайно близкие параллели в орнаментации керамики у раннеземледельческих племен Передней и Средней Азии (Котович В. М., 1983, с. 7).

В наскальных изображениях горного Дагестана выделяются также многообразные символы, изображающие засеянное поле, — ромбы, «решетки» из нескольких клеток с точками в центре каждой клетки, «лестничные» знаки, разнообразные знаки плодородия. Они составляют другой вид раннеземледельческой символики, который в значительной мере определен ритуально-магическими целями, рассчитанными на обеспечение урожая и увеличение стад. Наряду с распространенной раннеземледельческой символикой в аграрном цикле наскальных изображений встречаются также реалистические изображения, воспроизводящие бытовые сцены ритуально-магического характера. Эти сцены, по данным местонахождения Кара, характеризуют разные стороны труда земледельца: пахоту, молотьбу, засев поля, которые также могли служить основной идее обеспечения плодородия земли посредством магии (Котович В. М., 1980, с. 31).

Существует мнение о том, что древним земледельцам не было пришлое создание наскальных изображений. Сферой их стремлений к «самовыражению» считалась расписная керамика, тогда как творцами наскальных изображений признавались скотоводческие, охотничьи племена (Формозов, 1969, с. 224). Выявление в Дагестане — одном из раннеземледельческих очагов Кавказа — столь мощного пласта древних наскальных изображений, выполненных красками, с большим числом аграрных циклов, позволяет говорить о значительной роли и месте этого вида художественного творчества в духовной жизни раннеземледельческих племен. Отсутствие у ранних земледельцев Северо-Восточного Кавказа традиции изготовления богато орнаментированной расписной художественной керамики, а также массового изготовления мелкой пластики компенсировалось, по-видимому, теми возможностями, которые предоставляло древнему земледельцу для «самовыражения» искусство наскального рисунка.

Итак, мы рассмотрели некоторые стороны идеологических представлений раннеземледельческого населения Северо-Восточного Кавказа в эпоху раннего металла, нашедшие отражение в погребальном обряде, культовых предметах, орнаментации керамики и наскальном искусстве. Как явствует из изложенного, они во многом сходны с представлениями других раннеземледельческих племен, но вместе с тем отличаются особенностями локального характера. В целом же духовная жизнь древних земледельцев Северо-Восточного Кавказа была сосредоточена в основном вокруг главной заботы ранних земледельческо-скотоводческих племен — обеспечения плодородия земли, человека и животных.

ВОПРОСЫ

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Сравнительно-типологический обзор многочисленных археологических материалов позволяет достаточно четко выделить основные культуроопределяющие признаки памятников эпохи ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа. К ним мы относим наиболее устойчивые типологические признаки и особенности поселений и жилищ, погребальных сооружений, керамики, изделий из камня и металла, совокушность которых определяет облик археологической культуры.

В эпоху ранней бронзы на Северо-Восточном Кавказе сохраняются традиционные поселения двух типов — постоянные и сезонные, которые различаются по топографии, характеру строительных и других бытовых остатков, мощности и степени насыщенности культурного слоя. Существовала достаточно развитая строительная традиция, сложились определенные принципы планировки как отдельных домостроев, так и поселения в целом. Характерным является расположение строений рядами, которые в горных условиях возвышались друг над другом террасообразно. Основной формой жилой архитектуры было круглопланное помещение с плоской кровлей, центральным, углубленным в пол круглым стационарным очагом и лавкой, расположенной вдоль стены. К нему примыкала входная камера овальной или прямоугольной формы, в которой находилась двухчастная печь с горизонтально расположенными топочной и обжигательной камерами. В горной зоне основным строительным материалом являлся камень, который нередко использовался и в равнинной зоне. Но здесь более распространены дома типа землянок, полуземлянок, легких наземных построек, имевшие также круглопланную форму.

Круглопланная архитектурная традиция настолько укоренилась в местной этнокультурной среде, что определила даже характер такого исключительно консервативного элемента культуры, как погребальные сооружения, являющиеся, как известно, одним из важнейших компонентов археологической культуры. Погребальные сооружения повторяли формы жилых помещений. В горной зоне это были подземные каменные склепы круглой в плане формы, а в Приморской низменности, где камня мало, строились катакомбы — двухкамерные сооружения, вырубавшиеся в толще материковой глины и воспроизводившие формы круглопланного жилого помещения с прямоугольной пристройкой.

К числу основных культурообразующих признаков относятся также технико-типологические, стилистические особенности керамики. Для Северо-Восточного Кавказа в эпоху ранней бронзы характерна преиму-

щественно неорнаментированная керамика с неорганическими примесями, красной, серой, черной, часто пятнистой гладкостенной лощеной поверхностью. Кухонная, столовая и тарная посуда представлена мисками, банками, горшками и кувшинами с цилиндрическими горловинами, отделенными от тулова перегибами или уступами, имеются также кухонные жаровни в виде дисковидных плиток без бортов или с невысокими стенками с рядами сквозных отверстий ниже края, крупные тарные узкодонные, часто трехручные сосуды с широкими и высокими цилиндрическими горловинами. На позднем этапе эпохи ранней бронзы распространяется керамика с обмазанным глиной шероховатым туловом, а также посуда, украшенная рельефным спирально-концентрическим орнаментом.

На Северо-Восточном Кавказе в этот период получили распространение простые одноярусные гончарные печи, режим обжига в которых определял своеобразие цветовой гаммы местной керамической продукции, в частности ее разноцветность, пятнистость.

Культуроопределяющими являются также особенности продукции металлообрабатывающего производства, которая представлена разнообразными изделиями, в том числе характерными только для данной области Кавказа, изготовленными из специфического для Северо-Восточного Кавказа сплава с низким содержанием мышьяка.

Из каменных изделий следует особо отметить изящные полированные боевые топоры, в других районах Кавказа в рассматриваемое время они не встречаются.

Показателем для этой области Кавказа также отмеченный выше культурный рационализм, нашедший отражение в почти полном отсутствии (или единичности) предметов антропо- и зооморфной скульптуры, богато орнаментированной керамики и др. Такой пробел в какой-то степени восполняется богатейшим искусством наскального рисунка, широко представленным на территории Северо-Восточного Кавказа.

Одни из отмеченных типов археологических объектов имеют отчетливо выраженные местные корни, другие встречаются в самых различных археологических культурах Кавказа, Передней Азии и Юго-Восточной Европы. Но именно устойчивое сочетание всех отмеченных археологических типов выделяет раннебронзовую культуру Северо-Восточного Кавказа среди других археологических культур и комплексов Кавказа и сопредельных областей.

Еще на заре изучения памятников эпохи раннего металла этой области Кавказа А. П. Круглов включил единственный памятник, известный тогда здесь — Каякентское поселение — в круг памятников энеолита куро-аракского междуречья как наиболее северный пункт распространения представленной ими культуры (Круглов, 1958, с. 29). На более широких материалах приморского Дагестана и Чечено-Ингушетии вопросы культурной принадлежности памятников эпохи раннего металла рассмотрены Р. М. Мунчаевым, установившим, что культура, представленная поселениями приморского Дагестана и Чечено-Ингушетии, характеризует более сложный культурный комплекс, чем простое ответвление закавказского, куро-аракского энеолита. Выделив яркие локальные особенности данной культуры в Дагестане, он поставил вопрос о

возможности существования здесь вне зоны ее распространения (т. е. приморских районов) другой местной культуры, определившей своим влиянием своеобразие дагестанского варианта куро-аракской культуры (Мунчаев, 1961, с. 155). Однако наши исследования в горном Дагестане показали, что ареал данной культуры на Восточном Кавказе не ограничивался приморскими районами и полосой предгорий, а включал всю горную зону, за исключением высокогорий, примыкающих к Главному Кавказскому хребту, где подобные памятники пока неизвестны (Гаджиев М. Г., 1983а, с. 6—42). Открытия в Северном Азербайджане позволили включить в ареал северо-восточного варианта куро-аракской культуры Хачмасо-Кубинский район (Халилов, Кесаманлы, 1973, с. 55—63; Мунчаев, 1975, с. 173). Таким образом, культура, отличающаяся единством почти всех ее слагающих, оказалась распространенной на всей территории Северо-Восточного Кавказа.

Отмечаемую безусловную близость охарактеризованных нами памятников Северо-Восточного Кавказа эпохи ранней бронзы к закавказским и принадлежность их к кругу памятников куро-аракской культуры, следует еще раз акцентировать внимание на некоторых их особенностях, которые позволяют точнее определить место представленной ими культуры среди древних культур Кавказа.

В ареале куро-аракской культуры круглопланная каменная жилища архитектура не имела такого внутреннего единства, как в горном Дагестане, где она была фактически единственной архитектурной формой. В Закавказье камень в строительном деле не играл такой роли, какая ему отводилась в горном Дагестане. Наряду с округлыми не меньшую роль в архитектуре поселений куро-аракской культуры в Закавказье играли прямоугольные жилища, например, в Амиранистгора подобные жилища являлись единственной формой домостроений (Чубинишвили, 1963, с. 94). Не столь характерны для Закавказья центральные простые ямообразные очаги (в основном они известны в Шида Картли — древнейших слоях Хизанаантгора) (Киквидзе, 1972, с. 95). На Северо-Восточном Кавказе это почти единственный тип центральных очагов.

Локальный характер культуры Северо-Восточного Кавказа подчеркивается и своеобразием погребальных сооружений. Если овальные подземные каменные сооружения горного Дагестана имеют определенное типологическое сходство с каменными погребальными сооружениями Тамариси и Ахалцихе (Пхакадзе, 1963, с. 138), то катакомбы в ареале куро-аракской культуры нигде не зафиксированы, за исключением Дагестана.

Керамика Северо-Восточного Кавказа, как уже показано выше, находит весьма близкие соответствия в памятниках куро-аракской культуры Закавказья и Восточной Анатолии, но вместе с тем ранняя керамика почти лишена орнамента. Столь характерная для Закавказья орнаментация из спиральных и концентрических кругов в горном Дагестане неизвестна, а в приморской зоне появляется лишь в позднем периоде эпохи ранней бронзы. Жаровни с бортиками, оформленными по краю отверстиями, которые на Кавказе были широко распространены в энеолите, в эпоху ранней бронзы сохранились только в Кахетии (Дедабришвили, 1969, с. 50—52) и на Северо-Восточном Кавказе. Не свойственны

для Закавказья и некоторые формы тарной посуды, встречаемые на Северо-Восточном Кавказе. Появившаяся в Дагестане на позднем этапе развития раннебронзовой культуры грубая керамика с обмазанной поверхностью на юге известна только в прилегающих к Северо-Восточному Кавказу областях: в Кобыстане (**Мурадова**, 1979, с. 115), Кахетии (**Дедабришвили**, 1970, с. 10). Совершенно не представлен в Закавказье и рельефный орнамент в виде валика с защипами или насечками, обычный для орнаментации керамики Северо-Восточного Кавказа, имеются некоторые другие типологические различия.

Добавим ко всему этому определенное своеобразие металла из памятников Северо-Восточного Кавказа, отличающегося от южнокавказского составом и отдельными типологическими особенностями изготовленных из него предметов. Особый колорит культуре Северо-Восточного Кавказа придает присутствие здесь совершенно неизвестных в эпоху ранней бронзы в других областях Кавказа изящных каменных боевых топоров.

Но и в Закавказье данная культура не отличается единством, в ней выделяется несколько локальных вариантов (**Джапаридзе**, 1961; 1976, с. 322—325; **Кушнарева**, **Чубинишвили**, 1970, с. 61—95; **Мунчаев**, 1975, с. 171—191). Шидакартлийский, или северогрузинский, вариант характеризуется особым типом жилища в виде прямоугольных построек с округлыми углами и своеобразной керамикой, среди которой совершенно не представлена посуда со спирально-концентрическим орнаментом (**Джавахишвили А. И.**, **Глонти**, 1962; **Киквидзе**, 1972). Квемокартлийский вариант представлен памятниками типа Дидубе, Кикети (**Джапаридзе**, 1961, с. 157, **Пхакадзе**, 1963). Своеобразный вариант, характеризующийся богато украшенной керамикой, представлен памятниками Армянского нагорья, Араратской долины (**Ханзадян**, 1967). Особый локальный вариант составляют памятники типа Амиранисгора, Караз с характерной для них прямоугольной архитектурой многокамерных домов (**Чубинишвили**, 1963). Локальный вариант данной культуры выделяется и на территории Азербайджана (**Исмаилов**, 1983). Определенным своеобразием отличаются памятники типа Кюльтепе, Геойтепе и Яниктепе на юге Закавказья и в Северо-Западном Иране, а также в районе озера Ван, которые также объединяются в отдельную группу (**Кушнарева**, **Чубинишвили**, 1970, с. 85—95).

Однако различия между этими вариантами и группами памятников порой настолько велики, что весьма проблематично объединить их в единую археологическую культуру. Принципиальные различия между ними прослеживаются в типах жилищ, характере погребальных сооружений и обряда, в керамике, т. е. в таких областях культуры, общность которых только и служит основанием для выделения археологической культуры. Весьма далеки друг от друга в этом отношении памятники Шиды Картли, Армянского нагорья и Северо-Восточного Кавказа. Строго говоря, их объединяют главным образом некоторые общие черты керамических изделий. Поэтому вполне понятно, что некоторые исследователи склонны рассматривать куро-аракскую культуру как культурно-историческое явление более широкого порядка, видят в ней большую культурную общность, включающую значительную территорию Кавка-

за и смежные с ним южные области и состоящую из достаточно самостоятельных археологических культур с общим происхождением (Исмаилов, 1983, с. 34). К обширному куро-аракскому культурному единству, по нашему мнению, принадлежит также культура, представленная памятниками раннебронзовой эпохи Северо-Восточного Кавказа (северо-восточнокавказская культура). Может быть, такой подход к культурологическому осмыслению куро-аракской культуры будет способствовать решению одного из сложных вопросов, связанных с ее изучением, — вопроса о ее происхождении.

Почти все авторы, касавшиеся этого вопроса, считали, что куро-аракская культура сформировалась в междуречье Куры и Аракса, откуда распространилась в другие области. Только Ч. Барней, называвший эту культуру восточноанатолийской, предполагал, что районы Центрального Закавказья и озера Урмии были периферийными для этой культуры, а Восточная Анатолия и район среднего течения Аракса — основными (Burney, 1958, p. 165—166). Открытие в Закавказье энеолитической культуры, предшествовавшей куро-аракской, казалось бы, должно было окончательно решить эту проблему, но полной ясности не принесло и оно. Дело в том, что известные в настоящее время памятники, представляющие энеолитическую культуру в Закавказье, не дают еще вполне убедительных и бесспорных оснований для установления непосредственной генетической связи между ней и куро-аракской культурой. Мнения исследователей в этом вопросе расходятся. Одни считают, что, несмотря на существование отдельных фактов преемственности, эти культуры непосредственно генетически не связаны между собой (Мунчаев, 1961, с. 151—152; 1975, с. 196; Джавахишвили А. И., 1973, с. 223—224; Джапаридзе, 1976, с. 321; Кигурадзе, 1976, с. 172—173). Согласно другой точке зрения, наиболее развернуто обоснованной К. Х. Кушнаревой и Т. Н. Чубинишвили, становление куро-аракской культуры на всей ее территории, за исключением Восточного Средиземноморья, происходило одновременно, на базе предшествовавшей энеолитической культуры. По их мнению, процесс был вызван развитием хозяйства, ремесел, экономики в целом, причем куро-аракская культура сохранила традиции предшествующей эпохи в области домостроительства (круглопланная архитектура), производящего хозяйства (сочетание земледелия и скотоводства), керамического производства (наличие некоторых общих форм) (Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 182—183). Однако, по признанию Т. Н. Чубинишвили, четко очертить область формирования черной и серооленной керамики, характерной для куро-аракской культуры, пока не удается (Чубинишвили, 1971, с. 161). Таким образом, вопрос о происхождении куро-аракской культуры, первоначальном ареале ее формирования окончательно не решен. Для этого, очевидно, потребуется дальнейшее накопление принципиально нового материала, систематизация и обобщение под этим углом зрения уже накопленного. Но, как неоднократно отмечали почти все исследователи, касавшиеся этого вопроса, нет сколько-нибудь серьезных оснований искать корни этой культуры вне основной территории ее распространения.

Отмеченные выше глубоко своеобразные черты культуры Северо-Восточного Кавказа эпохи ранней бронзы позволяют рассматривать ее

как относительно самостоятельное явление в рамках обширного куро-аракского культурного единства. До открытия местного энеолита вопросы происхождения раннебронзовой культуры, представленной памятниками Северо-Восточного Кавказа, решались путем их сопоставления с памятниками сопредельных областей Кавказа. Как уже неоднократно указывалось, исследование, проводившиеся в этом направлении, позволили установить, что памятники Дагестана эпохи раннего металла составляют часть большой куро-аракской культурной общности, один из ее локальных вариантов (Мунчаев, 1961, с. 100). При этом происхождение культуры Дагестана, известной тогда в основном по памятникам в Приморской низменности, представлялось как результат проникновения на эту территорию куро-аракских племен из Закавказья (Там же, с. 154).

Р. М. Мунчаев высказал справедливую мысль о том, что культура приморской зоны Дагестана не является простым ответвлением куро-аракской культуры, а представляет собой симбиоз различных традиций, в том числе и местных (Мунчаев, 1961, с. 97). Открытие энеолита в горном Дагестане, выявление новых памятников, характеризующих основные этапы культурно-исторического развития Северо-Восточного Кавказа в эпоху раннего металла, позволяют теперь решать вопросы происхождения раннебронзовой культуры на более надежной источниковой базе, выснить действительную роль местного энеолитического субстрата в ее формировании.

При рассмотрении основных компонентов материальной культуры эпохи ранней бронзы мы неоднократно отмечали, что в ней отчетливо сохраняются и получают дальнейшее развитие в самых различных проявлениях многие древние традиции, восходящие к местному неолиту и энеолиту. Эти традиции прослеживаются в принципе домостроительства. Так, характерная для эпохи ранней бронзы каменная архитектура круглопланных жилищ с центральными очагами сложилась в горном Дагестане в неолите и продолжала существовать в энеолите. Органической частью этой архитектурной традиции являются погребальные сооружения эпохи ранней бронзы в виде каменных склепов и катакомб. Кроме того, в эпоху ранней бронзы в горной зоне сохраняются традиционные типы поселений (постоянные и сезонные), которые соответствуют естественно-географическим условиям Северо-Восточного Кавказа и отражают сложившиеся здесь в глубокой древности формы организации быта и ведения земледельческо-скотоводческого хозяйства.

Принципиальное значение имеет сохранение энеолитических традиций в керамике эпохи ранней бронзы (рис. 28). Они прослеживаются в технологии изготовления керамики (содержание в тесте только неорганических примесей, разноцветность поверхности сосудов от красного до черного, лощение), в формах посуды кухонной (жаровни с отверстиями), столовой (миски, баночные сосуды, горшки и кувшинообразные сосуды с цилиндрическими горловинами, отделенными от тулова желобком, уступом), тарной (крупные сосуды с широкими и цилиндрическими горловинами). В эпоху ранней бронзы сохраняются рельефная орнаментация из шишечек, валиков с защипами, разнообразные ручки, известные по керамике энеолита. Энеолитические традиции получают в эпоху ран-

ней бронзы дальнейшее развитие, совершенствуются керамические формы, приобретая более устойчивый характер. Одновременно возникают новые типы изделий: жаровень, мисок, кухонных горшков, тарной посуды; появляются разнообразно очажные подставки, новые мотивы орнаментации (резной геометрический, рельефный спирально-концентрический орнаменты). Керамическое производство на Северо-Восточном Кавказе развивается в русле традиций куро-аракской культурной общности.

Одним из показателей существования преемственной связи между этими двумя эпохами служит также сохранение и дальнейшее развитие в эпоху ранней бронзы традиций хозяйствования, особенностей комплексной земледельческо-скотоводческой экономики, сложившихся в эпоху энеолита.

Приципиальные различия между энеолитом и начальным периодом бронзового века Северо-Восточного Кавказа являются обычными для культурных комплексов двух последовательных археологических периодов. Эпоха ранней бронзы характеризует новый уровень развития производительных сил общества, в первую очередь орудийного комплекса, когда глубоко внедряется в быт металл, получают широкое распространение орудия труда, предметы вооружения и другие изделия, изготовленные из бронзы. Сложившийся здесь очаг металлообработки эпохи ранней бронзы развивался как составная часть общекавказского металлургического центра, отличаясь при этом определенным своеобразием. Этот общий для всего Кавказа подъем уровня развития производительных сил сопровождался упадком кремневой индустрии, резким сокращением набора изделий из кремня, применявшегося в эпоху бронзы для изготовления лишь некоторых составных орудий — серпов, пилок, а также наконечников стрел. Активное развитие металлообработки, широкое распространение ее продукции качественно отличают культуру эпохи ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа от предшествующей энеолитической культуры горного Дагестана. Что же касается развития строительного дела и архитектуры, гончарного производства, земледельческо-скотоводческого хозяйства, то в этом отношении племена эпохи ранней бронзы были непосредственными преемниками своих энеолитических предшественников.

Таким образом, рассмотрение культурных комплексов эпохи энеолита и ранней бронзы с точки зрения их преемственности показывает, что формирование северо-восточнокавказского локального варианта куро-аракской культуры или северо-восточнокавказской культуры, входящей в эту большую культурную общность, происходило еще в рамках энеолита. Это свидетельствует о том, что археологические эпохи не всегда прямо соотносятся с археологическими культурами и переход от одной эпохи к другой не обязательно сопровождается сменой археологических культур (Гаджиев М. Г., 1982а, с. 13—14). Такой вывод согласуется с мнением ряда исследователей, считающих, как уже отмечалось при рассмотрении вопросов периодизации, что куро-аракская культура не является культурой только одной эпохи, что она зародилась в энеолите и только развитая ее стадия приходится на бронзовый век (Джапаридзе, 1976, с. 322; Пицхелаури, Дедабришвили, 1976, с. 13).

Из всего сказанного можно заключить, что независимо от решения вопроса о границах первичного ареала куро-аракской культурной общности из этого ареала не должна быть исключена горная зона Северо-Восточного Кавказа, где сложилась и на протяжении длительного времени развивалась одна из локальных культур, входивших в это обширное культурное единство.

На заключительном этапе эпохи ранней бронзы, во второй половине III тыс. до н. э., произошли коренные изменения, вызвавшие закат раннеземледельческой культуры Северо-Восточного Кавказа. Предвестником этих изменений было появление на поселениях данной культуры необычной керамики с грубо обмазанной внешней поверхностью, а также посуды со спирально-концентрическим орнаментом, связанным с Закавказьем. В дальнейшем здесь распространяется характерный для Закавказья строительный материал — сырцовый кирпич, появляются керамические импорты алазано-беденской культуры.

Северные районы Северо-Восточного Кавказа входят в орбиту тесных культурно-исторических связей со степями. Здесь распространяется неизвестный ранее курганный обряд захоронения, а также керамика, украшенная шнуровым орнаментом. Перемены коснулись архитектуры — происходит смена округлых домов и погребальных сооружений прямоугольными. Исчезают из обихода многие типы керамических изделий, характерные для раннебронзовой культуры (жаровни, очажные подставки, горшки с цилиндрической горловиной и перегибом на плечиках, кувшины) и т. п. В конечном итоге все это завершилось распадом существовавшего прежде на этой территории культурного единства и сложением ряда новых археологических культур, которые характеризуются совершенно иными традициями и направлениями связей, имеют лишь некоторые черты преемственности по отношению к предшествующей раннебронзовой культуре (рис. 66) (Гаджиев М. Г., 1974, с. 11—28).

Одна из таких культур, названная гинчинской, выделяется в горных районах Восточной Чечни и Дагестана. Она представлена двумя группами памятников (рис. 66), одна из которых локализуется в горном Дагестане (Гинчи, Верхний Гуниб и др.) (Гаджиев М. Г., 1969; Котович В. М., 1965), другая — в горной Чечне (Гатын-кале и др.) (Марковин, 1963, с. 49—135). Ее характеризуют горные поселения со ступенчатой планировкой прямоугольных жилищ, могильники из каменных прямоугольных и округлых склепов и гробниц с коллективными и индивидуальными захоронениями; сероглиняная керамика с резным и рельефным орнаментом — разнообразные сосуды с преимущественно обмазанной поверхностью; металлические изделия своеобразных форм, представляющих локальный очаг металлообработки. В формировании гинчинской культуры наряду с некоторыми местными традициями большую роль сыграли закавказские алазано-беденская и триалетская культуры, а также северокавказская культура.

Другая группа памятников локализуется в районе Среднего Сулака до Приморской низменности, на стыке степей и горной зоны. Этим объясняется своеобразие культуры, представленной присулакскими памятниками, которая сочетает в себе признаки горной гинчинской культуры и многие черты, свойственные степным культурам (курганы, шнуровой

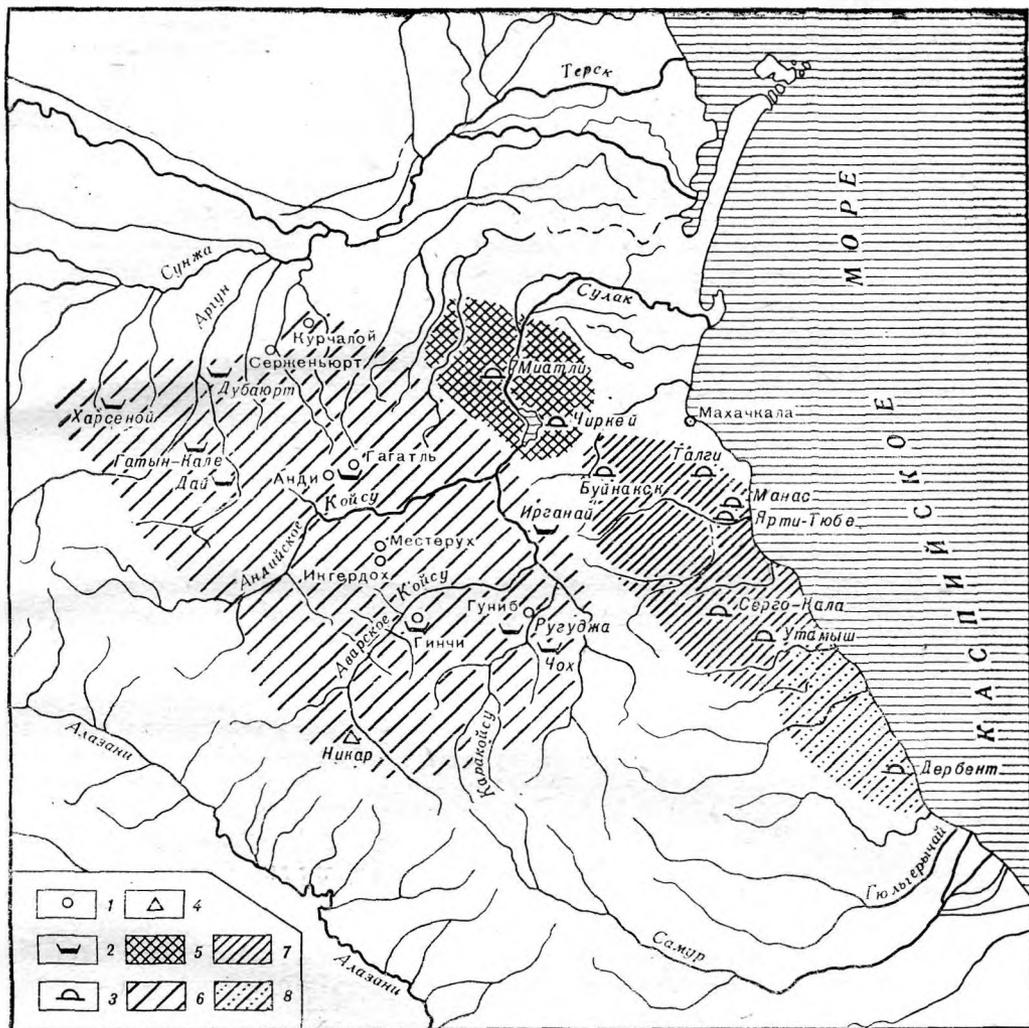

Рис. 66. Археологические культуры и группы памятников Северо-Восточного Кавказа эпохи средней бронзы

1 — поселения; 2 — могильники; 3 — курганы; 4 — отдельные находки; 5 — присулакская группа; 6 — гинчинская культура; 7 — манасская группа; 8 — великентская культура

орнамент) (Канивец, 1959, с. 31—51; Гаджиев М. Г., 1974, с. 15—16).

В южной части Приморской низменности, в районе Дербента и к северу от него, распространены памятники великентской культуры. Она представлена материалами верхних горизонтов прикаспийских поселений (Великент, Геметюбе I и др.), а также великентскими катакомбами. Данная культура имеет некоторые признаки, свидетельствующие об определенной ее преемственности по отношению к предшествующей ран-

небронзовой культуре (сохранение катакомбного обряда захоронения, некоторых типов керамики). Вместе с тем для нее характерны весьма яркие своеобразные черты керамики и особенно металлического инвентаря, которые не могут быть объяснены эволюционным развитием (Гаджиев М. Г., Корневский, 1984, с. 7—27).

В предгорной и центральной приморской части Дагестана имеются и другие разрозненные археологические комплексы эпохи средней бронзы, которые не могут быть причислены ни к одной из перечисленных культур.

Таким образом, на рубеже эпохи ранней и средней бронзы в культурно-историческом развитии Северо-Восточного Кавказа произошли коренные изменения, приведшие в конечном итоге к отчетливому культурному переоформлению этой территории. Была нарушена относительная стабильность развития, раннебронзовая археологическая культура прекратила существование. Распалось прежнее культурное единство Северо-Восточного Кавказа, превратившегося в весьма пеструю в этнокультурном отношении область Кавказа.

Этот процесс не был резким, единовременным актом, судя по имеющимся данным, он протекал постепенно. Некоторые элементы, характерные для среднебронзовых культур, сложились еще в конце эпохи ранней бронзы (прямоугольная архитектура построек, обмазанная керамика), другие (круганый обряд захоронения, керамика со шнуровым орнаментом и др.) — распространились позднее. В новых культурах сохранились некоторые традиции предшествующей эпохи: техника каменного строительства, детали интерьера жилищ (двухчастные печи, лежанки), отдельные типы керамических изделий (миски, некоторые формы горшков). В горной зоне, в гинчинской культуре, круглопланные склепы сменяются окончательно прямоугольными только на позднем этапе ее развития. В Приморском Дагестане в начале эпохи средней бронзы еще сохраняются катакомбы.

Однако все это не меняет общей картины тех глубоких перемен, которые произошли в культурно-историческом развитии Северо-Восточного Кавказа в период становления среднебронзовых культур. Изменился не только общий облик материальной культуры, снизились также темпы культурного и экономического развития общества, наметились определенные признаки застоя и даже упадка. Такие археологические культуры средней бронзы, как гинчинская, присулакская и сменившая их позднее каякентско-хорочоевская, не свидетельствуют о культурном прогрессе общества по сравнению с предшествующей раннебронзовой эпохой. Более низким был уровень развития в этих культурах металлообрабатывающего производства, гончарного дела. Погребения характеризуют общество имущественно и социально мало дифференцированное (Гаджиев М. Г., 1982, с. 10—11). Однако Северо-Восточный Кавказ в этом отношении не является исключением. В литературе неоднократно отмечалось, что подобная ситуация имела место и в других областях Северного Кавказа, что смена майкопской культуры северокавказской сопровождалась не только культурным переоформлением этой территории, но и упадком в развитии культуры эпохи бронзы и общества в целом (Иессен, 1950; Киселев, 1965, с. 28; Формозов, 1965, с. 156—158).

Глубокие этнокультурные сдвиги отмечены и в Балкано-Дунайском районе, где в период перехода от энеолита к раннему бронзовому веку была нарушена почти тысячелетняя стабильность развития раннеземледельческих культур и произошло полное культурное переоформление (Мерперт, 1978, с. 55—56; 1981, с. 10—12).

Культурные изменения, происходившие на Северо-Восточном Кавказе на рубеже эпохи ранней и средней бронзы, выражены весьма отчетливо. Они нашли отражение почти во всех областях культуры (поселения и жилища, формы и орнаментация керамики, металлообработка, погребальный обряд и т. п.). Такой многосторонний характер изменений предполагает вероятность этнических перемещений как с севера, так и с юга. Однако объяснение столь значительных культурно-исторических событий требует учета различных, не только внешних, но и внутренних факторов. В их число применительно к Балкано-Дунайскому региону Н. Я. Мерперт включает кризисные явления внутри самих раннеземледельческих культур (ограниченность технической базы, «демографический» скачок), сложение преимущественно земледельческих и преимущественно скотоводческих культур и активизация их взаимодействий, этнические перемещения, климатические изменения (Мерперт, 1978, с. 57). Важную роль в культурном переоформлении Северо-Восточного Кавказа, вероятно, сыграли следующие факторы: 1) ограниченность природных ресурсов горной зоны для реализации потенциальных возможностей раннеземледельческих культур в условиях ограниченной технической базы; 2) продолжающееся иссушение климата Каспийского региона в III — начале II тыс. до н. э. в период избербашской регрессии (Варущенко А. Н., Варущенко С. И., Клиге, 1980, с. 88); 3) активизация преимущественно скотоводческих групп в степной зоне и их воздействие на оседло-земледельческую северокавказскую среду.

Таким образом, существуют определенные закономерности в развитии обществ границы земледельческой и подвижно-скотоводческой зон: на Северном Кавказе, в Северном Причерноморье и на Балканах.

В заключение главы остановимся кратко на вопросах этнической принадлежности племен — носителей раннеземледельческой культуры Северо-Восточного Кавказа, а также их роли и месте в этногенезе современных народов этой области. Здесь мы акцентируем внимание на двух моментах. Первый связан с определением по данным палеоантропологии роли раннеземледельческого населения в формировании современных антропологических типов Восточного Кавказа. Второй касается языковой принадлежности носителей раннеземледельческой культуры и возможной генетической связи этого языка с восточнокавказскими.

По данным палеоантропологических находок из поселения Гинчи, могильника Гоно, древнее население горного Дагестана было длинноголовым, узколицым, с резко выступающим профилем и принадлежало по своему типу к южной индосредиземноморской ветви европеоидной расы, к которой относится и древнее население Закавказья, Передней и Средней Азии (Гаджиев А. Г., 1968, с. 9; 1975, с. 14—15). Современное население Северо-Восточного Кавказа в антропологическом отношении не является однородным. Более или менее четко выделяются два типа: кавкасионский и каспийский. Первый представлен чеченцами, ингушами,

аварцами, лакцами, частично даргинцами и характеризуются большими размерами головы и широким лицом. Второй, узколицый, представлен народами Центрального и Южного Дагестана (даргинцы-кайтагцы, часть кумыков и лезгины) (Алексеев, 1964, с. 155—173). Согласно В. П. Алексееву, кавкасионский тип восходит к древнейшему верхнепалеолитическому населению, а формирование каспийского типа связано с упомянутыми палеоантропологическими материалами из горного Дагестана (Алексеев, 1964, с. 166—169). Однако А. Г. Гаджиев не исключает возможность трансформации этого древнего узколицего антропологического типа под действием закона эпохальной изменчивости в современный широколицый кавкасионский (Гаджиев А. Г., 1965, с. 103). В любом случае можно констатировать, что древнее население Северо-Восточного Кавказа приняло участие в формировании антропологического типа современных народов Центрального и Южного Дагестана и, следовательно, данные антропологии не противоречат выводу о генетической связи древнего и современного населения Восточного Кавказа.

Вопрос о языковой принадлежности носителей древних культур Кавказа стоит уже давно. В этом плане особое внимание привлекала, в частности, куро-аракская культура. Вопросы языковой принадлежности ее носителей касались или специально его рассматривали Дж. Мелларт (Mellaart, 1957, р. 66, 79—87), Ч. Барней (Vigneu, 1958, р. 166; Vigneu, Lang, 1971, р. 49), О. М. Джапаридзе (Джапаридзе, 1961, с. 268; 1976, с. 336—340), Е. И. Крупнов (Крупнов, 1964, с. 26—43), Г. А. Меликишвили (Меликишвили, 1965, с. 4—30), И. М. Дьяконов (Дьяконов, 1966), Р. М. Мунчаев (Мунчаев, 1975, с. 409—413) и в последнее время Г. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов (Гамкрелидзе, Иванов, 1980, с. 3—27; 1981, с. 11—33; 1984, с. 859—958). Одни считают возможным, что язык носителей куро-аракской культуры принадлежал к индоевропейским (Л. Вулл, Г. А. Меликишвили, Г. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов), другие (Дж. Мелларт, Ч. Барней, О. М. Джапаридзе, И. М. Дьяконов и др.) относят его к хуррито-урартским. Считается также, что в создании куро-аракской культуры значительную роль сыграли картвельские племена (Джапаридзе, 1961, с. 248—253; 1976, с. 338; Дьяконов, 1966, с. 8). Точка зрения о принадлежности данной культуры хуррито-урартским племенам представляет особый интерес в связи с гипотезой о генетическом родстве хуррито-урартских и нахско-дагестанских языков, высказанной Я. Брауном и Г. А. Климовым и обоснованной в дальнейшем И. М. Дьяконовым (Дьяконов, 1967, с. 165). В последнее время для обоснования этой гипотезы привлекался дополнительный материал. И. М. Дьяконов и С. А. Старостин выявили около 250 лексических сближений восточнокавказских и хуррито-урартских языков, обнаруживающих закономерные звукосоответствия, показали тождество ряда явлений в морфологии и пришли к выводу, что хуррито-урартский является одним из восточнокавказских языков (Ардзинба, 1983, с. 168).

Хурриты засвидетельствованы источниками в Северной Месопотамии, Сирии, на востоке Малой Азии с середины III—II тыс. до н. э. Их язык близок к урартскому, распространенному на Армянском нагорье во II—I тыс. до н. э. (Дьяконов, 1967, с. 113—118). Пределы распространения хуррито-урартских языков в III—II тыс. до н. э. территориально и

хронологически в основном совпадают с границами распространения куро-аракской кул уры в Передней Азии, что позволило высказать предположение о принадлежности ее носителей к хуррито-урартским племенам (Джапаридзе, 1961, с. 268; Дьяконов, 1966, с. 7—8). Коль скоро горная зона Северо-Восточного Кавказа была областью формирования одной из культур, составляющих куро-аракское культурное единство, можно полагать, что в первоначальный исторический ареал хуррито-урартских племен входила и эта зона, где издревле обитали носители восточнокавказских или нахско-дагестанских языков.

Генетическое родство нахско-дагестанских языков считается установленным и давно не вызывает сомнений. Реконструируемый лингвистами общенахско-дагестанский или прасеверо-восточнокавказский язык, по данным глоттохронологии, выделился из общесеверокавказского примерно к середине VI — началу V тыс. до н. э. (Старостин, 1985, с. 90), а начало его распада относится к III тыс. до н. э. (Бокарев, 1961, с. 17—18). Следовательно, устанавливаемое чисто лингвистическими методами время существования прасеверо-восточнокавказского языка (с середины VI — начала V по III тыс. до н. э.) почти полностью совпадает с бытованием на Северо-Восточном Кавказе раннеземледельческой культуры, развивавшейся на протяжении VI—III тыс. до н. э. Для соотнесения раннеземледельческой культуры и прасеверо-восточнокавказского языка важное значение имеет характер культурной лексики последнего. По данным новейших лингвистических исследований, культурная лексика реконструируемого праязыка свидетельствует о высоком уровне хозяйственного и культурного развития его носителей. Лексический анализ позволил констатировать у них наличие земледелия с возделыванием пшеницы, ячменя и проса, скотоводства с разведением крупного рогатого скота, овец, коз и свиней, начальной стадии развития металлургии, прядения и ткачества, орудийного комплекса, включающего плуг, серп, топор, долото, колесного транспорта (Старостин, 1985, с. 89). Это полностью соответствует характеру земледельческо-скотоводческого археологического комплекса, уровню технического и культурного развития населения Северо-Восточного Кавказа в эпоху энеолита и ранней бронзы, которые обстоятельно рассмотрены в предыдущих главах настоящей работы. Поэтому следует считать анахронизмом сохраняющееся до сих пор среди специалистов смежных наук представление, будто земледельческо-скотоводческий комплекс проник на Северный Кавказ не ранее III тыс. до н. э. и, следовательно, в V—IV тыс. до н. э. на территории Северного Кавказа отсутствовала культура, обладающая описанным, по данным лексикологии, набором культурной терминологии (Старостин, 1985, с. 89).

Таким образом, сопоставление данных археологии, антропологии и лингвистики позволяет считать, что пранахско-дагестанские племена были создателями раннеземледельческой культуры Северо-Восточного Кавказа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

В результате целенаправленных археологических исследований получены многочисленные материалы, характеризующие основные этапы становления и развития культуры древнего оседло-земледельческого населения Северо-Восточного Кавказа на протяжении весьма длительного периода — от неолита до эпохи средней бронзы (VI—III тыс. до н. э.). Это значительно расширяет зону распространения на Кавказе раннеземледельческой культуры за счет включения в нее территории Северо-Восточного Кавказа, являющегося одной из крупных географических и историко-этнографических областей Кавказа. Всестороннее изучение археологических комплексов позволяет наметить некоторые общие закономерности сложения производящего хозяйства и дальнейшего развития земледельческой культуры в горных зонах и одновременно выявить на кавказских материалах особенности этого процесса на северной окраине раннеземледельческой ойкумены.

Новые археологические материалы подтверждают правоту Н. И. Вавилова, который еще в 20-х годах, основываясь на чисто геоботанических данных, отнес Дагестан к числу горных районов, являющихся очагами первоначальной земледельческой культуры, и включил его вместе с Закавказьем в юго-западноазиатский центр происхождения культурных растений. В VIII—VII тыс. до н. э. горная зона Северо-Восточного Кавказа была заселена носителями чохской культуры, весьма близкой к прикаспийскому мезолиту. Здесь, в аридных климатических условиях мангышлакской регрессии, в среде высокоспециализированных собирателей растительной пищи и охотников на безоаровых козлов и муфлонообразных баранов происходит зарождение древнейшей на Кавказе земледельческой культуры. В ее развитии выделяются три этапа.

На первом, неолитическом, этапе (конец VII—VI тыс. до н. э.) в горном Дагестане в среде носителей чохской культуры произошел окончательный переход к новым формам экономики, базирующейся на земледелии и скотоводстве, складывается прочный оседлый быт. Появляются окультуренные злаки, земледельческие орудия, одомашненные животные, возникают фундаментальные каменные жилища, зарождается керамическое производство, т. е. формируется хозяйственно-бытовой комплекс, типичный для древнейших оседло-земледельческих поселений Ближнего Востока. Судя по палеоботаническим и палеозоологическим данным, орудийному комплексу (основан на пластинчатой микролитовидной технике, пережиточно сохранившейся от мезолита), основу хозяйства носителей чохской культуры в период неолита составляли земле-

делие и скотоводство в сочетании с присваивающими формами экономики. Сложение производящего хозяйства и возникновение прочной оседлости ускорили темпы роста населения, привели к интенсивным демографическим процессам.

На втором этапе, охватывающем эпоху энеолита (V—IV тыс. до н. э.), раннеземледельческая культура горного Дагестана развивается на основе чохской культуры в условиях существования тесных связей с культурами сопредельных областей Кавказа, Передней Азии и Юго-Восточной Европы. Раннеземледельческие общины осваивают новые территории горной зоны Северо-Восточного Кавказа: долины рек, горные плато. В ходе расселения земледельческо-скотоводческих групп возникает новый тип поселений — сезонные. Сохраняется круглопланная архитектура, сложившаяся еще в неолите. Орудийный комплекс базируется на крупнопластинчатой технике, совершенно исчезает микропластинчатый инвентарь. Совершенствуется керамическое производство, развивается теплотехника, позволявшая изготавливать высококачественную керамику, а также прядение и ткачество, кожевенное, деревообрабатывающее и другие производства. Сложившийся на данном этапе развития раннеземледельческой культуры тип хозяйства характеризуется как земледельческо-скотоводческо-охотничий. В культурологическом плане энеолит горного Дагестана как устойчивый археологический комплекс достаточно четко выделяется среди других культур и групп памятников Кавказа эпохи палеометалла.

На третьем этапе, укладываемом в хронологические рамки ранне-бронзового периода (конец IV—III тыс. до н. э.), культура Северо-Восточного Кавказа развивает энеолитические традиции как часть большой куро-аракской общности Кавказа и смежных южных областей. Данный этап характеризуется дальнейшим хозяйственным освоением и заселением почти всех естественно-географических зон Северо-Восточного Кавказа. В горной зоне в ходе расселения земледельческо-скотоводческих групп населения возникают оседло-земледельческие поселения с фундаментальной каменной круглопланной архитектурой. На этом этапе плотно заселяется и Приморская низменность, где на рубеже IV—III тыс. до н. э. складываются оптимальные климатические условия для земледельческого освоения. Экономическое развитие общества характеризуется расцветом земледельческо-скотоводческого хозяйства, сложением террасного земледелия, усовершенствованием земледельческих орудий, распространением пахотных орудий, использованием тягловой силы животных. Деградивовавшая к концу эпохи энеолита кремневая индустрия в эпоху ранней бронзы почти исчезает из обихода. Основой производительных сил становятся орудия, изготовленные из металла — мышьяковой бронзы. Технический прогресс ярко проявляется в металлообрабатывающем и керамическом производствах, превратившихся в общинные ремесла. Их становление является характерным признаком третьего этапа.

Воссоздаваемый по материалам Северо-Восточного Кавказа процесс зарождения и первоначального развития земледельческой культуры является одним из проявлений общих закономерностей в древнейших очагах производящего хозяйства. В этом отношении Северо-Восточный Кав-

каз представляется частью обширной ближневосточной ойкумены, где на основе местных культурных традиций складывается ряд оседло-земледельческих культур. Процесс дальнейшего развертывания неолитической революции, протекающий по переднеазиатской модели, обычно завершается сложением раннеклассового общества древневосточного типа (Массон, 1981а, с. 42—47).

Однако процесс дальнейшего поступательного развития раннеземледельческой культуры Северо-Восточного Кавказа, протекавший на протяжении более 3 тысяч лет в условиях сохранения безусловной культурной преемственности на всех этапах (неолит, энеолит, начало бронзового века), был заметно нарушен во второй половине III тыс. до н. э. Сложение раннеклассового общества затянулось здесь еще на два тысячелетия. На рубеже ранней и средней бронзы (конец III тыс. до н. э.) произошел закат раннеземледельческой культуры Северо-Восточного Кавказа, распалось прежнее культурное единство этой территории. Здесь сложились новые археологические культуры и комплексы среднебронзовой эпохи, сохранившие лишь отдельные черты преемственности по отношению к предшествующей раннебронзовой культуре и имевшие отчетливые признаки иных культурных традиций. Снизилась темпы культурного и экономического развития общества, наметились определенные признаки застоя и даже упадка. Однако это не представляет собой узколокальное северо-восточнокавказское явление. Сходными были культурно-исторические процессы и в других обществах, развивавшихся на базе оседло-земледельческой экономики, на северной окраине раннеземледельческой ойкумены, на границе с обществами подвижных скотоводческих племен, в частности на Северном Кавказе, в Северном Причерноморье и на Балканах. Это свидетельствует о чрезвычайной сложности конкретно-исторической картины, в которой, как подчеркивал В. И. Ленин, порою могли совершаться гигантские скачки назад (Ленин, т. 30, с. 6).

Однако раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа не исчезла бесследно, как и ее носители, которые сыграли значительную роль в дальнейшем этногенетическом развитии населения этой области. Отдельные ее компоненты вошли в новые культуры эпохи средней бронзы, а некоторые сохранились вплоть до современной этнографической действительности Дагестана: типы поселений, интерьер жилищ (двухчастные печи, лежанки, лавки), техника каменного строительства, земледельческие террасы и др. Антропологический тип древнего оседло-земледельческого населения лег в основу формирования физического облика народов, населяющих ныне Северо-Восточный Кавказ. Их языки, относящиеся к нахско-дагестанской группе кавказских языков, восходят к прасеверо-восточнокавказскому, культурная лексика которого отражает уровень экономического и культурного развития раннеземледельческого общества Северо-Восточного Кавказа в V—III тыс. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.
- Ленин В. И. О брошюре Юннуса // Полн. собр. соч. Т. 30.
- Ленин В. И. О государстве // Полн. собр. соч. Т. 39.
- Абесадзе Ц. Н. Производство металла в Закавказье в III тыс. до н. э.: (Куро-аракс. культура). Тбилиси, 1969. На груз. яз. Рез. на рус. яз.
- Абесадзе Ц. Н., Бахтадзе Р. А., Двали Т. А., Джaparидзе О. М. К истории медно-бронзовой металлургии в Грузии. Тбилиси, 1958. На груз. яз. Рез. на рус. и англ. яз.
- Абибуллаев О. А. Раскопки холма Кюль-тепе // КСИИМК. 1953. Вып. 51.
- Абибуллаев О. А. Раскопки холма Кюль-тепе близ Нахичевани в 1958 г. // МИА. 1959. № 67. Рез. на фр. яз.
- Абуллаев О. А. Некоторые итоги изучения холма Кюль-тепе в Азербайджане // // СА. 1963. № 3.
- Абибуллаев О. А. К вопросу о древней металлургии Азербайджана: (По материалам поселения Кюль-тепе) // МИА. 1965. № 125. Рез. на фр. яз.
- Абибуллаев О. А. Погребальные памятники из поселения Кюль-тепе // Археологические исследования в Азербайджане. Баку, 1965а.
- Абибуллаев О. А. Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку, 1982.
- Абрамишвили Р. М. Археологические исследования на новостройках Большого Тбилиси // Археологические исследования на новостройках ГССР. Тбилиси, 1976.
- Абрамова З. А. Древнейшие формы изобразительного творчества: (Археол. анализ палеолит. искусства) // Ранние формы искусства. М., 1972.
- Абрамова Т. А. Изменение увлажненности Каспийского региона в голоцене по палинологическим данным // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980.
- Абрамова Т. А. Палинологический анализ четвертичного морского террасового комплекса Западного Прикаспия // Споропыльцевой анализ при геоморфологических исследованиях. М., 1981.
- Агаханянц О. Е. Аридные горы СССР. М., 1981.
- Агларов М. А. Техника сооружения террасных полей и эволюция форм собственности на землю у аварцев (до XX в.) // УЗ ИИЯЛ Даг. АН СССР. Махачкала, 1964. Т. 13.
- Алексеев В. П. Некоторые вопросы происхождения народов Дагестана в свете антропологии Северного Кавказа // УЗ ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР. Махачкала, 1964. Т. 13.
- Алексеев В. П. О структуре и древности кавказского типа в связи с происхождением народов Центрального Кавказа // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
- Амброз А. К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // // СА. 1965. № 3.
- Амирханов Х. А. Верхний палеолит Северного Кавказа и его соотношение с верхним палеолитом смежных территорий: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.
- Амирханов Х. А. Типологические параллели поздним комплексам Чохской стоянки в мезолите Восточного Прикаспия // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977а.

Амирханов Х. А. Становление производящего хозяйства на Северном Кавказе: (По раскопкам в Чохе) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: Рез. докл. Ереван, 1982.

Амирханов Х. А. Чохское поселение — памятник становления производящего хозяйства в Дагестане // Природа. 1982а. № 5.

Амирханов Х. А. Начало земледелия в Дагестане // Природа 1983. № 2.

Амирханов Х. А. Чохская археологическая культура и проблема культурных ареалов раннего голоцена кругокаспийской области // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.

Амирханов Х. А. Чохское поселение: Человек и его культура в мезолите и неолите гор. Дагестана // М., 1987.

Андреева М. В. К вопросу об южных связях майкопской культуры // СА. 1977. № 1. Рез. на фр. яз.

Андрианов Б. В. Земледелие наших предков. М., 1978.

Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // СЭ. 1972. № 2. Рез. на англ. яз.

Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Историко-этнографические области: (Пробл. ист.-этногр. районирования) // СЭ. 1975. № 3.

Антонов Б. А., Мусейтов М. Н., Сафронов И. Н. и др. Региональная геоморфология Кавказа. М., 1979.

Антонова Е. В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977.

Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии: Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984. Рез. на англ. яз.

Аразова Р. Б. Каменные орудия эпохи энеолита: (Обсидиан и камень): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Баку, 1974.

Аразова Р. Б., Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г. Энеолитическое поселение Гаргалар-Тепеси // АО 1971 г. М., 1972.

Аразова Р. Б., Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г. Раскопки на энеолитическом поселении Гаргалар-Тепеси // АО 1972 г. М., 1973.

Ардзинба В. Г. О некоторых новых результатах в исследовании истории языков и культуры древней Анатолии / Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983.

Арешян Г. Е. Изучение стратиграфии Мохрабура // АО 1977 г. М., 1978.

Арешян Г. Е. Искусство куро-аракской культуры // II Междунар. симпоз. по армян. искусству. Ереван, 1978а.

Арешян Г. Е. Норабац — новый памятник эпохи бронзы // АО 1979 г. М., 1980.

Артамонов М. И. Раскопки курганов на Маныче в 1934 г. // СА. 1949. № 11.

Артеменко И. И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967

Археология Венгрии: Камен. век. — М., 1980.

Арциховский А. В. Основы археологии. М., 1955.

Асланов Г. М., Вайдов Р. М., Ионе Г. И. Древний Мингечаур: (Эпоха энеолита и бронзы). Баку, 1959.

Атаев Д. М., Кушнарера К. Х. Два поселения в урочище Чинна (горный Дагестан) // КСИА. 1966. Вып. 108.

Атаев Д. М., Погребова М. Н. Поселение эпохи бронзы у с. Ирганай Унцукульского района // МАД. Махачкала, 1973. Т. 3.

Багаев М. Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1970.

Бадер Н. О. Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита // СА. 1965. № 4.

Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль-Сотто: (По раскопкам 1971, 1973—1974 гг.) // СА. 1975. № 4. Рез. на фр. яз.

Бадер Н. О. Телль-Магзалия — раннеолитический памятник на севере Ирака // СА. 1979. № 2.

Белоглазова Т. А. Гончарные печи в окрестностях сел. Великент // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981.

Белановская Т. Д. Ракушечно-ярская культура времени неолита и энеолита на

Нижнем Дону // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1983.

Бетров Р. Ж. К древней истории племен Центрального Кавказа. Нальчик, 1982.

Бжания В. В. Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии // СА. 1966. № 1.

Бжания В. В., Папаскири Л. А., Габелия О. Н. Раскопки Мачарского поселения и кургана в Псху // АО 1978 г. М., 1979.

Вибиков С. Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре: К истории ранних земледельско-скотовод. племен на Юго-Востоке Европы // МИА. 1953. № 38.

Бокарев Е. А. Введение в сравнительно историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.

Борисковский П. И. Палеолитические местонахождения в Туркмении // КСИИМК. 1947. Вып. 18.

Бочкарев В. С. Проблема Бородинского клада // Проблемы археологии. М., 1968. Т. 1.

Бурчак-Абрамович Н. И. Фауна пещеры Сагварджиле в Западной Грузии: Домаш. животные. Тбилиси, 1980.

Вавилов Н. И. Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований. М.; Л., 1932.

Вавилов Н. И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. 1936. № 2.

Вавилов Н. И. Мировые ресурсы сортов хлебных злаков, зерновых, бобовых, льна и их использование в селекции. М.; Л., 1957. Т. 1.

Вавилов Н. И. Учение о происхождении культурных растений после Дарвина // Избр. тр. М.; Л., 1965. Т. 5.

Вавилов Н. И. Центры происхождения культурных растений // Избр. произведения: В 2 т. Л., 1967. Т. 1.

Варазашвили В. В. Материалы середины IV тыс. до н. э. из Иоро-Алазанского бассейна // Тр. КАЭ. 1980. № 4. На груз. яз. Рез. на рус. яз.

Варазашвили В. В. Дамшвари Гора — поселение эпохи энеолита // Тр. КАЭ. 1984. № 6. На груз. яз. Рез. на рус. и англ. яз.

Вардамян Л. А. Постплиоценовая история Кавказско-Черноморско-Каспийской области. Ереван, 1948.

Варуценко А. Н., Варуценко С. И., Клиге Р. К. Изменение уровня Каспийского моря в позднем плейстоцене — голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980.

Васильев И. Б. Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.

Васильев И. Б. Энеолит лесостепного Поволжья // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.

Васильев И. Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981.

Векуа А. К. Животный мир Восточной Грузии в эпоху энеолита по материалам поселения Арухло I // Человек и окружающая его среда: МАГК. Тбилиси, 1984. № 9.

Верещагин Н. К. Млекопитающие Кавказа: История формирования фауны. М.; Л., 1959.

Викторов А. Ф., Гиммельрейх В. Г., Львов П. Л., Микулич И. Н., Эльдаров М. М. Дагестанская АССР. Махачкала. 1958.

Виноградов А. В., Кузьмина Е. Е. Литейные формы из Лявлякана // СА. 1970. № 2. Рез. на фр. яз.

Воронский В. А. Голоценовая история Каспийского моря по палинологическим данным // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980.

Вулли Л. Ур Халдеев. М., 1961.

Габуня М. К. Триалетская мезолитическая культура. Тбилиси, 1975. На груз. яз. Рез. на рус. яз.

Гаджиев А. Г. Происхождение народов Дагестана: (По данным антропологии). Махачкала, 1965.

Гаджиев А. Г. В глубь веков. Махачкала. 1968.

Гаджиев А. Г. Некоторые данные по краниологии Северо-Восточного Кавказа // МАД. Махачкала, 1973. Т. 3.

- Гаджиев А. Г. Древнее население Дагестана: По данным краниологии. М., 1975.
- Гаджиев М. Г. Гинчинский могильник эпохи бронзы: Предвар. сообщ. // УЗ ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР. Махачкала, 1962. Т. 10.
- Гаджиев М. Г. Отчет о работе Гинчинского отряда ДАЭ в 1962 г. // РФ ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР. 1962а. Ф. 3, оп. 3, д. 162.
- Гаджиев М. Г. О погребальном обряде племен горного Дагестана в бронзовом веке // УЗ ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР. Махачкала, 1964. Т. 13.
- Гаджиев М. Г. Новые данные о связях Дагестана с Закавказьем и Передней Азией в IV—III тыс. до н. э. // МСПИАЭИ: Тез. докл. Баку, 1965.
- Гаджиев М. Г. Отчет о работе 1-го горного отряда ДАЭ в 1964 г. // РФ ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР. 1965а. Ф. 3, оп. 3, д. 190.
- Гаджиев М. Г. Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тыс. до н. э. // КСИА. 1966. Вып. 108.
- Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы: (Могильник Гинчи). Махачкала, 1969.
- Гаджиев М. Г. Раскопки памятников бронзового века в горном Дагестане // АО 1968 г. М., 1969а.
- Гаджиев М. Г. Раскопки поселения раннебронзовой эпохи в горном Дагестане // АО 1970 г. М., 1971.
- Гаджиев М. Г. Чиркейское поселение раннебронзовой эпохи // ТД СПИПАИ в 1970 г. Тбилиси, 1971а.
- Гаджиев М. Г. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
- Гаджиев М. Г. К вопросу о происхождении и хронологии северокавказских топоров кабардино-пятигорского типа // Пятое Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975.
- Гаджиев М. Г. К выделению северо-восточнокавказского очага каменной индустрии ранних земледельцев // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978.
- Гаджиев М. Г. Некоторые вопросы этнокультурного развития населения Северо-Восточного Кавказа в V—III тыс. до н. э. // VIII Крупновские чтения: Тез. докл. Нальчик, 1978а.
- Гаджиев М. Г. Новые данные о генезисе палеометаллической культуры Дагестана // МСПИЭИД в 1976—1977 гг. Махачкала, 1978б.
- Гаджиев М. Г. Исследования Прикаспийской экспедиции // АО 1977 г. М., 1978в.
- Гаджиев М. Г. Северо-Восточный Кавказ и куро-аракская культура // IX Крупновские чтения: Тез. докл. Элиста, 1979.
- Гаджиев М. Г. Древнее земледелие и скотоводство в горном Дагестане // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980.
- Гаджиев М. Г. Древнейшие поселения горного Дагестана // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980а.
- Гаджиев М. Г. Изучение памятников бронзового века в Прикаспийском Дагестане // АО 1979 г. М., 1980б.
- Гаджиев М. Г. К периодизации куро-аракской культуры на Северо-Восточном Кавказе // X Крупновские чтения: Тез. докл. М., 1980в.
- Гаджиев М. Г. Новые данные о бронзовом веке Дагестана // МСПИЭИД в 1978—1979 гг. Махачкала, 1980 г.
- Гаджиев М. Г. Керамика горного Дагестана эпохи раннего металла // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981.
- Гаджиев М. Г. Некоторые особенности культурного прогресса по материалам археологии Северного Кавказа // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: Тез. докл. Ереван, 1982.
- Гаджиев М. Г. О соотношении палеометаллических археологических эпох и культур на Восточном Кавказе // Конф. по археологии Северного Кавказа: XII Крупновские чтения: Тез. докл. М., 1982а.
- Гаджиев М. Г. Великентский склеп — памятник древней металлургии // Природа. 1983. № 8.
- Гаджиев М. Г. Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983а.

- Гаджиев М. Г. Изучение стратиграфии прикаспийских поселений эпохи бронзы // Всесоюз. археол. конф. Достижения сов. археологии в XI пятилетке. Баку, 1985.
- Гаджиев М. Г. Северо-Восточный Кавказ как географическая и этнокультурная область // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985а.
- Гаджиев М. Г. Погребальные обряды раннеземледельческих племен Дагестана // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986.
- Гаджиев М. Г. и др. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1965 г. // РФ ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР 1966. Ф 3, оп. 3, д. 227.
- Гаджиев М. Г. и др. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1966 г. // РФ ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР. 1967 Ф. 3, оп. 3, д. 229.
- Гаджиев М. Г., Кореневский С. Н. Металл Великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984.
- Гаджиев М. Г., Котович В. М., Котович В. Г. Рецензия на книгу: Кушьярева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа // СА. № 2. 1972.
- Гаджиев М. Г., Магомедов Р. Г. Новые материалы по погребальному обряду эпохи бронзы Дагестана // Тез. докл. НСПИЭИ ИИЯЛ в 1982—1983 гг. Махачкала, 1984.
- Гаджиев М. Г., Мамрив М. М. Исследования Прикаспийской экспедиции // АО 1977 г. М., 1978.
- Гамкрелидзе Г. В., Иванов В. В. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема: Врем. и ареал. характеристики европ. яз. по лингвист и культур.-ист. данным // ВДИ. 1980. № 3. Рез. на англ. яз.
- Гамкрелидзе Г. В., Иванов В. В. Миграция племен — носителей индоевропейских диалектов с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // ВДИ. 1981. № 2. Рез. на англ. яз.
- Гамкрелидзе Г. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и ист.-типол. анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Т 1—2.
- Гвоздецкий Н. А. Кавказ: Очерки природы. М., 1963.
- Гвоздецкий Н. А., Федина А. Е. Физико-географическое районирование Кавказа // Вопросы географии. 1956. Сб. 39.
- Геворкян А. Ц. Древняя разработка меди // АО 1971 г. М., 1972.
- Геворкян А. Ц. Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. Ереван, 1980.
- Геворкян А. Ц., Черных Е. Н. В поисках древних медных рудников Армении // АО 1970 г. М., 1971.
- Гей А. Н. Погребение литейщика новотитаровской культуры из Нижнего Прикубанья // Археологические открытия на новостройках. М., 1986.
- Георгиев Г. И. Памятники первобытного общества на территории Болгарии // Наука и человечество. М., 1982.
- Гезелишвили И. А. К древнейшей истории добычи и обработки меди в Болнисском районе // САН ГССР. 1967 Т 47, № 1. На груз. яз. Рез. на рус. яз.
- Глonti Л. И., Джавахишвили А. И., Киквидзе Я. А., Тушабрамишвили Д. М. Некоторые итоги полевых работ 1964 г. Урбниской и Квирильской археологических экспедиций // ВГМГ. 1968. Т. 25-В.
- Глonti Л. И., Джавахишвили А. И., Кигурадзе Т. В. Антропоморфные фигурки Храма Диди-Гора // ВГМГ. 1975. Т. 31-В.
- Глonti М. Г. Памятники Арагвского ущелья раннебронзовой эпохи // ДКППВГРР (Аннот.) Тбилиси, 1984.
- Гобеджишвили Г. Ф. Бедени — культура курганных погребений Тбилиси, 1980. На груз. яз. Рез. на рус. яз.
- Гогелия Д. Д. Особенности поселения Арухло I // МАГК. Тбилиси, 1979. № 7
- Гогитидзе С. И. Неолитическая культура Юго-Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1978. На груз. яз. Рез. на рус. яз.
- Грозный Б. Доисторические судьбы Передней Азии // ВДИ. № 3—4. 1940.
- Гуммель Я. И. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи в Азербайджане // КСИИМК, 1948. Вып. 20.
- Гюль К. К., Власова С. В., Кисин И. М., Тергеров А. А. Физическая география Дагестанской АССР Махачкала, 1959.

- Давудов О. М. Отчет о работе Верхнелабкомахинского отряда ДАЭ в 1972 г // РФ ИИЯЛ Даг фил. АН СССР 1973. Ф. 3, оп. 3, д. 383/6250.
- Давудов О. М. Раскопки на Верхнелабкомахинском городище // АО 1972 г М., 1973а.
- Давудов О. М. Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974.
- Давудов О. М. Новые исследования Центральнодагестанской экспедиции // АО 1983 г. М., 1985.
- Даниленко В. Н. Неолит Украины: Главы древ. истории Юго-Восточ. Европы. Киев, 1969.
- Даниленко В. Н. Энеолит Украины: Этногр. исслед. Киев, 1974.
- Деген Б. Е. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // МИА. 1941. № 3. Рез. на фр. яз.
- Дсабришвили Ш. Ш. Памятники эпохи ранней и средней бронзы // Тр. КАЭ. 1969. Т. 1.
- Дедабришвили Ш. Ш. Культура эпохи ранней бронзы Иоро-Алазанского бассейна: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Тбилиси, 1970.
- Джавахишвили А. И. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тыс. до н. э. Тбилиси, 1973.
- Джавахишвили А. И. Раннеземледельческие поселения // Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1965—1971) Тбилиси, 1975. На груз. яз. Рез. на рус. яз.
- Джавахишвили А. И., Глonti Л. И. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелби: (Твлепиакохи) Тбилиси, 1962. VIII. (АН Груз. ССР Гос. Музей Грузии. Урбниси. — Т. I. Вып. I). На груз. яз. Рез. на рус. яз.
- Джавахишвили Г. И. К истории раннеземледельческой культуры Западного Закавказья: (По археол. данным) Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Тбилиси, 1971.
- Джапаридзе О. М. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961. На груз. яз. Рез. на рус. и англ. яз.
- Джапаридзе О. М. Культура раннеземледельческих племен на территории Грузии // VII Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук. М., 1964.
- Джапаридзе О. М. К этнической истории грузинских племен: По данным археологии. Тбилиси, 1976. На груз. яз. Рез. на рус. яз.
- Джапаридзе О. М. Культура грузинских племен V—II тыс. до н. э. по данным новейших археологических открытий // II Междунар. симпоз. по грузин. искусству Тбилиси, 1977.
- Джапаридзе О. М., Джавахишвили А. И. Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции 1965—1966 гг // ВООИ АН ГССР 1967 № 3. На груз. яз. Рез. на рус. яз.
- Добрынин Б. Ф. География Дагестанской Республики. Махачкала, 1926.
- Долуханов П. М., Тимофеев В. Н. Абсолютная хронология неолита Евразии: (По данным радиоуглерод. метода) // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972.
- Дробышев Д. В. Геологическое строение Дагестанской АССР и ее полезные ископаемые // Природные ресурсы Дагестанской АССР М., Л., 1935. Т. 1.
- Дьяконов И. М. Некоторые лингвистические данные к проблеме связей населения Восточного Кавказа и Закавказья с Древним Востоком в III—I тыс. до н. э. // Материалы семинара по проблеме происхождения и формирования азербайджанского народа: Тез. Баку, 1966. Вып. 12.
- Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
- Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.
- Есаян С. А. Оружие и военное дело древней Армении: (III—I тыс. до н. э.) Ереван, 1966.
- Есаян С. А. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении: (III—I тыс. до н. э.) Ереван, 1976.
- Есаян С. А. Скульптура древней Армении. Ереван, 1980.
- Жоржикашвили Л. Г., Гогодзе Э. М. Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы: (Раскопки 1936—1940, 1947—1948 гг.) // Каталог Триалетских материалов. Тбилиси, 1974. Т. 2.
- Збеневич В. Г. Поднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев, 1974.
- Золотов К. Н. О животноводстве в древнем Дагестане // Тр. ДСХИ. 1968. Т. 18.

Золотов К. Н. Osteологические особенности сельскохозяйственных животных по материалам археологических раскопок // Тр. ДСХИ, 1968а. Т. 18.

Зонн С. В. Опыт естественно-географического районирования Дагестана // Сельское хозяйство Дагестана. М., 1946.

Иерусалимская А. А., Козенкова В. И., Крупнов Е. И. Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии: (По материалам Сев.-кавк. археол. экспедиции 1961 г.) // КСИА. 1963. Вып. 94.

Иессен А. А. Работы на Сулаке: Отчет о работах в 1933 г // ИГАИМК. 1935. Вып. 110.

Иессен А. А. К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. 1950. № 12.

Иессен А. А. Майкопская культура и ее датировка // Тез. докл. на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М., 1962.

Иессен А. А. Кавказ и Древний Восток в IV—III тыс. до н. э. // КСИА. 1963. Вып. 93. С. 3—14.

Иессен А. А. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи // МИА, 1965. № 125. Рез. на фр. яз.

Ионе Г. И. О гончарных обжигательных печах из Мингечаура // МКА. Баку, 1951. Т. II.

Исаков М. И. Новые археологические находки в Дагестане // КСИИМК, 1951. Вып. 36.

Исаков М. И. Чиркатинские древности в Дагестане // СА. 1961. № 4.

Исмаилов Г. С. Археологическое исследование древнего поселения Баба-Дервиш (III тыс. до н. э.) Баку, 1978.

Исмаилов Г. С. Раннебронзовая культура Азербайджана. Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Тбилиси, 1983.

История Дагестана: В 4 т. М., 1967. Т. I.

История Древнего Востока. М., 1983. Ч. 1.

История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. I.

Кавтарадзе Г. Л. Хронология археологических культур Грузии эпохи энеолита и бронзы в свете новых данных. Тбилиси, 1981. На груз. яз. Рез. на рус. и англ. яз.

Кавтарадзе Г. Л. К хронологии энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси, 1983.

Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.

Каменецкий И. С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. Рез. на фр. яз.

Канивец В. И. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. // УЗ ИИЯЛ. Даг. фил. АН СССР Махачкала, 1957. Т. 3.

Канивец В. И. Отчет о раскопках памятников бронзового века // РФ ИИЯЛ. Даг. фил. АН СССР. 1957а. Ф. 3, оп. 3, д. 66.

Канивец В. И. Мнатли — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане // МАД. Махачкала, 1959. Т. 1.

Канивец В. И., Буров Г. И. Отчет о раскопках Чир-Юртовского отряда // РФ ИИЯЛ. Даг. фил. АН СССР. 1956. Ф. 3, оп. 3, д. 68.

Канивец В. И., Березанская С. С. Курганы бронзового века на Сулаке // МАД. Махачкала, 1959. Т. 1.

Кашкай М. А., Селимханов И. Р. Из истории древней металлургии Кавказа. Баку, 1973.

Кесаманлы Г. П., Гусейнова М. А., Джафаров И. Ф. и др. Новые памятники в районе строительства Шамхорской ГЭС // АО 1975 г. М., 1976.

Кигурадзе Т. В. Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. Тбилиси, 1976. На груз. яз. Рез. на рус. яз.

Киквидзе Я. А. Раннебронзовое поселение Хизанаантгора. Тбилиси, 1972. На груз. яз. Рез. на рус. яз.

Киладзе Н. З. Памятник нового каменного века из Тетрамино // МИГК. Тбилиси. 1951. Вып. 29. На груз. яз. Рез. на рус. яз.

Киселев С. В. Бронзовый век // Новое в советской археологии. М., 1965.

Кларк Дж. Г. Доисторическая Европа: Эконом. очерк. М., 1953.

Клейн Л. С. Проблема определения археологической культуры // СА. 1970. № 2. Рез. на фр. яз.

Климов Г. А. Кавказские языки. М., 1965.

Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры: Вост. вариант // САИ М., 1982. Вып. В 2—5.

Козенкова В. И., Крупнов Е. И. Исследования Сержень-Юртовского поселения: (По раскопкам 1964 г.) // КСИА. 1966. Вып. 106.

Конференция: Идеологические представления древнейших обществ: Тез. докл. М., 1980.

Кореневский С. Н. О металлических топорах майкопской культуры // СА. 1974. № 3. Рез. на фр. яз.

Кореневский С. Н. Металлические орудия труда и оружие эпохи бронзы Восточной Европы: (Втульчатые топоры): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1975.

Кореневский С. Н. Новые данные по металлообработке майкопской культуры // VII Крупновские чтения: Тез. докл. Нальчик, 1978.

Кореневский С. Н. О металле эпохи ранней бронзы Дагестана // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978а.

Кореневский С. Н. Место бронзовых уникальных изделий, посуды, ювелирной утвари в металлообработке майкопской культуры // IX Крупновские чтения: Тез. докл. Элиста, 1979.

Коридзе Д. Л. Новая находка топора-кирки в районе Дманиси // ВГМГ. 1956. Вып. 19-В. На груз. яз. Рез. на рус. яз.

Коридзе Д. Л. Новые находки медных орудий в Квемо-Картли: (Дманисский и Марнеульский р-ны ГССР) // СА. 1958. № 1.

Коробкова Г. Ф. Определение функций каменных и костяных орудий с поселения Джейтун по следам работы // ТЮТАКЭ. 1960. Т. 10.

Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии // МИА. 1969. № 158.

Коробкова Г. Ф. Локальные различия в экономике ранних земледельческо-скотоводческих обществ: (К постановке пробл.) // УСА. Л., 1972. Вып. 1.

Коробкова Г. Ф. Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии: (По материалам камен. индустрии) // СА. 1975. № 3. Рез. на фр. яз.

Коробкова Г. Ф. Поселение неолитических земледельцев Гиевджик-Деле в Южном Туркменистане // УСА. Л., 1975а. Вып. 3.

Коробкова Г. Ф. Экспериментально-трассологическое изучение древних производств трипольского общества // АО 1974 г. М., 1975б.

Коробкова Г. Ф. Экспериментально-трассологическое изучение древних серпов и мезолитических орудий // АО 1976 г. М., 1977

Коробкова Г. Ф. Древнейшие жатвенные орудия и их производительность: (В свете эксперим.-трассол. изучения): СА. 1978. № 4. Рез. на фр. яз.

Коробкова Г. Ф. Исторические и методологические обоснования комплексного изучения орудий труда // Методика археологических исследований и закономерности развития древних обществ: (Тез. совещ.). Ашхабад, 1980.

Коробкова Г. Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 1981.

Коробкова Г. Ф., Гаджиев М. Г. О культурных и хозяйственных особенностях поселения Гинчи (Дагестан) // СА. 1983. № 1. Рез. на англ. яз.

Коробкова Г. Ф., Кигурадзе Т. В. К вопросу о функциональной классификации каменных орудий из Шулаверис-Гора // КСИА. 1972. Вып. 132.

Коробкова Г. Ф., Эсакиа К. М. Обсидиановая индустрия Цопи // МАГК. Тбилиси. 1979. VII.

Костюченко И. П. Раскопки Миатлинского курганного поля в 1955 г. // МАД. Махачкала. 1959. Т. 1.

Котович В. Г. Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане: Предвар. сообщ. // УЗ ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР. Махачкала, 1957. Т. 3.

Котович В. Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД. Махачкала, 1959. Т. 1.

Котович В. Г. Отчет о работе II Чиркейского отряда ДАЭ // РФ ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР. 1959а. Ф. 27, д. 41.

Котович В. Г. Отчет о работе II Чиркейского отряда ДАЭ в 1959 г. // РФ ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР. 1960.

Котович В. Г. Археологические работы в горном Дагестане // МАД. Махачкала, 1961. Т. 2.

Котович В. Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане // УЗ ИИЯЛ. Даг. фил. АН СССР. Махачкала, 1961а. Т. 9.

Котович В. Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964.

Котович В. Г. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности // СА. 1965. № 3.

Котович В. Г. Основные этапы социально-экономического развития раннеземледельческого населения Дагестана // Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя: ТДК. М., 1974.

Котович В. Г. Некоторые вопросы древней металлургии меди в связи с проблемой зарождения железной металлургии на Кавказе // СА. 1977. № 3. Рез. на фр. яз.

Котович В. Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития древнего населения Дагестана. М., 1982.

Котович В. Г., Котович В. М. Отчет о работе 1 горного отряда // РФ. ИИЯЛ. Даг. фил. АН СССР. 1959. Ф. 27, д. 13.

Котович В. Г., Котович В. М. Находки древних бронзовых топоров в Дагестане // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

Котович В. Г., Шейхов Н. Б. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет: (Итоги и пробл.) // УЗ ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР. Махачкала, 1960. Т. 8.

Котович В. М. Верхнегунибское поселение: (Предвар. сообщ.) // МАД. Махачкала, 1961. Т. 2.

Котович В. М. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана: К истории даг. племен в конце III—II тыс. до н. э. Махачкала, 1965.

Котович В. М. Первые итоги изучения древних рисованных наскальных изображений в горном Дагестане // ТД СПИПАИ в 1970 г. Тбилиси, 1971.

Котович В. М. Искусство и региональные представления раннеземледельческих племен горного Дагестана // Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя: ТДК. М., 1974.

Котович В. М. Опыт классификации древних писаниц горного Дагестана // Древности Дагестана. Махачкала, 1974а.

Котович В. М. Образ божества плодородия в искусстве раннеземледельческих племен Дагестана // Пятое Крупновское чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975.

Котович В. М. Древнейшие писаницы горного Дагестана. М., 1976.

Котович В. М. Образ богини-матери в древних писаницах горного Дагестана и некоторые параллели ему в мифологии и фольклоре // Фольклор и историческая действительность: ТД ВНК. Махачкала, 1976а.

Котович В. М. О некоторых верованиях раннеземледельческого населения Дагестана // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.

Котович В. М. Некоторые данные о связях населения Дагестана и Передней Азии в древности // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983.

Котович В. М., Марковин В. И., Хехнева Т. Д. Древние и современные ареалы диких копытных на территории Дагестана // МАД. Махачкала, 1973. Т. 3.

Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья: Фатьяновская культура II тыс. до н. э. М., 1972.

Кричевский Е. Ю., Круглов А. П. Неолитическое поселение близ г. Нальчика // МИА. 1941. № 3. Рез. на фр. яз.

Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. // МИА. 1958. № 68.

Круглов А. П., Пиотровский Б. Б., Подгаецкий Г. В. Могильник в г. Нальчике // МИА. 1941. № 3. Рез. на фр. яз.

Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. Долинское поселение у г. Нальчика // МИА. 1941. № 3. Рез. на фр. яз.

Крупнов Е. И. Каякентский могильник — памятник древней Албании // Тр. ГИМ. 1940. № XI.

Крупнов Е. И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода: (Опыт периодизации памятников эпохи энеолита и бронзы) // МИА. 1951. № 23.

Крупнов Е. И. Прикаспийская археологическая экспедиция (1951 г.) // КСИИМК. 1954. Вып. 55.

Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.

- Крупнов Е. И.** Первые итоги изучения восточного Предкавказья: (По материалам экспедиций 1952 и 1955 гг.) // СА. 1957а. № 2.
- Крупнов Е. И.** Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Крупнов Е. И.** Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. (К пробл. происхождения коренных народов Кавказа) // СА. 1964. № 1.
- Кузьмина Е. Е.** Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. М., 1966.
- Куфтин Б. А.** К вопросу о древних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии // КСИИМК. 1940. Вып. 8.
- Куфтин Б. А.** Археологические раскопки в Триалети: Опыт периодизации памятников. Тбилиси, 1941. Рез. на груз. и англ. яз.
- Куфтин Б. А.** К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии // ВГМГ. 1944. № 12-В.
- Куфтин Б. А.** Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит // ВГМГ. 1944а. № 13-В. Рез. на груз и фр. яз.
- Куфтин Б. А.** К проблеме энеолита внутренней Картлии и Юго-Осетии // ВГМГ. 1947. № 14-В. Рез. на груз. яз.
- Куфтин Б. А.** Археологические раскопки 1947 года в Цалкинском районе. Тбилиси. 1948.
- Куфтин Б. А.** Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949.
- Куфтин Б. А.** Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949а. Техника да шрома. Т. 1.
- Куфтин Б. А.** Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1950. Техника да шрома. Т. 2.
- Кушнарева К. Х.** Введение к работе А. П. Круглова «Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э.» // МИА. 1958. № 68.
- Кушнарева К. Х.** К вопросу о социальной интерпретации некоторых погребений Южного Кавказа // КСИА. 1973. Вып. 134.
- Кушнарева К. Х.** Древнейшие памятники Двина. Ереван, 1977.
- Кушнарева К. Х.** О времени становления пашенного земледелия на Южном Кавказе: (К постановке пробл.) // ИФЖ. 1977а. № 4.
- Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.** Историческое значение Южного Кавказа в III тыс. до н. э. // СА. 1963. № 3.
- Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.** Древние культуры Южного Кавказа (V—III тыс. до н. э.) Л., 1970. Рез. на англ. яз.
- Лапин В. В.** Об основной тенденции в развитии жилой архитектуры // Реконструкция древних общественных отношений по материалам жилищ и поселений: КТД. Л., 1974.
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.** Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. 1955. № 4.
- Леонтьев О. К., Чекалина Т. Н.** Колебания уровня Каспийского моря в голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980.
- Лисицына Г. Н.** Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении // МИА. 1965. № 128.
- Лисицына Г. Н.** Культурные растения и их роль в развитии производящей экономики на территории Кавказа // Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя: ТДК. М., 1974.
- Лисицына Г. Н.** Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении: Опыт ист. анализа материалов комплекс. исслед. на юге СССР и Ближнем Востоке. М., 1978. Рез. на англ. яз.
- Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.** Палео-этноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977 Рез. на англ. яз.
- Любин В. П.** Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977.
- Любин В. П.** Ранний палеолит Кавказа // Палеолит СССР М., 1984 (Археология СССР).
- Магомедов Р. Г.** Закавказский керамический импорт в Дагестане и вопросы хронологии памятников эпохи средней бронзы // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Майкоп, 1984.

Магомедов Р. Г. Об одной группе археологических комплексов эпохи ранней бронзы Дагестана // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Орджоникидзе, 1986.

Магомедов С. М. К вопросу о металлопроизводстве в Дагестане в III—II тыс. до н. э. // V Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тез. докл. Махачкала, 1975.

Магомедов С. М. К вопросу о местном металлургическом очаге в древнем Дагестане // Археология Северного Кавказа: VI Крупновские чтения в Краснодаре: Тез. докл. М., 1976.

Маммаев М. М. О происхождении одного дагестанского орнаментального мотива // УЗ ИИЯЛ Даг фил. АН СССР Махачкала, 1967. Т. 17

Маммаев М. М. Из истории гончарного производства в раннесредневековом Дагестане: (Гончарные печи Андреяульского городища) // УЗ ИИЯЛ Даг фил. АН СССР Махачкала, 1970. Т. 20.

Марковин В. И. Наскальные изображения в Дагестане // Изв. ВГО. 1953. Т. 85, вып. 2.

Марковин В. И. Археологические памятники в районе с. Капчугай Дагестанской АССР // СА. 1954. № 20.

Марковин В. И. Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан) // КСИИМК. 1957. Вып. 67

Марковин В. И. Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана // СА. 1958. № 1.

Марковин В. И. Неолитическая стоянка близ Махачкалы // МАД. Махачкала, 1959. Т. 1.

Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) // МИА. 1960. № 93.

Марковин В. И. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне: (Могильник у с. Гатын-Кале) // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.

Марковин В. И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965.

Марковин В. И. Дагестан и Горная Чечня в древности: Каякентско-Хорочоевская культура // МИА. 1969. № 122.

Марковин В. И. Каменные орудия с желобчатými перехватами на территории Дагестана и Северного Кавказа // МАД. Махачкала, 1973. Т. 3.

Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.

Марковин В. И. Культурная пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.

Марковин В. И., Мунчаев Р. М. Неолитическая стоянка близ г. Буйнакса (Дагестан) // КСИИМК. 1957. Вып. 67.

Марковин В. И., Мунчаев Р. М. О двух типах каменных орудий Северного Кавказа // КСИА. 1961. Вып. 84.

Мартirosян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964.

Мартirosян А. А., Мнацаканян А. О. Приереванский клад древней бронзы // КСИА. 1973. Вып. 134.

Мартirosян А. А., Торосян Р. М. К вопросу об интерпретации энеолитической культуры Армении // Вестн. обществ. наук АН АрмССР 1967 № 3. На арм. яз.

Массон В. М. О культе женского божества у анауских племен // КСИИМК. 1959. Вып. 73.

Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М., Л., 1964.

Массон В. М. К эволюции оборонительных стен оседлых поселений // КСИА. 1966. Вып. 108.

Массон В. М. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества. (Этапы культ. и хоз. развития по материалам Азиат. материка) // Доклады и сообщения археологов СССР. VII Междунар. конгр. доисториков и претористориков. М., 1966а.

Массон В. М. Неолит Средней Азии // МИА. 1970. № 166.

Массон В. М. Поселение Джейтун: (Пробл. становления производящей экономики) // МИА. 1971. № 180.

Массон В. М. Понятие культуры в археологической систематике // Каменный век Средней Азии и Казахстана: Тез. докл. Ташкент. 1972.

Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ: (В свете данных археологии) Л., 1976.

Массон В. М. Алтын-Деле // ТЮТАКЭ. 1981. Т. 18.

Массон В. М. Основные направления культурно-исторического процесса // Становление производства в эпоху энеолита и бронзы. М.: Наука, 1981а.

Массон В. М. Введение // Энеолит СССР М., 1982. (Археология СССР)

Массон В. М. Древнейший Ближний Восток: история земледельческо-скотоводческой экономики // Археология Старого и Нового света. М., 1982а. Рез. на англ. яз.

Массон В. М. Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. М., 1982б. (Археология СССР)

Массон В. М., Мунчаев Р. М. Энеолит СССР // Всесоюз. конф. Новейшие достижения сов. археологов. М., 1977

Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала: Лесостепь и степь. М., 1982.

Махмудов Ф. Р., Мунчаев Р. М., Нариманов И. Г. О древнейшей металлургии Кавказа // СА. 1968. № 4

Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г. О раскопках на поселении Аликемек-тепеси // АО 1971 г М., 1972.

Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г. Раскопки двух новых энеолитических поселений Азербайджана в 1971 г // ТД ОПИПАЭИ в Азербайджане 1971 г. Баку, 1972а.

Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г. Раскопки холма Аликемек-тепеси // Итоги полевых археологических исследований за 1972 г в Азербайджанской ССР: Тез. Баку, 1973.

Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г. Поселение Аликемек-тепеси // АО 1973 г М., 1974.

Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г. Раскопки холма Аликемек-тепеси // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане в 1973. Баку, 1974а.

Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г. Исследования на поселении Аликемек-тепеси // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане в 1973. Баку, 1974а.

Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г. Исследования на поселении Аликемек-тепеси // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане в 1974 г Баку, 1975.

Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г. Раскопки поселения Аликемек-тепеси // АО 1974 г М., 1975а.

Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г. Раскопки Муганского отряда // АО 1975 г М., 1976.

Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г., Аразова Р. Б. и др. Раскопки горизонта II поселения Аликемек-тепеси // АО 1976 г М., 1977

Мелентьев А. Н. Памятники сероглазовской культуры: (Неолит Северного Прикаспия) // КСИА. 1975. Вып. 141.

Мелентьев А. Н. О хронологии раннего неолита Северного Прикаспия // КСИА. 1978. Вып. 153.

Меликишвили Г. А. Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии // ВДИ. 1965. № 1.

Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982.

Менабде М. В., Кигурадзе Т. В., Гогодзе К. М. Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1978—1979 гг.) // Археологические экспедиции государственного музея Грузии. Тбилиси, 1980. Вып. 7 На груз. яз. Рез. на рус. яз.

Менабде М. В., Кигурадзе Т. В. Археологические памятники с. Сиони. Тбилиси, 1981. На груз. яз. Рез. на рус. яз.

Мерперт Н. Я. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 г. // КСИА. 1962. Вып. 88.

Мерперт Н. Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III—начало II тыс. до н. э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук, М., 1968.

Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.

Мерперт Н. Я. О племенных союзах древнейших скотоводов степей Восточной Европы // Проблемы советской археологии. М., 1978.

Мерперт Н. Я. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.

Мерперт Н. Я. Ранние скотоводы Восточной Европы и судьбы древнейших цивилизаций // Studia Praehistorica. София, 1980а. № 3.

Мерперт Н. Я. Вопросы культурно-исторического развития Юго-Восточной Европы на грани энеолита и раннего бронзового века // Всесоюз. науч. конф., посвящен-

ная новейшим открытиям в области археологии и 100-летию V археологического съезда. Тбилиси, 1981.

Мерперт Н. Я. К вопросу о термине «энеолит» и его критериях // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж, 1981а.

Мерперт Н. Я. К вопросу об архайческом этапе хассунской культуры // Археология Старого и Нового Света. М., 1982. Рез. на англ. яз.

Мерперт Н. Я. Циркумпонтийская зона в раннем бронзовом веке: Вопр. культ. контактов // Междунар. симпоз. «Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху ранних металлов». Телави, 1983.

Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии: (По материалам раскопок сов. экспедиции) // СА. 1981. № 3. Рез. по фр. яз.

Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Погребальный обряд племен Халафской культуры (Месопотамия) // Археология Старого и Нового света. М., 1982. Рез. на англ. яз.

Мзиев И. М., Бегрозов Р. Ж., Нагоев А. Х. Археологические раскопки 1972 г. в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973.

Милорадович О. В. Новые археологические находки в Грозненской области // КСИИМК. 1956. Вып. 64.

Мирзоев Р. Н. К типологии предметов вооружения из раннебронзовых памятников Дагестана // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977.

Монгайт А. Л. Археология Западной Европы: Камен. век. М., 1973.

Мунчаев Р. М. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана (III—II тыс. до н. э.) Автореф. дис. ... канд. ист. наук: М., 1953.

Мунчаев Р. М. Основные итоги и перспективы историко-археологического изучения Дагестана // Материалы научной сессии по истории народов Дагестана. Махачкала, 1954.

Мунчаев Р. М. Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита // СА. 1955. № 22.

Мунчаев Р. М. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. // КСИИМК. 1958. Вып. 71.

Мунчаев Р. М. К истории археологического изучения Дагестана // МАД. Махачкала, 1959. Т. 1.

Мунчаев Р. М. Энеолитическая культура Северо-Восточного Кавказа // ТД НСАД. Махачкала, 1959а.

Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. 1961. № 100.

Мунчаев Р. М. Энеолитическая культура Северо-Восточного Кавказа // МАД. Махачкала, 1961а. Т. 1.

Мунчаев Р. М. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии: (Из результатов работ Сев.-Кавк. экспедиции) // СА. 1962. № 3.

Мунчаев Р. М. Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ // Новое в советской археологии. М., 1965.

Мунчаев Р. М. Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы (V—III тыс. до н. э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1971.

Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века: Неолит, энеолит, ран. бронза. М.: Наука, 1975.

Мунчаев Р. М. Энеолит Кавказа // Энеолит СССР. М., 1982. (Археология СССР).

Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии: Исслед. Сов. экспедиции в Иране. М.: Наука, 1981. Рез. на англ. яз.

Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане: (Курган. группа у ст. Манас) // СА. 1956. № 26.

Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф. Археологические памятники близ с. Карабудахкент // МИА. 1958. № 68.

Муралова Ф. М. Гобустан тунш доврундэ. Баку, 1979. На азерб. яз. Рез. на рус. яз.

Мухелишвили Д. Л. Вопросы исторической географии ущелья Панкиси // Тр. КАЭ. 1969. Т. 1.

Нариманов И. Г. Древнейшие серпы Азербайджана (IV тыс. до н. э.) // СА. 1964. № 1.

Нариманов И. Г. Археологические исследования поселения Шому-Тепе в 1963 г. // Археологические исследования в Азербайджане. Баку, 1965.

Нариманов И. Г. Древнейшая земледельческая культура Закавказья // Доклады и сообщения археологов СССР: VII Междунар. конгр. доисториков и протоисториков. М., 1966.

Нариманов И. Г. О земледелии эпохи энеолита в Азербайджане // СА. 1971. № 3. Рез. на фр. яз.

Нариманов И. Г. К истории древнейшего скотоводства в Азербайджане // ДАН АзССР 1977. № 10. Рез. на англ. яз.

Нариманов И. Г. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана: Автореф. дис. ...-ра ист. наук. Тбилиси, 1982.

Нариманов И. Г. Обейдские племена Месопотамии в Азербайджане // Всесоюз. археол. конф.: Достижения сов. археологии в XI пятилетке: Тез. докл. Баку, 1985.

Нариманов И. Г., Исмаилов Г. С. Акстафачайское поселение близ г. Казача // СА. 1962. № 4.

Нариманов И. Г., Махмудов Ф. Р. Энеолитические памятники на Мугани // Изв. АН АзССР Сер. истории, философии и права. 1977. № 2. Рез. на азерб. яз.

Небиеридзе Л. Д. Неолит Западного Закавказья. Тбилиси, 1972. На груз. яз. Рез. на рус. яз.

Нехаев А. А. Новое поселение майкопской культуры // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1983.

Нечитайло А. Д. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978.

Новиков Ю. Ф. О возникновении земледелия и его первоначальных формах // СА. 1959. № 4.

Окладников А. П. Верхнепалеолитическое и мезолитическое время // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М., Л., 1966.

Османов М. О. О формах и типах скотоводства // СЭ. № 6. 1984.

Османов М. О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX—начале XX века: Автореф. дис. ...-ра ист. наук. М., 1985.

Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1965—1971) Тбилиси, 1975. На груз. яз. Рез. на рус. яз.

Охрименко Г. В., Телегин Д. Я. Новые памятники мезолита и неолита Волини // Археология. Киев, 1982. № 39.

Палеолит СССР / Археология СССР. М., 1984.

Пассек Т. С. Раннеземледельческие (Трипольские) племена Поднестровья // МИА. 1961. № 84.

Пассек Т. С., Черныш Е. К. Неолит Северного Причерноморья // МИА. 1970. № 166.

Пикуль М. И. Отчет о результатах археологических исследований // РФ ИИЯЛ Даг фил. АН СССР, 1957. Ф. 33. Оп. 1. Д. 13.

Пикуль М. И. Раскопки в Южном Дагестане // РФ ИИЯЛ Даг фил. АН СССР, 1961. Ф. 3. Оп. 3. Д. 145.

Пикуль М. И. Раскопки в Южном Дагестане в 1962 г. // РФ ИИЯЛ Даг фил. АН СССР, 1962. Ф. 3. Оп. 3. Д. 161.

Пикуль М. И. Мугерганский могильник // МАД. Махачкала. 1973. Т. 3.

Пиотровский Б. Б. Археологическое изучение древнейшего Закавказья // ВДИ. 1947. № 3.

Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья с древнейших времен до I тыс. до н. э. Л., 1949.

Пиотровский Б. Б. Поселения медного века в Армении // СА. 1949а. № 11.

Пиотровский Б. Б. Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР // Докл. сов. делегации на X Междунар. конгр. историков в Риме. М., 1955. На рус. и англ. яз.

Пиотровский Б. Б. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье // СА. 1955а. № 23.

Пиотровский Б. Б. Закавказье и Древний Восток // Тез. докл. на пленар. заседаниях конф. по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване в 1956 г. М., 1956.

Пицхелаури К. Н. Исследования Кахетской экспедиции // Полевые археологические исследования в 1980 г.: Крат. сообщ. Тбилиси, 1982.

Пицхелаури К. Н. Культура Центрального Закавказья эпохи бронзы и железа // IV Междунар. симпоз. по грузин. искусству. Тбилиси, 1983.

Пицхелаури К. Н., Дедабришвили Ш. Ш. Археологические исследования на ново-

стройках Кахетии // Археологические исследования на новостройках ГССР. Тбилиси, 1976.

Т 2. Погребова М. Н. Ирганайский склеп эпохи бронзы // МАД. Махачкала, 1961.

Т 2. Попова Т. Б. Дольмены станицы Новосвободной // Тр. ГИМ. 1963. Вып. 36.

Пхакадзе Г. Г. Энеолит Квемо-Картли: (Энеолит. памятники Кикети) Тбилиси, 1963. На груз. яз. Рез. на рус. яз.

Рамишвили Р. М. Основные проблемы изучения взаимосвязей между горными и равнинными регионами // ДКПШВГРР (Аннот.) Тбилиси, 1984.

Рогачев А. Н. Палеолитические жилища и поселения // Каменный век на территории СССР. М., 1970.

Русов А. А. Отчет о летних и осенних археологических работах (1880 г.) в Южном Дагестане // В АС: Тр. Предвар. комитетов. М., 1882.

Рустамов Д. Н., Нариманов И. Г. Археологические исследования поселения Тойре-тепе // МСПИАЭИ: Тез. докл. Баку, 1965.

Рыбаков Б. А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА. 1965. № 1.

Рыбаков Б. А. Религия и миропонимание первых земледельцев Юго-Восточной Европы: (IV—III тыс. до н. э.) // Докл. и сообщ. археологов СССР. VII Междунар. конгр. доисториков и протоисториков. М., 1966.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981

Рыжиков В. В. География Чечено-Ингушской АССР Грозный, 1965.

Рындина Н. В. К проблеме классификационного членения культур медно-бронзовой эпохи // ВМУ Сер. 8, История. 1978. № 6.

Рычагов Г. И. Голоценовая история Каспийского моря // История озер и внутренних морей аридной зоны. Л., 1975.

Сайко Э. В., Терехова Н. Н. Становление керамического и металлообрабатывающего производства // Становление производства в эпоху энеолита и бронзы. М., 1981.

Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967

Сарианиди В. И. Новый тип древних погребальных сооружений Южной Туркмении // СА. 1959. № 2.

Сарианиди В. И. Геоксюрский некрополь. (Раскопки 1963 г.) // МИА. 1965. № 130.

Сарианиди В. И. Древняя Бактрия: новые аспекты старой проблемы // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности: (II тыс. до н. э.) М., 1981. Рез. на англ. яз.

Сафронов В. А. Датировка Бородинского клада // Проблемы археологии. Л., 1968. Т 1.

Селимханов И. Р. Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов: (На материале энеолита Азербайджана) Баку, 1960. Рез. на англ. яз.

Селимханов И. Р. К исследованию металлических предметов из энеолитических памятников Азербайджана и Северного Кавказа // СА. 1960а. № 2.

Селимханов И. Р. К использованию первых металлов в древности на территории Азербайджана и Дагестана // ДАН АзССР 1964. № 1. Рез. на азерб. яз.

Селимханов И. Р. Металлургия Закавказья в IV—III тыс. до н. э. // МСПИАЭИ: Тез. докл. Баку, 1965.

Селимханов И. Р., Маршалль Ж. Р. О ранних этапах древней металлургии меди на территории Европы и Кавказа в свете новых понятий и результатов анализа // Доклады и сообщения: VII Междунар. конгр. доисториков и протоисториков М., 1966.

Селимханов И. Р., Торосян Р. М. К определению «энеолита» на территории Закавказья по данным анализа металлических предметов // ИФЖ. 1966. № 1.

Селимханов И. Р., Торосян Р. М. Результаты исследований древнейших металлических предметов в Закавказье // Пленум ИА АН СССР, 1966 г.: Тез. докл. М., 1966а. Ч. 2.

Семенов С. А. Первобытная техника. (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) // МИА. 1957 № 54.

Семенов С. А. Происхождение земледелия. Л., 1974.

Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Элистинский могильник. Элиста, 1971.

- Смирнов А. П. К вопросу об археологической культуре // СА. 1964.
- Смирнов К. Ф. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. // КСИИМК. 1952. Вып. 45.
- Соловьев Л. Н. Неолитические поселения Черноморского побережья Кавказа: Нижне-Шиловское и Кистрик // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967.
- Спицын А. А. Бородинский клад // Сб. в честь граф. П. С. Уваровой. М., 1916. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966.
- Старостин С. А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. М., 1985.
- Столяр А. Д. Мешоко — поселение майкопской культуры: (Предвар. сообщ. о результатах раскопок 1958—1959 гг.) // Тр. Адыг. ИЯЛИЭ. 1961. Т. 2.
- Столяр А. Д. Эволюция формы «натурального макета» в генезисе верхнепалеолитического анимализма // У истоков творчества: Первобыт. искусство. М., 1978.
- Сунчугашев Я. И. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М., 1975.
- Тавадзе Ф. Н., Сакварелидзе Т. Н. Бронзы Древней Грузии. Тбилиси, 1959. Рез. на англ. яз.
- ТД НСАЛ. Махачкала, 1959.
- Телегин Д. Я. Днепро-донецкая культура: До истории населения эпохи неолиту-раннего металла півдня Східної Європи. Київ, 1968. На укр. яз. Рез. на рус и англ. яз.
- Телегин Д. Я. Середньостогівська культура епохи міді. Київ, 1973. На укр. яз. Рез. на рус. и англ. яз.
- Телегин Д. Я. Вопросы хронологии и периодизации неолита Украины // КСИА. 1978. Вып. 153.
- Тереножин А. И. Археологические исследования в 1951 г. на территории строительства Моложанского водохранилища // КСИА. 1952. Вып. 1.
- Толстов С. П. Древний Хорезм: Опыт ист.-археол. исслед. М., 1948.
- Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Торосян Р. М. Некоторые земледельческие орудия неолита — энеолита // ИФЖ. 1971. № 2.
- Торосян Р. М. Раннеземледельческое поселение Техут (IV тыс. до н. э.) Ереван, 1976. На арм. яз. Рез. на рус. яз.
- Тушабрамишвили Д. И. Итоги работ палеолитической экспедиции Квирильского ущелья за 1963—1964 гг // МСПИАЭИ. Тез. докл. Баку, 1965.
- Уваров А. С. Курганы с расчленениями близ Дербента // Тр. V АС в Тифлисе. М., 1887.
- Федоров П. В. О некоторых вопросах голоценовой истории Каспия и Арала // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980.
- Фисенко В. А. Погребальный обряд племен катакомбной культуры Юго-Востока // Археологический сборник. Саратов, 1966.
- Фисенко В. А. Племена катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1967.
- Формозов А. А. О датировке неолитических стоянок Черноморского побережья Кавказа // КСИИМК. Вып. 67. 1957.
- Формозов А. А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
- Формозов А. А. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа: (Материалы к изучению палеолита Юга СССР) // МИА. 1962. № 102.
- Формозов А. А. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе // СА. 1963. № 4.
- Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
- Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству: Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР // МИА. 1969. № 165.
- Формозов А. А. Поселения Адыгеи эпохи раннего металла // СМАА. 1972. Т. 3.
- Формозов А. А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М., 1977.
- Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1980.
- Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1982.

- далилов Д. А., Кесаманлы Г. П. Гяфле-тепелери — поселение эпохи ранней бронзы в Азербайджане // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
- Ханзадян Э. В. Культура Армянского нагорья в III тыс. до н. э. Ереван, 1967. На арм. яз. Рез. на рус. яз.
- Ханзадян Э. В. Раннебронзовое поселение близ села Аревик // СА. 1969. № 4 Рез. на фр. яз.
- Ханзадян Э. В. Элар-Дарани. Ереван, 1979. На арм. яз. Рез. на рус. и нем. яз.
- Ханзадян Э. В., Мкртчян К. А., Парсамян Э. С. Мецамор: (Исслед. по данным раскопок 1965—1966 гг.). Ереван, 1973. На арм. яз. Рез. на рус. и англ. яз.
- Хачатрян Т. С. Древняя культура Ширака: III—I тыс. до н. э. Ереван, 1975.
- Хлопин И. Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита: Опыт ист. анализа. М.; Л., 1964.
- Церетели Л. Д. Мезолитическая культура Причерноморья Кавказа. Тбилиси, 1973. На груз. яз. Рез. на рус. яз.
- Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952.
- Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
- Челидзе Л. М. Орудия труда энеолитического поселения Арухло I // МАГК. Тбилиси, 1979. № 7.
- Челидзе Л. М. Развитие каменной индустрии в эпоху энеолита на территории Восточной Грузии // Человек и окружающая его среда // МАГК. Тбилиси, 1984. № 9.
- Черных Е. Н. Спектральный анализ и изучение древнейшей металлургии Восточной Европы // МИА. 1965. № 129.
- Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы // МИА. 1966. № 132.
- Черных Е. Н. О терминах «металлургический центр», «очаг металлургии» и других // СА. 1967. № 1.
- Черных Е. Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976.
- Черных Е. Н. Об европейской зоне Циркумпонтийской металлургической провинции // Acta Archaeologica Caerathica. Краков. 1977. XVII.
- Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4. Рез. на фр. яз.
- Чеченов И. М. Нальчикская подкурганная гробница: (III тыс. до н. э.). Нальчик, 1973.
- Чиковани Г. Ч. Селища раннеземледельческих культур в предгорьях Арагвского ущелья // ДКППВГРР: (Аннот.). Тбилиси, 1984.
- Чубинишвили Т. Н. Амиранис-Гора: Материалы к древнейшей истории Месхети-Джавахети. Тбилиси, 1963. На груз. яз. Рез. на рус. яз.
- Чубинишвили Т. Н. О взаимоотношениях кавказской («куро-аракской») культуры с переднеазиатской культурой в III тыс. до н. э. Тбилиси, 1964.
- Чубинишвили Т. Н. Древнейшая культура в двуречье Куры и Аракса. Тбилиси, 1965. На груз. яз. Рез. на рус. яз.
- Чубинишвили Т. Н. К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1971. Т. 1.
- Чубинишвили Т. Н., Абдушлишвили М. Г., Векуа А. К. и др. Человек и окружающая его среда. Тбилиси, 1984.
- Чубинишвили Т. Н., Кушнарера К. Х. Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа (V—IV тыс. до н. э.) // ВООН АН ГССР. Тбилиси, 1967. № 6.
- Чубинишвили Т. Н., Небиеридзе Л. Д., Квицинадзе К. Д. Памятники V—IV тыс. до н. э. в Южной Грузии // Пленум ИА АН СССР, 1966 г. М., 1966. Ч. 1.
- Чубинишвили Т. Н., Небиеридзе Л. Д., Пхакадзе Г. Г., Мирцхулава Г. И. Памятники раннеземледельческой культуры (VI—IV тыс. до н. э.) в зоне строительства Арахлинской оросительной системы // Археологические исследования на новостройках ГССР Тбилиси, 1976.
- Чубинишвили Т. Н., Челидзе Л. М. Итоги работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции // ПАИ. 1972. Тбилиси, 1973.
- Чубинишвили Т. Н., Челидзе Л. М. К вопросу о некоторых определяющих признаках раннеземледельческой культуры VI—IV тыс. до н. э. // ИАН ГССР. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусств. 1978. № 1.
- Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
- Шнирельман В. А. Современные концепции происхождения производящего хозяйства // СА. 1978. № 3.

- Шнирельман В. А.** Происхождение скотоводства. М., 1980. Рез. на англ. яз.
Штернберг Л. Фаллический культ // Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. СПб., 1902. Т. 35.
Эльдаров М. М. География Дагестанской АССР Махачкала, 1977.
 Энеолит СССР М., 1982. (Археология СССР)
Эрдниев У. Э. Калмыцкая степь в эпоху катакомбной культуры // Археологические памятники калмыцкой степи. Элиста, 1979.

- Banner J., Bogнар-Kutzian I.** Beiträge zur chronologie der Kupferzeit des Karpatenbeckens // Acta archaeolog. Acad. Scient. Hung. 1961. T XIII.
Braidwood R. J., Braidwood L. S. Excavations in the Plain of Antioch. Chicago, 1960.
Burney C. Eastern Anatolia in the chalcolithic and Early Bronze Age // Anatolian Stud. 1958. VIII.
Burney C., Lang D. M. The peoples of the hills: Ancient Ararat and Caucasus. L., 1971.
Burton-Brown T. Excavations in Azarbaijan, 1948. L., 1951.
Ghirshman R. Fouilles de Sialk près de Kāshan. P., 1938. Vol. I.
Ghirshman R. Fouilles de Sialk près de Kāshan. P., 1939. Vol. II.
Jenny A. Schamiramalti // Praehistorische Zeitschrift. B., 1928. XIX, № 3—4.
Machnik J. Ze studiow nad związkami Kaukazu z obszarami Karpackimi w Początku epoki brązu // Archeologia Polski. 1972. T XVIII, z. I.
Mellaart J. Anatolian Chronology in the Early and Middle Bronze Age // Anatolian Stud. 1957 VII.
Mellaart J. Earliest civilizations of the Near East. L., 1965.
Mellart J. The Chalcolithic and Early Bronze Ages in the Near East and Anatolia. Beirut, 1966.
Müller W. Troja. Leipzig, 1971.
Rëilly E. B. Tilkitepedeki ilk Kozilar // Turk Tarih Arheologiya ve Etnografia Der-gisi. Ankara, 1940. IV.
Schaeffer Cl. F. A. Stratigraphie Comparee et Chronologie de l'Asie Occidentale. Oxford, 1948.
Schliemann H. Hios: Ville et pays des Troyens. P., 1885.
Schmidt E. Tepe-Hissar excavations, 1931 // Museum Journ. 1933. Vol. XXIII.
Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar. Philadelphia, 1937.
Tobler A. Excavations at Tepe Gawra. Philadelphia, 1950. Vol. II.
Woolley L. Ur Excavations. N. Y., 1934. Vol. II.

**Электронная библиотека
 Института истории,
 археологии и этнографии
 Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия;
 АС — Археологический съезд;
 БАН — Болгарская Академия Наук;
 ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии;
 ВГО — Всесоюзное географическое общество;
 ВДИ — Вестник древней истории;
 ВМУ — Вестник Московского университета;
 ВООН АН ГССР — Вестник Отделения общественных наук Академии наук Грузинской ССР;
 ДАН АзССР — Доклады Академии наук Азербайджанской ССР;
 ДКППВГРР — Душетская конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами;
 ИА АН СССР — Институт археологии АН СССР;
 ИАН ГССР — Известия АН Грузинской ССР;
 ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры;
 ИИАЭ АН ГССР — Институт истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР;
 ИИМК АН СССР — Институт истории материальной культуры АН СССР;
 ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР;
 ИФЖ — Историко-филологический журнал;
 КАЭ — Кахетская археологическая экспедиция;
 КГПИ — Куйбышевский государственный педагогический институт.
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР;
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР;
 КТД — Краткие тезисы докладов;
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии;
 МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа;
 МАД — Материалы по археологии Дагестана;
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР;
 МИГК — Материалы по истории Грузии и Кавказа;
 МКА — Материальная культура Азербайджана;
 МСПИАЭИ — Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г в СССР;
 МСПИЭИД — Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане;
 НСПИЭИ — Научная сессия, посвященная итогам экспедиционных исследований. Махачкала;
 ПАИ — Полевые археологические исследования;
 РФ ИИЯЛ — Рукописный фонд Института истории, языка и литературы;
 СА — Советская археология;
 САИ — Свод археологических источников;
 САН ГССР — Сообщения АН Грузинской ССР;
 СМАА — Сборник материалов по археологии Адыгеи;
 СЭ — Советская этнография;
 ТД ВНК — Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции;
 ТДК — Тезисы докладов конференции;
 ТД НСАД — Тезисы докладов на научной сессии Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана;
 ТД СПИПАИ — Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований;
 ТД СПИПАЭИ — Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований;
 Тр. Адыг ИЯЛИЭ — Труды Адыгейского института языка, литературы, истории и экономики.
 Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея;
 Тр. ДСХИ — Труды Дагестанского сельскохозяйственного института;
 Тр. КАЭ — Труды Кахетской археологической экспедиции;
 ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции;
 УЗ ИИЯЛ — Ученые записки Института истории, языка и литературы;
 УСА — Успехи среднеазиатской археологии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I.	
ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР	7
1. Северо-Восточный Кавказ как географическая и этнокультурная область	7
2. История изучения раннеземледельческой культуры Северо-Восточного Кавказа	20
Глава II.	
ЭНЕОЛИТ ГОРНОГО ДАГЕСТАНА	28
1. Об энеолите Кавказа и его критериях	28
2. Памятники культуры энеолита горного Дагестана	34
3. Хозяйственно-бытовой инвентарь	44
Каменные индустрии	44
Костяные изделия	61
Керамика	64
4. Основы хозяйства энеолитического населения горного Дагестана	79
5. Культура энеолита горного Дагестана в системе палеометаллических культур Кавказа	87
Глава III.	
ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРНОГО ДАГЕСТАНА	110
Глава IV.	
СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ В ЭПОХУ РАННЕЙ БРОНЗЫ.	127
1. Периодизация памятников	127
Стратиграфия прикаспийских поселений	129
Периодизация памятников горного Дагестана	140
2. Поселения и жилища. Погребальные сооружения	151
Поселения и жилища горного Дагестана	151
Поселения и жилища в Приморской низменности	163
Погребальные сооружения	168
К истории древнейшей архитектуры Северо-Восточного Кавказа	171
3. Земледельческо-скотоводческое хозяйство и древние производства	177
Земледелие и скотоводство	177
Древние производства	180
Обработка камня	181
Металлообработка	190
Керамическое производство	201
Глава V.	
НЕКОТОРЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПЛЕМЕН СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА	215
Глава VI.	
ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА	220
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	242
ЛИТЕРАТУРА	245
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	263

Опечатки и исправления

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
11	24 св.	Пирикательская	Пирикительская
17	5 св.	неолиту	палеолиту
25	24 св.	освоенной	поздно освоенной
28	23 сн.	проблемы	пробелы
43	16 сн.	скотоводстве. Сдни группы	скотоводстве, из кото- рых сдни
43	18 сн.	уже	вряд ли
60	16 св.	23	3
105	7 сн.	Толкитепе	Тилкитепе
106	10, 14 св.	середины третьей	середины - третьей
114	25 св.	Эльбурса	Эльбурса
128	подпись под рис. 20, 3 св.	6 - Сигитма	6 - Харбуздук II; 7 - Зандак; 8 - Калининаул; 9 - Сигитма
128	4 св.	14 - Чирката; 17 - Анди	14 - Анди; 17 - Чирката
136	подпись под рис. 27	эпохи	эпохи ранней бронзы
138	рис. 28	ранний этап	ранний этап поздний этап
150	8 сн.	II тыс.	III тыс.
198- 199	Таблица 8, первый справа столбец	25 27 28 38 37 24 438 23 311 436 437 435 42 26 39 310 433 41 312 313 46 428 425 421 438 420	61, 20 61, 19 61, 18 61, 13 61, 11 61, 14 34, 11 61, 15 61, 9 - - 61, 4 34, 12 61, 17 61, 16 31, 5 61, 3 61, 2 - - - - - - -
199	Таблица 9	46 428 425 421 438 420	- - - - - -
212	5 сн.	определенных	определяющих
213	12 сн.	экономические	экологические
217	2 св.	образцов	образов
245	13 св.	Абуллаев	Абибуллаев